

Александр Рупасов, Александр Чистиков

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ГРАНИЦА. 1918–1938 гг. Очерки истории

Alexandr Rupasov, Alexandr Tchistikov

SNTL:n ja Suomen raja. 1918-1938

Historiallisia esityksiä

Рупасов Александр Иванович — ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, доктор исторических наук. Сфера научных интересов: международные отношения, история государств Скандинавии и Балтии.

Автор свыше 200 научных и научно-популярных работ.

Чистиков Александр Николаевич — заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, доктор исторических наук. Сфера научных интересов: социальная и политическая история советского общества.

Автор свыше 200 научных и научно-популярных работ.

**Александр Рупасов
Александр Чистиков**

**СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ
ГРАНИЦА**

1918–1938 гг.

Очерки истории

Санкт-Петербург

УДК 94(480)+94(47).084

ББК 63.3(2)61

Р 86

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. — Санкт-Петербург : Издательство «Аврора», 2016. — 240 с. — 18 илл.

ISBN 978-5-7300-924-0

Получение Финляндией в конце 1917 г. независимости делало актуальной проблемой демаркацию советско-финляндской границы. Этот процесс затянулся почти на два десятилетия. Обоюдная подозрительность, порожденная событиями 1917–1922 гг., подпитанная, с одной стороны, подъемом радикальных настроений в Финляндии в конце 1920-х — начале 1930-х гг., а с другой — деятельностью Коминтерна, способствовала превращению приграничья в территорию нестабильности.

В книге рассматриваются не только проблемы, связанные с демаркацией границы после подписания мирного договора 1920 г., но также многосторонние переговоры о границах таможенного контроля в Финском заливе, борьба с контрабандой и шпионажем, история общества «Зимфин», занимавшегося защитой собственности советских граждан в Финляндии и другие.

ISBN 978-5-7300-924-0

© А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков, текст, 2016

© Издательство «Аврора», издание, 2016

Предисловие

Для современников подписание по окончании русско-шведской войны 1808–1809 гг. Фридрихсгамского мирного договора (5/17 сентября 1809 г.) с точки зрения оценки безопасности Российской империи на северо-западе, безусловно, было одним из важнейших событий. Оценивая его значение А. Н. Анненский писал в середине XIX в.: «Мир 1809 г. устранил неудобство, бывшее следствием близости шведских границ от столицы <...> Влияние Швеции теперь уже не может быть таким опасным для нас как было прежде; военные действия их в Финляндии не могут иметь особенно важного значения; напротив того, Россия, присоединением Аландских островов, приобрела <...> значительное влияние относительно Швеции». По его мнению, «выгоды присоединения Финляндии к владениям российским» заключались отнюдь не в увеличении доходов государства, не «в способности обитателей ее к образованию из них отличных матросов и егерей». «Главнейшая польза в присоединении Финляндии к России, — полагал Анненский, — заключается единственно в удалении пределов государства на дальнейшее расстояние от столицы, в лучшем округлении границ, в обладании почти всем Восточным берегом Балтийского моря и его заливов и потому в большей свободе действий, как на сухом пути, так и на море, в случае военных действий с соседственными державами и, наконец, в том, что присоединением Аландских и частью Кваркенских островов, Россия значительно приблизила свои владения к шведской столице»¹.

В отличие от этой носящей общеполитический характер оценки Анненского, в составленном в 1870-х гг. «Описании Финляндского военного округа» Великое княжество рассматривалось исключительно с точки зрения превращения его в возможный театр военных действий. Подчеркивалось, что в Финляндии «оборона имеет чрезвычайно много шансов, в сравнении с наступлением; наступающему же топографические свойства местности страны представляют лишь следующие выгоды: закрытый подступ к позициям обороняющегося, равно как и возможность скрытно производить обходы <...>

¹ Анненский А. Н. Очерк главнейших военных соображений с кратким военно-географическим взглядом на западные границы России и в особенности Финляндии. СПб.: Типография К. Жернакова, 1845. С. 100, 107.

Взвешивая все препятствия, которые необходимо преодолеть неприятелю, и принимая в соображение те громадные средства, которые он должен употребить для производства большого десанта и подвоза продовольствия при движении во внутрь страны, следует придти к заключению, что Финляндия вряд ли может сделаться первостепенным театром военных действий». При этом возможность превращения побережья Ботнического залива в театр военных действий считалась минимальной — только в случае войны со Швецией, «тогда как при большой против нас коалиции, важнейшей частью территории Финляндии следует признать юго-восточное побережье, где однако топографические свойства местности гораздо менее благоприятны для ведения войны большими силами». Что касается береговой полосы от Выборга до границы Петербургской губернии, то подчеркивалось, что эта местность «весьма пересеченная, обильная лесами, озерами и болотами», по которой «движение войск может производиться лишь по дорогам, а для развития действий сомкнутыми массами могут служить лишь небольшое число пашен, лугов и высушенных болот»². Коротко говоря, присоединение Финляндии к России с военной точки зрения рассматривалось как фактор, способствовавший большей безопасности северо-запада империи (и особенно ее столицы).

На российско-шведских мирных переговорах в Фридриксгаме при рассмотрении вопросов о прохождении границы договаривающиеся стороны, естественно, касались исключительно границы Финляндии со Швецией. Граница Финляндии с Норвегией, принадлежавшей тогда Дании, по понятным причинам не являлась предметом обсуждения³. Собственно работы по

² Военное обозрение Финляндского военного округа / Под ред. г.-м. А. А. Гагемейстера. Гельсингфорс, 1876. 748 с. С. 207–208.

³ *Osmonsalo, Erkki K. Suomen rajapolitiikka Venäjän vallan aikana. Osa 1. Ruotsin-vaistaista rajaa koskevat kysymykset 1809–1824.* Helsinki, 1932. S. 9. Русско-норвежские переговоры о границе начались в г. Кола в июле 1825 г. Русско-норвежская граница была окончательно установлена разграничением 1826 г. Как с русской стороны, так и с норвежской не были довольны достигнутым результатом. Главу российской делегации Валериана Галямина обвиняли в нерадивости и небрежности, а также излишних территориальных уступках («причем вследствие каких-то до сих пор темных обстоятельств [граница] не достигла Варангер-фиорда и повернула к югу, не дойдя до него всего 2 ½ миль». (Финляндия с показанием государственных границ России и Швеции в разное время и Выборгская губерния. Карты с объяснительной к ним запиской. СПб.: Государственная типография, 1909. С. 6). Членов норвежской делегации — полковника Хендрика Спёрка и майора Фредерика Мейлендера — в недостаточном отстаивании норвежских интересов, хотя в действительности к Норвегии отошли более значимые в экономическом отношении территории. (*Maria Lähteenmäki. The Peoples of Lapland. Boundary Demarcations and Interaction in the North Calotte from 1809 to 1889.* Vaajakoski, 2006. S. 224–225).

демаркации шведско-русского (финляндского) участка границы⁴ начались только летом 1810 г. Тогда в июле месяце шведские и русские комиссары прибыли в Торнео для достижения договоренности о начале работ по проведению линии границы на местности. В начале августа прибывшие к границе с Норвегией уполномоченные русского и шведского правительств начали работы по установлению первых пограничных столбов. Работы продвигались достаточно быстро⁵.

Если в дальнейшем проведенная здесь пограничная линия не порождала каких-либо особых проблем, то иначе дело сложилось с прохождением водной границы в Ботническом заливе. К концу XIX столетия шведско-русская граница в Ботническом заливе превратилась в одну из проблем международного права. При определении международно-правового статуса Ботники ведущие правоведы конца XIX–начала XX вв. придерживались различных точек зрения. Так, например, профессор Роберт Херманссон полагал, что Ботнический залив нельзя было, скорее всего, считать открытым морем. Позже, правда, он изменил свою точку зрения, придя к выводу, что положения Фридриксгамского мирного договора не могут быть истолкованы таким образом, что эта водная территория является морем, которое в соответствии с принципами международного права следует считать открытым морем, и по этой причине ее (т.е. эту водную территорию) на основе договора можно было разделить между прибрежными государствами, т.е. между Россией и Швецией. Подобного же мнения придерживался позже Л. Сталь фон Хольстейн. Он считал, что проведенная на основе договора демаркация границы приводит неизбежно приводит к выводу, что водная территория к северу от Аландов могла рассматриваться договаривавшимися сторонами как закрытое шведско-русское море. Вместе с тем, он обращал внимание на то, что подобная точка зрения не разделялась великими державами, что и дало о себе знать в 1908 г., когда стала дискутироваться тема договора о статус кво Балтийского моря. Кроме того, такие правоведы, как Рафаэль Эрих (после получения Финляндией независимости ставший ее представителем в Лиге наций) и С. Р. Бьёркстен не считали положения договора 1809 г. основой для вывода, что имелось в виду разделение Ботнического залива между Россией и Швецией. К. А. Рейтершельд, в свою очередь, полагал, что хотя Ботнический залив изначально и являлся территорией Швецией и представлял собой закрытое море, но после заключения договора утратил этот статус и стал открытым морем. Финский историк Эрки Осмонсало, касаясь этой проблематики, склонялся к выводу, что поскольку в эпоху, когда был заключен мирный договор, идея Балтийского моря

⁴ По Фридриксгамскому миру к России отошла также часть Вестерботнии и Аландские острова, не являвшиеся составной частью герцогства Финляндского.

⁵ *Osmonsalo, Erkki K. Suomen rajapolitiikka Venäjän vallan aikana. Osa 1. 70, 79.*

как *mare clausum* была жива и в конце XVIII в. даже предлагалась для рассмотрения российской дипломатией Швеции, а последней отклонялась под предлогом трудностей исключительно практического осуществления, то заключение мира никак не могло сказаться на превращении Ботники из закрытого моря в открытое.

Во-вторых, по Фридриксгамскому миру к России отошли некоторые районы Вестерботнии, не являвшейся составной частью герцогства Финляндского. В Высочайшем объявлении от 2/14 ноября 1809 г. о подчинении Вестерботнии Улеборгскому ландсгевдингу (губернатору) указывалось, что «вместе с прежнею шведскою частью Великого Княжества Финляндского присоединена к Российской империи также часть Вестерботнии». Данная формулировка в российской литературе иногда трактовалась как доказательство того, что Александр I не создавал «Финляндского государства», «состоящего в униональных отношениях к России, а на точном основании Фридриксгамского трактата инкорпорировал новые завоевания в состав Российской империи».

В-третьих, присоединение Аландов, являвшихся ранее не частью Герцогства Финляндского, а собственно королевства Швеция, и включение их в состав Великого княжества стало более чем столетие спустя камнем преткновения между Финляндией и Швецией, во многом осложнившим решение некоторых региональных проблем накануне Второй мировой войны.

Административная граница Великого княжества Финляндского с прилегающими к нему собственно российскими губерниями претерпела серьезные изменения через два года после подписания Фридриксгамского договора.

В самом начале русско-шведской войны 1808–1809 гг. с идеей воссоединения Финляндской губернии (т.н. Старой Финляндии) с Финляндией (Новой Финляндией), после завоевания последней Россией, выступил генерал Г. М. Спренгтпортен⁶, полагавший, что именно этим будет обеспечена лояльность финляндцев империи. В очередной раз эта тема стала предметом обсуждения в 1810 г. Тогда в Петербург прибыла финляндская депутация, хлопотавшая о сохранении за финскими офицерами их прежних бустелей⁷. На аудиенции у императора возглавлявший делегацию генерал-майор Й. Ф. Аминов позволил себе заметить, что если этого объединения не произойдет, то луч-

⁶ Спренгпортен, Георг-Магнус (1741–1819) — граф, на русской службе с 1786 г., за участие в т.н. Аньяльской конфедерации был заочно приговорен шведским судом к смертной казни, при Павле I получил звание генерала от инфантерии, генерал-губернатор Финляндии (1808–1809). В 1786 г., находясь недолгое время на службе в голландской армии, он передал российскому послу проект создания финляндской республики.

⁷ Недвижимость (в том числе земельные наделы), предоставлявшаяся короной офицерам шведской армии на время службы и служащая заменой денежных выплат.

шая часть нации «очутится в таком же жалком положении, как и Выборгская губерния». Возможно, генерал был искренен в своих словах. Однако, будучи человеком военным, он не мог не понимать, что реализация подобного предложения неизбежно значительно повышала политическое значение Финляндии и, тем самым, создавала предпосылки для получения Великим княжеством особого политического статуса в империи со всеми вытекающими из этого последствиями, а в последствии вынуждала бы центральную власть с неизменным вниманием относиться к настроениям финляндской политической элиты. О желательности достижения особого статуса ради обеспечения возможно большей самостоятельности, значения и силы Финляндии в составе империи писал Аминову перед поездкой последнего в Петербург еще не успевший принять к тому времени российского подданства шведский генерал Г. М. Армфельт⁸. Именно он проявил исключительную настойчивость в отстаивании идеи объединения Выборгской губернии и Новой Финляндии. Весной 1811 г. он вторично посетил российскую столицу. Приглашение известного своими антинаполеоновскими взглядами и проектами разных антифранцузских союзов, а также знанием собственно финляндских дел Армфельта в Петербург было обусловлено в первую очередь заинтересованностью российской стороны в выяснении предпосылок, гарантирующих, по крайней мере, нейтралитет Швеции в случае войны с Францией и спокойствие финляндцев.

В середине мая 1811 г. Армфельт несколько раз рискнул поднять тему объединения Старой и Новой Финляндии в беседах с императором. Эту же цель он ставил перед собой, когда осенью вторично приехал в российскую столицу. В середине октября он писал жене: «Сегодня начал я мою большую работу по соединению вновь обеих Финляндий, и если мне посчастливится исполнить ее, то я пожну великое удовлетворение и как человек с сердцем, и как гражданин». 5 ноября, в одном из своих писем, поясняя задачу, которую он ставил перед собой, Армфельт особо подчеркивал: «Это действительно великое дело, и для человечества немалый успех потому, что несчастные существа в старой Финляндии могут надеяться, что они опять увидят гражданское существование и выйдут из своего скотского состояния»⁹. Армфельт из бесед с императором Александром I вынес четкое представление, что монарх озабочен усилением политических позиций России в Финляндии для обеспечения лояльности населения Великого княжества в случае войны. Сложная для России внешнеполитическая ситуация позволяла Армфельту добиваться успеха в решении всего спектра финляндских проблем, используя в качестве

⁸ Армфельт Густав Мориц (1757–1814) — шведский генерал, в 1811 г., после перехода в российское подданство (1810 г.), был лишен в Швеции всех привилегий.

⁹ Абов Г. А. Густав-Мориц Армфельт и его русско-финские отношения. СПб., 1901. С. 84.

исходного тезиса неизбежность войны России с Францией¹⁰. Армфельт составил несколько памятных записок по упомянутому вопросу. В одной из них («Réflexions sur la Réunion de l'Ancienne et de la Nouvelle Finlande») он подчеркивал, что для полноты счастья финляндцев после присоединения к России недоставало лишь одного: «... народ смотрит на своих братьев по другую сторону реки Кюмени и стремится братски обнять их, он хочет, чтобы и они наслаждались тем счастьем, которое несут с собой свободная конституция, справедливость и гуманные законы».

Скорее всего, именно эта записка и была внесена на рассмотрение Государственного совета Российской империи. Среди сторонников Армфельта далеко не все поддерживали его стремление добиться скорейшего воссоединения Старой и Новой Финляндии. Член комитета по финляндским делам барон Р. Х. Ребиндер¹¹ заявлял, что «Выборгская губерния — тот утес, о который разобьется независимость Финляндии»¹². Проект манифеста о воссоединении Старой и Новой Финляндии рассматривался Государственным советом дважды: 28 ноября и 4 декабря 1811 г. На последнем заседании проект манифеста был одобрен. Спустя неделю — 11 декабря — последовало два высочайших манифеста о присоединении Финляндской губернии к Великому княжеству Финляндскому и ее новом наименовании Выборгской губернией. Армфельт поспешил приписать себе заслугу случившегося. «После труднейшей борьбы я одержал славную и для человечества, и для Финляндии крайне полезную победу», — писал он Фр. Шернвалю¹³.

По прошествии всего четырех месяцев граница на Карельском перешейке вновь претерпела изменения: Сестрорецкий завод и прилегающая к нему территория в апреле 1812 г. были присоединены к Выборгской губернии. Формально прохождение линии административной границы Великого княжества было окончательно закреплено лишь указом императора Николая I от 29 июля 1833 г. Последующие изменения ее линии были незначительными. Так, 1 февраля 1864 г. Сестрорецкий завод и прилегающая к нему террито-

¹⁰ Весной 1810 г., проектируя создание антинаполеоновской коалиции, Армфельт исходил из желательности создания независимого финляндского государства, имеющего гарантии своей независимости со стороны Англии. Тогда его предложение не нашло понимания в Лондоне (*Tommila Päiviö. La Finlande dans la politique européenne en 1809–1815. Helsinki, 1962. P. 234–235*).

¹¹ Роберт Хенрик Ребиндер (1777–1841) — в 1811–1826 гг. статс-секретарь Комитета по финляндским делам.

¹² Позже, в 1826 г. Ребиндер представит записку с обоснованием желательности возвращения в состав собственно России трех уездов Выборгской губернии (*Абов Г. А. Густав-Мориц Армфельт и его русско-финские отношения. С. 82*).

¹³ *Абов Г. А. Густав-Мориц Армфельт и его русско-финские отношения. С. 9.*

рия были переданы из состава Выборгской губернии в состав Петербургской губернии.

Рутинная работа по «проверке» границы — т.е. расчистка ее от разраставшегося леса, восстановление приходивших в негодность пограничных знаков — проводилась на разных участках границы с разной периодичностью, как правило, такие проверки осуществлялись примерно раз в 10 лет, но иногда проводились и через несколько десятков лет. До получения независимости Финляндией линия прохождения границы проверялась последний раз в 1910 г. На Карельском перешейке были при этом проведены работы по расчистке границы, были установлены несколько новых пограничных столбов и исправлены старые, сделано описание всех без исключения пограничных столбов. Только в отношении части границы у р. Сестры, в связи с изменением ее русла, были осуществлены некоторые изменения в прохождении линии границы¹⁴. В своих работах представители российской и финляндской сторон руководствовались составленной в 1897 г. картой масштаба 1:8000.

Проверка граница от Ладожского озера до межевого знака у Корватунтури в том же 1910 г. была проведена следующим образом: одна комиссия обследовала границу между Выборгской и Куопиской губерниями, с одной стороны, и Олонецкой губернией, с другой, а вторая комиссия — между губерниями Оулу и Архангельской. Противоречий при проверке этой части границы не возникло, она считалась сторонами бесспорной. Большинство карт, которыми располагали в начале 1920-х гг. советская и финляндская стороны по этому участку границы, были составлены в 1839–1840 гг. В их распоряжении было также описание межевых знаков, сделанное в 1861 г.

После получения Финляндией независимости ее властями были предприняты меры по проведению масштабных топографических работ. Помимо Межевого ведомства в эту работу, что вполне понятно, активно включился и генеральный штаб. В его составе был создан специальный топографический

¹⁴ По результатам работы у участка Сестрорецкого канала были установлены межевые знаки, послужившие впоследствии основанием для возникновения коллизии в истолковании советской и финляндской сторонами точной линии прохождения границы. Осуществлявший в качестве «откомандированного правительством Финляндии землемера» старший инженер-землемер Аксель Гольмстрем был вынужден пояснить в 1926 г., что «подлежащие власти как Финляндии, так и России понимали дело в том смысле, что граница в водных системах всегда проходит в середине между обеими береговыми линиями». «То обстоятельство, что знаки для обозначения места границы были и у канала сооружены на финляндском берегу, вызван тем, что назначенные для проверки власти занимались в течение всего времени проверки на финляндской стороне» (Приложение к записке А. Ахонена «О границе между Финляндией и Союзом Советских Социалистических Республик около района Сестрорецкого оружейного завода», март 1926 г. (КА. 12 G2:1)).

отдел и учреждены топографические курсы во главе с подполковником Хуго Лёфгренем, ранее служившим в одной из топографических частей российской армии. С начала 1920-х гг. в финской армии стали использовать устанавливаемую на самолетах специальную оптику для картографирования местности. Особенно ратовал за развитие этого направления в картографии инспектор артиллерии полковник Вильхо Ненонен, несмотря на скептическое отношение к этому делу со стороны других высоких военных чинов¹⁵.

Изначально граница Великого княжества с прилегающими российскими губерниями представляла собой нечто большее, чем, например, административные границы прибалтийских губерний. Свою роль сыграло то обстоятельство, что упомянутые последними были инкорпорированы в состав Российской империи намного раньше и в результате оказались намного теснее связаны с ней экономически. Российские торгово-промышленные круги в XIX столетии чрезвычайно активно инвестировали свои капиталы в развитие инфраструктуры и экономики Прибалтийского края. Несмотря на желание немецкого дворянства и верхушки бюргерства крупнейших городов Эстляндии, Курляндии, Лифляндии сохранить свои привилегии, они, тем не менее, были гораздо теснее связанными с российской системой управления, чем дворянство и бюргерство Великого княжества. Стремление высших социальных слоев Финляндии — прежде всего шведскоязычного дворянства и бюрократии — к сохранению возможно большей самостоятельности Великого княжества во многом обуславливалось опасениями утраты своего положения, для чего после его присоединения к России, действительно, имелись объективные предпосылки. В конце концов это привело к тому, что административная граница стала разделять два довольно отличных друг от друга мира. Особость положения Великого княжества к рубежу XIX–XX вв. стала восприниматься в России как данность, вызывавшая у одних желание исправить сложившееся положение вещей, поскольку его сохранение расценивалось как потенциально опасное для будущего империи, у других — стремление воспользоваться возможностями, предоставлявшимися на территории княжества для ведения политической борьбы с царизмом. Зыбкость связи Финляндии с Империей как бы подчеркивалась тем, что построенная еще в 1870-х гг. железная дорога из Гельсингфорса до Петербурга обрывалась на рабочей окраине столицы — Петроградской стороне; потребовалось более четырех десятилетий, чтобы она оказалась подсоединенной к общероссийской сети дорог.

Особую озабоченность внешние границы Великого княжества Финляндского стали вызывать у центральной власти в годы Первой мировой войны. Интерес для германской разведки представляла граница княжества со Шве-

¹⁵ *Jyri Paulaharju. Sotilaskartoitus Suomessa vuosina 1918–1940 // Sotahistoriallinen aikakauskirja. 1989. Т. 8. S. 54–55.*

цией. В целях ведения шпионажа и поддержания сепаратистских настроений в Финляндии к лету 1915 г. при поддержке германских дипломатов в Хаапаранге (Швеция) был создан этап, которым фактически руководил подданный Великого княжества, житель Выборга, немец по происхождению Вильгельм Дам. Германскую сторону интересовали осуществлявшиеся с территории Норвегии в Россию перевозки военных грузов (на лошадях из Скиботн вдоль Муонио и Торнийоки в Рованиеми и Торнио, откуда грузы доставлялись в Петроград уже по железной дороге) и, соответственно, возможности организации диверсий, а также вербовка будущих егерей финскими активистами. Кроме того, германская сторона для решения своих задач стремилась установить контакты с отвечавшими за перевозки в Канталахти, Рованиеми и Куолаярви финнами. Несмотря на то что в расположенном близ шведской границы Торнио службу несло большое число полицейских и пограничных стражников, но вдоль р. Торнийоки сплошного контроля обеспечить властям не удалось из-за их малочисленности. Последних вполне обоснованно подозревали как в небескорыстном сотрудничестве с контрабандистами, так и в оказании помощи беглым военнопленным (за плату). Кроме того, между русскими и финскими полицейскими не наблюдалось взаимного доверия¹⁶.

События 1917 г. не только позволили Финляндии добиться независимости и, тем самым, превратили административную границу в государственную. Соседями оказались два более чем неблагоприятно настроенные друг к другу мира. Граница оказалась той, пусть и весьма непрочной стеной, которая хотя бы отчасти служила напоминанием о желательности ограничения амбиций. О зыбкости отношений двух государств на протяжении двух межвоенных десятилетий напоминал железнодорожный мост за станцией Белоостров через р. Сестру, по которому с черепашьей скоростью пропускались не слишком частые составы. Советская половина моста была выкрашена в красный цвет, финская — в белый. Издали могло казаться, что такая раскраска таит в себе намек на легкость разрыва.

Тема Границы необычайно многолика. Претендовать на ее всестороннее раскрытие мы не можем хотя бы силу доступности требующихся для этого материалов. В предлагаемое читателю переиздание книги (в 2000 г. она вышла под названием «Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг.») внесен ряд существенных дополнений и изменений.

¹⁶ Подробнее см.: *Matti Lackman. Suomen vai Saksan puolesta? Jääkäriliikkeen ja jääkäripataljoona 27: n (1915–1918) synty, luonne, mielialojen vaihteluita ja sisäisiä kriisejä sekä niiden heijastuksia itsenäisen Suomen ensi vuosiin saakka.* Helsinki: Otava, 2000. S. 152–184; *Matti Lackman. Sotavankien pako. Muurmannin ratatyömaalta 1915–1918.* Saarij ärvi: Soumalaisen Kirjallisuuden Seura, 2012.

Мы признательны сотрудникам Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге, Архива внешней политики Российской Федерации, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Санкт-Петербургского государственного архива кино, фото, фоно документов, Национального архива Финляндии и Архива МИД Финляндии за доброжелательное отношение и помощь при подготовке данной работы.

Мы искренне признательны арт-директору издательства «Аврора» Юлианне Юрьевне Черемской за помощь в издании книги.

ГРАНИЦА: ГОД 1918-й

В Российской империи между великорусскими губерниями и Великим княжеством Финляндским существовала внутренняя граница. Казалось, что с падением царского режима в марте 1917 г. ее стабильность вряд ли будет поколеблена. Однако с начала 1918 г. на протяжении нескольких лет в отношениях между приобретшим независимость Финляндским государством и большевистской Советской Россией пограничный вопрос был одним из основных и сложных. Финские политики настойчиво заговорили о выполнении Россией обещания, данного еще императором Александром II, — о передаче Финляндии Печенги (Петсамо). Кроме того, активизировалось движение за присоединение к молодому государству Восточной Карелии. В свою очередь, большевики были недовольны поступком другого российского императора — Александра I, который передал Великому княжеству Финляндскому Выборгскую губернию, тем самым приблизив границу к Петрограду. В условиях существования двух независимых государств с различным политическим строем этот «жест» приобретал совсем иное значение.

Первый шаг к решению проблем демаркации государственной границы стороны предприняли на рубеже 1917–1918 гг. ВЦИК России 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г. н.ст.) постановил «по соглашению с финляндским правительством и представителями финляндского рабочего класса» образовать Особую комиссию для решения «практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России», в том числе и пограничных вопросов¹. Сейм Финляндии делегировал для работы в ней Ю. К. Паасикиви, Л. К. Крогиуса, Л. Эрнрута, О. Сивена, Э. Валпас-Хяннинена, О. Токоя, Э. Хуттунена². Военным советником являлся полковник К. В. Б. Юлленбогель. Именно он подготовил к 28 января 1918 г. меморандум по пограничному вопросу, в котором предусматривалась возможность уступки России на Карельском перешейке территорий к югу от 60° 25' с.ш. за соответствующие компенсации на востоке — в Восточной Карелии³.

¹ Цит. по: И. И. Сюкияйнен. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 155.

² Кетولا Э. Русская революция и независимость Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 302–303.

³ Kimmo Ikonen. J. K. Paasikiven poliittinen toiminta Suomen itsenäistymisen murrosvaiheessa. Helsinki, 1990. S. 151.

Состав российских делегатов в Особой комиссии неизвестен. Правда, в воспоминаниях бывшего директора департамента Министерства иностранных дел В. Б. Лопухина приведены фамилии экспертов, готовивших проект договора Советской республики с Финляндией. В возглавляемую М. Д. Зориним группу вошли бывшие министры: юстиции — С. С. Манухин, иностранных дел — Н. Н. Покровский, торговли — В. И. Тимирязев, ряд других высокопоставленных чиновников. Эксперты почти довели дело до конца, когда их распустили, по мнению В. Б. Лопухина, из-за «вельможного состава» группы⁴. Финский историк Э. Кетола высказал предположение, что правительство Ленина специально оттягивало начало работ комиссии⁵, надеясь, по-видимому, на скорую социалистическую революцию в Финляндии. Возможно, объяснение стоит искать в иной плоскости. Для деятельности советских органов в тот период была характерна полная организационная неразбериха, обусловленная как кадровыми перетрясками, так и нескончаемым процессом структурных преобразований. Установлению диалога с финляндским сенатом определенно помешала начавшаяся в Финляндии в конце января 1918 г. гражданская война.

Не все политические силы Финляндии рассматривали путь переговоров как единственно возможный способ изменения государственной границы. Еще в январе 1918 г. финнами были предприняты попытки захвата отдельных населенных пунктов в Восточной Карелии. А уже в середине марта отрядам капитана К. М. Валлениуса, подполковника К. В. Мальма, докторов Торстена Ренвалля и Онни Лайтинена, а также подполковника В. Хэгглунда главнокомандующим белой армией были поставлены задачи по занятию ряда территорий за восточной границей бывшего Великого Княжества. Отряд Валлениуса, продвинувшись на несколько километров, был отброшен обратно Мурманским легионом, а отряду под командованием Мальма удалось закрепиться в Ухте, которую он удерживал до октября 1918 г.⁶

К решению территориальных проблем в отношениях с Советской Россией сенат в Вааса и Совет Народных Уполномоченных в Гельсингфорсе подходили с принципиально разных позиций⁷. В среде сторонников сената, воз-

⁴ Лопухин В. Б. После 25 октября // Минувшее. М., 1990. Т. 1. С. 41. Хотя эта часть воспоминаний помещена между абзацами о переезде большевистского правительства в Москву (10 марта 1918 г.) и заключением мира с Германией (3 марта 1918 г.), вслед за публикатором мы относим работу экспертов к готовящимся переговорам между Советской Россией и буржуазной Финляндией в начале 1918 г., а не к переговорам между Россией и правительством рабочей Финляндии (февраль 1918 г.). В последних переговорах участвовали другие эксперты.

⁵ Кетола Э. Русская революция и независимость Финляндии ... С. 303.

⁶ Reino Arimo. Saksalaisten sotilaallinen toiminta Suomessa. Jyväskylä, 1991. S. 87.

⁷ Еще в начале декабря 1917 г. наибольшие территориальные притязания к России высказывали депутаты сейма от Аграрного союза: к Финляндии должны были отойти

главляемого П. Э. Свинхувудом, особенно в егерских кругах, были широко распространены взгляды, что заключение мирного договора с Германией предоставляет Финляндии уникальную возможность окончательного разрешения территориальных проблем на востоке. Вера в это окрепла после того, как еще 17 февраля генерал-квартирмейстер германского генерального штаба Э. Людендорф предложил представителю финляндского сената Э. Ельту обратиться к правительству Германии с официальной просьбой об оказании военной помощи.

В отличие от своих классовых противников красные финны избрали путь дипломатических переговоров с СНК РСФСР. В течение февраля специальная комиссия, образованная Советом Народных Уполномоченных и Совнаркомом, вела переговоры о заключении соответствующего договора. 1 марта 1918 г. текст этого договора был подписан сторонами и спустя десять дней опубликован в печати. Во время дискуссий «советским участникам досаждало отсутствие интернационализма среди финляндских представителей, которые очень любили защищать финляндские национальные интересы. Они предъявляли претензии на русскую территорию, на пространство арктического побережья»⁸. Красные финны проявили изумительную настойчивость в отстаивании своей позиции, сводившейся, главным образом, к присоединению к Финляндии части территории Мурманского побережья. Поначалу и российская сторона имела виды на определенные финские территории. Параграф 16-й одного из советских вариантов проекта договора предусматривал учреждение подкомиссии при российско-финляндской согласительной комиссии для решения вопроса об уступке России «расположенной в Финляндии близ Петрограда дачной местности и непосредственно прилегающего к нынешней Русско-Финляндской границе прибрежного района Финского залива включительно до пределов форта Ино, необходимого для морской обороны Петрограда»⁹. В свою очередь, Россия соглашалась передать в полную собственность Финляндии часть Кольского полуострова, чтобы Финляндия получила желаемый ею выход к океану. Согласно параграфу 15-му этого же проекта государственной границы в этом районе должна была стать «линия с Корватунтури по теперешней Российско-Финляндской государственной границе по прямой линии к источникам

порт на Ледовитом океане, Аланды, Восточная Карелия, а, кроме того, Петроград должен был утратить статус российской столицы (*Vesa Vares. Vanhasuomalainen. Lauri Ingman ja hänen poliittinen toimintansa.. Juva, 1996. S. 117*).

⁸ *Max Engman. State Terrorism as Diplomacy. Aspects of Finnish-Soviet Relations 1918–1920 // Studia Baltica Stockholmiensia. 1991. N 8. P. 64.*

⁹ Границы описанной в проекте части финской территории фактически совпадали с границами т.н. Сестрорецкого тупика, вопрос об уступке которого был поднят Москвой в середине 20-х гг. (см. об этом далее).

Петсамо, оттуда по восточному водоразделу реки Петсамо». Огибая затем Мотовский залив (Муоткофиорд) и Рыбачий Нос, линия границы по прямой выходила на берег Ледовитого океана у Зубова (Супуски)¹⁰. Финская делегация отвергла предложенный ей проект территориального размежевания, и в окончательный текст договора уже не вошло положение о присоединении к России дачной местности и прибрежного района Финского залива. Вместе с тем, препетела существенные изменения и формулировка 15-го параграфа.

Упомянутая территория отчуждалась в полную собственность Финляндской Социалистической Рабочей Республики при условии, «если на то будет изъявлено согласие свободно опрошенным местным населением» (выделено нами. — *Авт.*)¹¹. Эта поправка появилась 28 февраля по решению Совнаркома, согласно которому проект договора возвращался в согласительную комиссию для добавления, что «Лапландия присоединяется к Финляндии, если население, свободно опрошенное, выскажется за такое присоединение»¹². Была ли она уступкой нормам международного права или данью принципу самоопределения народов? Или ее авторы рассчитывали подобной оговоркой создать сложности для реализации данной статьи договора? Определенно сказать трудно, но очевидно одно: возникало, может быть, формальное, но препятствие для немедленного перехода района Печенги к Финляндии. Вместе с тем на одном из участков новой границы линия была изменена в пользу финнов. Разногласия возникли по поводу Мотовского залива, богатого рыбой. «Русский эксперт по вопросам международного права проф. Рихтер защищал один вариант, финны — другой, гораздо более для них выгодный. Вечером 1 марта вопрос был поставлен на решение СНК. Как передает Токой¹³, Ленин решил его просто, сказав: “Если финские товарищи так упорно требуют, чтобы граница проходила так, как говорится в их проекте, то пусть так и будет”»¹⁴. В результате, в окончательном тексте договора вместо слов «огибает Мотовский залив (Муоткофиорд) и Рыбачий Нос» было записано «через Мотовский залив (Муоткофиорд) и Рыбачий Нос»¹⁵.

¹⁰ Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 504, 505.

¹¹ Там же. С. 509.

¹² Цит. по: В. М. Холодковский. Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 142–143.

¹³ Оскар Токой — глава сената в апреле–августе 1917 г., участник упомянутых переговоров.

¹⁴ Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция... С. 143. В. М. Холодковский цитирует воспоминания О. Токоя (См.: *Oskar Tokoi. Kuin Petsamo liitettiin Suomeen // Tuöväen kalenteri. XXXI. 1938. S. 62–64*).

¹⁵ См.: Декреты советской власти. Т. I. С. 509. Стоит отметить, что в приведенном И. И. Сюкияйненем тексте договора оставлена фраза: «огибает Мотовский залив», хотя

Точным определением изменений границы предстояло заняться специальной подкомиссии Российско-Финляндской согласительной комиссии, создание которой было оговорено параграфом 16-м подписанного договора, В этом же параграфе речь шла еще об одной территории — о форте Ино, который хотела оставить за собой Россия. Это требование советская сторона выставила, по-видимому, в самом начале переговоров, причем речь шла о незамедлительной передаче форта, В упомянутом выше проекте договора, после слов об учреждении подкомиссии, которая занялась бы проблемами перехода к России дачных местностей и прибрежного района Финского залива, рукой В. И. Ленина была вписана неоконченная фраза: «Однако форт Ино...» Какой смысл вкладывал Ленин в слово «однако», видно из окончательного текста договора: «Однако Финляндская Социалистическая Рабочая Республика немедленно (выделено нами. — Авт.) отчуждает в полную собственность Российской Федеративной Советской Республики территорию форта Ино, расположенную на побережье Финского залива, и обеспечивает необходимый транзит к этому форту»¹⁶.

Желание возможно быстрее решить спорный вопрос о принадлежности Ино было вполне объяснимо: форт входил в систему защиты Петрограда и Кронштадта с моря, а ситуация на северо-западе России для большевиков в эти недели была критической. 18 февраля германские войска перешли в наступление по всей линии фронта от Балтийского моря до Карпат. Хотя ВЦИК принял немецкий ультиматум еще 24 февраля, вплоть до подписания Брест-Литовского мирного договора 3 марта большевистское руководство находилось в состоянии тревоги.

Анализируя ход переговоров между красной Финляндией и Советской Россией, отечественные исследователи подчеркивали готовность России идти на территориальные уступки, объясняя это, как правило, цитатой из выступления В. И. Ленина в 1919 г. на VIII съезде РКП (б): «Мы... пошли на известные территориальные уступки, из-за которых я слышал немало возражений чисто шовинистических: “Там, дескать, хорошие рыбные промыслы, а вы их отдали”. Это такие возражения, по поводу которых я говорил: поскрести иного коммуниста — и найдешь великорусского шовиниста»¹⁷. Слова Ленина иначе как некорректной уловкой бывалого полемиста назвать невозможно. Глава СНК, переводя дискуссию в плоскость пролетарского интернационализма, стремился уйти от оценки происшедшего.

остальной текст идентичен окончательному тексту договора от 1 марта (См.: Сьюкиянен И. И.. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 299–300). Вероятно, этот вариант и был представлен народным комиссарам на заседание вечером 1 марта.

¹⁶ Декреты советской власти. Т. 1. С. 505, 509.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 183.

Советская сторона не показала себя в дискуссиях неким бессребреником. Не получив желаемые территории на Перешейке, она стояла «на смерть» в вопросе о принадлежности Ино. Вероятно, именно ради достижения этой цели большевики шли на уступки. Хотя, как уже отмечалось, условие проведения в Петсамо плебисцита делало саму уступку довольно прозрачной, что проявилось вскоре, в начале апреля. Подтверждение этому — записи «переговоров по прямому проводу» между председателем исполкома Мурманского краевого совета А. М. Юрьевым и большевистским руководством. Юрьев, обеспокоенный появлением на Мурмане комиссии по демаркации границы и сообщением о передаче района Печенги Финляндии, запросил по этому поводу Москву. Ответ Ленина звучал следующим образом: «Что касается разграничительной комиссии и отдачи финляндцам известной волости, в договоре, которого у вас, очевидно, нет и который прочел т. Подвойский, имеется ряд оговорок, благодаря которым вы сможете еще повлиять»¹⁸. Главной из них являлось условие проведения плебисцита. Этот разговор состоялся 4 апреля, а через пять дней Юрьев получил более четкие указания, на этот раз от И. В. Сталина: «теперь положение таково (я имею в виду несомненную победу сената), что социалистического правительства в Финляндии не будет, к тому же население упомянутой полосы, как заявляете Вы, протестует против отдачи финнам полосы. Таким образом, Вы имеете и формальное, и материальное основание признать договор упрядненным и занять прежнюю границу пограничной стражей». На следующий день в новом разговоре Сталин вновь напомнил о необходимости «передвинуть пограничную стражу к прежним границам на западе». На вопрос Юрьева: как быть с комиссией по демаркации, Сталин ответил: «Комиссию отошлите в Совнарком, заявив, что инструкции от последнего в смысле отдачи полосы не получали»¹⁹. Сооб-

¹⁸ Ленин В. И. *Неизвестные документы. 1891–1922*. М., 1999. С. 233. Круг противников передачи финнам района Печенги не ограничивался «местным населением». «Когда в 1918 г. в Петрограде решался вопрос об уступке части Мурманского берега Красной Финляндии, В. М. Аль[т]фатер и я, узнавши об обещанной уступке «пост фактум», просили вопрос пересмотреть, — писал Е. А. Беренс заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому в 1920 г. — В делах Генмора за указанное время можно найти записку, написанную Аль[т]фатер[ом] и мною о стратегическом значении для России Западного Мурмана» (Письмо морского представителя в мирной делегации по переговорам с Финляндией [Е. А. Беренса] Э. М. Склянскому. 27.06.1920 (РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 629. Л. 49)). Е. А. Беренс в ноябре 1917–апреле 1919 гг. был начальником Морского Генерального штаба.

¹⁹ Ленин В. И. *Неизвестные документы...* С. 234, 235. Ни о составе, ни о деятельности этой комиссии, как и о том, правительство какой страны она представляла, сведений пока не обнаружено. Если эта комиссия была направлена СНУ, то этот факт должен свидетельствовать об определенной спешке Хельсинки в фактическом закреплении за Фин-

шение Юрьева о недовольстве местного населения решением о передаче территории Финляндии подтверждает наше предположение о могущих возникнуть сложностях при реализации этой статьи договора.

Не следует сбрасывать со счетов идею мировой революции, которая в то время безраздельно властвовала над умами руководства большевиков. Возможно, расчет на ее близкую победу также сыграл свою роль при выработке условий договора.

Об определенной «фиктивности» соглашения свидетельствует и тот факт, что он вступал в силу не после ратификации, а «с момента подписания его уполномоченными правительств обеих социалистических республик»²⁰. Нарушение принципов международного права в данном случае нельзя объяснить тем, что большевики их отрицали. Брест-Литовский мирный договор был ратифицирован IV Всероссийским съездом советов, созданным специально для этой цели и потому получившим название «чрезвычайного».

Плодами договора от 1 марта смогла воспользоваться только Москва. В Ино был введен небольшой русский отряд. Между тем, положение Совета Народных Уполномоченных становилось критическим. К середине апреля 1918 г., после высадки на южном побережье Финляндии германской Балтийской дивизии, боевые действия стали перемещаться к российско-финляндской границе. Достаточно затяжным и напряженным оказался конфликт вокруг Ино. Его немногочисленный гарнизон имел приказ «никаких военных действий не начинать и помнить, что отряд предназначается лишь для охраны форта и его имущества»²¹. Эта установка на нейтралитет вытекала из общего курса на мирное разрешение конфликта.

Финский отряд подошел к Ино 24 апреля; через парламентариев гарнизону был предъявлен ультиматум очистить форт. О требовании сообщили в Петроград, а оттуда в Москву. Пока в столице искали выход из сложившейся си-

ляндией Печенги без оглядок на зафиксированные в тексте договора оговорки. Если это была советская комиссия, то с определенной долей уверенности можно утверждать, что для СНК условие проведения плебисцита в этой области не имело существенного значения в ситуации, когда требовалось максимально быстрое обеспечение безопасности Петрограда хотя бы со стороны Финского залива и Карельского перешейка.

²⁰ Небезынтересна дальнейшая судьба этого документа. Более года он пролежал в бумагах Совнаркома, так и не поступив (что было бы логично) в НКВД. Лишь в сентябре 1919 г., когда НКВД готовился к предстоящим мирным переговорам с Финляндией, по его запросу из Совнаркома поступили оригиналы текстов договора 1 марта 1918 г. на русском и финском языках и справка, подтверждающая аутентичность русского и финского текстов договора (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 87. П. 458. Д. 62337. Л. 1). Возможно, сначала, по каким-то причинам, документы задержались в Совнаркоме, а вскоре, после поражения красных финнов, договор потерял не только актуальность, но и всякий смысл.

²¹ Балтийские моряки в борьбе за власть советов. Л., 1968. С. 139.

туации, Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны 25 апреля постановил: «Подтвердить необходимость во что бы то ни стало удержать форт Ино». В соответствии с этим постановлением Совет приказал всем районным советам и штабам Красной Армии «собрать все силы и двинуть в Кронштадт, Ино и Белоостров». Подобные распоряжения были явно продиктованы эмоциями и создавали предпосылки для возникновения вооруженного конфликта. Более сдержанную позицию заняло командование Кронштадтской крепости, которому подчинялся гарнизон Ино. Направив в форт подкрепление общей численностью свыше 1100 бойцов, оно предписало отряду Ино «проявлять выдержку»²². СНК тоже склонялся к разрешению ситуации мирным путем. Находившийся в это время в Москве начальник Морских сил Балтийского моря А. М. Щастный сообщил своему заместителю, что Россия согласна вступить в переговоры с белофиннами относительно русско-финляндской границы и форта Ино²³. Возможно, не только свою, но и московскую точку зрения изложил 26 апреля делегатам I съезда советов СКСО Г. Е. Зиновьев, поведав о решении создать нейтральную зону в районе Ино на ближайшее время, пока идут переговоры РСФСР и Германии. Упоминание Германии в этом контексте не случайно. Контакт между Советской Россией и Финляндией на высшем уровне не было, поэтому приходилось действовать через Берлин. Речь шла не о простом посредничестве, политика Германии во многих случаях определяла и действия Финляндии. Да и Москва, связанная условиями Брест-Литовского мирного договора, не всегда была свободна в определении путей своей внешней политики. Характерен в этом отношении текст радиотелеграммы, посланной 26 апреля исполняющим обязанности наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным в Берлин: «Каковы те новые требования, во имя которых германское правительство направляет украинские, финские и немецкие войска против Советской республики?»²⁴ 6 мая германский посланник в России граф В. Мирбах передал ответ. Германия предлагала возвратить Ино Финляндии.

В тот же день поздно вечером на экстренном заседании ЦК партии Ленин, в числе прочих вопросов, поставил вопрос и о дальнейшей судьбе Ино. На следующий день последовал ответ советского правительства. Соглашаясь на германское требование, оно выдвигало своим условием нейтрализацию форта. В то же время Москва предложила обменять Ино и прилегающие к Петрограду территории на район Мурманского побережья. Идея, которую

²² Подробнее см.: Интервенция на северо-западе России. 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 176.

²³ Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Л., 1926. Т. 2. Ч. 1. С. 57.

²⁴ ДВП СССР. М., 1957. Т. 1. С. 265.

не удалось закрепить в договоре с красными финнами, была предложена теперь белым финнам.

В Германии эту идею поддержали дипломаты, часть политиков и даже некоторые военные. Рейхсканцлер Г. Гертинг телеграфировал начальнику генерального штаба генерал-фельдмаршалу П. фон Гинденбургу: «Наша политика должна состоять в том, чтобы достичь соглашения между русскими и финнами и склонить последних к тому, чтобы Ино оставить у России». К этому мнению склонялся и Э. Людендорф²⁵. Изменение позиции военных объяснялось выраженной в то время Россией готовностью идти на новые переговоры между РСФСР и Германией, а значит, и на новые уступки. Стоило ли пускать в ход оружие, если можно было получить выгоду, прибегнув к перу дипломата.

Новая идея требовала согласований, переговоры — времени, тем более что финны продолжали настаивать на своем. Пока выяснялись позиции заинтересованных сторон, русские корабли курсировали между Кронштадтом и Ино, шла подготовка к взрыву форта в том случае, если России не удастся удержать его в своих руках дипломатическими способами. День взрыва предлагалось определить местным властям. В завуалированной форме («При невозможности удерживаться благодаря фактическому напору со стороны противника форт должен быть взорван со всей артиллерией») приказ об этом был отдан военным руководителем Высшего Военного Совета Республики М. Д. Бонч-Бруевичем. По мнению коменданта Кронштадтской крепости К. М. Артамонова этот момент наступил 14 мая²⁶. После эвакуации гарнизона минеры форта «Красная Горка», куда был протянут кабель, включили ток и взорвали крепостные сооружения.

Все вернулось «на круги своя». Нерешенность территориального вопроса вынуждала Москву не отказываться от дальнейших контактов с Гельсингфорсом. Поэтому она сразу же согласилась на предложение Германии, доведенное до Кремля 23 мая через графа Мирбаха: обсудить с финнами вопрос о возможности обмена района Печенги на Ино и Райволу²⁷. В данном случае

²⁵ Интервенция на северо-западе России... С. 177.

²⁶ С решением К. М. Артамонова не все были согласны, поэтому Кронштадтский совет образовал следственную комиссию, которой предстояло определить правильность и своевременность действий коменданта Кронштадтской крепости. Артамонова поддержали военный отдел Кронштадтского совета и А. М. Щастный. Высший Военный Совет, также рассмотревший этот вопрос в мае 1918 г., подтвердил, что Артамонов поступил правильно (См.: Петроградская правда. 1918. 21 мая).

²⁷ ДВП СССР. Т. 1. С. 318. Впервые Германия предложила правительству Финляндии обменять часть Выборгской губернии на район Печенги еще в апреле 1918 г. Однако в Гельсингфорсе соглашались «уступить не всю южную часть Выборгской губернии,

Германия учитывала прежде всего собственные интересы. В случае договоренности она получала через Финляндию выход на мурманское побережье — стратегически очень важный пункт в продолжающейся войне с Антантой. Финны сообщили немцам, что пойдут на переговоры с Россией при условии получения Восточной Карелии и Кольского полуострова. Хотя аппетиты оказались разными, принципиальное согласие России и Финляндии сесть за стол переговоров позволило приступить к их подготовке. Она оказалась длительной, переговоры начались в Берлине только 3 августа 1918 г.

Трудно сказать, было ли согласие России на обмен, предложенный немцами, лишь поводом к возобновлению отношений с Финляндией, или этой позиции придерживалось большевистское руководство. Учитывая содержание договора от 1 марта, можно предположить, что верны оба допущения. Однако к концу июля положение изменилось. Победили сторонники сохранения Мурмана в составе России. Высший Военный Совет Республики предложил отказаться от включения бывшего форта Ино и района Райвола в состав России, сохранить Мурман и обязать Финляндию не иметь и не строить никаких военных укреплений в Невской губе и близ нее²⁸. Кроме того, желательным признавалось установление линии границы в Заливе как можно западнее Кронштадта. Эти принципы и были положены в основу советского проекта.

У финнов над проектом будущего договора работала правительственная комиссия в составе Ю. К. Паасикиви, О. Стенрута, Араярви и С. Сариио. Единогласно высказавшись за присоединение Печенги, они не нашли общего языка между собой в вопросе о южной и восточной границе. Диапазон мнений был велик: от уступки России части Карельского перешейка до перенесения границы до южного берега р. Свири. В конце концов решили требовать той границы, которую согласится поддержать Германия²⁹.

Столь разные подходы сторон неизбежно должны были вызвать трудности при обсуждении территориальных вопросов. Но действительность оказалась даже хуже самых мрачных прогнозов.

Руководитель советской делегации В. В. Воровский, вспоминая о состоявшемся 5 августа заседании советско-финляндской территориальной комиссии, писал: «В первом и единственном заседании территориальной комиссии финской делегацией была намечена желательная для них новая граница с Россией... Заседание, открытое в 4 час., было закрыто в 4–45 с тем, чтобы боль-

а только Ино и Райвола, и не за Печенгу, а за всю среднюю часть Восточной Карелии» (См.: *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М., 1975. С. 29). Идею обмена территориями пришлось отложить.

²⁸ Гражданская война. Боевые действия... Т. 2. Ч. 1. С. 88; См. также: Письмо Л. Д. Троцкого Г. В. Чичерину. 22.07.1918 (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. П. 249. Д. 53373. Л. 18–18 об.).

²⁹ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия... С. 47–48.

ше не возобновляться»³⁰. Более подробно Воровский излагал происшедшие события в секретной записке Г. В. Чичерину, направленной по прямому проводу из Берлина: «После обеда была территориальная комис[сия]. Финны поставили требования всего побережья от норвежской границы, вклю[ча]я Колау, Соловки до Александровска, затем вдоль железной дороги до Онежского [о]зера, по озеру до Ладожского озера и теперешней границы, все на началах прин[ц]ипа самоопределения народов. Мы отвели ссылку на этот термин как на неправильно ими толкуемый и применяемый и выдвинули принцип государственной целесообразности, запросив, что они нам за это предлагают, так как мы раздачей (слово отсутствует. — *Авт.*) не занимаемся. Они поинтересовались нашими требованиями, которые мы [выстав]или: острова Финского залива и линия Кексгольм-Выборг. Они выразили со[мнение], [ч]тобы их правительство пошло на это ...»³¹.

С финской стороны речь шла о присоединении, по сути дела, всей Восточной Карелии. При этом финляндская делегация рассчитывала на поддержку Германии, обещанную ей неофициально. Однако на проходивших в это же время в Берлине российско-германских переговорах немцы получили согласие Москвы на новые экономические уступки и пропуск германских отрядов

³⁰ Правда. 1919. 10 мая. Цит. по: Воровский В. В. Статьи и материалы по вопросам внешней политики. М., 1959. С. 147, 149.

³¹ Телеграмма В. В. Воровского Г. В. Чичерину. [05.08.1918] (ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 140. Л. 51). Ср.: «[Х. В.] Рауталяя: К Финляндии должно отойти все побережье, включая весь Кольский полуостров, Соловецкие острова, большая часть Онежской бухты, затем граница должна идти от Унжемска через Комачинск на Николаевско-Ладожск до Онежского озера. К Финляндии отходит почти все Онежское озеро, кроме юго-восточного угла. Далее граница идет от Очинска через Шцикозерск и нижнее течение реки Оять к Сагуюбу на Ладожском озере. Воровский: Что же предлагает финляндская делегация взамен уступки указанной ею территории? [Рауталяя:] Взамен финляндская делегация ничего не предполагает уступить» (Протокол № 1 заседания территориальной комиссии от 5 августа 1918 г. (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. П. 249. Д. 53372. Л. 26–127)). Российская идея провести границу по линии Кексгольм – Выборг была не нова. Еще в конце марта 1918 г. Военный Совет Петроградского района предложил НКВД «к моменту возобновления борьбы» «политически подготовить обладание Выборгской губернией» или, в крайнем случае, расширить российскую территорию до линии Кексгольм-Выборг. Самостоятельный интерес представляет резолюция военного руководителя Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевича на этом документе: «Ходатайствую перед СНК о принятии мер к тому, чтобы оборона подступов к Петрограду с севера была вынесена на фронт Выборг-Кексгольм. Оборона должна быть поручена финской красной армии, поддерживаемой с нашей стороны. 4.04.1918» (Записка А. В. Шварца, А. Ковригина, Б. [В.] Геруа в НКВД. 30.03.1918 (Там же. Ф. 0135. Оп. 1. П. 101. Д. 6. Л. 1–2)). Осознавая неизбежность поражения красных финнов, военные рассматривали как вариант создание некоей буферной территории, исходя из сугубо военных, а не политических соображений.

через Карелию для борьбы с войсками Антанты на Кольском полуострове³². Не желая портить отношений ни с Советской Россией, ни с Финляндией, Берлин прилагал все усилия к тому, чтобы стороны могли прийти к соглашению хотя бы по некоторым вопросам. Немцам удалось устроить неофициальные встречи глав делегаций: 15 и 19 августа Воровский обсуждал с К. Энкелем возможные варианты решений территориальных проблем. Воровский намекнул на возможность уступки Финляндии устья р. Печенги, «а также на некоторое выпрямление границы в Восточной Карелии». Энкель отказался рассматривать это предложение. 21 августа советская делегация довела до сведения германского МИД, что дальнейшее ведение переговоров бессмысленно³³.

Пока российские и финляндские дипломаты пытались найти взаимопонимание в Берлине, зыбкая стабильность на границе была нарушена. Новый очаг напряженности возник в Ребольской волости Олонецкой губернии. Население этой волости традиционно снабжалось продовольствием через территорию Финляндии, так как хороших сухопутных путей, связывавших волость с Олонцом, не существовало. Доведенные до отчаяния голодом, не получающие должной помощи от советских властей, местные жители на сходе 2–3 августа 1918 г. высказались за присоединение к Финляндии на определенных условиях. Сыграли свою роль в этом и агитаторы из финских активистских кругов, не раз побывавшие в Реболах. Решение схода подтвердило собрание представителей населения волости 31 августа. В Реболах появился финский добровольческий отряд, который в середине октября того же года сменили части регулярной финской армии³⁴.

* * *

Если сухопутная часть границы все же существовала, вызывая недовольство обеих сторон, то морской ее части не было вообще³⁵. В договоре 1 марта 1918 г. между СНУ и СНК морская часть границы не оговаривается совсем, что, на наш взгляд, является дополнительным подтверждением времен-

³² Подробнее см.: Рупасов А. И., Чистиков А. Н. «Шлюсштайн» // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 150–153.

³³ Телеграмма В. В. Воровского Г. В. Чичерину. 26.08.1918 (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. П. 249. Д. 53372. Л. 135–137).

³⁴ См. подробнее: Joukko Vahtola. "Suomi Suureksi — Viena Vapaaksi". Valkoisen Suomen rykymykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988. S. 298–302, 397–410.

³⁵ К сожалению, в нашем распоряжении не было материалов о работе советско-германской Комиссии по перемирию в Балтийском море, работа которой началась 1 января 1918 г. в Риге. В советскую делегацию входили контр-адмирал А. П. Зеленой, лейтенант Гершельман, мичман Невский и матрос Винтер; в германскую — контр-адмирал Г. фон Далвиг, капитан 2-го ранга Витинг, капитан-лейтенант Миллер и майор Гепнер.

ного характера данного соглашения и превалирования тактических целей над стратегическими при его разработке в Петрограде зимой 1918 г.

Вопрос о морской границе стал особо актуальным в марте 1918 г., когда белофинны заняли острова Гогланд, Лавенсари, Соммерс. У советского правительства, по-видимому, первоначально не было четкого отношения к данной акции. Подтверждением тому служит полученная 21 апреля начальником Морских сил Балтийского моря А. М. Щастным рекомендация из Москвы: выяснить путем неофициальных переговоров с белым финляндским правительством — считает оно острова Родшер, Гогланд, Тютерс, Сескар, Соммерс и Нерва входящими в состав Финляндии или нет³⁶. Через несколько дней Щастный прибыл в столицу для доклада Совнаркому по поводу событий вокруг форта Ино. Из Москвы он сообщил своему заместителю о принятых решениях, в том числе о необходимости договориться с германским командованием об установлении демаркационной линии в Финском заливе. Вскоре старшему морскому начальнику в Гельсингфорсе А. П. Зеленому было приказано поднять этот вопрос перед немцами и финнами. Сам Зеленой считал его несвоевременным и не имевшим достаточной мотивировки, но, подчиняясь приказу, довел до сведения немецких и финских военных, которые оставили его без ответа³⁷. Все же большевистское руководство не собиралось снимать эту проблему с повестки дня.

Проведение демаркационной линии в Финском заливе позволило бы избежать конфликтов как с Финляндией, так и с Германией. Возможность их была заложена в тексте Брест-Литовского мирного договора, не предусматривавшего установления морских границ, в пределах которых могли оперировать флоты враждебных государств. Следствием неустойчивого положения стала директива морского командования Советской республики, направленная 21 мая Зеленому, ставшему к этому времени старшим морским начальни-

³⁶ Телеграмма Л. Д. Троцкого Наморси [А. М. Щастному]. 21.04.1918 (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. П. 249. Д. 53373. Л. 5). В этой связи весьма странным выглядит текст запроса, сделанного временно исполняющим обязанности наркома иностранных дел Г. В. Чичеринным начальнику Морского Генерального штаба от 4 мая 1918 г.: «Согласно отношению от 28 апреля с.г. нами получено принципиальное согласие Красного Финляндского правительства определить дополнительным протоколом наши права на указанные Вами острова Финского залива в объеме и форме, которые будут нами предложены... В виду изложенного НКИД просит сообщить формулировку дополнительного договорного пункта, необходимого с точки зрения интересов нашей морской обороны» (Там же. Л. 15). К этому времени гражданская война в Финляндии фактически закончилась победой белых. 26 апреля Совет Народных Уполномоченных эвакуировался на пароходе в Россию, через три дня белые заняли Выборг, последний оплот красных финнов. Возможно, результат войны не поколебал уверенность у большевиков и их финских соратников в скором реванше, и этим можно объяснить появление подобного документа.

³⁷ Гражданская война. Боевые действия... Т. 2. Ч. 1. С. 60.

ком в Кронштадте. Согласно этому документу одним из мероприятий в случае наступления противника должна была быть установка позиционного морского минного заграждения.

Проблема уже существовавшего минного заграждения возникла еще раньше и на протяжении всего 1918 г. тесно увязывалась Германией при обсуждении вопроса о демаркации Финского залива. Поначалу немцы требовали от России проведения траления русских минных полей по условиям мирного договора. Но российские средства траления остались в Гельсингфорсе и были захвачены Финляндией.

В июне 1918 г. Германия и Финляндия заключили соглашение, по которому Россия освобождалась от участия в очистке от мин балтийской акватории и должна была передать планы русских минных полей. Требования о выдаче этих планов стали столь настойчивыми, что командование Балтийского флота уже готово было их выполнить, при двух условиях: 1) если речь идет о планах «наших минных заграждений в наших бывших водах»; 2) «если Высший Военный Совет не предполагает в будущем операций в Финском заливе и Балтийском море».

Мнение командования Балтийского флота было, по-видимому, передано в Морской Генеральный штаб. Штабные специалисты, ранее занимавшие отрицательную позицию в вопросе о выдаче планов, теперь пребывали в сомнениях. В свою очередь они запросили Высший Военный Совет: а) продолжать ли отказывать в выдаче планов, что становилось делать все труднее и труднее; б) согласиться, поставив в зависимость от заключения соглашения о демаркационной линии, или в) предложить все решать русско-германской комиссии в Берлине. Ответ был дан незамедлительно: «Продолжать оттягивать до последней возможности определенный ответ относительно выдачи планов минных заграждений». Если по приказанию СНК придется дать определенный ответ, то непременно условием выдачи должно стать установление демаркационной линии в Финском заливе и «замирение с Финляндией под гарантией Германии»³⁸. В период подготовки переговоров с Финляндией Высший Военный Совет высказал еще несколько рекомендаций по пограничным вопросам. В частности, предлагалось еще до начала переговоров потребовать проведения в Финском заливе демаркационной линии, установив ее возможно западнее Кронштадта. Это условие выполнить не удалось.

Тем временем ситуация вокруг Петрограда обострилась. В начале августа в Москве с тревогой ожидали высадки немецкого десанта в Кронштадте и Петрограде. Это было связано с планами проведения операции «Шлюсштайн»³⁹. 9 августа Ленин приказал немедленно поставить новое минное за-

³⁸ Гражданская война. Боевые действия... Т. 2. Ч. 1. С. 84, 85.

³⁹ Подробнее см.: Рупасов А. И., Чистиков А. Н. «Шлюсштайн». С. 150–153.

граждение. Следующей ночью отряд заградителей вышел в море и установил более 900 мин в две линии. 12 августа Наркомат иностранных дел РСФСР уведомил европейские страны, что район между параллелями 60°12' и 59°57' северной широты и меридианами 28°51' и 29°30' восточной долготы загражден минами⁴⁰. Через два дня в Заливе были дополнительно установлены еще пять сотен мин. Германия, а вслед за ней и Финляндия заявили протест. В ответной ноте Германии Г. В. Чичерин пытался представить эту операцию как проверку старых минных полей. Ленин, в свою очередь, дал указание задержать постановку мин 14 августа, но его распоряжение пришло слишком поздно.

Неразбериха, вызванная отсутствием демаркационной линии, привела к пограничным конфликтам. Эсминец «Азард», находившийся в дозоре, остановился в трех милях от финского берега из-за неисправности руля и тотчас был обстрелян финской батареей⁴¹. На советско-финляндских переговорах в Берлине К. Энкель заявил, что после постановки дополнительного минного заграждения между Стирсуденом и Бьерке на минах подорвалось одно финское судно⁴². Финны считали эту водную территорию своей, Россия — своей. Стремясь избежать дальнейших конфликтов, грозящих перерасти в вооруженное столкновение между Россией и Финляндией, Москва забрасывала Германию нотами, требуя посредничества и помощи в установлении демаркационной линии⁴³. Эту же мысль Г. В. Чичерин постоянно проводил в письмах советскому полпреду в Берлине А. А. Иоффе⁴⁴. Наконец, Берлин дал согласие, и 25 сентября в Либаве открылись заседания специальной комиссии. С германской стороны председателем был назначен контр-адмирал Л. фон Услар, членами — капитан Фельдман и профессор Поль, от Финляндии — барон Ю. Индрениус. Русскую часть комиссии возглавляли А. П. Зеленой и Б. И. Доливо-Добровольский. В помощь им были приданы телеграфисты П. А. Дыминский и Л. С. Поляков, телеграфный механик Н. С. Чугунов, переводчик и делопроизводитель⁴⁵.

На первом же заседании выяснилось, что финны и немцы считают темой обсуждения «только создание безопасных фарватеров». Россия, в свою очередь, высказала мнение, что очистка моря от мин — лишь часть общего дела

⁴⁰ Уведомление НКВД от 12.08.1918. (ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 140. Л. 94).

⁴¹ Гражданская война. Боевые действия... Т. 2. Ч. 1. С. 92.

⁴² Протокол 4-го заседания политическо-правовой комиссии от 14.08.1918. (ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 140. Л. 126).

⁴³ См.: ДВП СССР. Т. 1. С. 480–485, 507–508, 521.

⁴⁴ Телеграммы Г. В. Чичерина А. А. Иоффе. 14.09.1918, 15.09.1918, 1.10.1918 (ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 140. Л. 401, 415, 560 и др.).

⁴⁵ Телеграмма Л. А. Иоффе Г. В. Чичерину. 2.09.1918; Телеграмма Г. В. Чичерина А. А. Иоффе. 7.09.1918. (Там же. Л. 296, 317).

согласования морских интересов, а начинать надо с вопроса о демаркационной линии в Финском заливе. Услар и Индрениус отказались его обсуждать, сославшись на отсутствие у них соответствующих полномочий. После договоренности о том, что к следующему заседанию финны и немцы сообщат о своих полномочиях, российская делегация огласила свой проект демаркации залива. В документах точные координаты линии не указаны, но, видимо, они не соответствовали желанию остальных участников переговоров. Услар заявил, как сообщал Г. В. Чичерин А. А. Иоффе, «что его правительство не будет, вероятно, в состоянии согласиться на столь западную линию, Индрениус объявил категорически, что Финляндия такой линии не примет»⁴⁶. Получив это сообщение, Иоффе встретился с официальными немецкими властями и со своей стороны попытался изменить сложившуюся в Либаве ситуацию. 4 октября он сообщил Чичерину, что заявил немцам следующее: «С русской точки зрения вопрос второй [траление минных полей в Финском заливе. — *Авт.*] не может быть разрешен без первого помимо многих других причин еще и потому, что, не имея договора с Финляндией, Россия не может решить вопроса об очищении от мин, не разрешив вопроса о демаркационной линии». Немцы пообещали переговорить об этом с морским ведомством⁴⁷.

Между тем на Либавской конференции ситуация в эти дни стала еще напряженнее. Об этом достаточно подробно говорилось в двух сообщениях, отправленных Г. В. Чичериным А. А. Иоффе 5 и 6 октября. В первом нарком иностранных дел писал: «Немцы и финны в Либаве заявляют, что они хотят исключительно заняться урегулированием порядка траления мин и ничем иным». Далее Чичерин излагал текст телеграммы, полученной им от А. П. Зеленого. По мнению последнего, если наша делегация не согласится на финляндско-германские условия, переговоры продолжать бессмысленно. «Зеленой вынес впечатление, — продолжал Чичерин, — что по каким-то причинам [немцы и финны] хотят поскорее избавиться от присутствия наших в Либаве и из-за этого готовы сорвать комиссию. Для нас проведение демаркационной линии имеет существенное значение, мы поэтому отказываемся заключать соглашение о тралении мин без этого; другие морские вопросы мы охотно разбирали бы, но немцы не хотят»⁴⁸. На следующий день Чичерин процитировал Иоффе часть сообщения А. П. Зеленого, присланного из Либавы: «на заседании [в] пятницу (4 октября. — *Авт.*) [мы] заявили и подробно мотивировали предложение германцам и финнам вторично запросить свои правительства, причем категорически отвергли всякую возможность говорить о минах раньше вопроса о демаркации».

Услар попросил прервать заседание, после чего заявил о своей согласии с требованием русской стороны, но одновременно сообщил,

⁴⁶ Телеграмма Г. В. Чичерина А. А. Иоффе. 1.10.1918 (Там же. Л. 560).

⁴⁷ Телеграмма А. А. Иоффе Г. В. Чичерину. 4.10.1918 (Там же. Л. 568).

⁴⁸ Телеграмма Г. В. Чичерина А. А. Иоффе. 5.10.1918 (Там же. Л. 581).

что вместе с финнами уезжает в Гельсингфорс на две недели, и назначил следующее заседание на 21 октября. По мнению Зеленого, отъезд был запланирован заранее, так как участники переговоров покинули Либаву уже через час после закрытия заседания. Отсрочка на две недели, как предполагал Зеленой, была связана с «неудобствами». Что это за неудобства, он не раскрывал, но, вероятно, речь шла о незавидном положении германских войск на Западном фронте, сложившемся в результате осеннего наступления союзных войск. Зеленой не исключал вероятности, что немцы и финны вернутся за стол переговоров и согласятся на обсуждение вопроса об установлении демаркационной линии, но опасался, что оглашенный ранее русский вариант линии их все же не устроит. Поэтому перед отъездом немцам и финнам намекнули, что русский вариант не является окончательным и Россия может пойти на некоторые уступки.

Иоффе в течение этого вынужденного перерыва предлагалось по своим каналам убедить немцев в решении вопроса о демаркации. «Если министерство иностранных дел нажмет хорошенько на морское, то дело удастся», — писал Чичерин российскому полпреду⁴⁹. Немногом менее чем через две недели Иоффе сообщил Чичерину: «... мне обещано разрешить в нашу пользу вопрос о ... демаркационной линии на Балтийском море»⁵⁰. Вероятно, дело наконец сдвинулось бы с мертвой точки, но сначала высылка российского представителя из Германии, а затем поражение немцев в войне не дали возможности возобновить работу Либавской комиссии.

Неопределенность ситуации вновь привела к конфликту. 17 ноября 1918 г. председатель Реввоенсовета РСФСР А. Д. Троицкий приказал поставить дополнительное минное заграждение в Финском заливе. В отличие от летних месяцев теперь в Москве боялась уже не германского, а союзного флота: согласно условиям перемирия, заключенного между Антантой и странами Четверного Союза 11 ноября 1918 г. в Компьенском лесу, союзники получили право свободного входа в Балтику и выхода из нее⁵¹. Через два дня в море для постановки мин вышли заградитель «Нарва» и эсминец «Легкий». Во время операции заградитель был обстрелян двумя финляндскими батареями, одна из которых находилась у д. Пумала. Эсминец открыл ответный огонь. Дело, однако, этим не кончилось. Советская сторона расценила обстрел кораблей как провокацию, и на следующий день артиллерия форта «Красная Горка» разрушила позиции финляндской батареи. Комендант пограничного с Россией района Финляндии К. Н. Рантакари 25 ноября из Терийок направил коменданту станции Белоостров письмо с выражением решительного протеста против появления русских кораблей в финляндских территориальных водах и обстрела 20 ноября, указывая, что если «повторя-

⁴⁹ Телеграмма Г. В. Чичерина А. А. Иоффе. 6.10.1918 (Там же. Л. 589).

⁵⁰ Телеграмма А. А. Иоффе Г. В. Чичерину. 16.10.1918 (Там же. Л. 667).

⁵¹ История Первой мировой войны. 1914–1918. М., 1976. Т. 2. С. 608.

ящееся и беспричинное» нарушение «пограничного мира» будет повторяться, то это «может иметь серьезные последствия»⁵². Вероятно, оба коменданта прекрасно осознавали, что на их уровне невозможно ликвидировать нарушение «пограничного мира», ибо отсутствие официально установленной демаркационной линии неизбежно порождало конфликтные ситуации. А на государственном уровне этот вопрос в 1918 г. так и не был решен.

* * *

До революции охрана границы в России была возложена на Отдельный корпус пограничной стражи. Таможенные учреждения действовали независимо от него. После революции ситуация изменилась, но не сразу. 3 ноября 1917 г. Петроградский Военно-революционный комитет объявил о временном закрытии границы, присвоив себе право выдавать разрешения на ее пересечение. На контрольно-пропускные пункты с Финляндией и Швецией, в Белоостров и Торнео, были направлены его комиссары. Однако реальное осуществление контроля на границе было таково, что ее переход не представлял затруднений даже без разрешения ВРК. Начавшаяся вскоре демобилизация армии коснулась и стоявшей на границе Финляндской пограничной сводной дивизии. Из оставшихся в строю бойцов и из новых вольнонаемных кадров с начала февраля 1918 г. стал формироваться район под названием «Охрана русско-финляндской границы»⁵³ (позднее — Финляндский район). Но немалая нагрузка легла первоначально и на войска завесы, которые наряду с задачами чисто военного характера занимались устройством пропускных пунктов и таможенного осмотра⁵⁴.

Вспыхнувшая в Финляндии гражданская война поначалу незначительно повлияла на сообщение между Петроградом и Гельсингфорсом. Финляндская железная дорога перешла под контроль финских красногвардейцев, пропуска на выезд из Финляндии, выдаваемые ранее русскими военными властями, отныне было необходимо получать у красных финнов. Издательница М. К. Иорданская вспоминала о поездке в феврале 1918 г. из столицы в Нейволу, где находилась ее дача: «Поезд в Финляндию должен был отойти в шесть часов вечера. Но было уже половина девятого, а поезда еще не подавали. Несмотря на то, что пропуска были у всех проверены при входе, от времени до времени появлялся вновь красноармейский контроль и снова начиналась проверка документов». В Терийоках досмотр производил начальник штаба финской крас-

⁵² Письмо К. Н. Рантакари коменданту ст. Белоостров. 28.11.1918 (ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 44. Л. 55).

⁵³ Пограничные войска СССР. 1918–1928. Сборник документов и материалов. М., 1973. С. 281.

⁵⁴ Там же. С. 74.

ной гвардии Х. Кальюнен. «Больше с этим в Петроград не поедете! — резко бросал он, рассматривая пропуск Леонида Николаевича⁵⁵. — От русского штаба теперь не годится. Должны получать в красном финском штабе»⁵⁶.

Если поезда, хоть и с задержками, но ходили, то возникли трудности с получением пропусков и совсем не по вине красных финнов. О ситуации, сложившейся относительно выдачи разрешений на поездки в Финляндию, весьма обстоятельно сообщал в местный орган власти заведующий Иностранным отделом Комиссариата внутренних дел Петроградской трудовой коммуны Г. И. Лордкипанидзе: «Относительно Финляндии дело находится в следующем положении: до средних чисел марта с.г. пропуска в Финляндию выдавал отдел, но вследствие распоряжения о закрытии границы, отдел прекратил выдачу пропусков. Вскоре, однако, появились официальные — без сообщения в отдел — извещения о том, что пропуска выдаются в Штабе округа, затем в газетах появились сведения, что необходимо предъявлять 2 фотографические карточки, засвидетельствованные в районных советах и ряд других формальностей. Я запросил об этом товарища секретаря Петроградского совета, и мне было сказано, что здесь какая-то путаница. 26-го по моему распоряжению отдел вновь стал выдавать пропуска в Финляндию, причем как всегда отдел выдавал пропуска на один раз. 27-го вновь появилось подтверждение в газетах, что пропуска выдаются в Штабе. Я вновь прекратил выдачу пропусков, снесся со Штабом и получил оттуда ответ, что коллегия находит более целесообразным это дело вновь передать в Иностранный отдел и выдачу пропусков со своей стороны прекратить»⁵⁷. Лордкипанидзе тоже полагал разумным оставить выдачу разрешений в Иностранном отделе. Но для того, чтобы преодолеть «ужасный хаос из-за отсутствия единого сговора», он предлагал провести совещание представителей Штаба округа Красной Армии, Статс-секретариата по делам Великого Княжества Финляндского, «Финляндской Красной Армии» и Иностранного отдела и выработать новые правила. Обращает на себя внимание его предложение усадить за стол переговоров красных финнов и сотрудников Статс-секретариата, которые по своим политическим убеждениям вряд ли приветствовали власть Совета Народных Уполномоченных. В данном случае Г. И. Лордкипанидзе ис-

⁵⁵ Л. Н. Андреев — русский писатель.

⁵⁶ *Иорданская М.* Эмиграция и смерть Леонида Андреева (Воспоминания. 1920) // Л. Андреев. S.O.S. М.; СПб., 1994. С. 375, 377. Хейкки Кальюнен (Heikki Kaljunen) — военный деятель красных финнов. Его штаб находился в Терийоках. После поражения красных бежал в Советскую Россию. В 1918–1919 гг. командовал войсками в Сибири. В 1920–1930-е гг. директор одной из московских фабрик. Арестован в 1937 или 1938 г., умер в заключении (Там же. С. 544, прим.).

⁵⁷ Докладная записка Г. И. Лордкипанидзе в Совет народных комиссаров Петроградской трудовой коммуны от 4.04.1918. (ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 9. Д. 1. Л. 3 об.–4). Какого-либо распоряжения о закрытии границы в середине марта 1918 г. обнаружить пока не удалось.

ходил из практических соображений. В это время на Статс-секретариат были возложены функции представительства Финляндии в Советской России⁵⁸. Соевещание созвать не удалось, так как положение СНУ становилось все более и более критическим.

Боевые действия гражданской войны в Финляндии постепенно перемещались к российской границе. Опасаясь их перенесения на советскую территорию, центральные и местные власти занялись укреплением границы. 12 апреля Малый совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны назначил бывшего инженер-генерала А. В. Шварца военным руководителем Северного участка и Петроградского района. Это назначение было тотчас же согласовано с СНК. Высший Военный Совет Республики предоставил Шварцу широкие полномочия. Бывший генерал вместе с политическими комиссарами М. М. Лашевичем и И. Т. Смиглой составили районный военный совет, в оперативном плане подчиняющийся Высшему Военному Совету⁵⁹. Позиция, занятая местными советскими и военными органами, была определенной. 13 апреля Шварц издал приказ «никаких военных действий не начинать»⁶⁰. На следующий день специальное постановление принял Малый совет комиссаров. Признав «положение Петрограда угрожаемым», он передал в распоряжение военного руководителя все имеющиеся в пределах участка и района войсковые части, поручил ему сформировать дополнительно четыре корпуса для пополнения существующих войск завесы, «принять все нужные меры к обороне границы с Финляндией на Карельском перешейке, в том числе: переброску войск на финляндскую границу с участков завесы, постройку укрепленной позиции на границе с Финляндией и пр.»⁶¹.

О приготовлениях к обороне было поставлено в известность и население города. В беседе с сотрудником «Новой жизни» Шварц заявил: «Никто не в состоянии предсказать, где останутся перешедшие нашу границу белогвардейцы (речь в данном случае идет о белофиннах. — Авт.). Кто

⁵⁸ М. Энгман. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С.423.

⁵⁹ Первый раз А. В. Шварц был назначен военным руководителем обороны Петрограда еще в марте 1918 г. Однако 24 марта он послал в Совнарком телеграмму, в которой заявил, что подаст в отставку, если ему не предоставят более широкие полномочия. Его требование не было выполнено, и 10 апреля Шварц ушел в отставку, но через два дня по просьбе Малого совета комиссаров вернулся на свой пост (Новая жизнь. 1918. 26 марта, 18 апреля).

⁶⁰ Телеграмма Г. Е. Зиновьева Г. В. Чичерину. [22.04.1918] (ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 128. Л. 6–7).

⁶¹ Протокол заседания Малого совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны от 14.04.1918 (запись, сделанная одним из членов штаба Военного совета Северного участка и Петроградского района) (Там же. Л. 6).

знает, быть может, окрыленные поддержкой германцев они пойдут и на Петроград»⁶². Говоря о «перешедших границу белогвардейцах», Шварц имел в виду Приладожье. По оперативным сводкам присутствие белофиннов отмечалось в районе деревень Коркиамяки и Луккаремьяки, с. Никулясы, у оз. Саариярви⁶³. Свидетельств о каких-либо столкновениях этих групп с частями Красной Армии или пограничниками в нашем распоряжении пока не имеется. Возможно, белофинны вскоре сами покинули советскую территорию.

Сложившаяся на границе обстановка вызвала череду совещаний представителей советских органов и штаба военного руководителя Северного участка и Петроградского района, на которых обсуждались вопросы обороны города в случае наступления неприятеля⁶⁴. Суть этих решений, вероятно, была отражена в оглашенной 22 апреля радиোগрамме «К гражданской войне в Финляндии», подписанной председателем Петроградской трудовой коммуны Г. Е. Зиновьевым. «Войска Российской Республики заняли нашу русско-финляндскую границу и получили следующий приказ, — говорилось в ней. — Русские войска финляндской границы переходить не должны. Если какие-либо войска сделают попытку перейти русскую границу, русская армия должна действовать как армия нейтрального государства, а именно: тем войскам, которые попытаются переходить границы с враждебными целями, будет оказан самый решительный отпор; те же войска, которые пожелают просто оставить территорию Финляндии, будут нами разоружены и отведены в тыл»⁶⁵. В духе этого приказа действовал и губисполком. На заседании 24 апреля он постановил «мобилизовать все наличные силы как советов, так и всего трудового населения губернии». Шесть членов исполкома отправились в уезды освещать политические события и формировать отряды. Для координации действий исполком решил «установить тесную связь со штабом Петроградского военного округа»⁶⁶.

Городские и губернские власти и командование округа достаточно реально оценивали сложившуюся ситуацию и действовали в соответствии со своими заявлениями. Финские красногвардейцы, вынужденные отойти на российскую территорию, обезоруживались. Перешедшие через р. Сестру по наведенному ими мосту белофинны также были разоружены, а мост сожжен. На другом участке границы, в районе Лемболово, в эти же дни удалось предотвратить попытку отряда белофиннов сжечь железнодорожный мост. На-

⁶² Новая жизнь. 1918. 18 апреля.

⁶³ В. И. Мусав. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веве. Изд. 2-е. СПб., 2004. С. 71.

⁶⁴ Новая жизнь. 1918. 23 апреля.

⁶⁵ Телеграмма Г. Е. Зиновьева Г. В. Чичерину [22.04.1918] (ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 128. Л. 6–7, 10) (выделено в документе); ДВП СССР. Т. 1. С. 254–255.

⁶⁶ Протокол № 7 заседания исполкома Петрогубсовета от 24.04.1918 (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 271. Л. 52–52 об.).

падавшие были «рассеяны пулеметным огнем броневика»⁶⁷. Однако таких столкновений было немного.

События вблизи российско-финляндской границы беспокоили Москву, опасавшуюся германско-финляндской интервенции. За день до оставления Ино Бонч-Бруевич в директиве Шварцу указывал на необходимость обратить особое внимание на районы Выборга, Бьерке, Кексгольма, Сердоболя, ибо, по его мнению, имелись основания предполагать развитие крупной операции финнов из этих районов совместно с действиями со стороны Нарвы, где стояли немецкие войска. На заседании президиума Совета комиссаров СКСО 20 мая была оглашена телеграмма из СНК о принятии мер по концентрации русских войск близ финляндской границы⁶⁸. Возможно, что она в некоторой степени дублировала директиву Высшего Военного Совета Республики.

Эти опасения зиждились главным образом на поступавшей информации об агрессивных заявлениях некоторых финляндских политиков и агентурных данных, свидетельствовавших о передвижениях финских и немецких войск вблизи советско-финляндской границы. По разведывательным данным штаба 7-й армии к середине мая 1918 г. на фронте Карельского участка со стороны Финляндии в первой линии было сосредоточено 6000 штыков, 43 легких и тяжелых орудия, 61 пулемет, на Выборгском направлении 29000 штыков, 4500 сабель, более 200 орудий и свыше 160 пулеметов⁶⁹. В это же время командование немецкой Балтийской дивизии издало серию приказов о проведении разведки оборонительных позиций на Карельском перешейке, а также в Куусамо для выяснения возможностей военных операций в Восточной Карелии. В последний день мая немецкие войска в Финляндии получили приказ о разведке в петроградском направлении, чтобы выяснить силу и размещение русских отрядов. В середине июня 95-й пехотной бригаде было предписано изучить дороги погранполосы Рауту–Валкъярви–Кивеннапа–Терийоки, а несколько дней спустя — местность вдоль железной дороги Выборг–Петроград и еще ряд районов на Перешейке⁷⁰. Естественным было стремление некоторых военных видеть в этом угрозу границам Советской России.

Справедливости ради стоит отметить, что не все разделяли уверенность в неизбежности финляндского вторжения. В начале июня 1918 г. «Известия ВЦИК» опубликовали «заявление компетентного лица, знакомого с положе-

⁶⁷ Новая жизнь. 1918. 26 апреля; Гражданская война: Боевые действия... Т. 2. Ч. 1. С. 62.

⁶⁸ Протокол № 24 заседания президиума Совета комиссаров СКСО от 20.05.1918 (ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 об.).

⁶⁹ Д. Надежный. На подступах к Петрограду. Б. м. Б. г. С. 34.

⁷⁰ Suomen puolustuspaitois 1918–1939. Puolustusvoimien rauhan ajan historia. Porvoo, 1988. S. 189–190.

нием вещей в Финляндии (по поводу появившихся в печати слухов о возможной агрессии финляндского правительства к Советской России)». Автор заявления, пожелавший остаться неизвестным, отрицал вероятность такого нападения. Он объяснял свою уверенность тем, что Финляндия зависима от Германии, которая против территориального расширения Финляндии за счет России, ибо Россия в настоящий момент не является опасным соседом Германии, а сильная Финляндия немцам тоже не нужна. Катастрофическое положение финляндской экономики и отсутствие в стране широкой поддержки великодержавной политики тоже свидетельствовали о малой вероятности агрессии. Наконец, нападению Финляндии на Россию мешала и боязнь правящих кругов вызвать тем самым новую революцию в своей стране⁷¹. Возможно, появление этой статьи было инспирировано большевистским руководством, ибо в эти дни при посредничестве Германии уже началась подготовка к российско-финляндским переговорам.

Победа белых в гражданской войне в Финляндии осложнила пересечение российско-финляндской границы. 30 апреля Иностраннный отдел Комиссариата внутренних дел Петроградской трудовой коммуны известил комиссара внутренних дел Петрограда М. С. Урицкого о том, что «выдача пропусков в Финляндию прекращена еще с 26 апреля сего года»⁷². Финляндский сенат примерно в это же время одобрил правила, ужесточающие допуск иностранцев в страну. Отныне они должны были иметь не только паспорт, но и разрешение на въезд⁷³. А чуть позже финны закрыли границу с Советской Россией. Во всяком случае, в протоколе заседания Совета комиссаров СКСО 9 мая было записано: «Правительство Свинхувуда заявило, что граница закрыта и никто пропускаться в Финляндию не будет. Пропуска не выдаются»⁷⁴.

Эти меры своим острием были направлены главным образом против беженцев из России. Они перекликались с апрельским же постановлением сената о выдворении из страны всех «граждан России и жителей прибалтийских провинций, за исключением подданных Польши и Украины»⁷⁵. Сенаторы объяснили свое решение участием русских в «революционном движении против законного правительства» и трудным продовольственным положением в стра-

⁷¹ Известия ВЦИК. 1918. 7 июня.

⁷² Отношение Г. И. Лордкиланидзе М. С. Урицкому. 30.04.1918 (ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 28. Л. 24).

⁷³ П. Невалайнен. Изгой: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 63.

⁷⁴ Протокол заседания Совета комиссаров СКСО от 9.05.1918 (ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1. Л. 4).

⁷⁵ Ю. Суомела. Зарубежная Россия: Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб., 2004. С. 41. Это решение вызвало отрицательную реакцию не только у русских, но и у части финнов, поэтому позднее сенат принял смягчающую поправку: выслались только русские военные и приравненные к ним лица (См.: П. Невалайнен. Изгой... С. 62).

не. Кроме того, финны, как справедливо дополняет Ю. Суомела, «стремились освободиться от всего, что напоминало о “прежнем хозяине”»⁷⁶.

В реальности эти заявления не привели к созданию ни «железного занавеса», ни односторонних потоков: русских из Финляндии, финнов из России. Граница продолжала оставаться «живой», ибо ее значение для обеих стран в то время было весьма существенным, а сама она носила в какой-то степени уникальный характер. Во-первых, это была единственная (пусть и не утвержденная обеими странами) государственная граница Советской России с европейской страной. На остальном европейском пространстве границей России служила демаркационная линия. Во-вторых, Финляндия, несмотря на ее прогерманскую ориентацию, по-прежнему оставалась наиболее удобным пунктом транзита из Западной Европы в Восточную и наоборот. Наконец, забота о судьбе своих сограждан, оказавшихся почти в одночасье в другом государстве, также не позволяла странам полностью прервать всякие отношения хотя бы на низшем уровне.

Пограничные пункты в Белоострове на советской территории и в Райюках на финской продолжали действовать, хотя их работа порой зависела от многих и разных обстоятельств. Высылка русских подданных из Финляндии привела к усилению потока добровольных и вынужденных эмигрантов в Петроград. Претендовавшая на объективность газета «Новая жизнь», не отличавшаяся пробольшевистскими взглядами, так описывала пересечение границы: «После весьма тщательного, включительно до раздевания, таможенного осмотра на ст. Райюки путешественники пешком добираются до Белоострова. Отбираются все финские деньги свыше 100 марок, продукты, материя и т.д. Унижениям и оскорблениям несть числа. Финские чиновники распространяют всевозможные ложные слухи о насилиях и грабежах, якобы чинимых над беженцами по ту сторону границы»⁷⁷. Помимо мирных жителей в Россию возвращали военнопленных из числа солдат бывшей царской армии и красногвардейцев, плененных во время гражданской войны в Финляндии. Часть беженцев прибывала по железной дороге, часть — водным путем в Петроград и Кронштадт. К лету 1918 г. таким образом границу пересекали около 20 тыс. человек⁷⁸, но пароходы, доставлявшие бывших военнопленных, швартовались в Петроградском порту и позднее.

С российской стороны поток выезжающих был неизмеримо меньше. Финляндские подданные из Советской России не высылались. А их добровольный

⁷⁶ Ю. Суомела. Зарубежная Россия... С. 41.

⁷⁷ Новая жизнь. 1918. 26 мая. Аналогичным образом описывали таможенный дозор в Райюках два русских бывших военных чиновника (См.: Там же. 18 июня).

⁷⁸ П. Невалайнен. Финляндия и СССР в 1920–30-х гг.: основные характеристики миграции и торговли // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 105.

выезд был затруднен тем, что Финляндия с июня 1918 г. ликвидировала Статс-секретариат в Петрограде. На наш взгляд, это был не только элемент административной реформы, не только символический разрыв с имперским прошлым, но и отражение позиции финляндского руководства, которое считало, что страна находится с Советской Россией в состоянии войны. Все же, чтобы не бросать своих граждан на произвол судьбы, финны обратились к Германии с просьбой оказывать посредничество финляндским подданным, пожелавшим вернуться домой. Немцы согласились, и при генеральном консульстве Германии в Петрограде был образован финский отдел из части бывших служащих Статс-секретариата и финляндской Паспортной экспедиции, которые представляли интересы финнов в большевистской России вплоть до окончания Первой мировой войны. Их работа затруднялась тем, что большевики нередко отказывали финнам в поездках на родину⁷⁹.

Скорей всего, российским гражданам, стремившимся покинуть Россию навсегда, тоже приходилось прибегать к помощи тех немногочисленных иностранных учреждений, которые остались в Москве и Петрограде. Но и временная поездка за рубеж оказывалась делом нелегким прежде всего с формальной точки зрения

Автор упоминавшейся уже докладной записки в Совнарком Петроградской трудовой коммуны Г. И. Лордкипанидзе предлагал при выдаче заграничных паспортов требовать справки от уголовной милиции и ЧК, а также представить в Иностранный отдел Комиссариата по внутренним делам список лиц, «числившихся в свое время за контрразведкой»⁸⁰. Чекисты поддержали предложение Лордкипанидзе, и 29 апреля последовало срочное распоряжение председателя ПЧК М. С. Урицкого «с момента получения настоящего уведомления прекратить выдачу свидетельств на право проезда в Финляндию без его на каждое лицо отдельного разрешения»⁸¹.

А 15 мая 1918 г. последовал специальный декрет о заграничных паспортах⁸², изданный Комиссариатом по внутренним делам СКСО. Характерно, что подобного общероссийского документа еще не существовало, он появился почти через год, после издания 24 апреля 1919 г. соответствующего декрета СНК⁸³. Но потребность в зарубежных поездках и главным образом через Петроград, который оказался к этому времени одним из немногих и, безуслов-

⁷⁹ М. Энгман. Финляндцы в Петербурге. С. 423–424.

⁸⁰ Докладная записка Г. И. Лордкипанидзе в Совет народных комиссаров Петроградской трудовой коммуны от 4.04.1918 (ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 9. Д. 1. Л. 4).

⁸¹ Распоряжение М. С. Урицкого от 29.04.1918 (ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 9. Д. 1. Л. 6).

⁸² Судя по тексту докладной записки Г. И. Лордкипанидзе, заграничные паспорта выдавались и раньше. Вероятно, речь шла о паспортах еще старого образца. В новой России потребовались новые паспорта и, главное, новые правила их выдачи.

⁸³ Декреты советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 99–100.

но, самым крупным, «окном в Европу», вызвала спешную разработку и принятие местного декрета.

Для того чтобы получить паспорт, необходимо было подать в Иностранный отдел упомянутого комиссариата ходатайство, приложив к нему удостоверение личности, 4 фотокарточки, специальный опросный лист⁸⁴, и, главное, «доказательства необходимости выезда за границу». В зависимости от цели поездки к ним относились командировочное или медицинское свидетельства, удостоверение, выданное фабкомом, завкомом или иной организацией, направляющей данное лицо за рубеж⁸⁵. Подобные обоснования, по мысли создателей декрета, должны были, вероятно, служить некоей гарантией для возвращения командированных, хотя, без сомнения, часть из них превращалась в невозвращенцев. В декрете не назывались конкретные организации, обладавшие правом выдачи подобных свидетельств и удостоверений, что заметно облегчало получение ходатайств, тем более в условиях административной и хозяйственной неразберихи, характерной для этого времени. Естественно, не обходилось и без коррумпированных чиновников. В октябре 1918 г. во все районные советы Петрограда поступило распоряжение из комиссариата по внутренним делам СКСО с требованием «ликвидировать протекцию в деле получения возможности уехать из России»⁸⁶. Речь шла, иными словами, о контроле над выдачей служебных мандатов для поездки за границу или в оккупированные местности. Многие обладатели этих мандатов назад уже не возвращались.

Логичным завершением становления системы оформления документов для поездки за границу стало распоряжение КВД СКСО, подписанное комиссаром С. Н. Равич, о выдаче русским гражданам заграничных паспортов лишь после предъявления справки из ЧК⁸⁷. Тем самым подтверждалась благонад-

⁸⁴ Опросные листы появились в апреле 1918 г. Их должны были заполнять все, едущие «за Белоостров по Финляндской железной дороге», т.е. за границу (См.: Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. Пг., 1919. Вып. 1. Ч. 1. С. 39).

⁸⁵ Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. Вып. 1. Ч. 1. С. 103–105. В сохранившемся проекте правил о выдаче заграничных паспортов, подготовленном не позднее 23 апреля 1918 г. предполагалось требовать от лиц, выезжающих из РСФСР, кроме заявления и двух фотографий, удостоверение от местного совета «о неимении препятствий к выезду», выписку из домового книги, удостоверение об отношении к воинской повинности и, при необходимости, командировочное или медицинское свидетельства (ЦГА СПб. Ф. 412. Оп. 9. Д. 1. Л. 11). Как видно из текста декрета, часть бумаг была исключена, если только их представление не оговаривалось какими-либо подзаконными актами.

⁸⁶ Распоряжение и.д. управляющего делами КВД СКСО А. Ошировича райсоветам Петрограда. 24.10.1918 (ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 58. Л. 179).

⁸⁷ Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной области. Вып. 1. Ч. 1. С. 157.

ежность гражданина не только с места работы, но и соответствующими карательными органами.

Получение документов на выезд еще не гарантировало автоматический въезд в соседнюю страну. Когда один из бывших меньшевистских лидеров Л. Г. Дейч обратился в Смольный за разрешением выехать в Финляндию для посещения больного Г. В. Плеханова, ему ответили, что «бессильны что-либо сделать, так как разрешение зависит не от них, а от Мирбаха», т. е. от германского консульства. Через неделю, сразу же после пришедшего известия о смерти Плеханова, Дейч получил от петроградских властей согласие на выезд, но дальше Белоострова уехать не смог: финляндские пограничники потребовали разрешения на въезд⁸⁸, которое выдавал ведавший иностранными делами отдел финляндского сената⁸⁹.

Если в таких ситуациях петроградские, как, впрочем, и московские власти не могли оказать давление на финляндское правительство, то в иных случаях интерес был обоюдным. Речь идет об обмене заложниками. В этом процессе активно участвовали и центральные, и местные власти с обеих сторон, причем роль последних была значительной. В середине мая 1918 г. военный руководитель Северного участка и Петроградского района А. В. Шварц обратился к представителям финляндского командования с просьбой отпустить в Россию арестованных в Выборге членов Ликвидационной комиссии. Финская сторона соглашалась на это при условии, если 250 финляндских уроженцев получат «свободный путь и пропуск через границу»⁹⁰. Стороны создали смешанную комиссию. Россию в ней представляли специалист Генштаба А. И. Федотов и начальник охраны границы А. С. Савицкий, а Финляндию — комендант Терийокского района капитан К. Доннер и полковник в отставке Б. Гельсингиус. Секретарями комиссии соответственно были К. К. Хитрово и В. Беккер⁹¹. Обмен, видимо, вскоре состоялся, но не на 250 финляндских граждан, а на 30 финнов, арестованных в Петрограде в виде ответной реакции

⁸⁸ Новая жизнь. 1918. 24 мая, 5, 6 июня.

⁸⁹ П. Невалайнен. Изгон... С. 63. В сентябре 1918 г. военным и активистским кругам, отличавшимся русофобией, удалось передать решение вопроса о предоставлении въездных виз отвечающему за безопасность Третьему отделу генерального штаба. Это привело фактически к прекращению легального въезда эмигрантов из России. В октябре сенат вернул визовые функции комиссии по иностранным делам, и приезд беженцев возобновился (Там же. С. 64).

⁹⁰ Новая жизнь. 1918. 17 мая.

⁹¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 98. Л. 61. В русской армии офицеры Генштаба перед чином добавляли слова «Генерального штаба». После упразднения в декабре 1917 г. чинов в Красной Армии в преобразованном виде продолжал существовать «корпус Генерального штаба». Относящихся к нему бывших офицеров Генштаба, а также всех бывших офицеров, окончивших два или три курса Военной академии, стали именовать «ли-

Кремля на нежелание Финляндии освободить из тюрьмы Л. Б. Каменева, Савицкого и Вольфа задержанных на Аландских островах еще в марте 1918 г., и неофициального представителя России в Финляндии К. Е. Кованько⁹².

Высылка русских граждан, обмен заложниками, редкие поездки отдельных российских и финляндских подданных, сумевших преодолеть административные препоны, стали главной характеристикой российско-финляндской границы весны-лета 1918 г. К тому же 8 июня Совет комиссаров СКСО вновь подтвердил распоряжение о воспрещении проезда через финляндскую границу⁹³. Впрочем, на деле и это постановление не всегда выполнялось. На межведомственном совещании представителей комиссариатов внутренних дел и финансов СКСО, охраны Петроградского округа путей сообщения и управления начальника тыла, состоявшемся примерно в июне — июле 1918 г., критиковался Военный контроль, который по-прежнему выдает разрешения на проезд в Финляндию, хотя на это не имеет никакого права⁹⁴.

Упомянутое совещание прежде всего интересно тем, что почти все его участники ратовали за открытие границы, согласившись «впредь до разрешения в широком масштабе соглашения с финляндским правительством центральной властью войти в соглашения временного характера с комендантом Терийокского района или с теми из представителей финляндской власти, которые на то будут уполномоченными». Не следует удивляться тому, что инициатива в открытии государственной границы принадлежала Петрограду. Мы уже упоминали, что город выполнял функцию своеобразного «окна в Европу». К тому же близость Петрограда к Финляндии подталкивала местные власти и к установлению более тесных экономических контактов с соседями⁹⁵. Возможно даже, что Москва предоставила своеобразный «карт-бланш» Зи-

цами Генерального штаба» или «специалистами Генштаба» (См.: А. Г. Кавтарадзе. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 193–194).

⁹² О перипетиях, связанных с арестом и освобождением Л. Б. Каменева, см.: А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. Миссия Л. Б. Каменева в Западную Европу // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 125–131.

⁹³ Северная коммуна. 1918. 8 июня.

⁹⁴ Об открытии российско-финляндской границы в 1918 г. (Материалы межведомственного совещания) // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. С. 358. В обязанности Военного контроля, переименованного в марте 1918 г. из Военно-почтово-телеграфного, в частности, входило наблюдение «за вывозом и ввозом грузов за границу и из-за границы, кроме сего личный досмотр лиц, уезжающих за границу и въезжающих оттуда, а также контроль охраны границ» (См.: Сборник декретов и постановлений Союза коммун Северной области. Пг., 1919. Вып. 1. С. 23).

⁹⁵ Именно в этот период в различных исполнительных органах СКСО стали разрабатываться проекты развития товарообменных операций как с Финляндией, так и со Скандинавскими государствами.

новьеву в «финляндских делах». Это, впрочем, не означает, что данной инициативой петроградские власти не стремились в очередной раз подчеркнуть значимость Петрограда, противопоставить бывшую столицу Москве.

Все же степень сепаратизма не стоит преувеличивать. Речь шла о соглашениях временного характера. К тому же, когда М. С. Урицкий предложил не открывать границы, пока не будет освобожден Л. Б. Каменев, остальные участники разговора не поддержали своего коллегу, но признали, что «если будут на то распоряжения центральной власти, граница будет вновь закрыта по этому специальному поводу».

Предложения участников совещания сводились к следующим принципиальным условиям. Во-первых, было «признано необходимым добиваться такого положения, чтобы все лица, проживающие на территории Российской республики... коим русские власти дадут разрешение на выезд из России в Финляндию, безусловно впускались туда без ограничения, причем действие такого рода разрешительных свидетельств должно было быть для финляндских властей обязательно в течение 15 дней со дня переезда границы». Финны допускались в Россию на аналогичных условиях. Полумесячный срок признавался достаточным для ликвидации своих дел в соседней стране. Продление времени пребывания зависело исключительно от местных властей.

Во-вторых, с точки зрения советских властей, всех едущих в Финляндию граждан необходимо было делить на три категории: 1) «лица, следующие за границу транзитом через Финляндию, лица дипломатического корпуса всех стран и лица, едущие в Финляндию на долгие сроки, снабженные заграничными паспортами»; 2) «все финляндские граждане»; 3) «остальные».

В-третьих, совещание решило предложить комиссариату финансов выработать инструкцию по таможенному досмотру и «вообще поставить дело досмотра на должную высоту».

В-четвертых, предполагалось созвать специальное межведомственное совещание по вопросу об установлении общих для всех пропускных пунктов правил, прав и обязанностей. Стремясь преодолеть ведомственную разногласию, участники совещания согласились назначить на пропускной пункт в Белоострове комиссара — начальника пункта, — подчиненного комиссариату по внутренним делам. Остальные комиссары от комиссариата финансов, путей сообщения, военного контроля и иных ведомств на всех пропускных пунктах «были бы ему подчинены по общим распоряжениям и самостоятельны при исполнении своих ведомственных задач».

Наконец, немалое внимание было уделено на этом заседании и охране границы. Выяснилось, что «сухопутная и морская границы с Финляндией охраняются в данный момент настолько скверно, что фактически границу можно перейти и переехать совершенно свободно». До создания специального

корпуса дело охраны сухопутной границы поручалось уже имеющейся организации, а морской — передавалось в ведение морского комиссариата. Разногласия вызвал вопрос о подчиненности охранных структур. Одни ратовали за контроль над ними комиссариата по внутренним делам, другие — военного комиссариата⁹⁶.

Картина, выявленная на межведомственном совещании, была безрадостной. По сути дела приходилось начинать все сначала и решать практически все вопросы, связанные с пограничными делами.

Критика участниками межведомственного совещания положения, связанного с охраной границы, была вполне справедливой. Петроградский округ пограничной охраны начал формироваться с 1 апреля 1918 г. К концу мая он состоял из 5 районов: Беломорского, Олонецкого, Финляндского, Петроградского и Чудского, которые, в свою очередь, делились на подрайоны, дистанции и заставы. Как и остальные округа, он подчинялся Наркомату финансов, что было подтверждено принятым Совнаркомом 28 мая декретом об учреждении пограничной охраны в РСФСР. Имевший общероссийское значение, он определял задачи пограничной охраны: защита пограничных интересов РСФСР, а в пределах приграничной полосы — защита личности и имущества граждан. Приграничной полосой считалось «пространство от пограничной черты до расположения застав первой линии и семиверстное пространство от этих застав во внутрь республики». Морская таможенная полоса распространялась на двенадцать миль от линии наибольшего отлива морских побережий⁹⁷. Пограничная охрана комплектовалась на принципах вольного найма.

Через месяц, с 1 июля 1918 г., Главное управление пограничной охраны вместе с Департаментом таможенных сборов перешли из Наркомфина в Наркомат торговли и промышленности (НКТиП). Причиной тому — необходимость усиления борьбы с контрабандой. Спустя еще полтора месяца последовал новый декрет Совнаркома, по которому погранохрана передавалась Наркомату по военным делам в отношении комплектования, снабжения, вооружения и боевой подготовки. В оперативно-служебном отношении она по-прежнему находилась в ведении НКТиП. Такое разделение вызывалось разрастанием Гражданской войны в России и, как следствие, необходимостью объединения всех вооруженных сил Республики в Наркомате по военным делам. Двойственность подчинения осложняла деятельность пограничников, вызывая неизбежную в таких условиях путаницу. Военный комиссар 1-го округа пограничной охраны⁹⁸ В. П. Виноградов, выступая на конферен-

⁹⁶ Об открытии российско-финляндской границы в 1918 г. (Материалы межведомственного совещания) ... С. 355–360.

⁹⁷ Декреты советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 331–333.

⁹⁸ 1-м Округом пограничной охраны с 31 августа 1918 г. стал Петроградский округ.

ции военно-окружных комиссаров и комиссаров Главного управления пограничной охраны, отмечал: «Формирование округа и вообще его существование поставлено в такие условия, что нельзя было учесть, кому, в конце концов, подчиняется — Северной Коммуне в лице образованной Коллегии при Отделении Народного комиссариата торговли и промышленности или Главному управлению пограничной охраны. Северная Коммуна в лице этой же Коллегии предписывает одно, Главное управление пограничной охраны — другое»⁹⁹. В середине сентября 1918 г. вместо Главного управления пограничной охраны при НКТиП был создан Отдел пограничного надзора, который вместе с пограничными чрезвычайными комиссиями, образованными летом того же года, вел борьбу с нарушителями границы и контрабандой на участках, находившихся вне театра военных действий¹⁰⁰. 1-й округ пограничной охраны с конца октября 1918 г. перешел в оперативное подчинение командующего 7-й армией¹⁰¹.

Смена начальства усугубляла и без того сложный процесс формирования собственно пограничных кадров, их обеспечения и системы охраны границы. К 15 июля в Петроградском округе пограничной охраны начальствующего состава было укомплектовано на 69% (133 из 193), рядовых пограничников на 27% (1252 из 4679). Правда, непосредственно на российско-финляндской границе дела обстояли несколько лучше. К началу августа в Олонецком районе было 28 командиров и 188 пограничников, в Финляндском — 34 и 867 соответственно¹⁰². По сути дела подавляющая часть наличного состава округа сосре-

⁹⁹ Цит. по: Э.М. Филиппов. Северо-Западный пограничный округ: история и современность. СПб., 2000. С. 18–19.

¹⁰⁰ На охране северо-западных рубежей Отечества: Очерки по истории Краснознаменного Северо-Западного пограничного округа. СПб., 1998. С. 21–22.

¹⁰¹ Э.М. Филиппов. Северо-Западный пограничный округ... С. 21. Аналогичные процессы, наблюдались в это время и в Финляндии. Поначалу большая часть российско-финляндской границы охранялась отрядами шюцкоров и добровольцев. Лишь на Карельском перешейке на границе стояли регулярные части. Генеральный штаб уже с лета 1918 г. стал добиваться, чтобы охрана границы была поручена Министерству внутренних дел, ссылаясь на нехватку средств и необходимость выполнения не только военных, но и полицейских функций. МВД приступило к организации пограничной охраны, но из-за изменения внешнеполитической и военной ситуации осенью 1918 г. военные вновь стали контролировать границу. В апреле 1919 г. Государственный совет Финляндии передал пограничную стражу органам МВД. При этом таможенные службы сохраняли свою самостоятельность, а ряд приграничных общин Выборгской губернии был выделен в особую пограничную территорию, управление которой возлагалось на погранкоменданта (Suomen puolustuslaitos. 1918–1939. S.126–127).

¹⁰² Пограничные войска... С. 91, 281. С начала октября 1918 г. пограничные части стали формироваться на основе мобилизации. Принцип вольного найма себя не оправдал.

доточилась именно в этих двух районах. Тем не менее и их состояние было далеко от нормального, что признали на совещании 11 ноября 1918 г. начальники 1-го округа пограничной охраны и Олонецкого, Финляндского и Чудского районов. По их мнению, районы испытывали «острую нужду в людском и конском составех, особенно это касается конского состава Олонецкого района, где за неимением лошадей установление связи с заставами невозможно, и большое протяжение линии границы оказывается или не занятой или занимается непосредственно вдоль линии железной дороги». Присутствовавший на совещании специалист Генштаба М. М. Энден находил безотлагательным: «1) Укомплектовать людским и конским составом районы охраны. Причем укомплектование высылать вооруженное, обмундированное, снабженное теплыми вещами, в том числе полушубками и валенками. 2) Снабдить пулеметами, тем более что ныне охрана выполняет оперативные задания войсковых начальников действующей армии. 3) Снабдить телефонами Олонецкий район. 4) Снабдить все районы лыжами, в первую очередь Олонецкий и Финляндский районы...»¹⁰³.

При таких условиях граница была достаточно «прозрачной». Ни сил, ни средств для нормального контроля у пограничников не было. По сути дела они могли контролировать только официальные пропускные пункты, расположенные главным образом на железных дорогах. Таковых на южном участке российско-финляндской границы, по мнению русских пограничных властей, должно было быть только два: на рогатке (развилке) у ст. Белоостров и на Коркиамяжской рогатке близ ст. Раасули. Направив 16 мая 1918 г. это предложение финляндскому пограничному командованию, начальник охраны границы А. С. Савицкий особо подчеркнул: «На всем остальном протяжении границы от Ладожского озера до Финского залива пропуска не будет, и все пытающиеся перейти границу в иных пунктах будут нами задерживаться»¹⁰⁴. Основным пунктом с русской стороны считался (и фактически был) Белоостров, с финской — расположенная напротив Белоострова железнодорожная станция Раяйоки.

Процедура пересечения границы осложнялась часто не только «политическими играми» высших властей, но чисто техническими моментами. Доказательством тому — просьба финских пограничников, переданная советской стороне в июне 1918 г. Обсуждая вопрос о предстоящем переезде в Финляндию 250 семейств финляндских уроженцев из Петрограда, пограничные власти предлагали отменить ограничение на вывоз финских и русских денег, акций, способствовать им в получении вкладов из банков, к тому времени уже национализированных советской властью, разрешить вывоз оружия (в вещах, не на себе) и продовольствия.

¹⁰³ Там же. С. 284, 286.

¹⁰⁴ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 98. Л. 57.

Эти требования вызывались принятыми в июне же «Временными правилами о пассажирских вещах, предназначенных к вывозу за границу». Подписанные Г. Е. Зиновьевым они были опубликованы в газете «Северная коммуна» 8 июня. Из страны запрещалось вывозить «документы, могущие повредить политическим и экономическим интересам» Советской России; золото, серебро в слитках и монета, платину, драгоценные камни, если за них не был уплачен налог; денежную наличность в сумме, превышающей 1000 руб.; огнестрельное и холодное оружие; продовольствие, «сверх необходимой 7-дневной нормы питания», а также «не бывшую в употреблении обувь» и ткани. Золотые и серебряные обручальные кольца, очки, часы с цепью, портсигары изъятию на границе не подлежали.

Здесь надо обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, набор запрещенных к вывозу вещей был вполне объяснимым и вызывался как общими интересами любого государства, так и (в части продовольствия и предметов первой необходимости) состоянием национальной экономики. Финляндия поступала так же, о чем свидетельствует приведенная уже нами пространная цитата из газеты «Новая жизнь». Гораздо интереснее другое: уплатив налог, можно было вывозить золото, серебро, платину и драгоценные камни. Сколько отъезжающих воспользовались этим правом и «работало» ли оно, мы не знаем. Но примечательно, что в списке предложений финской стороны всякое упоминание об этих предметах отсутствовало.

Свои предложения финская сторона готова была распространить и на русских уроженцев, покидающих Финляндию, на принципах взаимности. Кроме того, финны просили провести для этой группы таможенный досмотр только в Петрограде. Во всех остальных случаях, по их мнению, достаточно было таможенного досмотра в Белоострове, исключив его «у Миллера и Рахья», то есть в Петрограде. Впрочем, они не настаивали на таких жестких условиях. Судя по документу, их больше волновали случаи ареста на границе покидавших Россию граждан, имевших официальное разрешение от петроградских властей на выезд¹⁰⁵. Примечательно, что от принципа взаимности не отказывались и российские пограничные власти. В упоминавшемся уже запросе от 16 мая А. С. Савицкий четко сформулировал вопрос: будут ли пропускаться русские граждане в Финляндию и, если нет, то по каким причинам. Кроме того, он выставил требование, чтобы условия пропуска граждан обеих стран были одинаковыми¹⁰⁶. Однако решать их нужно было не на уровне местных пограничных властей или местных органов власти, а на государственном уровне. В 1918 г., даже при посредничестве Германии, ни Москва, ни Хельсинки так и не смогли найти общего языка.

¹⁰⁵ Там же. Л. 48.

¹⁰⁶ Там же. Л. 57.

Неопределенность ситуации, неупорядоченность пограничных вопросов приводили к тому, что многие русские и финляндские подданные по-своему решали проблему перехода и переезда границы. Цели при этом они преследовали разные: от посещения родственников до контрабандной торговли и шпионажа в пользу соседнего государства. С лета 1918 г. значительно возрос поток беженцев из Советской России, спасавшихся от большевиков по политическим мотивам. В финских газетах постоянно печатались сообщения о переходах границы. С финляндской стороны граница была в это время закрыта, как утверждает П. Невалайнен, «из-за опасений эпидемии», однако в сентябре пограничный комендант К. Н. Рантакари заявил о своем единоличном решении пропускать беженцев в страну. Его поддержал сенат, и границу открыли¹⁰⁷. К началу 1919 г. в Финляндии насчитывалось 11 тыс. русских, из них беженцы составляли более половины¹⁰⁸. «Русская кампания», начавшись весной 1918 г. выдворением их из страны закончилась принятием беженцев из России, хотя и не в таком количестве. Впрочем, финляндские власти рассматривали свою страну для таких эмигрантов как транзитный пункт, а не постоянное место жительства.

«Прозрачность» границы не была секретом ни для российских, ни для финских пограничников и властей. К середине 1918 г. группа российских контрразведчиков под руководством Сеппенена выявила 8 тайных переходных пунктов только близ станции Белоостров¹⁰⁹. На других участках границы их было гораздо больше. В начале октября 1918 г. члены «агитационной коллегии» Финляндской коммунистической партии, находившейся в Петрограде, И. Коскелайнен и К. Йокинен побывали в нескольких деревнях с финским населением, расположенных на западном берегу Ладожского озера. В своем отчете они писали: «В общем вынесли впечатление, что местности к западу от Ладожского озера служат местом переправки через границу финских и русских белогвардейцев в виду того, что пограничная стража очень слаба тут»¹¹⁰. Безрадостная картина содержится и в отчете агитационно-просветительного отдела Финляндской компартии, составленном на основании информации, полученной от агитаторов, побывавших в деревнях с финским населением осенью — в начале зимы 1918 г. «Почти везде говорят, что пограничная стража на границе плохая и не отвечает своей цели. Не редкость, что пограничники помогают в контрабанде и спекуляции. Даже к финскому белогвардейскому шпионству пограничники относятся равнодушно. В других местах помогают

¹⁰⁷ П. Невалайнен. Изгой... С. 17, 63.

¹⁰⁸ Ю. Суомела. Зарубежная Россия... С. 42.

¹⁰⁹ Там же. Л. 27.

¹¹⁰ Отчет о деятельности агитационной коллегии ФКП (октябрь 1918 г.) (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11614. Л. 35).

в шпионстве белогвардейцев. В особенности в местах Коркиамяки, Раасули и Вуори и (одно название неразборчиво. — *Авт.*) В последнем из упомянутых мест теперь уже обращено больше внимания и особенно на пограничную стражу. Здесь назначен политический комиссар, должность которого занимает товарищ Сааристо»¹¹¹. Вряд ли в этих донесениях были сгущены краски. О достаточно частых пересечениях границы, правда, нередко опасных, вспоминал мичман А. Гефтер, находившийся осенью 1918 г. в Хельсинки: «Некоторые (речь идет о русских эмигрантах. — *Авт.*) пытались завязывать торговлю (конечно — контрабандную), другие посвятили себя опасному промыслу переправки беженцев через финскую границу, — опасному, главным образом, для них самих, так как они находились в непрерывных сношениях с большевиками, и достаточно было произойти между двумя сторонами простой ссоры, дело кончалось расстрелом. Так, между прочим, был расстрелян камергер Стояновский, очень многих переправивший за границу». Стараниями графа П. Шувалова из Петрограда в Финляндию была вывезена княгиня О. В. Палей, супруга великого князя Павла Александровича. Курьеры, контрабандисты доставляли из Петрограда оставленные документы или драгоценности¹¹². Операции не всегда проходили успешно. Комитет революционной обороны Петрограда в марте 1918 г. препроводил в распоряжение Рождественского районного совета двух граждан — М. и Ш. Мошиашвили, задержанных при попытке тайного провоза в Финляндию значительной суммы денег в рублях и финских марках. Арестованных ждал суд Революционного трибунала¹¹³. Все же, видимо, эти случаи если и не были единичными, то составляли лишь малую толику того потока контрабанды, который шел через границу. Использование неофициальных пропускных пунктов не гнушались и финские коммунисты, находившиеся в Петрограде. В подготовленной в конце 1918–начале 1919 г., видимо, одним из отделов Финляндской компартии справке «о проведении агитационной работы в военных организациях», есть два пункта, непосредственно касающиеся Финляндии: «2. В Финляндию посылаются по возможности; ... 4. Послано в Финляндию 1/10–26/12 1918 газет и периодических изданий 26095 экз., коммунистических брошюр 24868 и воззваний 18330... В Финляндию послано немецких воззваний около 50000»¹¹⁴. Несомненно, что печатные

¹¹¹ Описание деятельности агитационно-просветительного отдела ФКП за 10.09.–31.12.1918 (Там же. Д. 11606. Л. 45). В документе: Коркеамяки, Раасули.

¹¹² А. Гефтер. Воспоминания курьера // Архив русской революции. М. 1991. Т. 10. С. 122, 124.

¹¹³ Приказ Комитета революционной обороны Петрограда Рождественскому районному совету от 11.03.1918 (ЦГА СПб. Ф. 2421. Оп. 1. Д. 1. Л. 190).

¹¹⁴ Сведения о проведении агитационной работы в военных организациях. 1918 (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11618. Л. 1).

материалы переправлялись в соседнюю страну неофициальным путем. Второй пункт — несколько туманно сформулированный — на наш взгляд говорит о посылке не литературы, а агитаторов. Косвенным подтверждением этого предположения может служить текст краткой записи сообщения представителя финской секции Саастамойнена на заседании Северного областного комитета РКП(б) 25 февраля 1919 г.: «Существуют агитаторские курсы, подготовляющие агитаторов... Агитация ведется и по ту сторону границы»¹¹⁵.

Выше уже упоминалось, что летом 1918 г. ситуация вокруг Петрограда стала вызывать серьезную озабоченность у советского правительства, т.к. навязываемая Германией операция «Шлюсштайн» предусматривала проведение совместной операции германских и советских войск в направлении на Мурман, что предполагало пропуск германских войск через Петроград. Последнее сулило обернуться непредвиденными последствиями. Летом в бывшей столице контрразведывательные органы фиксировали резкую активизацию антибольшевистского подполья и иностранных разведок. Действия командования германской Балтийской дивизии в Финляндии в деталях в Петрограде известны не были, тогда как уже 31 мая ее командованием был отдан приказ о проведении разведки на петроградском и восточно-карельском направлениях, 15 июня германская 95-я резервная бригада получила распоряжение об изучении района Рауту – Валкъярви – Кивеннапа – Терийоки и территории Сортавалы, Янисъярви, Тулемайоки, а несколькими днями позднее — побережья Финского залива, местности вдоль дороги Выборг – Петроград и еще ряда районов на перешейке. Особый интерес со стороны штаба Балтийской дивизии в связи с планировавшейся операцией «Шлюсштайн» проявлялся к северной Финляндии, к области Петсамо, Кандалакшскому заливу, Мурманской железной дороге¹¹⁶.

В июле 1918 г. командование Балтфлота получило копию доклада по Морскому генеральному штабу от 8 июля о необходимости усиления разведки вдоль северного побережья Ладожского озера. Из сопроводительных документов явствовало, что ещё 12 июня вопрос обсуждался на заседании коллегии Наркомата по морским делам. Тогда командованием Балтфлота была предоставлена следующая информация: «1) Организуется агентурная разведка из Финляндии и Карелии. 2) Послана в район Ладожского озера воздушная разведка и организуются базы для воздухоотряда Шлиссельбург-Лодейное

¹¹⁵ Протокол № 495 заседания Северного областного комитета РКП(б) от 25.02.1919 (Там же. Оп. 1. Д. 301. Л. 7). Подобными методами большевики действовали в отношении и других пограничных стран. Представитель латышской секции Спунде рапортовал на том же заседании: «Работа ведется по части подготовки и отправления товарищей в Латвию и с этой целью создана группа пропагандистов» (Там же).

¹¹⁶ Suomen puolustuslaitos 1918–1939. Puolustusvoimien rauhan ajan historia. Porvoo, 1988. S. 189–190.

Поле и в Ладого. 3) Послана на разведку в Ладожское озеро подлодка, результатов разведки не получено. 4) Несут сторожевую службу на Ладожском озере 4 угольных миноносца, 4 сторожевых судна и одна подводная лодка. Крайне необходимо скорейшее проведение штатов службы связи, открытие кредитов на оборудование базы и открытие контрразведки в Шлиссельбурге, и пересылка для авиации бензина, за полным отсутствием такового невозможно на воздушная разведка»¹¹⁷.

Большие сомнения как в Москве, так и в Петрограде вызывало то, что Финляндия, в случае обострения советско-германских отношений, не попытается воспользоваться ситуацией. В августе в Военно-контрольное отделение Союза коммун Северной области поступила информация из Отделения военного контроля Оперативного отдела Наркомата по военным делам. Полученные в Москве сведения свидетельствовали о том, что Финляндия организует в Петрограде и близлежащих местностях свою разведку, поддерживаемую и руководимую Германией. Главными организаторами считались фон Люциус¹¹⁸ и полковник Хельсингиус¹¹⁹. Отмечалось, что интеллигентные молодые финны стремятся проникать в штабы армий под видом латышей с паспортами, доставляемыми им немцами. От военного контроля в Петрограде требовалось установление наблюдения, но, судя по всему, особых результатов это наблюдение не дало. Именно летом 1918 г. резко возрос поток лиц нелегально переходивших советско-финляндскую границу в обоих направлениях. Далеко не всегда речь могла идти о лицах, выполнявших разведывательные задачи. Однако фактически неконтролируемый «транзит» требовал принятия мер. Власти были особенно озабочены тем, что такие перевозки людей стали совершенно обычными даже в Кронштадте. Так, финн Константин Сакси, содержатель чайной на углу ул. Высокой и Александровского бульвара, которую финны называли «Ино», являлся посредником между желающими

¹¹⁷ В отношении четвертого пункта Троцкий наложил резолюцию: «Желательно отпустить хотя бы часть этого количества».

¹¹⁸ В данном случае речь идет, скорее всего, о германском посланнике в Швеции Гельмуте Эдуарде Фердинанде Люциусе фон Штёттен (1869–1934).

¹¹⁹ О ком идет речь в данном случае установить не удалось. Это не был егерский майор Густав Фредрик Хельсингиус (1884–1935) (с 31 мая по 10 августа 1918 г. он был адъютантом главнокомандующего в ставке). По агентурным данным подполковник Хельсингиус проживал ранее в Петрограде на Малой Конюшенной, д. 1–3, кв. 14; был арестован в Петрограде вместе с рядом других подданных Финляндии в мае 1918 г. как заложник. Причиной послужил арест на Аландских островах члена ЦК РСДРП(б) Льва Каменева и сопровождавших его лиц, возвращавшихся в Россию. В июле 1918 г. Хельсингиус, как и арестованные вместе с ним другие финские подданные (среди них известный художник Бакмансон), были освобождены и выехали в Финляндию. Вряд ли он мог, находясь под арестом, заниматься разведывательной деятельностью.

перебраться в Финляндию и финнами-владельцами лодок, которые брали за провоз в один конец 150 р., но при этом ещё требовали, чтобы отъезжающий доказал, что он «принадлежит к белой гвардии». Перевозка людей в Финляндию была облегчена тем, считали агенты военно-морского контроля, что на брандвахте порта бдительность очень ослаблена, «шаюпки уходят в море, подкупая дежурных брандвахты». В июне внимание военно-морского контроля привлекла информация, что священник Кронштадтского морского собора Сергей Путилин¹²⁰ часто ездит в Финляндию через Северный фарватер на лодке, несмотря на закрытие границы.

В середине октября 1918 г. в военно-морской контроль штаба Балтфлота был представлен доклад начальника охраны Водного района Кронштадтской крепости Владимира Вольтинги. Из доклада следовало, что существующая охрана Водного района «начало считает 16-ое июня с.г. после годовичного перерыва». Именно тогда «были даны курсы, каким водить лайбы и пароходы», но только с конца июля «на 29 меридиане и 60 параллели» был поставлен плавучий Лондонский маяк, «на котором находились лоцмана и миноносцы по очереди дежурили у него». Начальник охраны Водного района напоминал, что «при начале организации охраны было введено правило, что все вольные шаюпки, как рыбацьи, так и собственные (частные), должны зарегистрироваться на брандвахте в Кронштадте. Признаками регистрации служили номер на носу и удостоверение Брандвахты. Проверка шаюпок должна была производиться Брандвахтой». Однако, после того как в августе было поставлено минное заграждение, поступило распоряжение командования флотом о снятии внешней дозорной службы и оставлении только лоцманской службы.

Перевозкой людей в Финляндию и из Финляндии занимались и рыбаки Сестрорецкого района. Агенты военно-морского контроля сообщали: «Перевозка производится ночью и следуют они приблизительно верстах в 2–3 от берега и от батарей [форта] Тотлебен 4–5. От Лисьего Носа до Сестрорецка никакой охраны на берегу не имеется, таким образом, несмотря на бдительность надзора на фортах крепости и также в Кронштадте люди беспрепятственно переходят закрытую границу... пограничная охрана Белоостровской границы сама пропускает лиц, не имеющих на то документов за взятки как деньгами, так и спиртными напитками».

Также, по сведениям военно-морского контроля, активно перевозкой грузов и людей в Финляндию осенью 1918 г. занимались жители дер. Дубки Лахтинской волости: «Осуществляется означенная перевозка таким образом.

¹²⁰ Протоиерей Кронштадтской Морской Богоявленской церкви Сергей Путилин (1877–?). В 1900 г. он был назначен священником этой церкви с должности благочинного Кавказской кавалерийской дивизии. Сан был снят в январе 1919 г. Принимал участие в Кронштадтских событиях 1921 г.

Выезжают на парусной лодке в 8–9 часов вечера, на высоте пос. Горская останавливаются и выжидают наступления полной темноты, а затем отправляются в дальнейший путь, на который тратят от 2-х до 3-х часов. Останавливаются они в Терийоках, где выпускают на берег перевозимых пассажиров и выгружают груз. По тем же сведениям, в Терийоках не приходится выполнять никаких формальностей, так как документов там не спрашивают. За перевозку лиц плата взимается по соглашениям; при проезде 5–6 лиц взывается по 200 р. с человека, при меньшем числе — дороже, но имеются сведения, что были перевозимы такие господа, которые платили очень дорого (слова рыбаков). Помимо местных перевозчиков на северное побережье Финского залива приезжают в Россию финны, которые занимаются тем же».

Коротко говоря, прилегающие в Петрограду территории напоминали растревоженный муравейник. Держать под контролем это мельтешение людей у границы у органов контрразведки не хватало ни кадров, ни опыта. В поле их зрения попадали очень немногие. О том, насколько сложно было бороться с незаконной переправкой людей через границу, свидетельствует история, поведанная агентом военно-морского контроля В. Поповым. В конце июня 1919 г. он с напарником отправился в Лемболово, чтобы договориться с местными властями об организации поимки одного крестьянина из деревни Сур-Кайдала (в 7 верстах от Лемболово), промышлявшего переправкой людей через границу. В Лемболово им довелось узнать, что вся волость настроена крайне антисоветски, идти вдвоем в деревню Сур-Кайдала безнадежно, так как все население вооружено, находится в постоянной связи с рассыпанными по местным лесам «зелёными». Население ни в коем случае не позволит арестовать своего. «Воинской же силы на всей границе никакой нет, за исключением небольшого количества ненадёжной пограничной стражи, которая сама занимается контрабандой и сотрудничает с местными жителями». Местное население не только что пронесит через границу товары, а провозит их на подводах. «В общем, — констатировал Попов, — положение на этом участке границе таково, что там может незаметно пройти не только один человек, но и целый полк». Агенты вернулись в Петроград ни с чем.

Осложнение ситуации в отношениях РСФСР с Германией, спровоцированное подготовкой германским командованием операции «Шлюсштайн», вызвало отсылку 8 августа 1918 г. агентом военно-морского контроля Кууском юзограммы своему начальнику комиссару Клепацкому, находившемуся на корабле «Кречет»: «Имеются сведения, что Германия в связи с наступлением бывших союзников готовится к наступательным операциям против Петрограда с целью захватить флот». Спустя два дня, встревоженный Кууск докладывал своему начальству, что «при обследовании охраны крепостных сооружений и складов на острове Котлин, охраняемыми матросами Кронштадтского флотского полуэкипажа (береговой караульной роты), выяснилось

следующее: караульные относятся к своим служебным обязанностям ниже удовлетворительного, часто бывают случаи, что весь состав караула, не исключая и караульного начальника спят в караульном помещении, кроме того, уходят ранее положенного срока из караула (после смены с поста) не дожидаясь смены всего караула. На пристани у Петроградских ворот с 6-го сего августа и до настоящего времени караульную службу несут солдаты особого отряда пограничников, которые проверяют документы очень аккуратно, то же самое видно у входа на суда и Порт».

Во исполнение поступившего из Москвы распоряжения корабли Балтфлота начали постановку дополнительных минных полей в Финском заливе. Военно-морской контроль Балтфлота докладывал 14 августа по инстанции: «... по поступившим агентурным сведениям за последнее время сообщается, что Германия в настоящее время планомерно стягивает войска к нашей границе, Пскову и Финскому заливу, а также отправляет их в Финляндию. Среди германской армии, расквартированной в местностях около Риги и в Эстляндии, циркулируют упорные слухи, что им скоро придётся воевать на русской территории с союзными и с сибирскими войсками, которые, по мнению германского командования, должны со временем, если не силою, то голодом и другими приемами, победить советские войска, и потому Германия должна использовать этот момент в свою пользу и обеспечить свой тыл со стороны Финляндии и Прибалтики, тем более по отношению Балтийского флота... Сведения о предполагаемом выступлении Германии подтверждаются прибывшими из оккупированных Германией областей».

Тревожащие для властей данные поступали и из Сестрорецка. 14 августа из военно-морского контроля Балтфлота начальнику Морской регистрационной службы Морского генерального штаба было сообщено: «... в районе Сестрорецка, несмотря на то, что курорт в настоящее время закрыт, и большинство дачников выехало, замечается много лиц немецкой национальности; проверить же, кто и откуда там проживающие не представляется возможным за отсутствием прописки лиц, проживающих в Курорте». Сестрорецкий курорт с подведомственными ему пансионатами был закрыт 11 августа распоряжением Сестрорецкого волостного военного комиссариата ввиду «ожидаемых агрессивных действий со стороны германо-финских войск». Все обитатели курорта должны были быть выселены в 48-часовой срок.

Складывавшаяся ситуация обусловила повышенный интерес органов контрразведки к приграничным территориям, хотя в середине августа постепенно и стало выясняться, что ожидать наступления немцев едва ли стоит. 16 августа начальник Кронштадтского отделения военно-морского контроля Кууск докладывал: «... в местностях, прилегающих к Кронштадтскому крепостному району со стороны Финляндии, как-то: начиная от Белоострова и до Финского залива охрану пограничной линии несут исключительно финны (егеря), за

редким исключением можно встретить немца, которые являются учителями военного искусства (инструктора). 9-го или 10-го августа почти все германские войсковые части, начиная от Белоострова и до Терийок были отправлены вглубь Финляндии (насколько известно, на Мурман), только маленькие отряды конницы оставлены для охраны порядка, ввиду разногласия финнов на почве государственного порядка. В местностях Райволова, Терийоки и Кивинаба размещены германо-финские штабы, самый большой штаб в этом районе имеется в местечке Кивинаба, верстах в 27 от Терийок. Главный же штаб находится в г. Выборг. Ввиду ухода из пограничной полосы значительных германских сил, охрана границы ведётся более энергичнее, чем раньше и переход границы является почти невозможным, по словам самих финнов это объясняется тем, чтобы иностранные разведчики не могли бы проникнуть на территорию Финляндии... Обучение финнов к военному искусству идёт усиленно и в скором времени полагают мобилизовать ещё несколько годов. По разговорам из достоверных источников никаких посягательств со стороны Финляндии на Петроград в настоящее время не замечается. Кроме того, имеются сведения, что через русско-финскую границу ввиду слабости надзора с нашей стороны проникают финские разведчики, которые не только следят за событиями в Петрограде, а даже на Северном и Восточном фронтах».

С финской стороны принимавшиеся меры предосторожности привели к закрытию границы с Россией. Коменданту Белоостровского пропускного пункта об этом сообщил по телефону 16 августа финский комендант ст. Раййоки (граница закрывалась 16 августа с 11 часов по финскому времени для всех пассажиров, за исключением дипломатических курьеров Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии). Впрочем, уже 19 августа финская сторона сообщила о том, что граница снова открыта. По сведениям начальника Петроградского отделения военно-морского контроля И. К. Симонича, закрытие границы было обусловлено, вероятно, тремя причинами: перегруппировкой финских частей в районе Расули и Сердоболя, назначением коменданта Терийокского округа активиста Кая Доннера на пост заведующего политическим отделом при Финляндском сенате и переполненностью карантинной в приграничной зоне. Комендантом Раййоки, по данным начальника военно-морского контроля в Сестрорецке Симонича, был Ховилайнен, ранее служивший на заводе Парвиейнена в Петрограде, а командующим войсками Терийокского округа — Вилькман. По сведениям того же Симонича, «финляндцы, принудительно призванные в войска Финляндии, обучаются инструкторами из немцев и финляндцев, прошедших военную школу в Германии (преимущественно егеря 27-го егерского батальона из Локштедта), причём ввиду недостатка вооружения такие солдаты — новобранцы при обучении снабжены не винтовками, а палками». Что же касается германской контрразведки, то начальник Петроградского отделения военно-морского контроля полагал, что

её штаб находится в Парголове, а ячейки — в разных местах, «говорят, таким пунктом было Шувалово, теперь, возможно, что в Дюнах учреждён такой пункт».

Неблагополучной, с точки зрения Кронштадтского отделения военно-морского контроля, была ситуация на южном берегу Финского залива. По доносениям агентов пограничная охрана сухопутного района за фортом Красная Горка небрежно относилась к своим обязанностям, беспрепятственно пропускала всех приезжающих из Финляндии, а также выезжающих в Финляндию. Даже если патрули и высылались на побережье, то «они гуляют по деревням... где никакой охраны не требуется».

Для работы органам военного, военно-морского контроля и ЧК требовалось разъяснение некоторых юридических норм. В начале октября 1918 г. Регистрационная служба Морского генерального штаба получила, в частности, заключение Наркомата юстиции «по вопросу об определении понятия шпионажа и о порядке направления обследованных и доведённых контролем дел до стадии, когда таковые дела должны передаваться на распоряжение в подлежащие установления — Всероссийскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и должностными преступлениями и в Революционные Трибуналы». Вопрос был поставлен перед Наркоматом юстиции наркоматом по военным делам ещё в начале лета 1918 г. 25 июня Наркомат юстиции «разрешил его следующим образом»:

Исходя из основного положения, что дооктябрьский политический строй и общественный порядок разрушены социалистической революцией, необходимо констатировать, что старые законы и узаконения, распоряжения и постановления, поддерживавшие низвергнутый строй, разрушены и должны считаться несуществующими, отсюда следует не только то, что старые законы не могут быть применяемы, но и то, что ссылка на них в настоящее время при издании новых законов — недопустима.

В этом отношении деятельность всех органов советской власти как военных, так и гражданских, должна быть направлена к тому, чтобы по мере сил ускорить и облегчить процесс проникновения в народные массы убеждения в том, что все, что содержалось в прежних сводах законов, безвозвратно миновало, умерло и вновь воскреснуть не может.

В частности, шпионаж в военное и революционное время является таким отвратительным, хотя и обыденным явлением, и последствия его для Советской Республики и её защиты настолько вредны и опасны, что в настоящее время нет оснований посвящать слишком много времени обоснованию мер и порядка. Борьба с последним — это вопрос специальный, вопрос военной защиты государства, а не вопрос уголовного законодательства.

Во время войны и революции со шпионажем можно, помимо общих предупредительных мер, бороться террором. Вопрос о том, кто этот тер-

пор применяет — вопрос второстепенный: несомненно только то, что дела о шпионаже должны быть изъяты из компетенции обыкновенного общеуголовного суда и направлены в Комиссию по борьбе с контрреволюцией и в революционные трибуналы.

Там, где репрессия заранее определена, и где никакого снисхождения не может иметь места, как в вопросе о шпионаже, все производство по расследованию дела должно быть упрощено, решение и исполнение должны следовать непосредственно друг за другом без значительных промежутков. Вся задача расследования сводится к тому, чтобы установить: 1) факт шпионажа, 2) причастность к нему данного лица. Расследование всех прочих моментов (мотивов, смягчающих обстоятельств, характеристики привлечённого) не должно иметь места. Апелляция и применение помилования не допускаются.

С целью устранения всех недоразумений и предупреждения возможных злоупотреблений, а также для устранения существующего в этом отношении пробела в находящемся ещё только в процессе созидания законодательстве и сообщения борьбе со шпионажем организованной законной формы, Народным комиссариатом юстиции предлагается руководствоваться следующими положениями:

О ШПИОНАЖЕ

§ 1. Всякий, кто несмотря на принадлежность к гражданству того или другого государства, сообщает сведения о вооружённых силах страны иностранному государству или его представителям, агентам, союзникам или кому-либо из состава его вооружённых сил, или каким-либо частным лицам, действующим от его имени, по его поручению или в его интересах с целью оказания ему помощи, или с целью воспрепятствования обороне страны, а равно тот, кто такие сведения сам или при посредстве других лиц для той же цели собирает или доставляет для этой цели материальные средства или оказывает другого рода помощь, как-то: даёт ответы и указания, подстрекает к этому других, или же, зная о совершающемся шпионаже, не сообщает властям, подлежит за шпионаж рассмотрению революционным трибуналом.

§ 2. Сообразно с тем, где совершался шпионаж, и где обвиняемый был задержан, он придается революционному трибуналу (декрет о революционном трибунале от 4 мая) ближайшего региона. (Где нет таковых — революционный трибунал немедленно образуется ближайшим Советом в составе трёх лиц, избранных Советом Рабочих и Крестьянских депутатов из своей среды).

§ 3. Рассмотрение трибуналом дел о шпионаже должно ограничиваться установлением факта шпионажа и причастности к нему данного обвиняемого. Решение Трибунала приводится в исполнение немедленно, не позже 24 часов. Апелляции и помилования не допускаются.

С осени ситуация на советско-финляндской границе в районе Карельского перешейка стала привлекать повышенное внимание военно-морского контроля. 21 октября 1918 г. чрезвычайный комиссар Военно-морского контроля А. Ю. Буш созвал совещание в доме Любищева по Морской улице в Сестрорецке. Часть дома занимал тогда Сестрорецкий военно-морской контроль Балтийского флота. Совещание многолюдным не было. Помимо самого Буша присутствовали начальник Сестрорецкого (до октября назывался Петроградским) военно-морского контроля Балтийского флота И. К. Симонич, комиссар по военным делам Приморско-Сестрорецкого района В. И. Ильин и представитель Сестрорецкого оружейного завода некая Корнилова. Собравшиеся обсуждали ставший актуальным вопрос об охране границы с Финляндией и побережья Финского залива. На территории Сестрорецкой волости на тот момент были расквартированы несколько воинских частей: 1) формирующийся Сестрорецкий батальон (180 штыков списочного состава¹²¹), который нес охрану участка протяженностью в две с половиной версты от побережья Финского залива до деревни Редоуголь¹²²; 2) формирующийся 10-й (ранее — 4-й) пехотный полк 2-й Петроградской дивизии (в нем к тому времени насчитывалось 100 человек, из них — три четверти командный состав) и 3) 8-я батарея. Впрочем, как выяснилось в ходе совещания, имелись и другие воинские части, на которых была возложена охрана границы, в частности, 5-й «номерной» полк.

Сестрорецкий батальон участником совещания бывшим графом И. К. Симоничем был охарактеризован как «добросовестно относящийся к своим обязанностям, проявляющий должное уважение к чужому имуществу и к правам населения», чего, по его словам, нельзя было сказать в отношении двух остальных воинских частей. Особенно дурной славой, заявил Симонич, пользуется, однако, другая часть — 5-й полк, недавно переведенный из Сестрорецка в Белоостров. Участники совещания склонялись к мысли о необходимости постановки вопроса о расформировании 10-го полка и включении его личного состава в состав Сестрорецкого батальона. Низкая оценка этого полка основывалась на многочисленных данных, поступавших от агентов военно-морского контроля. Так, в сводке за октябрь 1918 г. указывалось: «По сведениям командированных агентов, вблизи Сестрорецка стоит 10 номерной полк, в котором организация налажена очень плохо... в канцелярии имеется больше, чем в строю. Солдаты службы никакой не несут, посты нигде не занимают, караулы не выставляют, занимаются тем, что ездят для прогулки в Петроград». Участ-

¹²¹ Данные о количестве «штыков» в этом батальоне (т.н. Отряд большевиков, руководителем которого считался комиссар Ильин) расходятся. В любом случае списочный состав не превышал в конце 1918 г. двух сотен человек.

¹²² Ныне не существует. Ранее находилась южнее станции Белоостров на левом берегу р. Сестры.

ники совещания, судя по всему, были осведомлены о состоянии дисциплины в этом «номерном» полку и разделяли вышеприведенную оценку.

Негативная информация о состоянии дисциплины в вышеупомянутых воинских частях, расквартированных на границе, поступала и ранее. Так, 22 сентября 1918 г. заведующий агентурой одного из отделений военного контроля Военного комиссариата Петроградской трудовой коммуны направил руководству рапорт следующего содержания:

Между Петроградом и Белоостровом, а также и на финляндской границе в местные пограничные войска, несущие охрану, вкраплены части 4-го и 5-го полков. Названные части, вместо того, чтобы заниматься своим прямым делом которое в настоящее время, приобретая особый интерес и военность, т. е. следить охраняя границу за тем, чтобы никто не переходил её без соответствующего разрешения как с той, так и с другой стороны и осуществлять, таким образом, необходимый строжайший контроль за переходящими границу лицами, не только не исполняют своих обязанностей, но даже сами провозят на моторных лодках в Финляндию разную контрабанду и проводят через границу за известную плату разных лиц, между которыми могут оказаться и шпионы, без всяких разрешений и даже паспортов. Ввиду того, что все вышеизложенное является недопустимым явлением, приносящим прямой вред Российской Республике и особенно делу её обороны, так как благоприятствует работе неприятельского шпионажа, полагал бы войти в сношение с командирами названных частей для того, чтобы выяснить всестороннее положение дела и пресечь в корне подобное недопустимое явление¹²³.

Несколько иначе оценивал ситуацию на этом участке границы побывавший в Белоострове с целью выяснения мест массового перехода границы заведующий активной частью Петроградского окружного отдела военного контроля Алексеев, который в своем «Докладе по обследованию русско-финляндской границы» сообщал руководству, что такого места в настоящее время нет, но, вероятно, оно имелось ранее. Массовым переходам препятствовало, по его мнению, то, что в помощь пограничной охране приданы два полка Красной армии, а кроме того — арест двух начальников застав, одного представителем морской контрразведки из Кронштадта, а другого — начальником района¹²⁴. Однако это, по словам Алексеева, не исключило полностью незаконных

¹²³ Удивление вызывает тот факт, что начальство просило автора рапорта предварительно сообщить, есть ли конкретные данные и узнать, кто командует указанными частями.

¹²⁴ Факты предательства должностных лиц погранохраны случались нередко. Например, как сообщал агент военно-морского контроля в штаб Балтфлота, 1 декабря «старший помощник Белоостровского коменданта бывший офицер лейб-гвардии Литовского полка Николай Николаевич Саргани» перешел среди белого дня через мост на финскую сторону «под предлогом необходимости переговорить по телефону с министром внутренних дел Финляндии Энкелем и не возвратился». В 1921 г. Саргани умер в Берлине на 46 году жизни. Ранее, 28 сентября 1918 г. начальник военно-морского контроля

переходов границы, так как погранохрана малочисленна, а местность создаёт условия для таких переходов. У местных жителей выяснили, что ранее наиболее удобным для перехода был брод у «Казака Камня», но в настоящее время там построен парный мост, а начальник дистанции сам часто дежурит по ночам. Инспекционная командировка Алексеева была вызвана тем, что по ранее поступавшей информации «из источника заслуживающего полного доверия», «на финляндской границе в данное время в районе Сестрорецк-Белоостров происходит массовый переход границы из России в Финляндию. Переход этот совершается по ночам и обыкновенно вброд, так как Сестра река в том месте мелководна и узка». Определённое недоумение не могут не вызывать последние фразы одного из полученных докладов: «На нашей стороне вблизи места перехода стоит обитаемое здание и лица, занимающие это помещение, находятся в теснейшем контакте с таким же зданием на финляндской стороне... Указать место перехода и фамилии лиц, проживающих в указанных зданиях, выяснить пока не удалось».

Что же касается собственно охраны границы, то участники вышеупомянутого совещания в Сестрорецке вынуждены были констатировать, что отдельные секторы границы с Финляндией практически не охраняются. Так, от Раяйоки до Каллиалово граница охранялась всего шестью пограничными чинами. Более того, на совещании было отмечено, что «личный состав пограничной охраны в отношении исполнения служебного долга оставляет желать очень многого, так как еще недавно имелся случай задержания пограничников при намерении их провезти в Финляндию контрабанду, репутация их такова, что упорно циркулируют слухи о том, что за взятки они пропускают незаконно переходить границу». Также на совещании было отмечено, что «от надзора ... ускользают лица, умышленно, с целью разведки, высылаемые в Россию, имеющие возможность проникнуть через границу благодаря слабости или полному отсутствию надзора со стороны пограничной охраны».

Ситуация с дисциплиной в призванных к охране границы частях на Перешейке вызвала серьезное беспокойство, но, с другой стороны, от агентов военно-морского контроля поступала и иного рода информация. В Белоостров 16 ноября для обследования границы с Финляндией был направлен агент Кронштадтского отделения военно-морского контроля А. Павлов. Отметив, что с финской стороны в 4-х верстах роются окопы, а за местечком Райвола стоит прожектор (который, правда, по слухам, «часто портится»), он сообщал, что германские войска постепенно уходят из Финляндии. Это была

Гаврищенко сообщал в Морскую регистрационную службу Генмора, что накануне «тайно переправился через р. Сестру с семьей в Финляндию комендант станции Белоостров и начальник Белоостровского пропускного пункта Август Васильевич Гентш». По сведениям Гаврищенко, Гентш был до известной степени причастен к делам незаконной переправы в Финляндию предметов, являющихся военной контрабандой.

в определенной степени успокаивающая информация. Известия о революции в Германии находили, тем самым, косвенное подтверждение. Полторы недели спустя Павлов вторично был направлен для обследования этого же участка границы. На этот раз его интересовали места переходов границы контрабандистами. Картина, нарисованная им в докладе, была безрадостной: «Пограничники как с нашей стороны, так и белогвардейцы, если поймают, то не брезгают взятками товаром и деньгами... В настоящее время, по полученным мною сведениям, финны ведут усиленную разведку в Белоострове и прилегающих местностях и в Петрограде, а также на форту Красная горка». По сведениям агентуры военно-морского контроля, в Терийоках находился главный штаб финской белой гвардии, «который управляет вооружёнными силами 8 уездов. При главном штабе в Терийоках находится много бывших офицеров и генералов, а также бывший жандармский полковник Тюфяев¹²⁵, который до революции служил на ст. Белоостров, и два офицера ранее служившие на финской границе в пограничной охране». Без внимания агентов военного и военно-морского контроля не осталось проведение финской стороной работ у границы по созданию проволочных заграждений. Такая линия шла от Финского залива через деревни Олила, Куоккала и Япинен до Пюлькала. От упомянутого последним населенного пункта работы велись до местечка Равда. Местами проволочные заграждения, правда, отсутствовали. 19 декабря финская сторона начала сооружение проволочных заграждений от деревни Корби-Кюля до деревни Топсельга через деревни Пюлькюля, Япинен, Харяла и Мустепохья. Чем обуславливалась эта деятельность — стремлением укрепить границу, предотвратить проникновение «красной заразы» или даже наступления большевиков, обрадованных событиями в Германии — с советской стороны объяснить затруднялись.

Сведения о засылаемых в Россию финских агентах время от времени поступали и в Петроградскую ЧК, и в военно-морской контроль штаба Балтийского флота, но, как правило, оказывались устаревшими или носили довольно расплывчатый характер. Так начальник военно-морского контроля Балтийского флота Макаров осенью 1918 г. сообщал в Петроградскую ЧК, что «по полученным сведениям из Терийокского отделения финской контрразведки в Россию командирован агент Карл Хейдонен, который даёт сведения в Терийокское отделение обо всех изменениях в пограничной охране, численность команд и полков, расположенных на границе, о командном составе, а также о качестве и настроении воинских частей Российской Республики.

¹²⁵ Владимир Александрович Тюфяев (1864–1924) — полковник отдельного корпуса жандармов. В 1909 г. стал помощником начальника Финляндского жандармского управления по Абоскому району, в 1915 г. был прикомандирован к штабу корпуса жандармов, а позже откомандирован на станцию Белоостров.

Хейдонен выслан для разведки в Россию 7 месяцев тому назад и по имеющимся у меня сведениям поселился на ст. Парголово. Он в Терийоки ездит очень редко, но ... даёт сведения через особых людей и якобы очень ценные». Однако каких-либо следов упомянутого Хейдонена обнаружено не было. А в середине января 1919 г. в Петроградскую ЧК поступила информация о некоем «диплом-инженере» Йенсе Семеновиче Топельберге, ещё в 1909 г. начавшем свою шпионскую деятельность в пользу Германии, а теперь работающем в интересах Финляндии. «Топельберг в Россию приехал из Берлина и поступил вольнослушателем в Химический отдел Технологического института в Петрограде ... в 1917 г. несколько месяцев прожил в Одессе, после чего поселился в Шувалове». После непродолжительного отъезда в Финляндию он вернулся в Петроград и в мае 1918 г. «появился в Кронштадте, где интересовался вооружением фортов». Однако поиски чекистами в Петрограде инженера Топельберга успехом не увенчались.

Если учесть, что в распоряжении начальников пунктов военно-морского контроля редко когда имелось более двух человек для выполнения самых различных задач, понятно, что выполнение поручений вышестоящего начальства не могло не наталкиваться на непреодолимые препятствия. Вполне понятно, например, желание начальника военно-морского контроля Балтийского флота Макарова, чтобы его подчинённый на станции Белоостров Безсонов немедленно исполнил перечисленные в депеше от 25 января 1919 г. указания, однако, едва ли последний мог сделать это, имея в распоряжении всего одного агента: «Прошу принять самые энергичные меры к выполнению нижеследующего: 1) в дер. Елизаветино проживает некий крестьянин Данила, занимается отправкой контрабанды и контрабандистов через границу — подлежит аресту. За этой деревней надлежит установить строжайшее наблюдение, всех подобных лиц арестовывать, а если вся деревня занимается контрабандой, то может последовать предписание о полном уничтожении этой деревни. 2) в деревне Медной проживают два контрабандиста Койме Иван и Мартинсон — подлежат аресту. 3) Ст. Графская, Дибунская ул. Проживает Тарху Иван Семенович, даёт свою лошадь для надобностей контрабандистов. 4) Ст. Графская, Лидьинская ул., № 29 проживает Ремиз Дмитрий Иванович — у него две недели скрывался Паскевич и через него пытался уехать в Финляндию».

Ситуация с охраной границы и к концу 1918 г. не изменилась к лучшему. 6 декабря 1918 сотрудник военного контроля Никонов докладывал начальнику Окружного отдела военного контроля о проведённой им вместе с подчинёнными инспекции участка Белоостровского пограничного пункта. Он сообщал, что пройдя после восьми часов вечера от Белоострова до деревни Алакюля (т.е. более 12 верст), он ни разу не только что не был остановлен, но и не встретил ни одного из чинов погранохраны. Только в деревне Алакюля он был остановлен финским часовым, доставившим его на дистанционный

пункт: «Вообще надо отдать справедливость, что красные финны значительно лучше несут свою службу и с большим сознанием своего дела относятся к делу порученной им охраны границы». Помимо этого, Никонов, под видом занимающегося контрабандой человека, посетил известного ему Михаила Кохия, собиравшегося в ту же ночь нести через границу почту для белогвардейцев. Одновременно Никонов с сотрудниками контроля попытался устроить засаду для «заведовавших белогвардейскими пунктами» Альбина Пуепенена (начальник пункта) и Эсы Пухалайна, занимавшихся «переносом белогвардейской почты и контрабандой». Засада не удалась, так как два упомянутых финна посетили Кохия ранее, чем к его дому пришли чины погранохраны. Стремясь изменить впечатление начальства от неудавшейся операции, Никонов сообщал, что охрану финляндской границы несут на всем ее протяжении красные финны, поступившие на службу к белогвардейцам и ждущие только момента открыть границу для пропуска красных войск, перейдя на советскую сторону.

Следует, однако, признать, что низкий уровень дисциплины в частях, предназначенных к охране границы на Карельском перешейке, был обусловлен не только общим ее падением в результате созданного событиями 1917–начала 1918 гг. хаосом. Не менее важной причиной было и то, что обеспеченность личного состава провиантом и снаряжением оставляла желать лучшего, подталкивая к решению этой проблемы частыми «экскурсиями» в Петроград и к «приработке» — занятием контрабандой, поскольку иного решения бытовых проблем довольно длительный срок не находилось. В начале ноября 1918 г. начальник Сестрорецкого военно-морского контроля Балтийского флота Симонич обратился к начальнику военно-морского контроля штаба Балтфлота со следующей просьбой: «Наступление холодов и связанная с этим необходимость обзаведения тёплым платьем, вынуждает меня обратиться к Вам с просьбой об исходатайствовании пособий на тёплую одежду мне и чину для поручений ¹²⁶ А. А. Самойлову, а также наблюдателю С. П. Александрову, лицам, по характеру службы должностным весьма нередко совершать продолжительные поездки и переходы по открытой местности ¹²⁷. Незначительные оклады содержания ¹²⁸, которых абсолютно не хватает на жизнь, особенно при наличии семьи, невероятная дороговизна на продукты и предметы первой необходимости, служат достаточным, очевидно, доказательством для возбуждения изложенной выше просьбы. Неудовлетворение сего ходатайства поставит нас в критическое положение» ¹²⁹.

¹²⁶ Помета А. Ю. Буша: «Такого нет!».

¹²⁷ Помета А. Ю. Буша: «За продуктами».

¹²⁸ Помета А. Ю. Буша: «? Это 1000 р. и 1000 расход!».

¹²⁹ Помета А. Ю. Буша: «Расстрелять за растрату, а не снабжать тёплым платьем».

Стремясь добиться желаемого результата, Симонич явно, однако, допустил в дальнейшем изложении своей просьбы серьёзный просчет. Он забыл о малости — о том, что его начальство знает о его, Симонича, происхождении, о том, что он из бывших, к тому же из родовитых бывших. «Для сведения Вашего сообщаю, — писал он А. Ю. Бушу, — что в бытность мою НАЧКОНРАЗОТОМ СВЕАКРЕПА¹³⁰, Морским генеральным штабом было разрешено НАЧКОНРАЗОТУ ШТАФЛОТА БАЛТМОРЕЯ выдать пособия на обзаведение штатским платьем по 2000 ф[инских] м[арок], по 1500 ф.м. и наружным агентам по 800 ф.м., причём курс фин. марки стоял дороже рубля (1 р. 10 к. — 1 р. 25 к.) в 1916–1917 гг. Разница в ассигновании сумм зависела от того, насколько приходилось контрразведчику конспирироваться и обзаводиться разнообразным одеянием»¹³¹. Эта просьба Симонича вызвала предельно сильное раздражение его начальника. Однако не это послужило причиной принятия в ноябре 1918 г. решения о ликвидации Сестрорецкого участка военно-морского контроля, когда Симонич получил распоряжение «новых агентов не принимать»¹³².

Будет уместным несколько подробнее остановиться на личности Симонича и его судьбе. Граф Иван Константинович Симонич (1871–1919) окончил в 1897 г. юридический факультет Московского университета. По его словам, графский титул в его роду был получен от польского короля Матвеем Симоничем в 1648 г. После недолгой службы в суде (младший кандидат на должности по судебному ведомству при Митавском окружном суде) Иван Константинович был командирован в камеру прокурора Петербургской судебной палаты, а позже получил назначение на должность секретаря при прокуроре Иркутской судебной палаты. Затем судьба забросила его во Владивосток, где он до 1902 г. работал следователем, однако вскоре вышел в отставку

¹³⁰ Начальник контрразведывательного отдела Свеаборгской крепости.

¹³¹ Помета А. Ю. Буша: «Здорово!».

¹³² Вопрос об объединении «сухопутной и морской контрразведок» в Петрограде стал обсуждаться еще в сентябре 1918 г. Инициатором выступило Отделение регистрационной службы при штабе Северного участка и Петроградского района. Тогда на имя начальника военно-морского контроля Балтфлота поступило письмо начальника отделения, вызванное созданием в Белоострове пункта военно-морского контроля: «Принимая во внимание, что было бы крайне нежелательно и непроизводительно иметь в одном и том же районе два самостоятельных учреждения, сфера деятельности коих настолько близка друг к другу, что возможно на этой почве смешение функций каждого из них, и что начальник 2-й Петроградской дивизии и Карельского района 7 сего сентября высказался за то, чтобы заведыванием делом контрразведки подведомственного ему района и дивизии возложить на вышеупомянутое отделение, я полагаю бы полезным для дела учредить один общий контрразведывательный пункт». Речь шла о передаче всех контрразведывательных функций в ведение военно-морского контроля Балтфлота.

в чине титулярного советника. Причины этой перемены в своей судьбе Симонич не пояснял, но, возможно, к этому его подтолкнула необходимость поиска дополнительных средств для обеспечения своей многочисленной семьи. Вскоре он получил должность «главного корреспондента Владивостокской группы Русско-Китайского банка». После русско-японской войны Симонич вернулся в центральную Россию, в 1907 г. был назначен комиссаром по крестьянским делам одного из уездов Рязанской губернии, а в 1914 г. — чиновником по особым поручениям при финляндском генерал-губернаторе. На этой должности он оставался до 1917 г. После февральской революции Иван Константинович был назначен на должность начальника контрразведывательного отделения Свеаборгской крепости, оставаясь на этом посту до окончания гражданской войны в Финляндии. Приехав весной 1918 г. в Петроград он получил назначение на должность начальника Петроградского отделения военно-морского контроля Балтфлота, переименованного впоследствии в Сестрорецкое отделение. На этой должности он пробыл до 31 января 1919 г., после чего занял должность начальника Сестрорецкого пункта мобилизационного управления Штаба Петроградского военного округа. Оставался на этой должности вплоть до ареста.

Можно предположить, что причиной отстранения его от должности Сестрорецкого отделения была не только реорганизация (слияние военного и военно-морского контроля), но и несколько скандальных ситуаций, затронувших ряд сотрудников как военно-морского, так и военного контроля, которые усилили подозрительность руководства этих органов и петроградских чекистов, особенно в отношении бывших. В данном случае речь отнюдь не идёт о фактах предательства. В январе 1919 г. в Петроградском окружном отделе военного контроля рассматривалось дело уполномоченного начальника Белоостровского пункта Военного контроля тов. Жуковского. Речь шла о том, что упомянутый Жуковский запретил гражданке Заркевич, проживавшей на станции Белоостров в собственной даче, большая часть которой была отведена под помещение Военного контроля, продавать принадлежащие ей вещи — галстуки, платки, носки, постельные покрывала и т.п. Не сойдясь с хозяйкой в цене Жуковский пригласил в качестве оценщицы подчинённую ему сотрудницу контроля гражданку Парай-Кошиц, которая и оценила вещи в 300 руб., вместо просимых Заркевич 600 руб. Как констатировал начальник Окружного отдела военного контроля К. Розенталь, Жуковский, «пользуясь выгодами служебного положения, вопреки воле собственницы и под страхом невыгодных для неё последствий приобрёл вышеупомянутые вещи, не имеющие никакого отношения к удовлетворению нужд Военного контроля и потому составляющие неотъемлемую частную собственность их владелицы». Провинности Жуковского этим не исчерпывались. У одного из крестьян он реквизировал 4 пуда муки, уступив половину в качестве вознаграждения помогавшему ему

при реквизиции финну, т.е., считал Розенталя, распорядился ставшей после реквизиции казенной мукой как своей собственной. Розенталь предписал передать дело Жуковского в народный суд, предъявив ему обвинения в превышении власти, вымогательстве и присвоении казенного имущества.

Причина ареста 11 мая 1919 г. Симонича была, однако, совершенно иной. Ею послужило его знакомство с дореволюционных времён с Борисом Ленцем, которого он принял к себе на службу в Сестрорецкий пункт мобилизационного управления Штаба Петроградского военного округа. Симонич на первом допросе, состоявшемся почти через месяц после ареста — 4 июня 1919 г. — подтвердил, что Ленц являлся его секретным сотрудником, служил приблизительно с марта, а ранее был на службе в военном контроле Северного фронта. При принятии его на службу Симонич, якобы, исходил из следующих соображений. Дело заключалось в том, что Ленц ранее служил в лейб-гвардии драгунском полку и был однополчанином братьев Вилькман¹³³, служивших в Финляндии. Это обстоятельство, указывал Симонич, было расценено им как исключительно важное, поскольку расширяло возможности ведения агентурной разведки. Данное обстоятельство и сподвигло Симонича командировать Ленца в Финляндию в разведывательных целях. После Финляндии Ленц должен был из Гельсингфорса перебраться на южный берег Финского залива — в Эстонию — и выполнить ряд разведывательных задач. Ленц же вернулся из Финляндии в Петроград, не привезя ценных сведений, недели за две до ареста Симонича. Судя по всему, Ленц оказался не единственным из секретных сотрудников, принятых на службу Симоничем, которые перешли в антибольшевистский лагерь.

23 июля 1919 г. Симонич (арестант камеры № 208 Дома предварительного заключения) направил «заведующему Особым отделом Чрезвычайной комиссии Северного района Комарову» заявление. «Во время состояния моего на службе я ни в чем не нарушил долга своего перед Советской Республикой. Это известно всем, кто был ознакомлен с моей и даже частной деятельностью, в том числе и Вам, гр. Комаров, — писал он. — То обстоятельство, что некоторые из служивших в Сестрорецком пункте *сотрудников*, главным образом из секретных, изменили долгу своей службы и принятым на себя при поступлении на таковую обязанностям, мне не может быть поставлено в вину, как я полагаю, так как преступная деятельность указанных лиц могла обнаружиться лишь после поступления ко мне от них донесений из командировки из заграницы или личного возвращения их оттуда; тогда я мог бы принять надлежащие меры... Во всяком случае, те ужасные нравственные страдания, которые

¹³³ Речь идет о братьях Карле Фредерике Вилькман (Вилкама) (1876–1947), полковнике российской армии и генерале финской армии, и полковнике Оскаре Альфреде Вилькман (Вилкама) (1880–1953).

мне пришлось пережить в тюремном заключении, с избытком искупили уже те кажущиеся провинности, которые могли бы быть поставлены в вину в связи с раскрытой изменой некоторых сотрудников Сестрорецкого пункта».

В своем заявлении Симонич просил о скорейшем освобождении, ссылаясь, в частности, на то, что ему нужно заботиться о жене и 6 малолетних детях (у него было четыре дочери и двое сыновей). Кроме того, он напоминал, что «покойный следователь гр. Юдин» говорил, что он, Симонич, проходит по делу как свидетель, а не как обвиняемый. Симонич не знал, что уже 12 июня упомянутый им Юдин и начальник следственного отдела Петроградской губернской ЧК подписали постановление, в котором трое лиц — бывший офицер лейб-гвардии Вольнского полка А. А. Лимонт-Иванов, Э. Р. Шлейхер и И. К. Симонич — признавались пособниками финских шпионов, которым они помогали в добывании сведений и документов. Имущество вышеперечисленных лиц подлежало, по мнению следователей, конфискации, а сами они приговаривались к расстрелу¹³⁴. Во многом суровый приговор был продиктован складывавшейся под Петроградом ситуацией. В атмосфере, созданной наступлением Северного корпуса и эстонских частей на Псков и Петроград, начатом в мае 1919 г., трудно было ожидать иного отношения к людям, заподозренным в шпионаже или даже в невольном пособничестве противнику.

Наблюдение за Лимонт-Ивановым велось с весны 1919 г., когда этот поклонник артисток Мариинского театра попал в поле зрения агентов военно-морского контроля как человек, не только занимающийся перепродажей драгоценных камней и картин, но и готовый за вознаграждение обеспечить переправку желающих в Финляндию. Необходимые документы для проезда и прохода в приграничную зону он получал через старшего бухгалтера отдела по делам пленных и беженцев окружного военного комиссариата Шлейхера. В начале мая были получены агентурные сведения, что к Лимонт-Иванову заходил вернувшийся из Финляндии Борис Николаевич Ленц, установивший контакт со штабом Юденича в Гельсингфорсе. Ленц предлагал Лимонт-Иванову сотрудничество. Сам же Борис Николаевич собирался в середине мая через Грузино снова перебраться в Финляндию. Ленц заходил к Лимонт-Иванову 10 мая. О содержании состоявшейся с ним беседы агенту военно-морского контроля было известно в тот же день, а на следующий день последовал арест Симонича. Последний, судя по всему, даже не знал, что Ленц в это время находился в Петрограде.

¹³⁴ В сентябре 2002 г. военный прокурор Балтийского флота утвердил заключение по делу трех приговоренных к расстрелу за шпионаж вышепоименованных лиц, согласно которому они подлежали реабилитации, уголовное дело в отношении их прекращалось на основании ст. 24 ч. 1 п. 2 УПК РФ за отсутствием состава преступления.

Надо признать, что в Разведывательном отделении Мобилизационного управления Петроградского окружного комиссариата по военным делам действительно очень высоко ценили работу И. К. Симонича. Накануне ареста Симонич, например, получил предписание начальства отправиться в Москву и Тверь. Цель командировки была сформулирована так: «... для выполнения возложенного на Вас спешного секретного поручения». В выданном Симоничу на следующий день начальником отделения И. Гончаренко удостоверении цель поездки в Москву была уточнена: «... для урегулирования вопроса об отпуске для вверенного мне отделения иностранной валюты, а также для немедленного обмена русских денег на таковую же валюту, экстренно необходимую для нужд военной агентурной разведки». И. Гончаренко и комиссар Разведывательного отделения окружного комиссариата Педдер 21 мая 1919 г., т.е. уже после ареста Симонича, направили следователю Юдину письмо, в котором, утверждая, что «всё учреждение в полном составе ручается за безусловную благонадёжность Симонича», что «это человек идеальной честности и образцовый работник» и отсутствие его «парализовало всю нашу работу», просили «в интересах чисто государственных... дело Симонича ускорить производством и рассмотреть его вне очереди». Более того, в Особый отдел Петрогубчека была направлена записка военного комиссара Петроградского окружного комиссариата по военным делам П. Исакова: «Прошу освободить арестованного агента разведывательного пункта Комиссариата в Сестрорецке Симонича».

Симонич, насколько можно судить, за тот год, что он служил советской власти, действительно стремился добросовестно исполнять должностные обязанности. Но насколько это позволяли делать объективные условия? 18 октября 1918 г. он как начальник Петроградского отделения военно-морского контроля направил руководству послание, которое, судя по маргиналиям, было принято только «к сведению». Симонич писал тогда в своем рапорте: «Не имея в своём распоряжении достаточного количества людей для непосредственного наблюдения за государственной с Финляндией границей, а также будучи до сего времени крайне ограничен в денежных средствах, я лишён при существующих условиях возможности установить надлежащий контроль за переходящими помянутую границу. В связи с этим, в целях получения содействия со стороны воинских частей, расположенных в районе вверенного мне отделения и занимающих посты по границе с Финляндией (р. Сестра), я обратился с просьбой к командирам 4 пех[отного] полка 2 Петроградской дивизии, 5 номерного полка и 6 батареи, в сношениях от 16 сего октября за №№ 274–276, чтобы они ставили меня в возможной скорости в известность обо всех обнаруженных случаях шпионства, военной контрабанды, незаконного перехода границы (в обе стороны), задержания подозрительных в таких отношениях лиц и пр. Кроме того, я просил местный Военный Комиссариат

поддержать возбуждённый мною вопрос, так как только при содействии местных властей и расквартированных в районе отделения воинских частей, порученное мне дело может развиваться и стать на должную высоту <...> Сообщая об изложенном присовокупляю, что охрана границы на участке Дюны-Белоостров не стоит на должной высоте, в виду малочисленности людей отряда, занимающихся таковой».

Вместе с тем, имея в своем распоряжении всего несколько человек, Симонич не мог организовать деятельность своего отделения так, как это было желательно. Он и его сотрудники стремились не только отмечать настроения населения и выявлять контрабандистов и финских разведчиков, но и выяснять общую политико-экономическую ситуацию в Финляндии, собирать сведения о дислокации финских частей на Карельском перешейке. Информация собиралась по крупицам. Так, в середине октября 1918 г. Симонич докладывал начальнику военно-морского контроля Штаба Балтфлота о сведениях, «полученных путём опроса финляндского гражданина Захара Александровича Никандера и сообщаю, что указанное лицо, плотник по профессии, состояло в приходе Лаппи в Красной гвардии, входившей в состав Ньюландского отряда; после белогвардейского переворота в Финляндии он был задержан на ст. Хювенге, по освобождении 30 апреля с/г был на работах в Тавастгусте, в Вильманстранде, в Йоутсено, затем, решив бежать в Россию, чтобы получить какую бы то ни было работу, он оставил в Лаппи отца, мать, жену, двое детей, снабдив их 500 марками, перешёл границу. Никандер показал дополнительно, что ему рекомендовали обратиться в Петрограде в какую-то контору, которая даёт финнам советы и указания; контора эта находится на Симбирской ул., 45, кв. 25». Факт наличия подобной «конторы» не мог не вызвать интереса у контрразведчиков, однако их интересовал и вопрос, как вообще осуществляются переходы границы. По словам Никандера, это было делом не трудным: «Осведомившись, что солдаты Раяокского отряда снисходительны к перебежчикам и подкупны, за взятку часовому в 50 ф.м. перешёл между 15 и 16 часами [6 октября] вплавь р. Сестру в одной версте ниже Старого Белоострова; причём на русской стороне долгое время никем встречен не был, пока не прибыл пограничник, который и отвёл его в помещение. Перебежчику труднее было дойти от Выборга до границы, чем перейти таковую». По словам 27-летнего перебежчика, продовольственный вопрос «стоял в Финляндии настолько остро, что даже белые войска угрожают финляндским властям покинуть службу, если вопрос питания не улучшится». К удивлению агентов контроля, допрошенному ничего не известно о существовании в Финляндии подпольной литературы, несмотря на то, что он 9 лет состоял членом финляндской социал-демократической партии.

В конце октября 1918 г. сотрудник Сестрорецкого военно-морского контроля Балтийского флота А. А. Самойлов по поручению своего начальника

Симонича допрашивал перебежчика, 27-летнего литовца Ивана Ивановича Равинского, уроженца Сувалкской губ., Великовежской вол., гмины Альвет, дер. Чичка. Как выяснилось, всего за три недели до задержания тот ещё служил в погранохране на Карельском перешейке. До того как попасть в пограничники он все четыре года войны до революции жил в Англии (работал в шахтах), а после революции по требованию Временного правительства прибыл в Россию. Когда он прибыл из Англии в Архангельск, то был властями отправлен в Сибирь, где и пробыл шесть месяцев. Причины, по которым его «отпустили» из сибирских казарм, Равинский объяснить не мог, только обмолвился, что это произошло после октябрьского переворота. Он попытался уехать обратно в Англию, где у него остались жена и двое детей, но его не выпустили из страны. «Видя, что уехать мне не удастся, я пошёл через Вологду в Петроград; в Петрограде работы не было, и я пошёл по деревням искать работу, — повествовал о своей судьбе Равинский. — Однажды, таким образом идя вдоль железной дороги, дошёл до места, дальше которого меня не пустили, говоря, что там Финляндия. Тогда я поступил пограничником и прослужил три недели. Стоял на постах и смотрел, чтобы никто не переходил границу, прослужив три недели, со мной был такой случай: пошёл я собирать грибы и не знаю, как попал к финнам, которые забрали меня и перевезли в Выборг в тюрьму. В тюрьме меня продержали около месяца; когда отпустили, я поехал обратно в Россию по железной дороге. С поезда до границы прошёл около 10 вёрст; потом встретил солдата, который спросил у меня документы, и, узнав, что таковых у меня нет, а они на посту где я служил, забыл, как называется эта часть, арестовал меня. Там, где я служил пограничником, мне давали все продукты на руки, как напр.: сахар, муку и др. По дороге из Выборга в Россию солдат видел мало. Укреплений тоже не видел».

Симонич не упускал из виду любую информацию не только о ситуации в районе его ответственности, но и в целом на Северо-Западе. В конце декабря 1918 г. ему, в частности, стало известно о содержании одной из бесед вернувшегося в Петроград из Выборга поверенного по делам Датского посольства И. П. Берга. Последний характеризовал ситуацию в Финляндии как совершенно спокойную, говорил, что «иностранных войск в приграничной полосе не имеется; не имеется их также по слухам и в Гельсингфорсе, Ганге и даже Або», но упоминал, что в Ревеле, Либаве и, якобы, в Риге находятся корабли английской эскадры. Симонич особо подчёркивал, что, по мнению Берга, в Финляндии вопрос об оккупации Петрограда и наступательных действиях против России отложен¹³⁵. Не всегда получаемой им информации давалась

¹³⁵ Симоничу и его сотрудникам приходилось иногда выполнять не свойственные им функции. Так, 16 декабря 1918 г. он сообщал руководству: «12-го с/м. на ст. Белоостров прибыло Норвежское посольство, о беспрепятственном пропуске коего в 16 часов была получена телеграмма от Народного комиссара по иностранным делам т. Чичерина; одно-

объективная оценка. Когда в середине января 1919 г. ему стало известно о направленном датским консулом в Гельсингфорсе циркулярном письме проживавшим в Петрограде датским подданным, в котором последним рекомендовалось ликвидировать свои дела и спешно выехать из Петрограда, то Симонич объяснял это возможностью ареста всех подданных Северных держав, тогда как в действительности это предложение было продиктовано отзывом из Петрограда в связи с разрывом дипломатических отношений остававшихся в городе сотрудников дипломатических миссий Дании, Норвегии и Швеции.

Вместе с тем, попытки Симонича получать информацию командированием агентов по другую сторону границы, судя по всему, редко приносили успехи. Об одном из провалов он сообщал 9 декабря 1918 г. начальнику военно-морского контроля штаба Балтфлота: «5-го с/м. на станции Куоккала начальником местной “Охранной гвардии”¹³⁶ Микко Порвали, бывшим сыщиком Терийокской полиции, был арестован один из моих сотрудников, возвращавшийся с собранными из разных мест Финляндии сведениями; 7-го с/м. в деревне Тулокас был арестован другой сотрудник. В обоих случаях никаких компрометирующих арестованных документов или переписок в руки арестовавших не попало. Эти аресты, сделанные без всякого основания, наводят на вполне основательное подозрение, что они были совершены по указаниям, данными работающими здесь агентами финляндской разведки. Как на одного из таковых мною было указано на некоего Тикка; ныне мне указан ещё Тьюёпанен, железнодорожник из Белоострова, живущий на ст. Белоостров, на коего тоже падает подозрение в сношении с финл[яндскими] “белыми”. Брат названного Тьюёпанен 7-го с/м. был арестован нашими пограничниками в дер. Алакюль в сообществе Эса Пухалайнен и Микко Куохио при попытке перенести через границу 25 килло масла, 12 килло сыра и 1000 папирос».

Однако в некоторых случаях, получаемая от закордонных агентов информация была ценной. В январе 1919 г. Симонич докладывал начальнику военно-мор-

временно с прибытием посольства получено было распоряжение из Чрезвычайной комиссии по борьбе с к. — рев. и спекуляцией за подписью В. Н. Яковлевой (председатель Петроградской ЧК) о задержании посольства впредь до распоряжения и, засим, в вскрытии и досмотре багажа, превышающего для дипломатического курьера норму (9 пудов или 150 килло), несмотря на протест посланника Арильфа Фитфельда, досмотр части багажа был произведён; затем, по новому распоряжению, багаж был освобождён от досмотра и посольство беспрепятственно пропущено в Финляндию». В данном случае следует иметь в виду, что обязанности посланника Королевства Норвегии в Санкт-Петербурге с 1906 по 1918 г. бессменно исполнял бывший губернатор провинции Финмарк, депутат стортинга Николай Христиан Пребенсен (1850–1938). В рапорте Симонича речь идёт о секретаре норвежской миссии, фамилия которого искажена, правильно — Арильд Розенкранц Витфельдт (1878–1945).

¹³⁶ Имеется в виду шюцкор.

ского контроля Штаба Балтфлота: «... 9-го с/м в 20 часов намеревался переправиться через Русско-Финляндскую границу из Финляндии около дачи Петрова в деревне Редуголь неизвестный финляндец-белогвардеец, который прибыл к р. Сестре в сопровождении 3 человек финл. солдат. С нашей стороны заблаговременно была устроена засада на месте переправы в количестве 4 человек красноармейцев — двое справа и двое слева. Первая засада была обнаружена финляндцами, а потому переходившего границу направили левее, и он вышел прямо на левую засаду, из коей выскочил один красноармеец с намерением захватить “белого”, но тот произвёл выстрел из револьвера, на который красноармеец ответил выстрелом из винтовки. “Белый”, видя невозможность перейти границу, бросился бежать обратно. Тогда по нему открыли из засад огонь, “белый” всё-таки ушёл в Финляндию, предполагают, что он был ранен, т.к. он упал на середине реки».

Нередко органы военно-морского контроля располагали описанием внешности забрасываемых на советскую территорию финских агентов. Начальник военно-морского контроля Макаров направлял такую информацию в ПЧК: «По полученным мною агентурным путём сведениям из Финляндии 27-го с/м из Терийок выехали, чтобы направиться в Петроград с целями военного шпионажа из Гельсингфорса 2-е мужчин и 1 женщина... Эйнар Хаво, 22 лет, роста ниже среднего, брюнет, усов не носит, хорошо владеет шведским, финским и русским языками; носит пенсне, ранее служил в Петрограде в какой-то конторе. 2) Тауно Рауттиайнен, 26 лет, среднего роста, тёмные волосы, маленькие усы, говорит по-фински и немного по-русски. Ранее служил в Петрограде на Финляндской ж.д. 3) Девушка Брунель, 30 лет, малого роста, светло-русые волосы, в совершенстве владеет финским, шведским и немецким языками и немного по-русски говорит... На днях ожидается прибытие ещё 20 человек шпионов».

В ряде случаев Симоничу приходилось сообщать информацию достаточно общего характера, что вызывало у его руководства неприкрытое раздражение. Так, 24 октября он докладывал начальнику: «По полученным мною сведениям из Финляндии в Россию контрабандным путём идёт: масло, сыр и рожь, каковые продукты идут в России в обмен на цикорий и кофе; по тем же сведениям, из России в Финляндию идут: внутренние электрические провода, резина во всяком виде, кофе, сахар, чай, цикорий и металлы». Резолюция, наложенная на рапорт, гласила: «Установить, кто продаёт. Легенды не нужны». В других случаях, Симонич явно использовал сведения, которые были ему доступны во время службы в контрразведке после февральской революции 1917 г. или из газетных материалов. По крайней мере, они едва ли могли быть добыты им как начальником Сестрорецкого отделения военно-морского контроля. Так, в начале ноября он представил довольно пространственные сведения «о предполагаемом восстании против Советской власти, являющиеся результатом агентурной работы по данному вопросу сотрудников отделения». Уместной будет обширная цитата из этого доклада:

В двадцатых числах сентября 1918 г. начали с разных сторон поступать сведения о начавшейся вновь за последнее время активной деятельности социал-революционных организаций в связи с разрешением Тройственным соглашением в положительном смысле вопроса об интервенции по русским делам; причём имелись указания о прибывающих в настоящее время в Петроград членах тех же организаций, — докладывал руководству Симонич. — Произведённое за указанной деятельностью наблюдение даёт ныне полное основание утверждать о наличии определённого блока между с[оциалистами]-р[еволюционерами] центра, правыми с.-р. организациями, меньшевиками и примыкающими к последним родственными организациями, причём руководящую роль играет группа центра во главе с В. В. Савинковым¹³⁷. Деятельность всех этих организаций подчиняется директивам, исходящим от главного штаба сих последних. По непроверенным сведениям, названный штаб находится вне пределов Советской республики, а именно в Подольской губернии. Косвенно это подтверждается тем, что Савинков, имевший в сентябре месяце пребывание в Петрограде, в настоящее время выехал в Подольскую губернию, передав главное руководство группой А. Т. Земелю¹³⁸. Ближайшими сотрудниками Савинкова являются следующие члены его группы: 1. Штернберг Лев Яковлевич, в 1917 г. бывший деятельным членом союза «Спасения Родины и Революции», 2. Прибылев Ал. Васильевич¹³⁹, популярный деятель с.-р. организации, 3. Майков И. И., 4. Сигов Алексей Сергеевич, член союза «Спасения Родины и Революции», 5. Лукашевич Иосиф Демьянович¹⁴⁰, 6. Старынкевич Иван Ильич¹⁴¹, 7. Вржосек Сергей Карлович¹⁴², капитан Генерального

¹³⁷ Так в документе. Имеется в виду В. В. Савинков.

¹³⁸ Бывший присяжный поверенный Александр Тимофеевич Земель.

¹³⁹ Прибылёв Александр Васильевич (1857–1936) — русский революционер, член партии «Народная воля», бактериолог, общественный деятель. Из партии эсеров вышел в 1917 г. Неизвестно, был ли он в Петрограде осенью 1918 г.

¹⁴⁰ Лукашевич Иосиф Демьянович (1863–1928) — член террористической фракции партии «Народная воля», участник покушения 1 марта 1887 г. на Александра III. Был приговорён к вечной каторге. До 1905 г. находился в заключении в Шлиссельбургской крепости. С 1920 г. профессор геологии университета в Вильнюсе.

¹⁴¹ Вероятно, Иван Юльевич Старынкевич. Из дворян, сын генерал-майора. В июне 1881 г. Московским военно-окружным судом приговорён к 20 годам каторги. Заключение отбывал на Каре («кариец»). В 1905 г. вернулся с каторги в европейскую Россию. В 1906 г. эмигрировал за границу, вернулся в Петроград 10 июля 1917 г. через Париж и Лондон. 3 октября 1917 г. допрашивался Следственной комиссией. Уверял, что препятствий к проезду через Англию и Францию не было. Член партии эсеров.

¹⁴² Сергей Карлович Вржосек (1867–1957) — окончил Александровский кадетский корпус и Константиновское военное училище, в 1892 г. окончил Александровскую военно-юридическую академию, с 1896 г. — присяжный поверенный, принимал участие в де-

штаба, 8. Пекарский Эдуард Карлович, 9. Член группы «Воля Народа», литератор Серебряков Эспер Александрович, заведующий справочным отделом и бывший офицер флота. Наблюдением часть поименованных лиц была замечена в Петрограде под чужими фамилиями.

Ближайшей, примыкающей к группе Савинкова организацией, является группа Евгения Евгеньевича Колосова¹⁴³, последний принадлежит к правым с.-р. и был деятельным сотрудником газеты «Воля народа».

В Центральный комитет правых с.-р. в настоящее время входят следующие лица: Луцкий Константин Леонидович, Пулянский, Ракитников Н.И.¹⁴⁴, бывший товарищ министра при Чернове, сотрудник газеты «Воля народа» и организатор саботажа в Министерстве земледелия. Его, по имеющимся данным, сейчас в Петрограде нет, семья же его, оставшаяся в Петрограде, несомненно, поддерживает с ним сношения. Местонахождение его обнаружено не было в виду невозможности установить правильное наблюдение. Е. Е. Колосов стоит во главе специальной боевой группы с.-р.ов, он заменил собой бывшего командующего 5-й армией Болдырева, Васильковского и Верховского, в своё время бывших руководителями этих боевых групп. К правым с.-р.-ам примыкают меньшевики и трудовики. Наиболее видными деятелями этих групп, поддерживающих контакт с первыми двумя группами, являются следующие лица: присяжный поверенный Брамсен¹⁴⁵, при[сязный] повер[енный] Энтин, Александр Андреевич Яновец, присяжный поверенный Зарудный¹⁴⁶ и Ал. Ал. Исаев. Эти группы имеют своим главным руководителем Филоненко.

ательности Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Во время Первой мировой войны был призван в армию. После Октябрьской революции занимался педагогической деятельностью.

¹⁴³ Колосов Евгений Евгеньевич (1879–1937) — в 1897 г. вступил в партию социалистов-революционеров, состоял в савинковской боевой группе. В июле 1917 г. был комиссаром в Кронштадте. Однако в 1918 г. был уже в Сибири, был членом Сибирской областной группы.

¹⁴⁴ Ракитников Николай Иванович (1864–1938) — окончил юридический факультет Петербургского университета; народоволец, член ЦК партии эсеров; в 1917 г. был товарищем министра земледелия во Временном правительстве. В 1918 г. — член Комуца.

¹⁴⁵ Имеется в виду Брамсон Леонтий Моисеевич (1869–1941) — с 1910 по 1916 г. был присяжным поверенным при Санкт-Петербургской судебной палате. С 1905 г. был одним из секретарей «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России». Член Трудовой народно-социалистической партии. Председатель Комиссии Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по подготовке выборов в Учредительное собрание.

¹⁴⁶ Зарудный Александр Сергеевич (1863–1934) — присяжный поверенный Петербургской судебной палаты, неоднократно участвовавший в крупных политических процессах до Февральской революции, министр юстиции во втором правительстве Керенского.

В ближайшем контакте с указанными всеми с.-р. организациями работает также «Всероссийский железнодорожный стачечный комитет», получающий от них определённые директивы. Помимо сношений через своих эмиссаров с главным штабом с.-р. организаций, последние сносятся непосредственно, через своих агентов, с военными и политическими представителями Тройственного соглашения.

В конце октября месяца Рейдель получил определённую миссию от главного штаба, для чего был вызван на Украину, куда и выехал.

Одновременно были получены сведения, что в парикмахерской в д. 67 по Невскому проспекту, произошла странная смена хозяев предприятия. Новый хозяин французский гражданин Грайель, только что прибыв из Парижа, купил названную парикмахерскую, но парикмахерским делом не интересовался и даже редко посещал своё предприятие... было установлено, что некоторые лица довольно часто, без всякой видимой нужды посещали названную парикмахерскую. Одним из наиболее постоянных посетителей был старец высокого роста, по имеющимся в распоряжении сотрудника приметам похожий на Филоненко или Зарудного. Те же агентурные сведения дают основание предполагать, что в упомянутой мастерской был организован конспиративный пункт свидания членов с.-р. организации... По дальнейшим наблюдениям Луи Грайель все время поддерживал непосредственную связь с Датской миссией, куда перешли все бумаги французского посольства. Жена Грайеля подтвердила, что последний исполнял специальные поручения французского посольства и, наконец, во время обысков и арестов в английском посольстве Грайель окончательно перестал бывать дома и, боясь ареста, переехал в здание посольства. По последним же сведениям он выехал со специальным поручением в Париж.

Наравне с указанным выше конспиративным местом свиданий по данным сотрудника к услугам партии с. — р. служат следующие квартиры:

1. Кв. Орлова — Бассейная, 17. Кв. 5. Это квартира район. совета организаций и имеет местное значение.

2. Бассейная, 22. В этом доме, по данным сотрудника, останавливался Керенский во время своего последнего пребывания в Петрограде.

3. Разъезжая, 34 или 3, или 4. По имеющимся у сотрудника данным, имеет наиболее серьёзное политическое значение, т.к. здесь останавливался Савинков и имел свидание с Колосовым,¹⁴⁷ и друг. видными руководителями с. — р. организаций. В этой квартире проживают братья Макаровы.

4. 5-я рота, д. 17.

5. Николаевская, 24, где работали с.-р. ещё в 1915 г.

Последняя квартира хотя и подвергалась обыскам со стороны Чрезв. следств. комиссии, желательных результатов не дала: в ней 2 хода на

¹⁴⁷ Имеется в виду А. Т. Земель.

2 различных двора и пока был охраняем один выход, другой был использован посетителями.

Наконец, особо серьёзное внимание следует обратить на Знаменскую гостиницу. Она играет видную роль в деятельности с.-р. организаций. Весь 4-й этаж её населён партийными деятелями этих групп; прислуга гостиницы подкуплена; благодаря этому с.-р. живущим в гостинице удалось установить непосредственную связь с железнодорожными кассами предварительной продажи билетов, расположенными в 1-м этаже названной гостиницы, вследствие чего названным деятелям без надлежащих удостоверений и без всякой очереди удаётся беспрепятственно выезжать из Петрограда в желательном направлении, что представляет большую ценность для партийных работников.

Наконец, боевые группы с.-р. организаций, руководимые специальным штабом, во главе которого, как указано выше, стоит Е. Е. Колосов, богато снабжаются оружием через те же нейтральные датскую и норвежскую миссии».

Стремление показать свою нужность новым властям результатов не дало. Особо разбираться в том, насколько был осведомлён Симонич о действиях Ленца в Финляндии, следователям не позволяла та сложная ситуация, которая складывалась под Петроградом в результате летнего наступления Северо-Западной армии Юденича. Как будет действовать Финляндия, никто предугадать не мог. Единственным и верным способом обеспечить безопасность представлялся только один — расстрел всех заподозренных в т.н. финском шпионаже.

Следует признать, что ситуация с охраной границы была плачевной не только в районе Белоострова и Сестрорецка. Проведённое поздней осенью 1918 г. т.н. «обследование» южного берега Финского залива от форта Красная Горка до д. Косколово агентами Кронштадтского отделения военно-морского контроля заставило их прийти к выводу, что «в настоящее время не имеется никакой береговой охраны». Фактически имелись только посты службы связи в Систо-Палкино и Сан-Гали. «Эти посты службы связи не отвечают своему назначению, в особенности Систо-Палкино, где имеются два телеграфиста и два разведчика, высылаемые с форта Красная Горка. Разведчики просто сидят в помещении и не знают даже, что делается в деревне, в которой они находятся, не говоря уже о море и о побережье. Телефонные провода проложены по всему берегу от форта Красная Горка до деревни Карколово, Большие и Малые Стремления, Сойкино и далее на Косколово, но телефонных аппаратов нигде не имеется <...> летом по какому и чьему распоряжению, выяснить не удалось, все телефонные аппараты были сняты <...> При настоящем положении, если, предположим, десант будет иметь место в Карколово, то об этом форт Красная Горка и Ямбург, где имеются войска, могут узнать только через день, а то и позднее». Положение, с точки зрения агентов воен-

но-морского контроля, было тем более плачевным, что просоветских симпатий у населения в деревнях в районе Лужской губы не отмечалось. В случае наступления неприятельских частей, считали они, население будет помогать противнику (в качестве подтверждения правоты этого суждения приводилось широкое хождение в местной среде слухов о скором прибытии англичан для разгона Советов и установления должного порядка).

Военно-морской контроль в целом обладал достаточно объективной информацией о настроениях населения в прилегающих в Петрограду районах. Эта информация регулярно доводилась до сведения властей. В конце декабря 1918 г. беспокойство, в частности, стали вызывать настроения населения Старого и Нового Петергофа, «где рабочих организаций почти не имеется, живут же преимущественно бывшие придворные служащие и домовладельцы, ранее эксплуатировавшие чужой труд». «Несмотря на то, что бывшие придворные служащие в настоящее время сами являются владельцами и управляют дворцами, среди их имеются лица недовольные Советской властью, что отчасти объясняется тем, что придворные служащие при старом строе пользовались особенными преимуществами, которые теперь ими утеряны. Лица с антисоветским настроением имеются также в рабочих организациях, как, например, в военном и в продовольственном комиссариатах. По словам близко живущих лиц вышеупомянутые личности сами заявляют, что они поступили на службу Совету, чтобы не попасть на фронт, с одной стороны, и улучшить своё продовольственное положение с другой. Открыть этих лиц в виду короткого времени командировки агенту Кронштадтского Отделения не удалось».

После избрания Маннергейма регентом Финляндии в декабре 1918 г. у советской стороны добавилось опасений в отношении позиции этой страны в случае ухудшения военно-политической ситуации. Кроме того, после того, как наступление Красной армии в Эстонии захлебнулось и взять Ревель (Таллин) не удалось, тревогу стала вызывать и ситуация, складывавшаяся на эстонском направлении. Поступавшая через органы контрразведки информация была довольно противоречивой. 9 января 1919 г. от начальника Кронштадтского отделения Военно-морского контроля начальнику военно-морского контроля Балтфлота поступили два рапорта, частично отражавшие ситуацию на Карельском перешейке и в Эстонии. В первом сообщалось:

По полученным мною из Финляндии сведениям на Русскую границу из города Гельсингфорса прибыло 500 человек белогвардейцев для смены пограничников. Прибывшие для несения службы солдаты считаются у белогвардейцев вполне надежными, но судя, по тому как они справляются у финского населения о том, что делают финские красногвардейцы с пленными белогвардейцами и какой у первых взгляд на солдат белой гвардии, а также по тому как они спрашивали у своих предшественников, не бывает ли нападений со стороны русских на финских пограничников, настроение среди

вновь прибывших пограничников-финнов не особенно бодрое и они порядочные трусы. В настоящее время участились случаи перехода границы русскими белогвардейцами, так как по имеемым у меня сведениям за последний месяц в Финляндию прошло в разных местах около 17 человек, все они пришли в Терийоки, где каждый из них отбывает двухнедельный карантин. По сведениям они платили проводникам за переход границы от 2 до 5 тысяч рублей, часть белогвардейцев перешла границу у ст. Графская, откуда они шли через Оха и Термолоро, а также через Разули, по тем же сведениям наши пограничники не брезгают крупными взятками: приблизительно недели полторы назад через границу у Термолоро было пропущено буржуазное семейство, состоящее из неизвестного гражданина, его жены и дочери¹⁴⁸.

Содержание второго рапорта было не менее интересно:

По полученным мною, от агента Кронштадского отделения командированного в Эстляндию, сведениям, ему по приезде к линии настоящих позиций за городом Тапс, удалось выяснить, что два русских корабля появлялись под Ревелем, но о дальнейшей их судьбе выяснить ничего не удалось. Пробраться в город Ревель не явилось возможным, т.к. у агента не имелось документов от эстляндских властей, белогвардейцы же ведут строгий контроль документов личности и как удалось выяснить агенту, белоэстонцы в случае поимки кого-либо прибывших из России, арестовывают и снимают строгий допрос и в случае отказа дать нужные им сведения, производят пытку, отрезая уши, нос, язык и т. п. ... При проезде по железной дороге агенту удалось наблюдать следующее: служащие железнодорожной охраны, приезжая в города Валк и Юрьев, идут ... на рынок, где закупают продукты, затем возвращаются на станцию, занимают в поезде целый вагон, выставляют у входа в вагон часовых и никого к себе не впускают, говоря, что это служебный вагон и что охрана едет с арестованными. Те же служащие охраны, приезжая в Петроград распродают привезённые продукты у вокзала по высоким ценам. В Пскове был такой случай: прибыла Чрезвычайная комиссия проверять документы, а охранники выступили против Чрезвычайкома, выкатив из помещения пулемёт, благодаря чему членам Чрезвычайной комиссии пришлось удалиться, не выполнив цели своего прихода ...¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Естественно, значительное внимание уделялось информации о русской эмиграции в Финляндии. Так, в середине января 1919 г. начальник военно-морского контроля Балтфлота Макаров сообщал чрезвычайному комиссару Петроградского военного округа С. П. Нацаренусу: «По полученным агентурным сведениям, от сотрудника, возвратившегося из Финляндии: 1) 10-го с/м. из дер. Куоккола выехало в Гельсингфорс 130 человек русских, которых в Куоккола обучали военному строю. В Гельсингфорсе они будут вооружены и отправлены на защиту Эстонии. На этот фронт они едут добровольцами».

¹⁴⁹ 17 января 1919 г. эта информация была переслана в ЧК Антипову.

Конец 1918 г. ознаменовался тем, что советские власти стали рассчитывать на нормализацию отношений с Финляндией. Возобновились активные переговоры с финскими фирмами о товарообменных операциях, с т.н. Финляндским временным экономическим комитетом (о поставках тряпья, покупке «кинематографических устройств», бумаги и т.п.). Финская сторона готова была, в свою очередь, поставлять крупные партии металлов, химических веществ. Пошли разговоры о «прорыве» внешнеэкономической изоляции. Однако дело разговорами и ограничилось. Весь следующий 1919-й год оказался весьма непростым во взаимоотношениях соседей.

ТРУДНАЯ ДОРОГА К ТАРТУ

1919 год начался с конфликтов на российско-финляндской границе в районе Карелии. Уже в ночь на 7 января отряд, состоявший из бежавших в Финляндию карелов и финских добровольцев, вторгся в Поросозерскую волость, чтобы объявить ее присоединенной к Финляндии, следуя примеру Ребольской волости. Вытеснившие отряд красноармейцы тоже перешли границу и даже временно заняли д. Кайдозеро на финляндской территории. Спустя неделю аналогичный финский налет, теперь уже на Ругозеро, совершил другой отряд.

Обеспокоенное этими событиями пограничное командование приказало «обратить особенное внимание на правильное несение частями сторожевой службы и наблюдение за границей во избежание случаев нападения на наши заставы врасплох»¹. Более конкретные задачи перед армейскими и пограничными частями ставились в приказе по 1-му округу от 29 января. В нем подробно расписывались действия войск и частей погранохраны Олонецкого, Карельского и других участков по контролю над пограничной ситуацией и в случае вооруженного нападения финляндской армии. При этом собственноручно пограничникам предписывалось вести разведку, наблюдение, а также охрану российской территории «от проникновения на нее мелких партий или одиночных людей». Большое значение придавалось сохранению тесной связи частей погранохраны с красноармейскими подразделениями и взаимодействию отдельных застав между собой как посредством телефонной связи, так и при помощи посыльных. Для выполнения этой задачи начальников районов, подрайонов и дистанций обязали выработать общий план действий, разграничить обязанности погранохраны и Красной Армии, определить участки позиций, пути движения и сборные пункты². Последующие события показали, что планируемые мероприятия по укреплению российско-финляндской границы были не лишними, хотя, забегая вперед, отметим, что многое осуществить за короткий промежуток времени не удалось.

В первой половине марта 1919 г. на границе вновь произошли вооруженные столкновения: «7 марта с.г. между 7–8 часами вечера приходили финские белогвардейцы в деревню Кирьясало, вооруженные, и отняли у крестьянина

¹ Пограничные войска СССР. 1918–1928. Сборник документов и материалов. М., 1973. С. 288.

² Там же. С. 288–292.

Пипаринена лошадь. 9 марта с.г. пришла весть в окружной совет о том, что финляндские белогвардейцы арестовали пограничников в (название населенного пункта написано неразборчиво. — *Авт.*) и убили из них двоих пограничников». Сообщения об инцидентах приходили в эти дни и с других участков границы. «На заставе Короссары пали жертвою злодеев пограничники Николай Попов и Яков Котов при исполнении ими дозорной службы», — говорилось в приказе командования 1-й дивизии пограничных войск³ 10 марта. Немного ранее, 2 марта, финский отряд в ответ на задержание российскими пограничниками финляндского гражданина Ю. Мунсконе напал на пост у Кармелисто. Наконец, на Карельском участке неподалеку от дороги Левашово – Коркиамяки у стекольного завода завязался бой между 50 финнами и 13–15 пограничниками. Конфликт, как сообщалось в телеграмме командования 1-й дивизии пограничных войск командующему 7-й армией А. К. Ремезову, возник из-за того, что при преследовании контрабандистов пограничники вторглись на финляндскую территорию⁴. Вряд ли эти инциденты осуществлялись по какому-то единому плану, одобренному политическим руководством или высшим военным командованием Финляндии. Однако опасность перерастания местных стычек в затяжные локальные конфликты существовала, поэтому начальник 1-й дивизии В. И. Акимов и военком В. П. Виноградов просили А. К. Ремезова воздействовать на финнов дипломатическим путем через НКВД. Вероятно, просьба достигла цели. 14 апреля 1919 г. нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин направил в Хельсинки радиотелеграмму, в которой, в частности, говорилось: «На русско-финляндской границе происходят в отдельных случаях нападения со стороны финляндских отрядов на русские войска, находящиеся на русской территории; финляндские военные силы позволяют себе переходить через границу и вторгаться в карельский участок на русской территории». Одновременно Россия предложила «начать обмен мнениями» для установления мирных отношений между обеими странами⁵.

Ответа не последовало, а в ночь на 21 апреля 1919 г. граница вновь была нарушена. В данном случае ситуация осложнилась тем, что границу пересекли не мелкие группы или отряды финнов, а так называемая «Олонецкая добровольческая армия», и цели ее похода не ограничивались актами мести или

³ В январе 1919 г. Петроградский пограничный округ был преобразован в 1-ю пограничную дивизию, Олонецкий, Финляндский, Петроградский и Чудской районы — в 1-й и 5-й пограничные пешие полки (См.: На страже северо-западных рубежей Отечества: Очерки по истории Краснознаменного Северо-Западного пограничного округа. СПб., 1998. С. 62).

⁴ Пограничные войска СССР... С. 295. 296–297.

⁵ ДВП СССР. М., 1958. Т. 2. С. 126–127.

пленения «языка», но преследовали захват Олонецкой Карелии с последующим присоединением ее к Финляндии. Эта программа была одобрена финляндским правительством на заседании в начале апреля. Подробный анализ «олонецкой авантюры» или «олонецкой экспедиции» не входит в наши задачи. Исходя из цели данной работы, рассмотрим события, связанные лишь с пограничными сюжетами.

Наступление вели три батальона: один, перейдя границу у Видлицы, двинулся в направлении Олонец – Лодейное Поле; другой, захватив Тулмозеро, наступал на Пряжу; третий должен был выйти к Сямозеру. Конечной целью последних двух батальонов был Петрозаводск⁶. На участке 1-го пограничного полка основной удар принял на себя 3-й батальон, в трех ротах которого насчитывалось в строю всего 143 бойца. Внезапность нападения, малочисленность пограничной стражи и растянутость ее в одну линию привели к тому, что сопротивление существенно преобладающим силам противника (в четырех батальонах Олонецкой армии насчитывалось около 2000 человек⁷) удалось организовать лишь в отдельных пунктах. Часть 9-й роты вступила в неравный бой (21 боец против 300) у с. Вешкелицы. Почти все пограничники погибли. 8-я рота, опасаясь окружения, отступила, и 26 апреля командир полка Наумов сосредоточил основные силы в д. Пряжа, выставив усиленную заставу в д. Киндосово. На следующий день в Киндосово начался бой. Не выдержав напора, пограничники отошли и к концу апреля сосредоточились в д. Сулажгора, в 7 км от Петрозаводска. По признанию В. И. Акимова «в ближайшем тылу за пограничниками» не было никаких красноармейских частей, а прибывшие им на помощь несколько десятков моряков и петроградских коммунистов не могли усилить оборону этого района.

Ситуация, сложившаяся на участке 2-го пограничного полка, закрывавшего направление Олонец-Лодейное Поле, развивалась примерно по тому же сценарию. 21 апреля бойцы 1-й и 2-й пограничных рот отразили первое нападение олонецких добровольцев на деревни Гилкожи, Реболу и Березовый Наволок, оттеснив противника за линию границы. Однако в этот же день выяснилось, что наступление началось по всему фронту. Сдержать финнов малочисленные пограничные роты, состоявшие из 13–17 бойцов, не могли. 22 апреля 3-я рота и пограничники застав Кармелисто, Когнабри и Ковгозеро, присоединившись к штабу 1-го батальона в Видлице, выдержали здесь бой в течение всего дня. Но вслед за Видлицей и Тулоксой пал и Олонец.

Перелом наступил после прибытия в Карелию дополнительных частей Красной Армии. 12 мая советские войска окончательно взяли Олонец, в июне

⁶ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М., 1975. С. 74; Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 231.

⁷ Интервенция на Северо-Западе России... С. 231.

в результате проведенных кораблями Онежской флотилии операций были освобождены Видлица, где находилась основная база добровольцев, и Тулокса. К началу июля на Олонецком участке линия государственной границы была восстановлена. В этом же месяце красноармейские части вышли к государственной границе и на Петрозаводском направлении. Чтобы избежать обвинений в агрессии и столкновений с регулярной финляндской армией, высшее военное командование отдало войскам строгий приказ: границу не переходить⁸.

Единственным результатом «олонецкой экспедиции» стало отделение от России Поросозера. 6 июня здесь состоялось собрание жителей, которое приняло решение присоединиться к Финляндии. Из Ребол в Поросозеро прибыл отряд шюцкора под командованием В. Сариио, а в сентябре — подразделение из состава егерского полка⁹. Красная Армия, видимо, не пыталась вернуть Поросозеро, скорей всего также из-за опасения возникновения боевых действий с финляндской армией.

События на Карельском перешейке вызвали ревизию состояния 1-й пограничной дивизии и изменение принципов ее деятельности. В приказе Главного управления пограничных войск от 18 июня 1919 г. констатировалось, что прикрытие границы «от возможных прорывов через нее лиц и шаек, имеющих военное значение», и несение сторожевой службы «по отношению к расположенным сзади пограничных войск красноармейским частям» приводит к значительному отступлению от той дислокации, которая вызывается условиями чисто пограничного надзора. Поэтому сразу же после прекращения военных действий дивизии предписывалось приступить к своим прямым обязанностям — ведению пограничного надзора. Пограничникам предстояло выяснить наиболее безопасные и опасные участки и соответствующим образом распределить имеющиеся силы, использовать различные формы охраны, сообразуясь с условиями времени и места, установить надежную связь между всеми подразделениями, охраняющими границу. Было признано необходимым укомплектовать дивизию специалистами. В результате ревизии выяснилось, что во всей дивизии специалистов пограничного дела всего 13 человек, а многие командиры, вопреки их собственным заявлениям, никакого опыта службы на границе не имели¹⁰. Многие положения этого документа перекликались с задачами, изложенными в упоминавшемся приказе по 1-му пограничному округу от 29 января. В действительности четко разграничить обязанности пограничников и регулярных воинских частей не удалось. А по-

⁸ Там же. С. 236.

⁹ *Килин Ю.М.* Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 36.

¹⁰ Пограничные войска СССР ... С. 320–322.

сле передачи всех пограничных войск в ведение Наркомата по военным делам согласно постановлению Совета рабоче-крестьянской обороны от 18 июля 1919 г. они по сути дела слились с регулярными воинскими частями.

Военные действия на Петрозаводском и Олонецком направлениях вызвали тревогу в Москве и Петрограде. Ее усугубили и поступающие из разных источников сведения о планах генерала К. Г. Маннергейма захватить Петроград. Страх перед возможной финляндской агрессией вынудил Совет рабоче-крестьянской обороны объявить 2 мая Петроград, Петроградскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении¹¹. Это постановление широко известно, но исследователи почему-то не обращали внимания на п. 7: «Поручить Петроградской трудовой коммуне и Петроградскому окружному комиссариату по военным делам всеми имеющимися в их распоряжении средствами очистить тыл армии от контрреволюционных элементов». Каким образом местные власти собирались выполнять это постановление, видно из заседания Комитета рабочей обороны от 5 мая. Рассмотрев вопрос о выселении мужского населения с Карельского участка, Комитет решил «отправить всех мужчин в возрасте от 18 до 40 лет на принудительные работы, за исключением занятых на оборонительных работах»¹². Через три недели Комитет вновь вернулся к этому вопросу и постановил: «Поручить т. Рахья совместно с губисполкомом определить прифронттовую зону, из которой должно быть выселено население»¹³. Судя по этой записи, выселение еще не начиналось, но от него власти не отказались¹⁴. Подобное решение не могло придать популярности большевикам в районах Петроградской губернии, населенных финнами и карелами.

¹¹ Петроградская правда. 1919. 3 мая.

¹² Протокол заседания Комитета рабочей обороны от 5.05.1919 (ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1. Д. 26. Л. 173). Комитет рабочей обороны был создан 2 мая 1919 г. на заседании исполкома Петросовета в связи с объявлением Петрограда и губернии на осадном положении. В него вошли Г. Е. Зиновьев, Б. П. Позерн, И. П. Бакаев, В. И. Зоф и представитель губисполкома (Протокол заседания исполкома Петросовета от 2.05.1919 (Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 58. Л. 77)).

¹³ Протокол заседания Комитета рабочей обороны от 26.05.1919 (Там же. Ф. 485. Оп. 1. Д. 26. Л. 112).

¹⁴ Вопрос о выселении вновь возник снова уже осенью 1919 г. 29 сентября Комитет обороны поручил «Военному совету Карельского сектора совместно с представителем губисполкома произвести выселение за 3-ю линию укреплений» (Протокол заседания Комитета рабочей обороны от 29.09.1919 (ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1. Д. 26. Л. 60)). Оно действительно началось, но вторжение отрядов Г. Эльвенгрена и прекращение военных действий под Петроградом помешало провести его в полной мере (См.: Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. Изд. 2-е. СПб., 2004. С. 255–256).

Охрана рубежей во многих местах по-прежнему оставляла желать лучшего. Политический комиссар волостей Лемболово, Коркиамьяки и Куйваск в начале июня 1919 г., сообщал: «Белые могут спокойно агитировать среди народа на этой стороне и делают небольшие набеги с дурными целями. Особенно неприятно подействовало одно обстоятельство, случившееся в Кириссало¹⁵, когда белые увели председателя и секретаря сельского совета. По моим наблюдениям, охрана границы действительно производится слабо. Охранников очень мало, из них заметная часть не вполне сознает свои обязанности»¹⁶. Эти сведения перекликаются с воспоминаниями рабочего Сестрорецкого оружейного завода, а впоследствии партийного функционера К. А. Юносова, записанными в 1933 г. В составе красногвардейского отряда в 260–280 бойцов в мае 1919 г. он прибыл в Лемболово, так как имелись «все предпосылки к тому, что со стороны Финляндии будет наступление». Находились они здесь всего 3–4 дня, но за это время арестовали несколько десятков человек, незаконно перешедших границу для сбора информации. По замечанию Юносова, и с советской стороны наблюдались неоднократные попытки нелегального пересечения границы¹⁷.

А вскоре на российско-финляндской границе в районе Белоострова произошли новые инциденты. Судя по сохранившимся в ЦГА СПб. рапортам командиров и иным документам, события развивались следующим образом. 4 июня в штаб 2-го батальона 170-го стрелкового полка прибыл начальник красного финского отряда Кокко и сообщил, что ночью ожидается наступление финнов на д. Родуголь и завод Гутермана. Действительно ночью караульным сначала «были слышны пение, крики, танцы», затем раздались отдельные ружейные выстрелы, вскоре был открыт огонь по караульному помещению. С российской стороны ответного огня не последовало. Одновременно был обстрелян полевой караул 6-й роты того же полка. По свидетельству очевидцев, финны «бросали ракеты на окопы полка и стреляли из бронепоезда пулеметным огнем по окопам полка и правому флангу заставы № 1».

Командир 1-го батальона 170-го стрелкового полка сообщал, что в час ночи финляндские солдаты, «подойдя цепью 15–20 человек», открыли огонь по отдельному полевому караулу, который, в свою очередь, начал отстреливаться. В это время правее д. Алакюля «противник переплыл реку и открыл

¹⁵ Видимо, Кирьясало.

¹⁶ Рапорт комиссара волостей Лемболово, Коркиамьяки и Куйваск в Петроградский губком РКП(б) за время с 3.03. по 1.06.1919 (ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11632. Л. 146, 147). Под белыми в этом и в других документах, связанных с российско-финляндской границей, подразумевались финны. Политическим комиссаром этих волостей был У. Пелтола (См.: Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии... С. 110).

¹⁷ Воспоминания К. А. Юносова. 1933 (ЦГА ИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1628. Л. 21–22).

огонь по заставе». В 2 часа 30 минут были обстреляны российские часовые, стоявшие у железнодорожного и деревянного мостов. Один из караульных получил ранение в руку. Стрельба велась по всему участку батальона и была обоюдной. Боясь проникновения на российскую территорию больших отрядов со стороны Финляндии, красноармейцы взорвали мосты.

Беспокойной выдалась эта ночь и для бойцов 90-го стрелкового полка. Как писал председатель следственной комиссии Никулин, расследовавший случившийся здесь инцидент, «со стороны Финляндии был открыт по нашим караулам огонь, на открытие которого с нашей стороны не было никакого повода. В ответ на стрельбу противника как наши полевые караулы, так и часовые не дали ни одного выстрела, так как не имели перед собой цели и считали, что Финляндия не находится с нами в положении войны». Чрезвычайно любопытно объяснение возникновения этого конфликта. В нем даже нет и намека на «высокую политику». Неприятельская часть была, видимо, «новая, а также пьяная, судя по той беспорядочной стрельбе, какая велась противником», — делал вывод председатель следственной комиссии¹⁸.

Напряженность на этом участке границы сохранялась еще в течение почти двух недель. В рапортах коменданта ст. Белоостров председателю Комитета рабочей обороны Г. Е. Зиновьеву «об обстановке в районе д. Ретикюля — ст. Белоостров» отмечалось: 7 июня — с 4 до 6 часов 30 минут перестрелка. Началась с финской стороны, наши ответили; 8 июня — «слышна только канонада со стороны взморья»; 9 июня — противник выпустил 4 ракеты и произвел 3 выстрела из винтовки; 10 июня — около 21 часа 30 минут противник открыл пулеметный огонь с колокольни, были ранены 3 сапера. «Противник умолк после открытия нашего огня в 9^{3/4} ч[аса] в[ечера]»¹⁹.

Эти перестрелки не сопровождались проникновением на сопредельную территорию каких-либо групп, и в этом смысле события, происшедшие несколькими днями позднее, имели существенное отличие. 16 июня из Сестрорецка в исполком Петросовета поступила телефонограмма: «В ночь с 14-го на 15-е июня белые на участке от Белоострова до Дюн наступали в количестве

¹⁸ Донесение штаба 10-й стрелковой дивизии в Комитет рабочей обороны. 7.06.1919 (ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1. Д. 45. Л. 2–5). События на границе вызвали беспокойство в Сестрорецке. На имя Г. Е. Зиновьева 6 июня в 1 час 10 минут поступила следующая телефонограмма: «В виду создавшегося положения Сестрорецкая детская санатория (б. Калачевских) должна быть немедленно эвакуирована на ст. Лахта или ст. Ольгино Приморско-Сестрорецкой ж.д. Просим дальнейших распоряжений. Председатель исполкома совета Андреев, военный комиссар Моисеев» (Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 124. Л. 234).

¹⁹ Рапорты коменданта ст. Белоостров в Комитет рабочей обороны. 7–10.06.1919 (Там же. Д. 75. Л. 1–4). В документах написание названия д. Ретюкюля различное: Редюкюль, Редюкюль. Упомянувшиеся ранее в документах д. Родуголь и д. Ретикюля, это тоже д. Ретюкюля (в русском варианте Редуголь).

100 человек. По первым сведениям 95 из них убиты и 5 ушли обратно. Наступление отбито к утру. Сгорело несколько дач. Несколько дач Редикюля и кирпичный завод. Орудийных выстрелов с нашей стороны произведено 7. Было наступление и в других местах, также отбитое с потерями для белых. На нашем участке один ранен. Настроение красноармейцев хорошее»²⁰. Некоторое сомнение в этом документе вызывает количество убитых солдат противника, не подтверждаемое иными источниками.

Все июньские сообщения с южного участка российско-финляндской границы совпадают в одном: первой открывала огонь финская сторона. Скорей всего, это правда. В документах, не предназначенных для печати, военные могли признать факты нарушения границы, если таковые были, и с российской стороны. Доказательством тому упоминавшиеся уже примеры января и марта 1919 г.

Последовавшие в результате этих происшествий ноты Г. В. Чичерина содержали ставшие традиционными протесты против нарушения границы регулярными финскими войсками, а также против обстрела 5 июня Кронштадта артиллерией форта Ино. Финляндское правительство, в свою очередь, отрицало факт участия армейских подразделений и возлагало ответственность на российскую сторону. Однако в данном случае сомнения в правильности утверждений собственного правительства высказали некоторые депутаты финляндского сейма на специальном заседании, посвященном происшедшим пограничным инцидентам²¹.

Майско-июньские события на границе имели иную подоплеку, нежели «олонецкая экспедиция». Но какую? Начальник штаба одной из стрелковых дивизий в рапорте Г. Е. Зиновьеву, направленном 15 июня 1919 г., объяснял причину конфликтов 5, 10 и 15 июня необходимостью финской стороны провести «демонстрацию» вследствие увода войск с карельского фронта на эстонский²². Вряд ли это предположение верно, ибо в наступлении Северного корпуса регулярные финские части не участвовали. Более того, в конце июня на ближайшие к Петрограду участки границы прибыли новые финские подразделения, сформированные из только что мобилизованных ополченцев 1-го и 2-го разрядов²³. Скорей всего, инциденты не имели никакой политической либо военно-стратегической подоплеку, а возникали спонтанно.

²⁰ Телефонограмма В. И. Зофа в исполком Петросовета. 16.06.1919 (Там же. Л. 6). В документе «красногвардейцев». Исправлено на «красноармейцев» получателем телефонограммы.

²¹ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия... С. 94–95.

²² Рапорт начальника штаба стрелковой дивизии Г. Е. Зиновьеву. 15.06.1919 (ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1. Д. 75. Л. 5).

²³ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия... С. 95.

Одновременно с конфликтами в районе Белоострова – Сестрорецка на другом участке российско-финляндской границы случился эпизод, положивший начало целой череде событий. 10 июня в Кирьясало в Лемболовской волости, в районе, непосредственно примыкавшем к границе, произошли столкновения между местными жителями и представителями власти, что привело к ликвидации здесь большевистского правления²⁴. Причиной тому послужила начавшаяся в конце весны — начале лета кампания по проведению мобилизации в Красную Армию²⁵, которая, одновременно, вызвала и массовое бегство ингерманландцев через границу. Советская власть не была восстановлена, внимание и силы большевиков отвлекли события на юго-западе губернии, где наступал белогвардейский Северный корпус под командованием генерала А. П. Родзянко.

Через полтора месяца местной власти пришлось более внимательно отнестись к этому участку российско-финляндской границы. К этому времени в Кирьясало из ингерманландцев был сформирован отряд, который возглавил подполковник Г. Эльвенгрен, фигура авантюрного склада. Планируя нападение на российскую территорию, он попытался заручиться поддержкой ряда высокопоставленных финляндских военных, но одобрения не получил. Тем не менее, 25 июля Эльвенгрен отдал приказ о подготовке к наступлению. В этот же день в Финляндии К. Столберг, сторонник мирной внешней политики, стал президентом страны. Совпадение более чем знаменательное. Это позволило финскому историку П. Невалайнену предположить, что приказ Эльвенгрена был ни чем иным как провокацией²⁶. Отряд Эльвенгрена начал наступление в двух направлениях — на Лемболово и восточнее, вдоль побережья Ладожского озера, на Никулясы. Сопrotивление красноармейцев не было особенно сильным, и ингерманландцы заняли Коркиямяки, Васкелово, Лемболово, Верхние и Нижние Никулясы.

Действия Эльвенгрена вызвали недовольство военных и правительственных кругов Финляндии. Его просьбам о помощи добровольцами и вооружением было отказано. Граница со стороны Финляндии была закрыта, а пограничники получили приказ разоружать любого, кто попытается ее пересечь. В конце июля большевики, сконцентрировав силы, начали наступление и оттеснили отряд Эльвенгрена в Кирьясало. 2 августа финны открыли границу, через которую хлынул поток беженцев. Через шесть дней красноармейцы во-

²⁴ Мусаев В. И. Ингерманландский вопрос в XX веке. СПб., 1999. С. 44–45.

²⁵ Решение о проведении на Карельском участке мобилизации всех мужчин в возрасте до 40 лет было принято Комитетом рабочей обороны 11 мая (Протокол заседания Комитета рабочей обороны от 11.05.1919 (ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1. Д. 26. Л. 146)).

²⁶ Pekka Nevalainen. Rautaa Inkerin rajoilla: Inkerin kansalliset kamppailut ja Suomi 1918–1920 // Historiallisia tutkimuksia. 195. Helsinki, 1996. S. 82.

рвались на территорию мятежного округа, однако вскоре отвели отсюда войска, скорей всего опасаясь возможных столкновений с регулярными финляндскими частями²⁷. Как и в Реболах и Поросозере, военные и здесь предпочли взвалить решение проблемы на плечи дипломатов.

Воспользовавшись этой ситуацией, 22 октября Эльвенгрен предпринял новое наступление, причем, опять вопреки запрету командования финской армии. На этот раз отряды ингерманландцев продвинулись южнее Лемболово, захватив станцию Грузино и достигнув Куйвозовской волости. На Ладожском направлении они дошли до озера Вуолеярви. Большевики, занятые отражением наступления войск генерала Н. Н. Юденича под Петроградом, тем не менее нашли силы и к концу октября оттеснили два батальона ингерманландского полка в Кирьясало, а третий батальон вынудили уйти за границу. Как и летом, Кирьясало осталось в руках ингерманландцев, и его судьба была решена лишь год спустя.

* * *

Несмотря на постоянные конфликтные ситуации, возникавшие на российско-финляндской границе, на отсутствие прямых контактов между государствами на правительственном уровне, легальные поездки через границу продолжались, хотя и были чрезвычайно затруднены.

К сожалению, пока нет четкого представления о том, какие органы в 1919–1920 гг. выдавали разрешения на такие поездки, как они согласовывались между обеими странами. Однако обратившись к воспоминаниям советского служащего М. Я. Ларсонса, можно в общих чертах представить эту схему. В феврале 1919 г. автор со своими коллегами был командирован из Москвы в Финляндию, чтобы оформить заказ на запасные части для бумагоделательных машин. В Петроградском бюро НКВД²⁸ им сказали, что с советским паспортом финны не пускают²⁹, и посоветовали самим оформить любой иностранный

²⁷ *Рекка Nevalainen. Rautaa Inkerin rajoilla ...* S. 69–71; *Мусаев В. И.* Ингерманландский вопрос в XX веке ... С. 47–49.

²⁸ Появление в Петрограде отделения НКВД еще раз подчеркивало значение этого города для налаживания внешнеполитических контактов Советской России с зарубежными странами. В этой цепочке Финляндия играла чрезвычайно важную роль. Однако, на наш взгляд, была и вторая причина: НКВД присылкой своего представителя из Москвы стремился закрепить позиции, не желая отдавать иностранные дела на откуп местным властям. Первый полпред появился в Мариинском дворце, где расположилось представительство, видимо, на рубеже января-февраля 1919 г. Им стал Г. Л. Шкловский, один из бывших пассажиров знаменитого «запломбированного» вагона (См.: ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 58. Л. 244, 317, 318).

²⁹ В начале февраля 1919 г. известный историк Ю. В. Готье записал в дневнике: «Вернулся А. Э. Вормс с финляндской границы; его с большевицким паспортом не пропусти-

паспорт, обещав его завизировать. После долгих поисков москвичи нашли некоего австрийского ротмистра Ю.³⁰, возглавлявшего комиссию по эвакуации из России австрийских военнопленных. «Каждый из нас, — продолжает Ларсонс, — получил большой консульский паспорт с датским, английским, французским и русским текстом, в котором датское посольство, «Секция Б», в лице ротмистра Ю., удостоверяла, что предъявитель паспорта является членом императорско-королевской австро-венгерской миссии по делам военнопленных и по служебному положению едет из Петрограда в Вену через Гельсингфорс, Стокгольм, Копенгаген и Берлин»³¹. В Петроградском бюро НКВД в паспорта Ларсонса и его коллег наложили визу на выезд, в военном комиссариате им выдали особый пропуск для проезда к границе, так как вся местность к северу от города была объявлена на военном положении, и, наконец, в канцелярии Совета комиссаров СКСО — бумагу для предъявления пограничному комиссару в Белоострове. Этих документов оказалось достаточно для благополучного переезда российско-финляндской границы.

Сам переезд, а точнее переход, границы также не мог не оказать впечатления на путешественников. Обратимся вновь к запискам Ларсонса: «Осмотр багажа и пассажиров продолжались целых пять часов. Экстерриториальных путешественников — членов швейцарского посольства — не осматривали вовсе; что же касается всех остальных пассажиров, которых было человек 40, то их осмотрели и обыскали самым тщательным образом. Весь багаж был вскрыт и осмотрен очень основательно; помимо этого всех пассажиров подвергли самому детальному личному обыску в закрытом помещении, каждого поодиночке. Женщин обыскивала женщина, мужчин обыскивал мужчина. Одна старая дама — сестра бывшего председателя Государственной Думы Родзянко, — ехавшая со своей дочерью и маленьким внуком в Финляндию, появилась из комнаты, в которой ее осматривали, вся в слезах и рассказывала, что осматривавшая ее женщина раздела ее до рубашки и велела ее снять»³².

ли, тогда как будто бы пропускали людей без оных» (См.: *Готье Ю. В. Мои заметки*. М., 1997. С. 262). Вероятно, речь шла о советском заграничном паспорте «петроградского» образца, оформление которого, требовавшее значительного количества документов и хождения по инстанциям, превращалось, таким образом, в фикцию. Впрочем, этот сюжет требует более детального изучения.

³⁰ Датский профессор Б. Енсен указывает, что «Отделение Б» в датском посольстве в Петрограде находилось в руках австрийских большевизированных солдат во главе с неким капитаном Юриком, который «выписывал и визировал паспорта большевистским агентам и курьерам, используя бланки и штемпеля посольства» (*Енсен Б. Миссия Датского Красного Креста в России. 1918–1919 годы // Отечественная история. 1997. № 1. С. 33*).

³¹ *Ларсонс М. Я. В советском лабиринте. Эпизоды и силуэты. Париж, 1932. С. 98–99.*

³² Там же. С. 101–102.

У финнов — для въезжающих — осмотр был более поверхностный: искали, главным образом, коммунистическую литературу.

Так как железнодорожный мост был взорван, поезда с российской стороны останавливались в Белоострове, с финляндской — на станции Раййоки, между которыми было около двух километров. Это расстояние приходилось преодолевать пешком. Но свои услуги предлагали носильщики. Доставка багажа до границы на российской стороне в это время стоила 5000 рублей, на финляндской — 1500 марок³³. Сама граница проходила по р. Сестре, через которую был перекинут деревянный, длиной около семи метров, мостик.

В случае с командировкой Ларсонса и его коллег обошлось без разрешения на въезд со стороны Финляндского сената, однако такое разрешение оставалось, по-видимому, обязательным для российских подданных, желавших посетить соседнюю страну. Получить его они могли, обратившись — с ноября 1918 г. до начала января 1919 г. — в Королевскую шведскую миссию в Петрограде, а затем до начала июня 1919 г. — в Датский Красный Крест. Эти организации представляли интересы Финляндии в Советской России после поражения Германии в Первой мировой войне.

Иногда помогали и окольные пути. Известный издатель З. И. Гржебин оформил ходатайство на посещение Финляндии от Академии наук и Петроградского университета и послал его своему знакомому, живущему в Финляндии³⁴. Возможно, кстати, что получение приглашения от знакомых финнов или родственников являлось обязательным и первым условием для оформления необходимых документов.

Официальное разрешение еще не гарантировало свободного пребывания в стране. В дневнике писателя Л. Н. Андреева, жившего в Финляндии, под 8 января 1919 г. помечено: «В Терийоках находятся Гржебин и Тихоновы, приехали с разрешения финнов по торговым делам». Однако спустя три дня финляндская газета «Hufvudstadsbladet» поместила заметку, в которой, в частности, говорилось: «Один большевик приехал в Финляндию для переговоров об обмене товаров. Он задержан, и его хотят отправить под конвоем на ту сторону границы. У него рекомендательное письмо от Максима Горького, но это не производит никакого впечатления на финский Генеральный штаб. С ним едет издатель горьковской газеты “Новая жизнь”... и дама... Большевика и его спутников ввели в вагон второго класса, и маленький поезд едет медленно к границе»³⁵.

³³ Письмо Отто Зине из Петрограда в Швецию. 4.02.1919 (КА. ЕК-Valpo I. Ryhmä XXI A. Kansio 2823).

³⁴ Телефонограмма З. И. Гржебина А. К. Энкелю. Не датирована (ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 9. Д. 1. Л. 23).

³⁵ Андреев Л. Н. S.O.S. М.: СПб., 1994. С. 167, 461.

В губернской тюрьме в Финляндии оказались российские дипкурьеры Каменецкий и Лейтейзен, выехавшие из Петрограда не позднее конца декабря 1918 г.³⁶ Через некоторое время финны арестовали швейцарского коммуниста Ф. Платтена, следовавшего через Финляндию транзитом. В ноте от 3 мая 1919 г. Г. В. Чичерин, имея в виду эти и подобные им факты, писал, что финляндское правительство «во многих случаях выдавало российским гражданам документы, гарантирующие им свободный проезд через Финляндию, вовлекая их, таким образом, в западню, после чего заключало их в тюрьму»³⁷. Впрочем, свои претензии были и у финляндской стороны. Министр иностранных дел Эренрот в телефонограмме, направленной Чичерину в это же время, требовал освобождения членов финляндского Временного экономического комитета и доставки их на российско-финляндскую границу 6 мая 1919 г.³⁸. Возможно, что инициаторами ареста выступили петроградские власти или петроградская ЧК, а Москва к этому не имела никакого отношения. Возможно, и наоборот. Репрессивные меры, применяемые одной стороной, вызывали адекватную реакцию с другой, к этому примешивались и иные обстоятельства, и причинно-следственные отношения утрачивали свою прозрачность и линейный характер.

Деятельность финляндского Временного экономического комитета нуждается в специальном исследовании³⁹, ибо его роль выходила за рамки тех функций, которые были ему определены. Комитет был создан в октябре 1918 г. «как единственное учреждение, уполномоченное... вести переговоры, заключать договоры и принимать обязательства по временному обмену товарами между Россией и Финляндией»⁴⁰. Заинтересованность в торговле, точнее, в товарообмене выказывало не только Советское правительство, но и некоторые финляндские фирмы. Начавшиеся осенью 1918 г. переговоры между НКТИП и финляндским Временным экономическим комитетом завершились 15 января 1919 г. подписанием соглашения, которое, однако, обставляло налаживание обмена товарами рядом сугубо политических условий. Речь

³⁶ Письмо дипкурьеров из губернской тюрьмы. 15.02.1919 (КА. ЕК-Valpo I. Ryhmä XXI A. Kansio 2823). Предположение о дате их выезда из Петрограда основывается на содержании телефонограммы, направленной зав. Иностранным отделом КВД СКСО Г. И. Лордкипанидзе коменданту ст. Петроград-Финляндский (Ibidem). Телефонограмма не датирована, но известно, что Лордкипанидзе занимал эту должность до 18 декабря 1918 г. (См.: ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 127. Л. 317).

³⁷ ДВП СССР. Т. 2. С. 153.

³⁸ Телефонограмма Народному комиссариату по иностранным делам. Не датирована (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 112. Л. 21).

³⁹ Коротко о его деятельности см.: Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х – начало 1930-х гг. СПб., 2001. С. 212–213.

⁴⁰ ДВП СССР. Т. 2. С. 732.

прежде всего шла о взаимном освобождении арестованных подданных другого государства, не обвиняемых в общеуголовных преступлениях, и о возможности беспрепятственного пересечения границы и возвращения домой⁴¹. Когда же в апреле–мае 1919 г. члены этого комитета после некоторого перерыва вернулись в Петроград, они вообще не поднимали вопрос о товарообмене, а намеревались обсуждать лишь проблему обмена⁴².

Российская сторона считала причиной отказа финнов от торговых отношений давление со стороны Великобритании на Финляндию. Так, во всяком случае, объяснял изменение позиции партнеров по переговорам член коллегии НКТиП А. А. Языков в газете «Экономическая жизнь» в феврале 1919 г.⁴³ Но, учитывая и январское соглашение, и апрельско-майские встречи, можно допустить, что само финляндское правительство не проявляло большой заинтересованности в развитии торговых операций с Россией. Немногим позже, в июле того же года, коллегия НКТиП поручила Г. В. Чичерину и А. А. Языкову подготовить текст обращения к финляндскому правительству с предложением начать торговлю между этими странами, а петроградское отделение наркомата должно было выработать практические меры для осуществления товарообмена. Но и этот шаг оказался безрезультатным⁴⁴.

Вернемся, однако, к проблеме обмена и транзитных поездок через Финляндию. В начале мая 1919 г. в Россию прибыли русские военнопленные, ранее бежавшие из Германии в Данию и интернированные там. Возвращение их, которому способствовали датское правительство и Красный Крест, проходило через Финляндию. На очереди был и обмен арестованными, принципиальной договоренности о котором, как уже упоминалось, стороны достигли еще в январе. И в данном случае Россия прибегла к посредничеству Датской миссии Красного Креста. В адресованном 10 мая в миссию письме член коллегии НКИД М. М. Литвинов, в частности, предлагал: «1) Советское правительство обязуется собрать для обмена на станции Белоостров в указанное Датским Красным Крестом время всех арестованных финляндских подданных, которые пожелают вернуться на родину и против которых не имеется обвинений уголовного характера, включая членов финляндского Временного экономического комитета.

⁴¹ Там же. С. 30.

⁴² Там же. С. 153.

⁴³ См.: Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л., 1969. С. 122.

⁴⁴ Там же. В январе–мае 1920 г. организацией закупок товаров в Финляндии активно занималось уже другое ведомство — Наркомат внешней торговли. Правда, до реальных результатов, возможно, в связи с заключением мирного договора между РСФСР и Эстонией, дело так и не дошло (Подробнее см.: Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения... С. 214–216).

2) Со своей стороны финляндское правительство обязуется собрать для обмена на станцию Раяйоки⁴⁵ русских, арестованных в Финляндии по подозрению в большевизме или по подозрению в симпатиях к советской власти, четверых ранее арестованных советских курьеров, швейцарского подданного Фрица Платтена... Обмен должен произойти под контролем Датского Красного Креста»⁴⁶.

Судя по тексту данного письма, стороны также приняли на себя дополнительные обязательства: Россия — не подвергать арестам финляндских подданных в качестве заложников, а Финляндия — не задерживать российских транзитных пассажиров. Одновременно НКВД потребовал от финнов свободного пропуска на Родину русских граждан, доставленных в Ганге на французском пароходе «Дюмон Дюрвиль», и военнопленных, следовавших из Дании и задержанных в Финляндии. Ссылаясь на обещанное французским и датским правительствами содействие в возвращении этих групп, М. М. Литвинов подчеркивал, что без немедленного и безусловного доставления «граждан этой категории на русскую границу... не может быть приступлено к обмену финляндских граждан на русских»⁴⁷.

Требование было справедливым, но обремененное в форму предварительного условия оно могло затормозить процесс обмена. Все же, видимо, Москва надеялась на благополучный исход дела и готовилась, весьма своеобразно, к приему своих соотечественников. 13 мая 1919 г. Совет обороны под председательством В. И. Ленина постановил: «Поручить ВЧК принять меры к установлению особо строгого контроля при въезде в Россию беженцев из Финляндии и Мурманского края с тем, чтобы подозреваемых в сочувствии белогвардейцам не пускать ни в коем случае, а остальных пропускать с особой осторожностью...»⁴⁸.

Неожиданно ситуация изменилась. Представитель Датского Красного Креста в Финляндии Сальтофт вместе с представителями Великобритании и Франции напрасно ждал 3 июня в Раяйоки представителя НКВД в Петрограде Г. Л. Шкловского. Тот так и не прибыл, а 8 июня НКВД направил Сальтофту радиограмму, в которой указывалось: «Финляндская агрессия со стороны Белоострова помешала господину Шкловскому передать Вам наш ответ». Однако столкновения на границе начались в ночь с 4 на 5 июня, то есть

⁴⁵ В документе — Рейски.

⁴⁶ ДВП СССР. Т. 2. С. 164. Из текста документа не вполне ясно, относились ли к арестованным члены Временного экономического комитета. По утверждению российской стороны, на короткий срок был задержан лишь один из них — Лейнеман, но он к этому времени уже находился на свободе (Там же).

⁴⁷ Там же. С. 164, 165.

⁴⁸ Ленинский сборник. XXXIV. С. 136.

после назначенной встречи. Более реальным казалось иное объяснение, содержащееся в той же радиограмме. «Имея на руках неоспоримые доказательства антисоветской контрреволюционной пропаганды, ведущейся среди русских солдат в Финляндии представителями Датского Красного Креста, мы не можем более доверять этой организации защиту русских интересов и контроль над обменом»⁴⁹. В данном случае претензии были вполне обоснованными, вопреки предположению Б. Енсена о том, что вся контрреволюционная пропаганда свелась к рассказу представителями Красного Креста русским военнопленным о дороговизне в России. Сам Енсен считал, что в основе несостоявшегося обмена лежала политическая причина: «Советское правительство хотело прямых переговоров, чтобы поднять вопрос о признании революционного режима в Москве»⁵⁰.

Возможно, это желание также присутствовало в умах российских политиков, однако, скорей всего, Шкловский не встретился с Сальтофтом по весьма прозаической причине. 2 июня 1919 г. в представительство Датского Красного Креста в Петрограде явились чекисты, произвели обыски, а персонал арестовали. Такая же участь постигла московское представительство Датского Красного Креста и посольства и консульства, расположенные в Москве⁵¹. Естественно, в такой ситуации никакая встреча с датчанами, французами и англичанами на границе не могла состояться.

Акция 2 июня и последовавшее фактически одновременно с ней постановление НКВД об аннулировании все охранных грамот «личности и помещений», выданных иностранцам»⁵², явилась логическим продолжением кампании, начатой решением Совнаркома от 24 апреля 1919 г. о принятии мер к выселению находящихся в РСФСР иностранцев⁵³. Карательные меры против подданных других государств могли вызываться обстоятельствами как внутренними (угрожающая для большевиков ситуация на Восточном и Южном фронтах), так и внешними (например, решения участников Парижской мирной конференции, направленные против Советской России).

⁴⁹ ДВП СССР. Т. 2. С. 191.

⁵⁰ Енсен Б. Миссия Датского Красного Креста в России... С. 38.

⁵¹ Там же. С. 34. В середине июня 1919 г. специальный отряд Петроградской ЧК провел обыски во всех иностранных миссиях, посольствах и консульствах. В результате была доказана их причастность к шпионажу и заговорам (См.: Смолин А. В. Петроградский совет в борьбе с контрреволюцией в годы Гражданской войны // Ленинградский совет в годы Гражданской войны и социалистического строительства 1917–1937 гг. Л., 1986. С. 54–55). Обыски в Петрограде являлись продолжением акции, проведенной 2 июня в Москве.

⁵² Готье Ю. В. Мои заметки. С. 288–289. См. также: Отношение отдела управления Петросовета в Петроградскую ЧК. 25.06.1919 (ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 58. Л. 410).

⁵³ См.: Декреты советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 100.

На дальнейшем развитии событий на российско-финляндской границе сказалось и положение под Петроградом. Белогвардейский Северный корпус под командованием генерала А. П. Родзянко, начавший наступление 13 мая, в течение полумесяца захватил Гдов, Ямбург, Волосово, Кикерино, Псков и другие населенные пункты. Петроградское военное и политическое руководство опасалось, что наступление белых поддержит Финляндия. Инциденты на границе, о которых мы уже упоминали, казалось, подтверждали такое предположение. По этой причине 6 июня 1919 г. Комитет обороны Петроградского укрепленного района постановил: «Сообщить ЦК, что Комитет Обороны считает необходимым: 1) совершенно закрыть финляндскую границу. 2) Обмен или выселение финнов производить через другую границу.

Указать тов. Шкловскому, что никаких совещаний с иностранными представителями вблизи финской границы не должно быть»⁵⁴.

Со своей стороны НКВД в ноте, направленной финнам 11 июня, заявил, что имеющаяся договоренность о возвращении на Родину финляндских подданных может быть выполнена при двух условиях: выезд из Финляндии русских солдат, доставленных туда из Франции и Дании, и прекращение военных действий (имелись в виду июньские конфликты. — Авт.) на границе⁵⁵. Этот обмен позже состоялся.

Положение на границе оставалось, как уже указывалось, напряженным в течение всего второго полугодия 1919 г., и в официальных документах, опубликованных в «Документах внешней политики СССР», больше нет упоминаний о прошедших или предполагавшихся обменах. Нельзя, конечно, утверждать, что никто не выезжал из соседних стран и не въезжал в них, но, вероятно, перемещений больших групп людей через границу все же не происходило до весны 1920 г.

К этому времени стало очевидно, что союзная интервенция потерпела крах и не выполнила тех задач, которые перед ней стояли. Расчеты союзников на белогвардейское движение тоже не оправдались. Политики ряда стран готовы были не только признать существование на карте мира большевистской России, но и установить с ней нормальные мирные отношения. Финляндия не осталась в стороне от этого процесса. Оживленная дипломатическая переписка начала 1920 г. показывает, что финны постепенно склонялись к необходимости переговоров по спорным вопросам, хотя и обставляли свое согласие различными предварительными условиями.

Одним из проявлений наступающего перелома во взаимоотношениях между РСФСР и Финляндией стало оживление на железной дороге Петро-

⁵⁴ Заседание Комитета Обороны ПУР от 6.06.1919 (ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1. Д. 26. Л. 101).

⁵⁵ ДВП СССР. Т. 2. С. 193.

град-Хельсинки. Названия пограничных пунктов «Белоостров» и «Раяйоки» зазвучали не только на русском и финском, но и на других языках. Ранней весной 1920 г. именно здесь пересекали границу пассажиры первого эшелона, покидающие Советскую Россию. 30 марта 250 англичан и датчан (уже из второго эшелона) в сопровождении представителя отдела управления Петросовета прибыли в Белоостров и вскоре были переданы членам английской комиссии, разместившейся в Раяйоки⁵⁶.

Не все, естественно, проходило без сучка и задоринки. Напряженная ситуация возникла в конце марта 1920 г. вокруг так называемой «делегации Красина». Российская делегация Центросоюза, которую возглавил нарком торговли и промышленности, была приглашена в Лондон для торговых переговоров. «Ввиду того, что английский миноносец, посланный в Либаву за делегацией, не мог вместить многочисленных экспертов, делегация решила отправиться через Финляндию, — сообщалось в годовом отчете НКВД к 8-му съезду Советов за 1919–1920 гг. — Однако министр иностранных дел Холсти в трех последовательных телеграммах 27, 28 и 29 марта поставил условием для пропуска делегации предварительное очищение советскими войсками района Печенги у норвежской границы. Потребовалось вмешательство Англии, чтобы обеспечить делегации свободный пропуск»⁵⁷.

С третьим эшелоном, задержавшимся и отправленным вместо 11 апреля в ночь с 14 на 15 апреля, пределы РСФСР покинули 60 англичан, 25 датчан и около 100 финнов⁵⁸. Уезжали не только петроградские финны. Поезда специального назначения формировались и в Москве. Даже безрезультатно закончившиеся 24 апреля переговоры о перемирии между Финляндией и РСФСР, проводившиеся в Раяйоки, не повлияли отрицательным образом на начавшийся процесс. Через три дня после разрыва переговоров с Финляндского вокзала в Петрограде отошел поезд, в котором наряду с англичанами и финнами ехали французы⁵⁹.

Сведения о подобных поездах встречаются на страницах газет и позднее, хотя и реже. Это вполне объяснимо — каждый следующий раз времени для формирования крупной партии отъезжающих требовалось больше. Последний эшелон до подписания мирного договора с Финляндией, то есть до 14 октября 1920 г., был отправлен 1 октября. В нем в сторону российско-финляндской границы проследовали 263 француза и бельгийца⁶⁰.

⁵⁶ Красная газета. 1920. 2 апреля.

⁵⁷ ДВП СССР. Т. 2. С. 677. См. также: С. 428–430.

⁵⁸ Красная газета. 1920. 14, 16 апреля.

⁵⁹ Там же. 28 апреля.

⁶⁰ Там же. 2 октября. Массовая эвакуация финляндских граждан продолжалась в 1921–1922 гг. и закончилась в марте 1923 г. За это время в Финляндию возвратились свыше 6,5 тыс. человек (См.: *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 424).

Наряду с официальными способами пересечения российско-финляндской границы весьма популярным в 1919–1920 гг. оставался и нелегальный переход. Причины для использования тайных троп, как и в 1918 г., были разными, и не обязательно политическими.

Пограничная охрана некоторых участков границы в это время улучшилась, но в целом была далека от совершенства, в чем признавались сами пограничные власти. Начальник 1-й дивизии погранвойск В. И. Акимов докладывал 7 марта 1919 г. своему начальству: «Среди местных жителей, проживающих в приграничной полосе, многие неоднократно уличались в причастности к контрабанде и сношениях с белофиннами. Будучи сравнительно скоро освобождаемы, они возвращаются обратно на границу и, чувствуя сравнительную безнаказанность, продолжают свои темные дела»⁶¹. Примечательна здесь оговорка: «будучи сравнительно скоро освобождаемыми». Вероятно, контрабандный промысел не влек за собой сурового или, по крайней мере, длительного наказания.

Вместе с тем он был прибыльным занятием. Контрабандисты переправляли главным образом продовольствие: муку, масло, крупы, кофе⁶², т.е. те продукты, дефицит которых ощущался в Петрограде и пограничных с Финляндией районах. Доставка шла как по суше, так и водным путем — через Финский залив и Ладожское озеро.

Оставляла желать лучшего охрана и северного участка. «Граница фактически никогда не охранялась, и контрабанда имела возможность процветать безнаказанно. Охрана границы весьма затруднительна вследствие обширности и малонаселенности края. Трудность охранять идеально границу заключается еще и в том, что ввиду полного отсутствия угля невозможно установить крейсерство патрульных судов, которые следили бы за движением в море. Сухопутная граница (русско-финляндская и русско-норвежская) почти совсем не охраняется», — констатировали 7 июля 1920 г. участники межведомственного совещания, обсуждавшего вопрос об охране северной границы Республики⁶³. Общая охрана сухопутной границы в то время была возложена на 7-ю армию, но конкретно граница с Финляндией и Норвегией находилась в ведении Особого отдела Петроградской губчека. Собрание предложило поручить охрану границы войскам ВОХР (внутренней охраны Республики), а на пропускных пунктах сосредоточить представителей не только военного командования, но ВЧК и Наркомата внешней торговли. Таким образом можно было решать как военные, так политические и экономические (таможенные) вопросы на границе. Забегая вперед, отметим, что по постановлению

⁶¹ Пограничные войска СССР ... С. 295.

⁶² Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии ... С. 202.

⁶³ Пограничные войска СССР ... С. 323.

Совета труда и обороны от 24 ноября 1920 г. о реорганизации охраны границ РСФСР охрана была возложена на Особый отдел ВЧК по охране границ. Наркомат внешней торговли ведал «только таможенными рогатками на... провозных пунктах», а военное ведомство учитывало интересы этих ведомств при разработке дислокации своих войск⁶⁴.

Ведомства пытались найти оптимальное решение для улучшения охраны границы, а население приграничной полосы и контрабандисты ревниво берегли старые и торили новые тропы для тайного перехода границы. Конечно, приходилось и им учитывать изменения в отношениях между соседями. Когда в мае 1919 г. Т. Алексинская попыталась из Петрограда нелегально уехать за рубеж, ей отказали, объяснив, что «финны, боясь большевиков, строго охраняют границу»⁶⁵. Но большей частью переправы все же действовали.

Живя в непосредственной близости от границы и прекрасно зная расположение постов и застав, время движения дозоров, местные жители достаточно свободно совершали переходы границы. Наряду с контрабандистами часто границу пересекали и курьеры, осуществлявшие связь между антибольшевистскими организациями в России и Финляндии. С их помощью Россию покидали военные и гражданские лица, нередко не связанные с этими организациями. «Ехавшие должны были запастись или разрешениями на въезд в Финляндию, или быть уверенными в заграничных связях... — показывал на допросе в Петроградской ЧК профессор В. Н. Таганцев, — очень много приходилось платить проводникам за лошадь или лодку. Конечно, стоила и финская стража, но переезд происходил под покровительством разведок и миссий и очень дорого они брать не могли... Приходили курьеры на квартиру, везли на вокзал, сажали в поезд, приказывали, что нужно говорить, укладывали в лодку или сани. Таким образом удавалось увозить не только военных или штатских, но и престарелых старух и детей»⁶⁶. В справедливости последнего утверждения убеждают, в частности, мемуары баронессы М. Д. Врангель, матери известного белогвардейского генерала П. Н. Врангеля. В конце октября 1920 г. ее приятельница из Финляндии попросила финку, живущую в окрестностях северной столицы и связанную с контрабандистами, помочь баронессе перебраться в Финляндию. «Побег организовать тогда стоило 1 миллион советских денег, на финские марки 10 тысяч. На мой вопрос: когда ехать? куда? девица мне сказала — завтра, без всякого багажа, оденьтесь потеплее, поезде-

⁶⁴ Там же. С. 164.

⁶⁵ Алексинская Т. 1917-й год // Новый журнал. Кн. 94. Нью-Йорк, 1969. С. 173.

⁶⁶ Цит. по: Черняев В. Ю. Финляндский след в «деле Таганцева» // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб., 1997. С. 187. Автор статьи отмечает, что «проезд семьи равнялся стоимости всей обстановки богатой квартиры» (Там же).

те по морю часа 3 1/2–4 на рыбацкой парусной лодке. Все устроено, ни о чем не заботьтесь», — вспоминала М. Д. Врангель⁶⁷.

Приехав в Мартышкино (населенный пункт между Петергофом и Ломоносовом на берегу Финского залива), баронесса оказалась в доме контрабандистов. Ночью как раз прибыла очередная партия товара из Финляндии, и хозяйка похвалилась госте: «25 бутылок спирту, табаку, много мешков муки привезли и заработок будет хороший, на заре придут и покупатели, товар уже продан». Весь следующий день беженка просидела в доме, так как по улицам часто ходили красноармейские патрули — Мартышкино входило в пограничную зону. В Финляндию переправлялись ночью на парусной рыбацкой лодке. Встречный ветер заставил путешественников держать курс на Толбухинский маяк и огибать Кронштадт, где «все время море освещается рефлекторами». После восьми часов пути баронесса благополучно добралась до финляндского берега, где она нашла ночлег у незнакомых финнов в деревне недалеко от Терийок, откуда ее отправили в карантин⁶⁸.

Свои впечатления о пребывании в карантине оставил другой беженец — кадет И. В. Гессен, бывший член редколлегии газеты «Речь» и в будущем редактор эмигрантской газеты «Руль» и сборников «Архив русской революции». Как и баронесса М. Д. Врангель, он тоже бежал из Петрограда, но значительно раньше, в феврале 1919 г. «Карантин учрежден был не для профилактики..., а в качестве чистилища, в целях дополнительной проверки политической благонадежности... Сам по себе карантин не представлял ничего неприятного, напротив, убаюкивал разными уже забытыми утехами: для жилья отводилась какая-нибудь из многочисленных опустевших дач, принадлежащих петербуржцам, около которой были заготовлены дрова, и веселое горение их с потрескиванием в огромных печах ласкало глаз и слух. Еще больше прельщала белая булка, кофе с сахаром в неограниченном количестве и нетерпеливо ожидаемый днем судок, из которого вырывался ароматный пар», — вспоминал позднее И. В. Гессен⁶⁹.

Если в Советской России перебежчиков проверяли на верность большевизму, то в Финляндии политической благонадежностью считался антибольшевизм. Но в то же время огромный рост приобрела русофобия. И посему не все «нелегалы» из России находили радостный прием и теплый приют в Финляндии. «В 1919 г. в стране сложилась атмосфера недовольства пребыванием эмигрантов, рассматривавшихся как угроза и обуза для Финляндии. Задержан-

⁶⁷ Врангель М. Д. Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. М., 1991. Т. 4. С. 205–206.

⁶⁸ Там же. С. 207–210.

⁶⁹ Цит. по: Андреев А. Н. S.O.S... С. 524.

ных на границе нелегальных беженцев стали отправлять обратно в Советскую Россию, хотя некоторым все же удалось остаться в Финляндии», — утверждает финский историк П. Невалайнен⁷⁰.

Беглецов подстерегала не только опасность быть насильно возвращенными в места прежнего обитания. Хотя граница и была «полупрозрачной», не всем «нелегалам» удавалось пересечь ее благополучно. Баронесса М. Д. Врангель вспоминала вскоре после своего побега из России: «Много... было неудавшихся побегов, многие были за них засажены в тюрьмы, а недавно на границе застрелена княгиня Голицына, рожденная Бекман, дочь бывшего финляндского генерал-губернатора»⁷¹. В 1919 г. на границе был арестован бывший командующий 2-й армией генерал Н. А. Данилов, пытавшийся по льду Финского залива уйти в Финляндию. Из заключения несостоявшегося эмигранта выпустили в следующем году⁷².

По данным подотдела принудительных работ отдела управления Петроградского губисполкома, правда, относящимся к началу ноября 1921 г., в концентрационных лагерях находилось 484 человека, осужденных за переход границы⁷³. К сожалению, из-за отсутствия других данных эти сведения нельзя сравнить, например, с числом удачных переходов через границу. Тем не менее, она показывает, что пограничная охрана существовала не только на бумаге.

* * *

11 сентября 1919 г. нарком Г. В. Чичерин направил правительству Финляндии очередную ноту. Необычность ее заключалась в том, что в этом документе советское правительство впервые предлагало Финляндии «вступить в мирные (выделено нами. — Авт.) переговоры с целью прекращения военных действий и выработки условий мирных отношений» между двумя странами. Россия тем самым снимала одно из препятствий (определение характера отношений РСФСР и Финляндии в это время), которое не позволило найти общий язык на берлинских встречах летом 1918 г. При этом, правда, в ноте специально подчеркивалась односторонность этих действий: «постоянные нападения финляндских вооруженных сухопутных и морских сил на Россий-

⁷⁰ Невалайнен П. Финляндия и СССР в 1920–30-х гг. основные характеристики миграции и торговли // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы; СПб., 1999. С. 105.

⁷¹ Врангель М. Д. Моя жизнь в коммунистическом раю... С. 206.

⁷² Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 75.

⁷³ Отчет о деятельности отдела управления Петрогубисполкома за 20.12.1920–15.11.1921 (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 53. Л. 19).

скую Республику» и неизменная воздержанность России «от агрессивных действий против Финляндии»⁷⁴.

Предложение РСФСР не встретило поддержки у Финляндии. 16 октября финляндский сейм не согласился на мирные переговоры. В это время под Петроградом успешно наступали белогвардейские войска генерала Н. Н. Юденича, да и на других фронтах положение большевиков оставалось неопределенным. Кроме того, западные державы также не советовали финнам садиться за стол переговоров с большевиками⁷⁵.

Казалось бы, сдвигов в отношениях между Советской Россией и Финляндией в ближайшее время произойти не могло. Но через несколько месяцев обозначился явный поворот к нормализации этих отношений. Победы Красной Армии на всех фронтах, уход интервентов из России, отказ от блокады — все это свидетельствовало о необходимости выработки Финляндией новой тактики и стратегии в международной сфере. Английское правительство, к рекомендациям которого финны прислушивались, в феврале 1920 г. заявило правительствам Финляндии и прибалтийских стран о том, что они должны самостоятельно решать вопрос о мире или войне с Россией⁷⁶. Нельзя сказать, что после этого заявления позиция финляндских политических кругов резко изменилась в сторону нормализации отношений с РСФСР. Но идея обретала все больше и больше сторонников. Пример Эстонии, заключившей 2 февраля 1920 г. мир с Советской Россией, также способствовал упрочению этих взглядов. Наконец, обострение весной того же года ситуации вокруг Печенги, Ребол и Поросозера поставило финнов перед выбором: решать ее военным или дипломатическим путем.

Во время февральского наступления в Карелии Красная Армия нанесла несколько поражений белогвардейцам, вынудив часть армии генерала В. С. Скобельцына отступить в приходы Реболы и Поросозеро, в которых уже более года стояли финляндские войска. Опасаясь столкновения между финнами и красноармейцами, финляндское правительство направило 29 февраля в Москву ноту, в которой выразило готовность урегулировать международный статут этих приходов во время мирных переговоров, обещало разоружить белогвардейские формирования и попросило советское правительство

⁷⁴ ДВП СССР. Т. 2. С. 244. 245.

⁷⁵ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия... С. 133.

⁷⁶ Там же. С. 167. О сильной зависимости от мнений правительств Антанты говорили сами финляндские политики. В августе 1919 г. министр иностранных дел Р. Холсти признавал: «Финляндия вынуждена делать все, что хочет Антанта». В сентябре того же года поверенный в делах Великобритании в Хельсинки Кеннард после беседы с премьер-министром Веннола и Р. Холсти сообщал в Лондон: «В настоящее время финляндское правительство готово принимать решения о своей политике в отношении Советской России в абсолютном согласии с желаниями правительства его величества» (Там же. С. 148).

не пересекать границы приходов⁷⁷. Россия пошла навстречу финнам, войска остановились. Правда, 17 марта красноармейцы заняли деревни Соутъярви и Янгъярви, находившиеся недалеко от Поросозера. Финны уверяли, что деревни входят в состав прихода Поросозеро, русские относили их к приходу Янгъярви, входящему в Поросозерскую волость. Тем не менее, Москва отвела войска из этих деревень и предложила финнам высказать свои пожелания относительно проведения демаркационной линии в спорном районе.

Готовность Хельсинки определять судьбу этих территорий не путем оружия, а за столом переговоров означала начало нового этапа в решении пограничных проблем, существующих между РСФСР и Финляндией.

Сходным образом складывалась ситуация и вокруг Печенги. 21 февраля 1920 г. восставшие рабочие установили советскую власть в Мурманске. Красная Армия уверенно наступала на Кольский полуостров вдоль Мурманской железной дороги, не оставляя белогвардейцам никаких шансов на победу. В начале марта представители финляндского отряда, занявшего Печенгу еще в начале 1920 г., выехали в Мурманск для переговоров с новой властью⁷⁸, рассчитывая получить ее согласие на оставление финских солдат в Печенге. Встреча, по всей видимости, закончилась безрезультатно. Сведения о ней достигли Москвы, и 11 марта нарком Г. В. Чичерин предложил финляндскому правительству все вопросы, касающиеся границы на Крайнем Севере, решать «при посредничестве центрального органа власти, а не местных властей»⁷⁹.

Вместе с тем Россия не считала район Печенги спорной территорией, поэтому части Красной Армии приступили к ее занятию. В ответ на протест Р. Холсти Москва 23 марта заявила, что «финляндские войска, находящиеся на территории, не переданной по договору Россией Финляндии, должны рассматриваться как иностранные войска, нарушающие суверенитет государства, права которого на данную территорию остаются еще в силе»⁸⁰. Финляндское правительство попыталось разыграть «печенгскую» карту в связи с проездом через Финляндию делегации Л. Б. Красина, но, как уже упоминалось, из этого ничего не вышло. Не пошла Москва на очищение Печенги и после того, как финны выдвинули это требование в качестве предварительного условия для начала переговоров о перемирии. Единственной российской уступкой стало согласие проводить встречи не в Петрограде, а в Раяйоки, как этого хотела финляндская сторона.

⁷⁷ ДВП СССР. Т. 2. С. 394–395.

⁷⁸ Борьба за установление и упрочение советской власти на Мурмане. Сборник документов и материалов. Мурманск, 1960. С. 427. Министр иностранных дел Финляндии Р. Холсти заявил, что инициатива переговоров исходила от Мурманского Совета (ДВП СССР. Т. 2. С. 413).

⁷⁹ ДВП СССР. Т. 2. С. 406.

⁸⁰ Там же. С. 418.

12 апреля 1920 г. в полдень в Раййоках началось предварительное заседание по организационным вопросам. В российскую делегацию, руководимую членом Реввоенсовета Петроградской трудовой армии М. М. Лашевичем, вошли специалист Генерального штаба А. А. Самойло, бывший начальник Морского генерального штаба Е. А. Беренс, представитель НКВД Б. Е. Зуль и помощник начальника разведывательной части полевого штаба П. Ю. Удалов. Финляндскую делегацию, состоявшую из майора Генерального штаба А. Сомерсало, капитана корвета Э. Шванка, представителей МИД Л. Ханникайнена и Временного финляндского экономического комитета А.-Р. Энкеля, а также лейтенанта Э. Пилкинена, возглавлял генерал-майор М. Ветцер⁸¹.

Первые же встречи показали значительные расхождения между российской и финляндской позициями по главным вопросам. Впрочем, точка зрения финнов на территориальную проблему была известна Москве по финляндской ноте, отправленной Г. В. Чичерину из Хельсинки еще 25 марта. В ней предлагалось провести демаркационную линию «вдоль официальной границы Пороярви (в русском варианте — Поросозеро. — *Авт.*) и Реполы, то есть от северной части границы уездов Повенецкого и Петрозаводского в 20-ти верстах от финляндской границы в северо-восточном направлении приблизительно в 10-ти верстах к востоку от Белоозера». Далее линия шла от Сизоозера до западного берега Рахмозера, отсюда по прямой линии на северо-запад к границе Реполы и по ней «на запад от Ганжиноволака и от Куусиярви в северо-западном направлении вдоль южного и западного берегов Тихтозера, а затем в направлении к Кимоозеру приблизительно в 30-ти верстах отсюда в юго-восточном направлении; от этого пункта до финляндской границы в западном направлении приблизительно в 25-ти верстах от угла, который образует границы Архангельской губернии».

В Печенге финляндское правительство предлагало сохранить статус-кво на начало марта 1920 г. Между Реболами и Печенгой должна была идти нейтральная зона. Ее западная граница совпадала, видимо, с границей 1914 г., разделявшей Российскую империю и Великое княжество финляндское, а восточная шла от восточной границы прихода Реболы через Утоярви вдоль Мурманской железной дороги до берегов Северного Ледовитого океана. При этом все железнодорожные станции и города, лежащие вдоль пути, отходили бы к Советской России. В нейтральной зоне обоим государствам запрещалось держать войска⁸².

Вряд ли взгляды финляндского правительства изменились кардинально с 25 марта до начала переговоров в Раййоки. В советских газетах того време-

⁸¹ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия... С. 186–187. В газетах упоминался еще Васильевский — секретарь российской делегации (См.: Красная газета. 1920. 17 апреля).

⁸² ДВП СССР. Т. 2. С. 422–423.

ни финляндские предложения изложены менее подробно, но их общий смысл совпадает с содержанием ноты.

Российская делегация признала эти предложения неприемлемыми. Возвращение войск в районе Печенги к состоянию на начало марта означало бы фактически передачу этой территории в руки финнов. Создание охранных зон таило другую опасность для России. Отсутствие российской армии между бывшей границей и Мурманской железной дорогой привело бы, по мнению российских делегатов, к возможности «отпадения от нас всей территории в пределах охранной зоны, а через то и потери нами всего морского побережья вместе с Кольским полуостровом»⁸³. К северу от Невы на Карельском перешейке, по этим условиям, Россия имела бы всего несколько сотен стражников, а войска, расположенные к югу от Невы, лишались бы к тому же свободы маневрирования. Неравноценность положения обеих сторон была очевидна.

В свою очередь, Россия предложила иной вариант решения пограничной проблемы. Базой для переговоров могла стать граница 1914 г. Вдоль нее создавалась, за некоторыми исключениями, нейтральная зона шириной в 10 верст в каждую сторону от границы. Ребольский и Поросозерский приходы объявлялись нейтральной полосой, и нейтральная зона здесь увеличивалась на ширину этих приходов. К северу от параллели с. Нячча зона отсутствовала, ибо на этом участке Россия граничила с Норвегией, а не с Финляндией. Тем самым Печенга отходила бы к России. Не нужны были охранная или нейтральная зоны и к югу от параллели Эланиема и на Карельском перешейке. Демаркационная линия проходила бы по границе 1914 г., а дислокация войск после подписания договора о перемирии запрещалась. В нейтральной зоне нельзя было возводить военно-инженерные сооружения, строить дороги, держать войска и организации, враждебные другой стороне.

Нелегким стало обсуждение проблемы о введении нейтральной зоны в Финском заливе. Напомним, что в 1918 г. в Либаве его так и не удалось решить. В Раяйоки стороны приехали с предложениями, заметно отличающимися друг от друга. Финляндская делегация ратовала за установление границы на море, идущей от форта Ино приблизительно в направлении о. Сескар, опустив вопрос о фарватере. Российские участники настаивали на своем праве пользоваться большим корабельным фарватером, объявив фарватер, идущий от Усть-Нарвы между островами Б. Тютерс и Лавенсари, нейтральным. К востоку от него российские суда могли ходить свободно, а финляндские — только для сношения с островами Сескар и Лавенсари⁸⁴.

⁸³ Красная газета. 1920. 16 апреля.

⁸⁴ Там же.

Финляндский проект приводил к тому, что российские военные корабли лишались возможности свободно передвигаться в заливе к западу от Ино и Кронштадта. Российские условия отрезали от Финляндии острова Сескар, Лавенсари и ряд других. Кроме того, предложенный Россией фарватер ставил финнов в затруднительное положение. Сняв минные заграждения, они становились беззащитными от нападения с моря, оставив мины, они закрывали для судоходства всю северную половину восточной части Финского залива⁸⁵. При таких противоречивых желаниях договориться было невозможно Сторонам предстояло найти компромисс.

На седьмом заседании участники переговоров вновь вернулись к проблеме морской границы. Ознакомившись с новыми финляндскими предложениями, член российской делегации Е. А. Беренс согласился с условиями, относящимися к западной части залива, но отверг предлагаемый финнами фарватер, расположенный к югу от островов Сескар и Лавенсари как непригодный в навигационном отношении.

Российская делегация, оставив свои требования к границе в Финском заливе прежними, пошла, как она объявила, «на последние крайние уступки» при проведении сухопутной нейтральной зоны. Ее граница, кроме Карельского перешейка, где оставлялась только демаркационная линия, должна была выглядеть следующим образом: для российских войск — «с. Нячча, р. Нячча, погосты Ноторецкий, Бабинский, восточнее приходов Тихтозерского, Ухтинского, Юшкозерского, Кимозерского, оз. Суно, Куозеро: для финляндских войск — оз. Энари и Копсярви, с. Корвинен, р. Кайрийоки, Куоску, Келлоселькя, Ниемели, Куусамо, Пуссу, оз. Саариярви, с. Суомисальми и Туупола, оз. Пиелиярви, Нуораярви и Саланъярви»⁸⁶. Далее линия шла по государственной границе.

К территориальным проблемам примешивался вопрос о формировании красных финнов, по которому стороны тоже не смогли прийти к согласию. На вечернем заседании 24 апреля М. М. Лашевич заявил, что позиции участников переговоров почти не изменились с момента открытия встреч и потому российская делегация прерывает совещание и отправляется в Москву для обстоятельного доклада в Реввоенсовете Республики. Фактически это означало разрыв переговоров.

Неуступчивость, проявленная Финляндией на встречах в Раййоки, вероятно, доставила немало неприятных минут российскому правительству и дипломатам. А в середине мая Москва ожидала и прямого вступления своего северного соседа в боевые действия против РСФСР. Поводом к тому стала советско-польская война. Из сообщений иностранной печати Кремлю стало известно о якобы заключенном в апреле 1920 г. соглашении между Фин-

⁸⁵ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия... С. 188.

⁸⁶ Красная газета. 1920. 23, 24 апреля.

ляндией и Польшей о взаимной военной поддержке⁸⁷. 15 мая политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос «О предполагаемой второй интервенции Антанты» и, в частности, постановило: «Обратить внимание РВСР и петроградских товарищей на стоящую перед ними угрозу со стороны Финляндии при участии Англии в связи с польским наступлением. Питерцы должны восстановить полную боевую готовность, поставив весь Петербург на военную ногу и подготовив все так, чтобы в любую минуту все могло быть мобилизовано против наступающего неприятеля»⁸⁸. В Петрограде тотчас провели «инвентаризацию» наличных сил. Оказалось, что кроме 20-тысячного войска и свыше 5000 курсантов окружной военной комиссариат мог сформировать из населения территориальную бригаду всеобща, которая могла быть использована при внутренней обороне города. Примечательна задача приспособления «войск к обстановке уличного боя»⁸⁹. Граница проходила слишком близко от Петрограда, и особых надежд на то, что удастся остановить противника на подступах к городу, военные власти не питали.

На самом деле Финляндия не планировала никакого наступления на Петроград. Более того, финляндское правительство, считая мир неизбежным, еще 16 апреля образовало комитет из представителей всех фракций сейма для подготовки вопросов, связанных с заключением мирного договора с РСФСР. Возглавил комитет Ю. К. Паасикиви⁹⁰. О мире мечтала и Советская Россия. 11 мая Г. В. Чичерин направил Р. Холсти ноту, в которой указал, что «лишь при заключении мирного договора разногласия между Россией и Финляндией можно будет устранить» и предложил начать переговоры о мире. Финляндия согласилась и 27 мая уведомила РСФСР о своей готовности «приступить к мирным переговорам... в городе Дерпте, в Эстонской республике. 10-го июня в полдень»⁹¹.

Как и в Раяйоки, переговоры начались с опозданием — лишь 12 июня. Главой российской делегации был назначен секретарь Исполкома Коминтерна, бывший (в мае-ноябре 1918 г.) полпред Советской России в Швейцарии Я. А. Берзин. Ему помогали ответственный руководитель Российского телеграфного агентства П. М. Керженцев, Н. С. Тихменев, эксперты по военным вопросам В. Н. Егорьев, по военно-морским — Е. А. Беренс и пограничным — А. М. Смирнов. П. К. Удалов выступал в качестве помощника Егорьева, а А. С. Черных являлся секретарем делегации. В финляндскую делегацию, возглавляемую Ю. К. Паасикиви, вошли ге-

⁸⁷ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия... С. 192.

⁸⁸ Выписка из протокола заседания политбюро ЦК РКП(б) от 15.05.1920 (ЦГА ИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 842. Л. 6–6 об.).

⁸⁹ Сообщение Петербургского комитета РКП(б) в ЦК РКП(б). 24.05.1920 (Там же. Л. 4–4 об.).

⁹⁰ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия... С. 191.

⁹¹ ДВП СССР. Т. 2. С. 511–512, 546.

нерал Р. Вальден, В. Таннер, В. Войонмаа, Ю. Х. Веннола. А. Фрей. В. Г. Кивилина. Экспертизу военных вопросов осуществлял майор А. Сомерсало, вопросов международного права — К. Г. Идман и проблем, касающихся Восточной Карелии, — легационный советник Л. Ханникайнен⁹², Нетрудно заметить, что составы этих делегаций, за исключением отдельных экспертов, полностью отличаются от тех, которые участвовали в переговорах в Раййоки. Связано это было с разными задачами, стоявшими перед делегациями в Раййоки и Тарту (Юрьеве, Дерпте). Если в первом случае речь шла о перемирии и проведении демаркационной линии, то во втором предстояло решать весь комплекс политических, экономических, военно-морских, территориальных и иных проблем. Естественно, что за стол переговоров сели политики и дипломаты, а не только военные. В нашу задачу не входит подробный анализ всех вопросов переговорного процесса, тем более, что о нем имеется много исследований как советских, так и финляндских историков. Непосредственно связанными с пограничной ситуацией были прежде всего территориальные и военно-морские вопросы. Им и уделяется первостепенное внимание.

От российской делегации сразу же поступило предложение о заключении перемирия, то есть была сделана попытка решить то, чего не удалось достичь в Раййоки. Финны согласились, но позиции сторон, объявленные 15 и 26 июня, не отличались от апрельских. Вопрос повис в воздухе. Не лучшим образом складывались переговоры и о Печенге. Финляндия, ссылаясь на обещание императора Александра II, сделанное им в 1864 г., настаивала на своих правах на эту территорию, но Россия не соглашалась изменять границу на Кольском полуострове.

Понимая, что на пленарных заседаниях эти вопросы вряд ли удастся решить, стороны передали их в территориальную комиссию, где начались длинные, но бесплодные дискуссии. Чтобы разорвать замкнутый круг, нужно было идти на взаимные уступки, а это означало определение новых приоритетов, анализ своих требований с точки зрения их важности и первостепенности для государства. Об этом как раз и писал 27 июня из Тарту в Москву Е. А. Беренс: «Необходимо как-то привести все эти взгляды в какое-то общее целое и распределить их по степени “государственной важности”»⁹³. При этом он, ссылаясь на военного эксперта В. Н. Егорьева, утверждал, что «Полевой штаб не особенно заинтересован в Печенге и выходе Финляндии к океану, придавая первенствующее значение вопросу о Карелии».

⁹² *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия... С. 199; ДВП СССР. М., 1959. Т. 3. С. 124. Инициалы эксперта Удалова (в данном случае — П. К., на переговорах в Раййоки — П. Ю.) разнятся, но речь, скорей всего, идет об одном и том же человеке. Отличие в инициалах отчества можно объяснить неточностями источников.

⁹³ Письмо Морского представителя в мирной делегации на переговорах с Финляндией [Е. А. Беренса] заместителю председателя РВСР Э. М. Скаянскому. 27.06.1920. — РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 629. Л. 51.

Вероятно, он имел в виду точку зрения Егорьева, которую тот высказал несколькими днями раньше в виде замечаний на проект границ Печенгского района, представленный финляндской делегацией. По мнению военного эксперта, утрата Россией позиций на Балтике, неопределенность статуса балтийских и черноморских проливов резко увеличили стратегическую и экономическую ценность незамерзающего порта на Кольском полуострове, что заставляло иначе взглянуть на обеспечение безопасности железной дороги Петроград–Мурманск. Если Финляндия овладеет Восточной Карелией, то оборона дороги будет поставлена «в значительно более невыгодные условия». Одновременно российские войска лишались «выгод фланговой и в тыл угрозы противнику» при возникновении боевых действий на Карельском перешейке. Правда, Финляндия на Тартуских переговорах не настаивала на присоединении Восточной Карелии, поэтому, как признавал сам Егорьев, его рассуждения носили умозрительный характер⁹⁴. При этом Егорьев почему-то не упомянул Реболы и Поросозеро, судьба которых была окончательно не определена договаривающимися сторонами, но в случае обретения этих волостей Финляндия приближалась к Мурманской железной дороге.

Не было согласия среди самих военных моряков. В Штабе командования Морскими силами Республики, выбирая между Печенгой и получением преимуществ в Финском заливе, склонялись ко второму варианту, то есть к уступке Финляндии выхода в океан. Е. А. Беренс, напротив, считал, что «нельзя пускать Финляндию к Ледовитому океану и этим превратить тамошнее положение в подобие существующего уже для нас в Финском заливе». Тем не менее, он готов был изменить свою позицию, но лишь в том случае, если «политический мир с Финляндией теперь необходим во что бы то ни стало». Тогда пришлось бы поступиться некоторым интересами, ибо в противном случае Тартуской конференции грозила судьба Берлинской (1918 г.) и переговоров в Раййоки (1920 г.). «Мое личное мнение таково, — докладывал Беренс, — весь корень переговоров и их хода и успешности находится в выходе Финляндии к океану, на этом пока, до изменения международной обстановки, Финляндия будет стоять твердо». «К этой трудности, — продолжал он, — прибавляется еще наше, хотя и весьма скромное, но все же выходящее из пределов нам положен[н]ых требование об уступке водного пространства в Финском заливе. Об нем мы еще фин[н]ам не заявляли, но ясно, что когда это будет сделано, то они еще больше начнут взывать о Печенге и выходе в океан»⁹⁵. Беренс подметил верно: либо политический мир на основе уступок и компромиссов, либо безоговорочное

⁹⁴ *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 47–48.

⁹⁵ Письмо Морского представителя в мирной делегации на переговорах с Финляндией [Е. А. Беренса] заместителю председателя РВСР Э. М. Склянскому. 27.06.1920 (РГА ВМФ. Ф.Р-342. Оп. 1. Д. 629. Л. 48–50).

и решительное отстаивание своих интересов. Инструкции последовали спустя непродолжительное время, но уже от наркома Г.В. Чичерина. Он предложил твердо выдерживать линию отказа от передачи Печенги Финляндии. Нарком объяснял эту позицию несколькими обстоятельствами. Во-первых, командование Морскими силами Республики решило создать там военно-морскую базу, во-вторых, этот район имел громадные естественные богатства. Теоретически Чичерин был готов даже к военному решению спорного вопроса: «Поляков мы уже побили, разобьем также и финнов»⁹⁶. Действительно, в июне 1920 г. Красная Армия вела успешные операции на советско-польском фронте, и, казалось, победа близка. Но трудно сказать, было ли это утверждение точкой зрения только наркома или оно отражало позицию советского руководства.

У руководителя российской делегации на переговорах в Тарту Я.А. Берзина недоумение вызвало не «шапкозакидательское» настроение Чичерина, а его жесткая позиция относительно Печенги. В своем ответе 3 июля он писал: «Приступая к переговорам с Финляндией, мы не исходили (или не должны исходить) главным образом из соображений о непосредственной военной опасности, а из соображений о выгодности и необходимости мира с Финляндией для получения открытого доступа в Балтийское море. Этот момент является главным и решающим»⁹⁷. Видимо, еще до начала переговоров в Москве рассматривался и компромиссный вариант, при котором Россия могла бы пойти на передачу Печенги Финляндии. Тем не менее, спустя некоторое время Чичерин подтвердил свое указание⁹⁸.

Помимо Печенги весьма болезненным оказался вопрос о Финском заливе, хотя он возник уже в конце первого этапа переговоров. Финляндия, по признанию Берзина, не касалась его, считая решенным, Россия — «наиболее деликатным». В условиях жесткой позиции обеих сторон по вопросу о Печенге, перспектива выгодного для Москвы решения проблемы территориальных вод в Финском заливе была призрачной. Однако российская делегация все же вынесла ее на заседание территориальной комиссии. «Мы требуем, — информировал Чичерина 9 июля Берзин, — свободы движения для судов всех назначений в Финском заливе, ... чтобы Финский залив был объявлен открытым морем». Кроме того, Россия желала распространить свои территориальные воды на все пространство к югу от линии Стирсуден, южной оконечности островов Сескар и Лавенсари, а также предлагала финнам уничтожить военно-инженерные сооружения Ино и Пумалы. Относительно нейтрализации островов в Финском заливе у членов российской делегации четко выработанной позиции не было.

Естественно, Чичерину были известны эти предложения, ведь они обговаривались заранее в Москве, Но, учитывая настойчивое желание финнов от-

⁹⁶ АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 3. П. 1. Д. 103. Л. 20.

⁹⁷ Там же. Л. 22.

⁹⁸ Там же. Л. 27.

стаивать свое видение территориальных проблем, делегация просила наркома поставить перед Реввоенсоветом Республики вопрос: «Нельзя ли там (на пространстве от Стирсудена до границы. — *Авт.*) согласиться на территориальные воды хотя бы в полторы или две версты». Иначе Финляндия по сути дела лишалась собственных территориальных вод. Предлагая пойти на небольшие уступки на море, глава делегации еще раз обращал внимание Чичерина на главную проблему: «Что для нас выгоднее — мир с Финляндией и открытое Балтийское море или сохранение Печенги?»⁹⁹.

Постоянное напоминание Москве об этих вариантах объяснялось обстановкой на конференции. Характер дискуссий привел российских дипломатов и экспертов к твердому убеждению в необходимости пойти на какие-то территориальные уступки. Правда, П. М. Керженцев на неофициальной (и тайной для большинства членов финляндской делегации) встрече с В. Таннером предложил финнам согласиться на территориальный статус-кво, тогда как российская делегация будет готова обсудить вопрос об экономическом статус-кво¹⁰⁰. Но ни неофициальная, ни официальные встречи никаких результатов, за исключением второстепенных, не дали.

На пленарном заседании 14 июля Я. А. Берзин констатировал, что в комиссии по перемирию, а также в территориальной и экономической комиссиях сдвигов не произошло, и предложил сделать перерыв, опасаясь за дальнейшую судьбу конференции. Действительно, необходимо было выработать новые встречные предложения, позволяющие сторонам выйти из состояния «позиционной войны». Члены делегаций возвратились в свои страны, договорившись встретиться 28 июля.

В Финляндии предложение Ю. К. Паасикиви пойти на некоторые уступки России вызвало противоречивую реакцию. В конце концов, напутствуя делегацию перед возвращением в Тарту, президент К. Столберг посоветовал продолжать неспешно переговоры, программу-минимум пока не сообщать, соглашаясь на нее лишь в крайнем случае¹⁰¹. Уже само появление программы-минимум свидетельствовало о более взвешенном подходе финнов ко второму этапу переговоров по главным — прежде всего территориальным — проблемам.

Но начались они с повторения прежних, явно нереальных требований. Финляндская делегация выполняла тем самым пожелания правительства, надевшегося на проведение новых переговоров между РСФСР и крайними государствами в Лондоне. Расчет строился на том, что Великобритания сумеет оказать большее давление на Москву, нежели Финляндия¹⁰². Из затеи ничего не вышло из-за отказа России от Лондонских переговоров, и 11 августа

⁹⁹ Там же. Л. 3–5.

¹⁰⁰ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия... С. 208.

¹⁰¹ Там же. С. 210–211.

¹⁰² Там же. С. 208–212.

финляндская делегация попросила свое правительство предоставить ей дополнительную свободу действий, чтобы прийти наконец к подписанию мирного договора с Россией. Со своей стороны и РСФСР пошла на компромисс.

На заседаниях территориальной комиссии в конце июля–начале августа стороны пришли в общем к согласию относительно проведения демаркационной линии в Финском заливе. Финны согласились сократить свои территориальные воды к востоку от Стирсудена с 3 до 1,5 мили, у южных мысов ряда островов до одной мили, обязались не возводить укрепления и устанавливать артиллерию на островах Сескар и Лавенсари, убрать батареи Ино и Пумалы. Обе стороны пообещали не строить военные укрепления на берегах Ладожского озера. Все это существенно снижало опасность возникновения случайного конфликта на морских рубежах. Но на право России закрывать судоходство и ставить минные заграждения в финляндских территориальных водах финны, естественно, пойти не могли. Впрочем, по мнению членов российской делегации по всем главным вопросам соглашение было достигнуто¹⁰³. Сообщая эту радостную весть Чичерину, Берзин не преминул заметить, что если бы делегация придерживалась инструкции командования Морскими силами, отрицавшего право Финляндии иметь хоть какие-то территориальные воды вокруг островов в заливе, то переговоры существенно бы осложнились¹⁰⁴. Политический реализм одержал победу над ведомственными интересами.

Результатом движения сторон друг к другу стало подписание 13 августа договора о перемирии. Согласно нему войска РСФСР и Финляндии оставались на занимаемых к тому времени позициях. Демаркационная линия на Ладожском озере и на участке от норвежской границы до параллели Линдозера проходила по российско-финляндской границе 1917 г. Исключение составляли Ребольская и Поросозерская волости, остававшиеся на финляндской территории. Упоминание о норвежской границе означало, что Печенга считалась по-прежнему российской территорией. Но, как специально оговаривалось в статье 10-й договора, «демаркационная линия не должна рассматриваться как будущая государственная граница между Россией и Финляндией»¹⁰⁵. Судьбу Печенги, Ребол и Поросозера предстояло еще решать. Радостное восклицание П. М. Керженцева в донесении Г. В. Чичерину: «Главное, попытку финнов противопоставить уступке в Финском заливе нашу уступку в области Печенги удалось совершенно нейтрализовать»¹⁰⁶, оказалось преждевременным.

Правда, Россия тоже отступила от своих прежних условий и предложила в отношении Печенги промежуточный вариант. «Мы согласны дать фин-

¹⁰³ Красная газета. 1920. 12 августа.

¹⁰⁴ АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 3. П. 1. Д. 103. Л. 32.

¹⁰⁵ ДВП СССР. Т. 3. С. 126.

¹⁰⁶ Донесение П. М. Керженцева Г. В. Чичерину. 13.08.1920 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 3. П. 1. Д. 103. Л. 42).

нам проход к Ледовитому океану, то есть определенный коридор, — сообщал в том же донесении Керженцев, — который останется в пределах Советской республики под нашей суверенной властью, но по которому финляндские граждане получают право передвигаться без паспортных ограничений, где они получают концессию на железные дороги, земельные участки в долгосрочную аренду для постройки гаваней, складов и т. п.» Это оригинальное предложение, по-видимому, отражало борьбу в советских политических и военных кругах относительно судьбы Печенги и было выработано, скорее всего, в Москве во время перерыва в работе конференции.

Финнов компромиссный вариант не устроил. Тогда Чичерин предложил делегации обсудить вопрос об обмене Печенги на территорию на Карельском перешейке и острова в Финском заливе. Идея наркома не нашла поддержки у Керженцева, который сообщал в Москву: «Требование безусловной компенсации на Карельском перешейке¹⁰⁷ и островов за Печенгу значило бы сорвать переговоры в самом начале»¹⁰⁸. Все же, исполняя приказание, он объявил на конференции о желании своего правительства. При этом частным образом Керженцев согласился на обсуждение и иных вариантов, в которых не упоминался бы Карельский перешеек.

Новый этап переговоров, после подобных рекомендаций из Москвы, мог зайти в тупик. К тому же неудачи Красной Армии в советско-польской войне, начавшиеся в связи с польским контраступлением в середине августа, вызвали у части финляндских политиков желание разговаривать с Россией с более жесткой позиции. Тем не менее, Чичерин продолжал придерживаться старой тактики и предупреждал Берзина о необходимости «проявить по отношению к финнам полную твердость». «Они, очевидно, заблуждаются относительно нашего положения на фронте, — писал нарком. — Если немного переждем, то возобновление нашего наступления покажет им, что они строят свой расчет на неверных основаниях... Вообще, применение теперь по отношению к ним абсолютной твердости необходимо»¹⁰⁹. Но инструкция Чичерина не возымела того действия, на которое он рассчитывал.

Во-первых, еще в 20-х числах августа ряд членов финляндской делегации отбыл в Хельсинки, где обсудил создавшееся положение с представителями различных политических партий. Мнения разделились, но К. Столберг настоял на возможности обмена Ребол и Поросозера на Печенгу. Во-вторых, и в России не все политики придерживались таких взглядов как Чичерин. По свидетельству самого наркома, за уступку Печенги «ввиду колебания других

¹⁰⁷ Вероятно, речь шла о прибрежной полосе на Карельском перешейке. См.: *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия... С. 216.

¹⁰⁸ Донесение П. М. Керженцева Г. В. Чичерину. 20.08.1920 (АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 3. П. 1. Д. 103. Л. 47).

¹⁰⁹ Письмо Г. В. Чичерина Я. А. Берзину. 31.08.1920 (Там же. Л. 53).

товарищей» высказался В. И. Ленин. Да и Керженцев опять предложил на конференции компромиссный вариант. 30 августа он заявил, что Россия согласна отдать часть района Печенги и часть полуострова Рыбачий в обмен на приращение российской территории севернее Петрограда и проведение границы не по р. Сестра, а по линии Терийоки–Райвола с включением этих населенных пунктов в состав РСФСР. Финляндия отказалась от этого предложения, но в то же время ряд членов ее делегации склонен был согласиться компенсировать потерю территории на Карельском перешейке приобретением не только Печенги, но и Ребол и Поросозера. Вероятно, мнения, высказанные Столбергом и Лениным, оказались решающими для прекращения многомесячных дискуссий. Новые условия представители делегаций обсудили сначала на неофициальных встречах. 3 сентября во время частной беседы с П. М. Керженцевым В. Таннер заявил, что если по вопросу о двух волостях среди финляндских политиков нет единодушия, то требование относительно Печенги поддерживает каждый финн¹¹⁰.

На следующий день Таннер вновь встретился с Керженцевым. «Они теперь отказываются от требования на острова в Финском заливе и выступ Перешейка, — писал позднее руководитель финляндской делегации. — Их территориальная программа... была бы следующей: 1) На Петсамо передается Финляндии ранее согласованная территория. 2) Реболы с Пораярви передаются им. Их жители получают амнистию. 3) Острова Финского залива, включая Гогланд, остаются у Финляндии, но они должны быть нейтральными»¹¹¹. В тот же день требования были оглашены на заседании территориальной комиссии. Через несколько дней финляндская делегация официально согласилась на такие условия, хотя в стране разгорелись по этому поводу горячие споры.

Обрадованный сдвигом переговоров с «мертвой точки» Я. А. Берзин сообщил Г. В. Чичерину: «После того, как мы заявили им об уступке Печенги и они отказались от приходов Репола и Поросозеро, как будто не осталось уже крупных разногласий»¹¹². Ему вторил П. М. Керженцев, заявивший в интервью петроградской «Красной газете»: «Полагаю, что в течение некоторого времени мир уже будет подписан в окончательной форме»¹¹³. Но прошел еще месяц, прежде чем стороны скрепили текст договора своими подписями. Принципиальное согласие обернулось дискуссиями по более конкретным вопросам: о нейтрализации о. Гогланд, о северной границе передаваемой финнам части Печенги, об организации торговых отношений. Дискуссии были столь ожесточенными, что чуть было не привели к срыву переговоров. Пока стороны пытались

¹¹⁰ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия... С. 216–220.

¹¹¹ V. Tanner. Tarton rauha. Helsinki, 1949. S. 140–141.

¹¹² Донесение Я. А. Берзина Г. В. Чичерину. 13.09.1920 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 3. П. 1. Д. 103. Л. 57).

¹¹³ Красная газета. 1920. 14 сентября.

согласовать эти вопросы, поочередно в Раййоках и Белоострове работали члены Центральной русско-финляндской комиссии, созданной согласно договору о перемирии «для разъяснения и разрешения вопросов, возникающих на местах в связи с исполнением сего договора и для разбора и разрешения могущих произойти по сему договору недоразумений и конфликтов»¹¹⁴. С каждой стороны в Центральную комиссию входили по 3 человека: председатель, военный и морской представители. С российской стороны ими были соответственно Я. Я. Анвельт, Г. А. Плющевский-Плющик и С. М. Лепетенко, с финляндской — полковник Х. Х. Бруммер, подполковник В. Хеглунд и комендор П. Грюнвальд¹¹⁵. «Для участков: а) Финского залива, б) Карельского перешейка, в) Ладожского озера, г) участка фронта к северу от него и до параллели Линдозеро, д) участка фронта от параллели Линдозеро до норвежской границы» создавались местные комиссии, включавшие по два представителя с обеих сторон и решавшие аналогичные задачи в пределах данных участков¹¹⁶. Если на местном уровне разногласия преодолеть не удавалось, вопрос передавался в вышестоящую инстанцию. Так, осенью 1920 г. сначала в одной из местных комиссий, а затем в Центральной обсуждался факт нарушения с российской стороны демаркационной линии в районе деревень Мина-гора и Янгозеро. Ввиду того, что голоса на обоих заседаниях разделились поровну, вопрос передали «на разрешение правительств Республик»¹¹⁷. Вызывает удивление, что подобный, по признанию даже финнов, «незначительный инцидент» должен был обсуждаться в Москве и Хельсинки. Возможно, в этом проявилось опасение обеих сторон в том, что любой мелкий конфликт может привести к срыву переговоров, идущих с таким трудом.

Переговоры тем временем близились к завершению. Г. В. Чичерин писал 5 октября председателю советской торговой делегации в Лондоне Л. Б. Красину: «В Юрьеве можно считать мир обеспеченным»¹¹⁸. В 16 часов 14 октября члены российской и финляндской делегаций подписали шесть экземпляров текста мирного договора, составленного на русском, финском и шведском языках¹¹⁹. Французский текст предстояло подписать при обмене ратификационными грамотами.

¹¹⁴ ДВП СССР. Т. 3. С. 127.

¹¹⁵ Протокол заседания Центральной русско-финляндской комиссии от 6.10.1920 (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 253. Л. 4). Я. Я. Анвельт являлся в это время начальником Петроградского укрепленного района.

¹¹⁶ Подробную инструкцию для Центральной и местных комиссий см.: ДВП СССР. Т. 3. С. 127–129.

¹¹⁷ Протокол заседания Центральной русско-финляндской комиссии от 6.10.1920 (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 253. Л. 2–4).

¹¹⁸ ДВП СССР. Т. 3. С. 234.

¹¹⁹ Текст договора и заявления российской делегации о самоуправлении Восточной Карелии см.: ДВП СССР. Т. 3. С. 265–282.

В первых статьях договора определялось прохождение государственной границы между РСФСР и Финляндией. Рассекая пополам губу Вайда на полуострове Рыбачий, граница шла по меридиану на юг до пересечения с северной системой озер, далее на юго-восток и юг, проходила по перешейку, соединяющему полуострова Рыбачий и Средний, к пограничному знаку № 90 на Корватунтури. Отсюда она пролегла «до Ладожского озера, через это озеро и через Карельский перешеек — по существовавшей до сего времени границе между Россией и Финляндией до пункта выхода этой границы к Финскому заливу».

Это означало, что кроме Ребол и Поросозера в состав России возвращался Кирьясальский выступ, где по-прежнему находились ингерманландские части. Вопрос о Кирьясало, если и обсуждался в Тарту, то не был одним из центральных. Во всяком случае в обнаруженной нами переписке членов делегации и НКВД он не упоминается. Видимо, политическое, экономическое и стратегическое положение этой небольшой территории не представляло существенного значения для России, а, возможно, и для Финляндии. Согласие сторон на возвращение на Карельском перешейке к старой границе автоматически означало решение и Кирьясальского вопроса.

В заливе границы территориальных вод обеих стран сильно колебались в зависимости от того или иного участка побережья или акватории. Финляндия обязалась не держать на побережье Северного Ледовитого океана крупных военных судов, подводных лодок и боевых самолетов, а также не устраивать здесь военных портов и баз. На Ладожском озере ограничения в военном отношении касались обоих государств. Крупные острова в Финском заливе, включая Гогланд, принадлежащие Финляндии, объявлялись с военной точки зрения нейтральными, а форты Ино и Пумаа подлежали уничтожению.

Россия получила право свободного транзита через Печенгскую область в Норвегию и обратно, причем грузы освобождались от досмотра и большинства видов контроля, не облагались таможенными пошлинами, транзитными и иными сборами. Российские граждане имели возможность свободного транзитного проезда на основании выдаваемых Россией паспортов. В свою очередь, РСФСР обязалась не препятствовать проходу финских торговых судов по Неве между Финским заливом и Ладожским озером.

Пограничное сообщение, паспортные и таможенные формальности предстояло урегулировать особыми соглашениями, для чего создавалась смешанная комиссия. Военнопленные, арестованные «вследствие состояния войны или по политическим причинам» возвращались на родину, равно как и остальные подданные, выразившие подобное желание.

Отдельная статья договора фиксировала необходимость организации прямого беспересадочного и бесперегрузочного сообщения между двумя странами по железной дороге Петроград – Белоостров – Раййоки – Хельсинки. Любопытной оказалась статья 30-я, единственная, которая определяла права не

всех российских граждан, а лишь жителей Петрограда и его окрестностей. Им финляндское правительство обеспечивало «на десять лет половину больничных мест в находящейся в Новокирском приходе Халилаской санатории на одинаковых условиях с финляндскими гражданами». Этот санаторий, располагавшийся неподалеку от Петрограда, пользовался большой популярностью у жителей города еще до революции. Вероятно, именно близостью к Петрограду и можно объяснить такую привилегию петроградцев.

Причина появления самой статьи не вполне ясна. Возможно, тем самым Советская Россия рассчитывала на укрепление доброжелательных отношений между договаривающимися сторонами. Можно расценивать этот факт и как некий «укол» со стороны России за уступки, которые она сделала в результате переговоров. Наконец, не лишено смысла предположение о том, никакого политического расчета за этим не стояло. Гражданская война близилась к концу, и вопросы отдыха и лечения, в первую очередь, отдельных категорий граждан Советской республики выходили на первый план¹²⁰.

Москва ратифицировала договор спустя всего девять дней после его подписания. Судя по разбросу мнений во время мирной конференции, не все политики, военные или дипломаты были довольны его содержанием, но их мнение на страницы прессы не попало. В советских газетах условия Тартуского мира оценивались как удовлетворительные для РСФСР. Можно предположить, что отсутствие критических оценок со стороны лиц, причастных к обсуждению российско-финляндских проблем, вызывалось негласным запретом со стороны большевистского руководства.

Более бурным было обсуждение договора в Финляндии. В конце концов, и здесь сторонникам мира с Россией удалось одержать победу. 29 ноября 1920 г. сейм ратифицировал этот документ.

Государственная граница, определенная Тартуским договором, образно говоря, подвела черту под одним из этапов в развитии отношений (в том числе и пограничных) между РСФСР и Финляндией. Наступал новый этап, как впоследствии оказалось, не менее сложный и трудный, чем предыдущий.

¹²⁰ В первой половине 1920-х гг. под жителями Петрограда понимались уже не все горожане. 11 ноября 1924 г. бюро Ленинградского губкома РКП(б) поручило «подработать в советском порядке» вопрос о предоставлении мест в санатории «Халила» ответственным работникам города и губернии (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 118. Л. 13). Однако ни им, ни другим советским гражданам так и не удалось побывать в «Халиле». Хотя в течение этого десятилетия РСФСР (СССР) неоднократно ставила вопрос о выполнении статьи договора, финская сторона неизменно выдвигала ряд формальных оговорок, из-за которых от «привилегии» в конце концов пришлось фактически отказаться.

ПОСЛЕ ТАРТУ

Если в Советской России известие о заключении мирного договора с Финляндией прошло как-то буднично, вызвав эмоции (речь, конечно же, не идет о ликовании) лишь в узком кругу лиц, оставшихся массам широким неизвестными, то в Финляндии дело обстояло иначе, и то, что выразил в своих стихах сразу после подписания этого акта Бертель Грипенберг, было понятно многим:

Танцуется в Дерпте танец в ночи,
Танцуется танец с русским,
Танец забвения, с обещаниями и смехом —
— Ах, кому достанется первый поцелуй?
Мужи, купившие блеск свой кровью,
Пролитою за них другими,
Это они танцуют в Дерпте весело,
А пролитая кровь забыта¹.

Полученная Финляндией Печенга (Петсамо) едва ли могла смягчить тот удар, который был нанесен надеждам, ожиданиям самой активной, пожалуй, части финского общества. Однако удар был не настолько силен, чтобы эти надежды и ожидания почил в мире. Извилистой линии, нареченной в документах «государственной границей», своей предписанной шириной (восемь метров), надлежало отделить друг от друга два мира, лускай несхожих, но необычайно устремленных, каждый к своим целям. Соседство обещало быть интересным и стало таковым. Чего не скажешь о самом процессе «размежевания миров», превратившемся в многоактную пьесу, к достоинствам которой не относились острога и сложность интриги. Поскольку же это творение создавалось не в соответствии с заранее продуманной сюжетной линией, вполне понятно, что порой зритель оказывается в растерянности. Однако навеваемая на профессионала однообразием драматургических приемов и унылой повторяемостью сцен скука иногда мастерски снимается игрой актеров. При этом зрителю трудно избавиться от впечатления, что тонкая струйка пьеса в стоящих на сцене часах застыла.

В соответствии с Мирным договором Советская Россия и Финляндия должны были в течение 9 месяцев после ратификации договора осуществить

¹ Цит. по: *Lauri Hyvämäki. Sinistä ja mustaa. Tutkielmia Suomen oikeistoradikalismista.* Helsinki, 1971. S. 102.

проверку прохождения линии границы. Однако минуло одно десятилетие, неспешно потекло второе, но желанный в начале 20-х гг. для обеих сторон акт, подтверждавший выполнение данного обоюдного обязательства, на свет все не появлялся. Формально выдвигаемые препятствия, встававшие на пути к поставленной цели, оказались настолько непреодолимы, что невольно вызывают в памяти историю одной тяжбы, описанной Николаем Васильевичем Гоголем.

Кружившиеся в танце под звуки вальса 14 октября 1920 г. в Тарту финские и советские делегаты на конференции по заключению мирного договора, насколько можно судить по их воспоминаниям, не задумывались над тем, что, устанавливая девятимесячный срок демаркации границы, они закрывают глаза на столь немаловажные факторы, как климатические и географические условия. Вне зависимости от сроков ратификации договора, реальное время для выполнения работы в лучшем случае составляло не более четырех с половиной месяцев, т.е. конец весны — начало осени. Даже быстрая ратификация акта эдускунтой (парламентом Финляндии) и ЦИК РСФСР и последующее немедленное начало работ делали необходимым завершение демаркации к октябрю следующего года.

Можно, правда, предположить, что проведение демаркации на большей части границы считалось делом особых сложностей не представлявшим, поскольку в основном прохождение ее линии совпадало с установленной ранее между Великим Княжеством Финляндским и Российской империей и уже нанесенной на карты. Однако сами эти карты были устаревшими. На Карельском перешейке работы по уточнению линии границы, восстановлению пограничных столбов, вырубке леса и пр. проводились до этого в 1910 г. (тогда в ряде мест были внесены незначительные изменения в прохождении линии границы из-за изменения русла р. Сестры; работа проводилась на основании карт 1897 г.). За прошедшее десятилетие граница, особенно в восточной части Перешейка, успела сильно зарости, именно поэтому, встревоженный масштабами незаконных переходов границы министр внутренних дел Хейкки Ритавуори в августе 1921 г. в письме в МИД Финляндии подчеркивал необходимость предложить русским принять быстрее меры «для открытия границы»² на Перешейке³. Граница от Ладоги до Корватунтури проверялась также в 1910 г. (использовались карты 1839–1840 гг. и описание межевых знаков, сделанное в 1861 г.); к 1920 г. этот участок границы основательно зарос,

² Под «открытием границы» в данном случае следует понимать не изменение режима перехода границы, а проведение демаркационных работ, включавших помимо сверки карт, установки пограничных знаков и др., также и вырубку леса, чтобы расстояние от линии границы до ветвей стоящих вблизи деревьев не превышало 4 метров.

³ *H. Ritavuori. Ulkoasiainministeriölle, 25.8.1921 (UMArk. 12.02:1).*

многие пограничные столбы были повреждены или утрачены, что, если учитывать сложный рельеф местности, обилие болот, озер, чащоб и сопок, служило причиной многочисленных, хотя и непреднамеренных нарушений границы даже со стороны погранохраны обоих государств, не говоря уже о жителях приграничных селений.

Еще хуже обстояло дело с морскими картами. Так, например, карты Финского залива в части, отошедшей к Советской России, были основаны на картах 1860-х гг. и «совершенно не удовлетворяли ни военный, ни коммерческий флот»⁴. На основании п. 2 ст. 29 мирного договора финская сторона должна была получить копии новейших топографических и морских промерных карт и материалы незаконченных триангуляционных работ, проводившихся в Финляндии, но, судя по всему, получила далеко не все. Негативно к передаче копий карт Финского залива, на которых был зафиксирован русский «стратегический фарватер», еще зимой 1921 г. отнеслось военно-морское командование⁵.

Впервые работы по демаркации должны были проводиться лишь на севере, где Финляндия по мирному договору получила выход к Ледовитому океану. Однако после подписания договора потребовалось еще несколько месяцев для его ратификации, поэтому этот документ вступил в силу только 31 декабря 1920 г. Совершенно очевидно, что реальных возможностей для немедленного начала работ по демаркации границы за Северным полярным кругом просто не было — пришлось дожидаться летних месяцев 1921 г. Финская сторона торопилась с завершением демаркации. Уже в январе 1921 г. ею были назначены представители в делегацию для проведения работ в Печенге. Однако, когда в конце июня 1921 г. в соответствии с достигнутой с советской стороной договоренностью о времени начала работ финские уполномоченные во главе с известным ученым, бывшим сотрудником Пулковской обсерватории И. Бунсдорфом (позднее возглавившим Геодезическое управление Финляндии) прибыли на полуостров Рыбачий — в Вайда-губу, выяснилось, что их российских коллег на месте не было (как, впрочем, и представителей советской погранохраны). Время для проведения работ было ограничено — до конца октября. Прождав советских делегатов неделю, финны в одностороннем порядке начали работы на полуострове Рыбачий по демаркации сухопутной границы.

Раздраженный данным поворотом событий нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин писал по этому поводу заместителю председателя Рев-

⁴ Журнал заседания № 10 второго совещания начальников и комиссаров Убеко всех морей. 14.2.1925 (РГА ВМФ. Р-180. Оп. 1. Д. 63. Л. 53).

⁵ Переговоры по прямому проводу между Штамомором и Гидрографией, 10.2.1921 (Там же. Д. 247. Л. 7, 9, 9 об.).

военсовета Республики Э. М. Склянскому: «Получилось весьма странное явление — проведение односторонне одной финской частью Пограничной комиссии границы Печенги <...> проведенная финнами граница не соответствует мирному договору. Весь восточный берег с важными для нас постройками отошел к финнам. Нам же оставлены два барака»⁶. Спустя месяц глава Наркоминдела, обращаясь к начальнику Штаба РККА П. П. Лебедеву, настойчиво указывал на необходимость направления в Петсамо чекистов и небольшого военного отряда, чтобы в дальнейшем не возникало схожих ситуаций⁷. Однако, недовольство наркома, возможно, было бы не столь сильным, если бы в то время ему стало известно, что причиной утраты некоторых «ценных местностей» послужили неточные русские карты, приложенные к тексту мирного договора.

Дело заключалось в том, что, согласно постановлениям мирного договора, линия границы должна была проходить вдоль меридиана на юг от северной оконечности восточного мыска в Вайда-губе. Однако на приложенных к тексту договора морских картах граница была обозначена делящей мысок вдоль, что оставляло на финской стороне всю оконечность залива, в том числе и расположенную там деревушку, тогда как следование тексту договора привело бы к тому, что граница прошла бы по воде до «этих важных для нас построек». Финская делегация в своей работе по демаркации, начатой без участия советской делегации, решила руководствоваться именно картами, а не формулировкой статьи договора. Это привело к тому, что линия границы стала проходить восточнее меридиана, установленного в тексте договора.

Опоздавшая советская делегация отказалась одобрить результаты усилий финских коллег, а поскольку ее возражения учтены не были, то она 16 июля вообще отказалась от демаркации границы в Петсамо. Советник полпредства в Хельсинки А. С. Черных был вынужден в письме наркому особо указать на желательность направления «нашей печенгской делегации» инструкций о недопустимости впредь проволок с «размежеванием границы»⁸. Напротив Чичерин готов был видеть во «внезапной агрессивности Финляндии в Вайда-губе» часть общего агрессивного плана империалистических государств⁹. Мнение главы НКВД разделял и тогдашний глава российской делегации в Центральной Смешанной Русско-Финляндской Комиссии [ЦСК] Ю. Мархлевский: «Думаю, что надо отучить многоуважаемых ставленников Франции действовать скопом. Лучшим средством кажется мне: погладить по головке Эстонию и Латвию, дать им подачку, если это необходимо, а господину Пил-

⁶ Письмо Г. В. Чичерина Э. М. Склянскому, 9.7.1921 (АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 4. П. 104. Д. 5. Л. 34).

⁷ Письмо Г. В. Чичерина П. П. Лебедеву, 4.8.1921 (Там же. Л. 35).

⁸ Доклад А. С. Черных Г. В. Чичерину, 22.7.1921 (Там же. Оп. 3. П. 104. Д. 3. Л. 46).

⁹ Письмо Г. В. Чичерина А. С. Черныху, 16.8.1921 (Там же. Оп. 4. П. 104. Д. 1. Л. 31).

судскому и финнам ответить очень энергично. Но по отношению гиперборийских троглодитов слова и аргументы не действуют; они реагируют только на чувствительные пинки; надо ударить по карману, как самому чувствительному месту. По сему предлагаю: немедленно отозвать торговую делегацию и — для вящего впечатления — делегацию смешанной комиссии»¹⁰.

Между тем финны продолжали работу, доведя демаркацию со своей стороны до того места, где граница Петсамо сливалась со старой российско-финляндской границей. Настойчивость финской стороны побудила советскую делегацию к поискам компромисса. 14 октября обе делегации отправились проверять установленную финнами линию границы от Петсамо до Корватунтури. За неделю был обследован только примерно 90-километровый отрезок границы, после чего участники экспедиции вернулись обратно. Советская сторона соглашалась одобрить проведенную финнами работу при условии, если граница в том месте, где стояла деревня Вайтолахти (на берегу Вайда-губы), пройдет в соответствии с ее пожеланиями. Финское правительство не высказало возражений, и 31 октября стороны подписали соответствующий протокол, разделивший деревушку надвое¹¹. Однако ни одна из сторон не осталась удовлетворенной этим компромиссным решением. Кроме того, поскольку морская граница в Вайда-губе должна была проходить именно от северной оконечности упомянутого мыска, которая большую часть года была скрыта водой, возникли сложности с установкой пограничного знака № 367. Хотя в 1924 г. он и был все же установлен, однако, бурными океанскими волнами вскоре был полностью разрушен. Из-за этого финские и советские рыбаки при выходе из Вайда-губы не могли правильно ориентироваться в территориальных водах какого государства они находятся. Эта «непрактичность» установленной линии границы стала в дальнейшем поводом для многолетних двусторонних переговоров.

При проведении демаркации в Петсамо была составлена новая карта, которая впоследствии рассматривалась сторонами как наиболее достоверная (в отличие от карт других участков границы), поскольку была подготовлена с использованием новейших для того времени методов картографии. Когда в 1925 г. Финляндия передала в связи с предстоящим проведением демаркационных работ свой проект «Соглашения относительно сухопутной границы», то в нем предусматривалось, что «проверка» «границы от г. Корватунтури до губы Вайда производится в первый раз в 1935 г.»¹², подчеркивая, тем самым, завершенность работ 1921 г.

¹⁰ Письмо Ю. Мархлевского Г. В. Чичерину (лично), 30.8.1921 (Там же. Д. 3. Л. 95).

¹¹ Ulkoasiainministeriön Poliittisen asiain osaston Pro Memoria "Suomen ja Neuvostoliiton välillä järjestämättä olevat rajakysymykset" (UMArk. 12 G 2:1).

¹² Соглашение между Финляндской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик относительно сухопутной границы между обоими государствами. Финляндский проект, 1925 г. (UMArk. 12 G 2:3).

Работы по проверке линии границы на остальном ее протяжении, вероятно, были бы также в основном проведены, если бы не события зимы 1921–1922 г. в Восточной Карелии, получившие в советской историографии название «белофинской авантюры»¹³. Состояние двусторонних отношений даже после формальной ликвидации конфликта было таково, что к обсуждению вопроса о продолжении работ «по открытию границы» стороны вернулись только в 1923 г.¹⁴ К этому времени рисовавшиеся ранее в Москве перспективы развития отношений с Финляндией, подразумевавшие, в том числе, и желательность скорейшего заключения торгового договора, выгодного для Москвы, значительно померкли. Еще в феврале 1923 г. член Коллегии НКВД Я. С. Ганецкий (Фюрстенберг) указывал полпреду, что с Финляндией следует больше считаться, поскольку финны более серьезны и солидны, чем другие западные соседи СССР¹⁵; в мае он высказывался за желательность из-за тяжелой международной ситуации «как-нибудь закончить» спорные вопросы с Финляндией¹⁶; но попытка финского правительства прибегнуть в 1923 г. к поддержке Лиги Наций по вопросу о Восточной Карелии сыграла свою роль.

По времени это совпало с очередной «военной лихорадкой» в Москве конца лета–осени 1923 г., вызвавшей обсуждение на ряде заседаний Политбюро ЦК РКП(б) мер по увеличению численности и усилению боеспособности РККА в западных приграничных округах (т. е. и в Петроградском военном округе). Тогда же была создана комиссия Политбюро в составе Э. М. Склянского, А. В. Шотмана и Э. Рахья, которая в августе–сентябре занималась изучением вопроса о формировании отдельной карельской бригады «в связи с общим военным

¹³ Впечатление о сильной озабоченности советской дипломатии событиями в Восточной Карелии, которое может сложиться в при чтении переписки руководства НКВД с полпредом в Хельсинки, выступлений советской прессы (в том числе и публичных заявлений А. Д. Троцкого) после знакомства с подготавливаемыми в центральном аппарате НКВД аналитическими оценками ситуации в значительной мере ослабевает. В самый разгар «белофинской авантюры» в Наркоминделе полагали, что в Европе «безусловно, господствующей тенденцией является тенденция к сохранению мира», а «мелкие авантюры отдельных милитаристских клик стали чем-то вроде неизбежного «мелкого зла», «эти затеи являются не более, как конвульсиями уже отмирающей политики». Возможно, исходя из этой оценки международной ситуации. Коллегия НКВД отрицательно отнеслась в январе 1922 г. к предложениям Э. Гюллинга о «расширении автономии Карелии» (в декабре 1921 г. таким же негативным было отношение НКВД к вопросу о праве Карельской автономии иметь своих представителей за границей).

¹⁴ Точнее, финское правительство, после негативного ответа Лиги Наций в сентябре 1923 г. по поводу проблемы Восточной Карелии, предприняло первым зондаж по вопросу о возобновлении работ «по открытию границы».

¹⁵ Письмо Я. С. Ганецкого А. С. Черныху, 10.2.1923 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 6. П. 107. Д. 8. Л. 17).

¹⁶ Письмо Я. С. Ганецкого А. С. Черныху, 12.5.1923 (Там же. Л. 50).

вопросом»¹⁷. На этом фоне попытка Хельсинки поставить вопрос о Восточной Карелии была воспринята очень нервно. В начале сентября в Москве склонялись к положительному решению вопроса о переводе А. С. Черныха на работу в Варшаву (соответственно полномочный представитель СССР в Польше Оболенский занял бы его пост в Хельсинки)¹⁸, поскольку Черных пользовался в Финляндии репутацией сторонника жесткой линии. Осуществление такого решения, возможно, облегчало то, что Черных (который давно просил о переводе на другую работу) еще не вручил своих верительных грамот, как полномочный представитель СССР, президенту К. Столбергу. То, что перевода в Варшаву не произошло, и 10 сентября Черных вручил свои верительные грамоты, стало лишним свидетельством резкой реакции Москвы на обращение Финляндии к Лиге Наций и в Постоянный Международный Трибунал.

Поэтому, когда 4 октября секретарь финской миссии в Москве Р. Хаккараинен обратился в НКВД с вербальной нотой, в которой предлагалось приступить к расчистке границы на востоке Карельского перешейка¹⁹, неторопливость советской стороны с ответом не должна была вызывать удивления. Это, впрочем, не отменяло обстоятельного обсуждения вопроса на Коллегии НКВД, в Экономическо-правовом отделе наркомата. А. В. Сабанин (начальник Экправа) счел необходимым провести детальное изучение архивных материалов²⁰. Только 14 февраля 1924 г. финская миссия получила ответ. Скорее всего, затяжка с ответом была продиктована не только политическими мотивами, но не в меньшей степени и финансовыми: в бюджете не было предусмотрено ассигнований на столь масштабные работы. Исполнявший в то время обязанности члена Коллегии НКВД Черных предлагал ограничиться расчисткой части границы (на Карельском перешейке и Восточной Карелии). В беседе с главой финской миссии в Москве А. Хакцелем другой член Коллегии НКВД — В. Л. Копп предлагал и такой вариант: в 1924 г. финская сторона проводит работы на границе за свой счет, а советская сторона в следующем году оплатит проведение подобных работ на другом участке границы²¹. На протяжении всего 1924 г. эта тема неоднократно возникала в беседах дипломатов; некоторый прогресс был достигнут только к концу года.

¹⁷ Протокол № 31 (Особый) заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 6.9.1923, п. 6 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 10); Протокол № 33 (Особый) заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 18.9.1923, п. 14 (Там же. Л. 12).

¹⁸ Письмо В. Л. Коппа А. С. Черныху, 1.9.1923 (Там же. Ф. 0135. Оп. 6. П. 107. Д. 9. Л. 47).

¹⁹ R. Hakkarainen Ulkoasiainministerille, 15.2.1924 (UMArk. 12 G 2:1).

²⁰ Письмо А. С. Черныха Г. А. Залкинду, [апрель] 1924 г. (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 7. П. 109. Д. 5. Л. 27); письмо С. И. Аралова А. С. Черныху, 5.5.1925 (Там же. Оп. 8. П. 113. Д. 5. Л. 43).

²¹ A. Hackzell. Ulkoasiainministeriölle, 23.6.1924 (UMArk. 12 G 2:1).

Настойчивость финского правительства в то время в деле завершения демаркации советско-финляндской границы, возможно, частично объясняет письмо министра иностранных дел Ямара Прокопе Г. А. Грипенбергу²². Прокопе писал: «нельзя отрицать, что латентная опасность угрожает [Финляндии] с востока <...> Эта опасность из латентной может стать явной, прежде, чем мы ее почувствуем»²³. Подписание соглашения о демаркации сухопутной границы могло стать одним из препятствий для развития ситуации в этом направлении. Летом–осенью 1924 г. МИД Финляндии разослало в ряд министерств письма с просьбой изложить свое мнение по поводу предстоящих «обстоятельных переговоров» с Москвой. Первым откликнулось министерство внутренних дел. Исходя из своих задач по охране границы, министерство считало желательным приступить к работе «по открытию границы» именно на Карельском перешейке, особенно в волостях Рауту и Метсяпирти, а во вторую очередь в ряде мест к северу от Ладоги (Салми, Суоярви). Предвидя возможное предложение советской стороны о расчистке границы в одиночку по очереди, МВД считало подобное решение неприемлемым, поскольку в результате подобной организации работ было неизбежным возникновение споров. Расчистку следовало проводить одновременно и финнам, и русским, организовав ее через советско-финский пограничный комитет²⁴.

Наиболее обстоятельный ответ МИД Финляндии получило в январе 1925 г. из Межевого управления Финляндии, которому министерство сельского хозяйства переадресовало этот запрос. Это ведомство исходило из того, что «граница с Россией на всем ее протяжении, включая уезд Петсамо <...> бесспорно определена, так что переговоры с Российской Советской Республикой должны, следовательно, идти лишь о подтверждении прежней границы», при этом следовало обсудить следующие вопросы: периодичность проведения работ по уточнению границы и их способы (для разных участков границы предлагалась периодичность в 10 и 30 лет); учреждение особых комиссий для отдельных участков границы (предлагались комиссии для Карельского перешейка, для участка границы губерний Куопио и Оулу и для участка к северу от него, кроме того, для сектора Ламминперьяваара–Вайтолахти (Вайда-губа) раз в 30 лет создавалась бы отдельная комиссия); за какими обстоятельствами признается доказательная сила; количество уполномоченных с обеих сторон; договоренность о языке протоколов; соглашение о возможных новых работах по межеванию; распределение расходов при проведении

²² Финский дипломат, в 1923–29 гг. поверенный в делах в Испании и Португалии.

²³ *Magnus Lemberg*. Hjalmar Procopé som aktivist, utrikesminister och svensk partiman. Procopés politiska verksamhet till år 1926. Helsingfors, 1985. S. 270.

²⁴ V.t. sisäasiainministeri A. von Hellens. Ulkoasiainministeriölle, 9.7.1924 (UMArk. 12 G 2:1).

работ. Межевое управление считало, что в течение одного 1925 г. провести весь объем работ невозможно²⁵.

29 апреля посланник А. Хакцель передал в НКИД предложение «касательно соглашения о сухопутной границе», в основных чертах повторявшее заключение Межевого управления. 2 мая на встрече с руководством Экправа (Сабаниным и Колчановским) он услышал, что финское предложение не может быть принято, поскольку в нем есть положение о необходимости последующих (через 10 и 20 лет) проверках границы. Вместе с тем, советская сторона соглашалась, что следует уже в мае или с 1 июня приступить к работам на Карельском перешейке²⁶. Дискуссию, однако, вызвал вопрос, следует ли считать бесспорными доказательствами правильности прохождения линии границы документы и материалы, или же старые межевые столбы и знаки. В середине мая стороны достигли договоренности, что прежде всего должны учитываться сохранившиеся пограничные знаки, а уже потом документы и материалы. Уверенность в том, что работы начнутся в ближайшие недели была настолько велика, что уже 26 мая на заседании Государственного Совета президент Л. Х. Реландер одобрил кандидатуры членов комиссии по проведению работ на Перешейке (пограничный комендант И. Э. Шредер, начальник погранучастка Сиркиянсаари О. В. Питкяпааси и инженер-землеустроитель Э. В. Хиеталахти)²⁷.

Коллегия НКИД рассмотрела вопрос на заседании 18 мая²⁸. В начале июня уже был определен состав советской делегации: председатель — Федор Васильевич Костяев²⁹ (профессор военной академии), члены — Григорий Гаврилович Страхов (начальник Ленинградского топографического отдела) и Александр Яковлевич Егоров (представитель от пограничной охраны). 15 июня советская делегация уже встретилась с финской делегацией в представительстве НКИД в Ленинграде (ул. Герцена 3/5). В ходе совместных пятидневных заседаний были согласованы принципиальные вопросы. Хотя советская делегация и получила указания завершить все работы к 1 октября, глава финской делегации Шредер выражал вполне уместное сомнение, что это выполнимо «имеющимися в распоряжении топографическими силами»³⁰.

²⁵ Maanmittaushallitus Maatalousministeriölle, 12.1.1925 (Ibid.).

²⁶ A. Hackzell. Ulkoasiainministeriölle, 12.5.1925 (Ibid.).

²⁷ Sisäasiainministeriö Kannaksen rajakomendantille I. E. Schröderille, 26.5.1925 (UMArk. 12 G 2:2).

²⁸ Письмо С. И. Аралова А. С. Черныху, 19.5.1925 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 8. П. 113. Д. 5. Л. 45).

²⁹ После его кончины осенью 1925 г. председателем был назначен Андрей Викторович Андреев.

³⁰ Suomen ja SNTL: n välisen rajakäyntisekäkomissionin Suomalainen Valtuuskunta Ulkoasiainministeriölle, Terijoki, 21.7.1925 (UMArk. 12 G 2:1).

Для советской стороны при проведении работ наиболее серьезной проблемой, судя по всему, оставалось финансирование и нехватка в связи с этим «рабочей силы». Политическое управление Ленинградского военного округа, сообщая в Штаб округа о работе переданных в распоряжение представителя СССР при Смешанной пограничной комиссии солдат и топографов, отмечало, что рабочий день красноармейцев длится 10–11 часов без перерыва, с питанием крайне плохо, хотя они и «состоят на сухом пайке при отряде ГПУ и получают по 10 копеек в сутки на человека добавочных», средств на стирку белья они не получают, с баней и бельем дело обстоит плохо³¹.

Проведение работ на Перешейке породило среди местного населения массу слухов о возможности изменения линии границы. Речь, прежде всего, шла об ее западном участке³². Шредер считал, что слух был инспирирован советской стороной. 27 июля Костяев в частной беседе заявил ему, что «юго-восточный изгиб [финской границы] имеет большое значение для России, и что он получил от своего правительства в этом деле полномочия, как по уступке территории, так и в отношении возможной денежной компенсации»³³. Иными словами, советской стороной был поднят вопрос о выпрямлении линии границы на западе Карельского перешейка «по параллели Терийоки или Келломяки». На самом деле, проблема т.н. Сестрорецкого тупика (площадь — «всего лишь», по выражению Костяева, около 40 квадратных километров³⁴) была поставлена Штабом РККА перед руководством НКВД в июне 1925 г. «по стратегическим соображениям», к числу которых были отнесены удлинение линии границы на 25% (почти на 30 км), наличие многочисленных русских дач, домов и имений, «продаваемых финляндским правительством с молотка»³⁵.

Зондаж Костяева дал отрицательный результат. 11 августа Костяев получил официальный ответ, заключающийся в том, что данный вопрос не входит в компетенцию пограничной комиссии. Из этого глава советской делегации сделал вывод, что финская сторона в принципе не возражает против обсуждения предложения «дипломатическим путем». 17 августа Костяев прибыл в Хельсинки; в беседе с временным поверенным в делах Ю. В. Мальцевым

³¹ Политдонесение № 50 Политического управления ЛВО по данным на 8.8.1925 (ЦГА СПб. Ф. 8912. Оп. 4. Л. 18. Л. 543).

³² Etsivän Keskuspoliisin Sortavalan alaostaston Etsivän Keskuspoliisin päälikölle, 21.9.1925 (КА. ЕК-Valpo I. Ryhmä XXIII. Kansio 2878).

³³ Suomen ja SNTL: n välisen rajakäyntisekakomissionin Suomalainen Valtuuskunta Ulkoasiainministeriölle, Terijoki, 29.7.1925 (UMArk. 12 G 2:1).

³⁴ Для сравнения: при обсуждении «проблемы» Сестрорецкой перемычки речь шла о 25–30 квадратных метрах территории.

³⁵ Подробнее о проблеме русского дачевладения в Финляндии в 1920-х гг. см. в главе 6.

(сменивший Черныха на посту полпреда И. А. Лоренц находился в отпуске) он настаивал на необходимости постановки вопроса официально перед финским правительством. Мальцев отказался это сделать, поскольку был убежден, что «финны на такую комбинацию не согласятся»³⁶. Тогда Костяев направил в Москву телеграмму с просьбой предоставить ему полномочия для обсуждения этого вопроса в официальном порядке. Не дождавшись ответа, он уехал из Хельсинки. Тем не менее Штаб РККА не отказался от попыток получить «тупик». В НКВД на имя Чичерина было направлено официальное письмо, в котором выражалась просьба обсудить с финской стороной проблему в дипломатическом порядке. Судя по всему, в военном ведомстве действительно верили в возможность достижения поставленной цели и считали момент для этого подходящим. Прежде всего, военные исходили из того, что через несколько недель «вся граница на Карельском перешейке будет застолблена и тогда у Финляндского правительства будут уже формальные причины отказаться от выпрямления границы», пока же демаркация не завершена. Кроме того, по их мнению, «данный момент» для Финляндии следовало рассматривать, как «исторический факт проведения границы между двумя государствами, а не как прежнее установление границы между Петербургской и Выборгской губерниями». Поскольку же на 1926 г. был «предположен» «пересмотр границы между Ладожским озером и Мурманом», то это давало возможность «сочетать по всей финской границе (конечно, о Печенском крае [sic] и не может быть речи) наши и финские уступки». Под давлением Штаба РККА НКВД через полпредство в Хельсинки официально поставил вопрос о «тупике» перед министерством иностранных дел Финляндии. Ответ был получен в начале октября. Глава МИД К. Г. Идман заявил, что Государственный Совет не считает возможным уступить России т.н. Сестрорецкий тупик³⁷.

Реакцию советской стороны на этот прогнозируемый заранее результат объяснить довольно трудно. Едва ли ответ на вопрос, почему советская дипломатия продолжала настаивать на своем предложении, может быть сведен к настойчивости заинтересованного в исправлении линии границы Наркомата по военным и морским делам. Спустя две недели после получения ответа Идмана, со стороны НКВД был предпринят неожиданный демарш: глава Экономическо-правового отдела НКВД Сабанин в беседе с финским посланником заявил, что в 1921 г. демаркация границы в Петсамо была осуществлена с большими дефектами и именно поэтому следует в кратчайшие сроки провести там новые работы³⁸. Это заявление послужило причиной обращения МИД

³⁶ Доклад Ю. В. Мальцева С. И. Аралову, 18.8.1925 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 8. П. 113. Д. 3. Л. 18).

³⁷ Доклад Ю. В. Мальцева С. И. Аралову, 7.10.1925 (Там же. Д. 4. Л. 1).

³⁸ A. Hackzell Ulkoasiainministeriölle, 22.10.1925 (УМАрк. 12 G2:1). Стоит заметить, что вся советская делегация, осуществлявшая демаркацию границы в Петсамо в 1921 г. была премирована за успешное выполнение работы, а ее глава (Та-

к И. Бунсдорфу, под началом которого проводились работы в Петсамо. В своем ответе Бунсдорф особо подчеркивал, что 240-километровая граница в Петсамо от Вайда-губы до Корватунгури была проведена «со всей возможной точностью», «насколько это было возможно в тогдашних условиях». Остальной 204-километровый участок (от Мааттвиуоно до Корватунгури) полностью соответствует тем требованиям, которые были оговорены на заседании пограничного комитета в Петрограде в апреле 1921 г. Более того, ученый выражал сомнение, что у советской стороны могут иметься какие-то обоснованные сомнения, поскольку ни один из членов русской делегации лично видел не более всего нескольких километров границы; работы в основном были проведены финской стороной и одобрены русскими. Финский ученый предполагал, что упреки Москвы могут иметь основания только в отношении прохождения границы в Вайда-губе, но это означало, что русским пришлось бы вернуться к тому решению вопроса, которое предлагала в 1921 г. финская сторона³⁹.

Стоит заметить, что советская сторона, выдвигая требование о пересмотре границы в Вайда-губе, не конкретизировала его. В Хельсинки, поэтому, пришлось гадать по этому поводу. Высказывалось соображение, что, скорее всего, Москва захочет провести линию границы несколько западнее установленной протоколом от 31 октября 1921 г., чтобы расположенная в юго-восточной части залива деревня оказалась полностью на русской стороне⁴⁰. Можно предположить, что стремление оставить неразрешенными ряд пограничных проблем обуславливалось потребностью располагать во время какой-либо серьезной дипломатической акции дополнительными рычагами воздействия на финское правительство. Представляется маловероятным, что крайне интересный политический доклад полпреда И. Л. Лоренца (январь 1926 г.)⁴¹, в котором автор, рисуя общеполитическую ситуацию на Востоке Европы, выдвинул программу развития отношений с Финляндией, положив в ее основу заключение в ближайшем будущем эвентуального соглашения о ненападении, являлся лишь плодом его собственных размышлений. Этот доклад скорее являлся отголоском тех дискуссий, которые велись в Москве по проблематике отношений с лимитрофами. Лоренц осознавал, исходя из внутривосточной ситуации в Финляндии, существующих механизмов принятия политических решений, насколько сложным будет достижение ставившейся цели. В тот же день, когда был написан этот доклад, полпред встретился с министром

ежник) был намечен Коллегией НКВД в ноябре 1921 г. на должность секретаря полпредства СССР в Литве.

³⁹ *I. Bonsdorf*. Ulkoasiainministeriöille, 9.11.1925 (UMArk. 12 G2:2).

⁴⁰ *E. Palin*. Pro memoria "Suomen ja Neuvostoliiton välillä järjestämättä olevat rajakysymykset, 5.4.1933 (UMArk. 12 G2:1).

⁴¹ Доклад № 39 И. Л. Лоренца А. С. Черныху, 16.1.1926 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 9. П. 116. Д. 1. Л. 19–22).

иностранных дел Э. Н. Сетяля и затронул вопрос о разногласиях в вопросе прохождения линии границы.

Помимо предъявления советской стороной претензий в отношении границы в Петсамо и предложения об уступке Сестрорецкого тупика, споры вызвало прохождение границы еще в ряде мест Перешейка. Они касались уточнения линии границы в ряде мест течения р. Сестры и т.н. Сестрорецкой перемычки⁴². Разногласия вызвал участок границы у Сестрорецкого оружейного завода, территория которого высочайшим повелением от 15 февраля 1864 г. была выделена из Выборгской губернии Великого Княжества и передана в состав Петербургской губернии. Финская делегация настаивала на том, чтобы государственная граница проходила по середине Сестрорецкого канала, тогда как советская доказывала юридическую обоснованность своих претензий на ее прохождении по северному берегу (в 20-ти сажнях от береговой линии), т.е. стремилась закрепить за СССР оба берега, местами к тому времени уже пересохшего или заиленного канала. Советская сторона настаивала на этом решении, исходя из практической целесообразности регулирования водосброса на плотине для обеспечения потребностей завода. Впрочем, советская делегация была согласна на прохождение границы по центру канала (подчеркивая, что уже само это предложение является уступкой с ее стороны), но при условии, что на участке плотины граница пройдет так, что плотина останется полностью на советской территории.

Компромисса сторонам достичь не удалось. Предложение получить в качестве компенсации остров на р. Сестре финской делегацией было отклонено. Однако НКВД продолжал настаивать; по мнению С. И. Аралова, к весне 1926 г. вопрос необходимо было окончательно урегулировать⁴³. Возможность достижения благоприятного для Москвы решения признавалась полпредом И. Л. Лоренцем; для этого, по его мнению, требовались время и твердость⁴⁴. Эта твердость была проявлена, когда в середине декабря в Хельсинки была продолжена, начатая в Сестрорецке⁴⁵, работа по оформлению документов,

⁴² I. E. Schreder. Ulkoasiainminisretiöille, 12.9.1925 (UMArk. 12 G2:2).

⁴³ Письмо С. И. Аралова И. Л. Лоренцу, 24.11.1925 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 8. П. 113. Д. 5. Л. 75). Возможно, этот срок был обусловлен тем, что Москва намеревалась выступить с инициативой о ведении переговоров о гарантийном пакте.

⁴⁴ Письмо С. И. Аралова И. Л. Лоренцу, 24.11.1925 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 8. П. 113. Д. 5. Л. 75). Возможно, этот срок был обусловлен тем, что Москва намеревалась выступить с инициативой о ведении переговоров о гарантийном пакте.

⁴⁵ 10 декабря 1925 г. была осуществлена «сдача» Смешанной пограничной комиссией «границы и установленных погранзнаков Административным и Пограничным властям». Каждой из сторон было передано 239 погранзнаков и 1 общий погранзнак — буюк на озере Хойканярви. С советской стороны «прием границы» был осуществлен председателем Ленинградского губисполкома Шмяковым и помощником начальника Сестро-

подготовленных по результатам работы Смешанной СССР и Финляндии пограничной комиссии. Финская сторона попыталась в окончательном протоколе, к которому прилагались новые карты, зафиксировать положение о том, что работы полностью окончены. Однако Лоренц, исполняя указания руководства, дал советской делегации инструкции отметить в протоколе, что граница от Финского залива «до перемычки» (т.е. плотины на Сестрорецком канале) «не размежевана и не застолблена»⁴⁶, что и было исполнено⁴⁷.

Помимо проблем с сухопутной границей в 1925 г. внимание Москвы и Хельсинки было обращено и на Финский залив. В августе завершились, начатые еще осенью 1924 г., переговоры о заключении конвенции по борьбе с контрабандой алкоголя, в которых участвовали представители 10 государств⁴⁸. Одновременно с этой конвенцией 19 августа 1925 г. было подписано Тройственное соглашение между Эстонией, Финляндией и СССР о морских путях в Заливе. Необходимость сепаратных переговоров с Хельсинки и Таллином обуславливалась «теснотой» Финского залива: границы 12-мильных зон антиалкогольного контроля (к принципиальной фиксации именно такой ширины зон стремились трое соседей по Заливу, в отличие от Германии, наставившей на 10-ти милях) трудно было провести на карте, не ущемляя интересов одной из сторон. Москва, исходя из того, что само по себе соглашение по борьбе с контрабандой алкоголя большого практического значения не имеет, видела в установлении 12-мильной зоны шаг к реализации заветной мечты

рецкого погранотряда ГПУ Львовым, а с финской — представителем Выборгского губернатора коронным фохтом Пяяри и погранкомендантом Шредером. 13 декабря 1925 г. Смешанная комиссия выехала в Хельсинки для подписания окончательных документов (всего «должно быть učinено около 8000 подписей», — как писал глава советской делегации Андреев).

⁴⁶ Доклады И. А. Лоренца С. И. Аралову, 19 и 29.12.1925 (Там же. Л. 109, 111).

⁴⁷ «От Финского залива до пункта, находящегося выше лесопильного завода Гутермана на реке Сестре и отмеченного пограничными столбами за № 13, государственная граница остается не размежеванной и не застолбленной, вследствие разногласий, возникших между делегациями Смешанной Пограничной Комиссии», — Общий протокол прохождения государственной границы между СССР, с одной стороны, и Финляндской Республикой, с другой, на Карельском перешейке. 10.12.1925 г. (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 80. Д. 200. Л. 13). Представителям советской стороны (от Ленгубисполкома В. А. Шмякову и от погранохраны В. С. Львову) и финской стороны (представителю Выборгского губернатора Коронному фохту Эйно Пяяри и коменданту Карельского перешейка И. Э. Шредеру) был официально передан только участок границы от столбов № 13 до Ладожского озера (столбы № 239). (Протокол заседания Смешанной Пограничной Комиссии по подробному определению и установлению государственной границы 10.12.1925 (Там же. Л. 2)).

⁴⁸ СССР, Финляндия, Норвегия, Швеция, Германия, Дания, Латвия, Литва, Эстония, Польша.

о расширении территориальных вод (достижение этой цели неизменно наталкивалось «на сопротивление иностранных правительств») ⁴⁹. Под давлением немецкой стороны советская, эстонская и финская делегация согласились на то, что тройственное соглашение не войдет в текст Конвенции, а будет иметь характер «протокольного приложения к пункту конвенции о праве соседей перераспределять граничащие зоны» ⁵⁰. Советская сторона в ходе этих переговоров приложила максимум усилий, чтобы не допустить «захвата» Эстонией и Финляндией «ограниченного верховенства над Заливом» в районах Ревель–Гельсингфорс и 27-го меридиана, «подчинив его открыто или замаскировано режиму «территориальных вод».

В Экономическо-правовом отделе НКВД исходили из того, что в дипломатической практике европейские государства в «текущем столетии» обычно не прибегали к открытому расширению территориальных вод, так как подобные шаги неизбежно вызывали протесты со стороны международного сообщества, но предпочитали распространять свою власть на прилегающие к их берегам части «открытого моря» путем установления помимо территориальных вод (3–4 мили шириной) вод санитарного надзора (5–8 миль шириной), навигационного надзора (10–15 миль), таможенного надзора (8–14 миль) и т.д., «постепенно подчиняя режиму именно территориальных вод ту или иную часть открытого моря». Так, в отношении Финского залива, в частности, поступила Россия в январе 1910 г., объявив, что устанавливает 12-мильную зону таможенного надзора.

К 1925 г. у России и Финляндии ширина их территориальных вод в Заливе составляла (за исключением территориальных вод вокруг нескольких островов, в том числе Гогланда) 4 мили (у Эстонии — 3). У СССР граница территориальных вод практически совпадала с зоной таможенного контроля, у Финляндии таможенная зона составляла 10 верст (около 6 миль) (у островов в районе 27-го меридиана — 5 верст (около 3 миль)). Эстония имела 12-мильную зону таможенного надзора на основании закона от 1 января 1910 г. Кроме того, имелись зоны навигационного контроля (для восточной части Финского залива их границы были определены советско-финляндским соглашением от 27 июля 1923 г.) и зоны противоалкогольного надзора, которые были определены подписанной в 1925 г. международной конвенцией с участием 10 государств региона Балтики. Советскую сторону беспокоило то обстоятельство, что таможенные зоны Финляндии и Эстонии в некоторых частях Залива перекрывают международный морской путь на Ленинград, что в прин-

⁴⁹ Объяснительная записка [к созыву 24 ноября 1924 г. в Хельсинки конференции по борьбе с контрабандой алкогольными товарами] [1924 г.] (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 7. П. 109. Д. 6. Л. 11).

⁵⁰ Доклад А. С. Черныха В. А. Коплу, 6.12.1924 (Там же. Д. 4. Л. 120–124).

ципе могло в будущем создать некоторые препятствия для судоходства. Советская дипломатия воспользовалась переговорами о борьбе с алкогольной контрабандой, чтобы заключить с Таллинном и Хельсинки упомянутое Тройственное соглашение, в котором удалось зафиксировать положение, что морские пути к западу от 27-го меридиана полностью подлежат действию принципов международного права об «открытом море». Однако за подписанием соглашения не последовало быстрой его ратификации (требовалась ратификация минимум двух из трех сигнаторов), в результате кораблям, шедшим в Ленинград, фактически приходилось пересекать зоны таможенного контроля Эстонии и Финляндии. Кроме того, Тройственным соглашением предусматривалось, что зоны антиалкогольного контроля в восточной части залива будут совпадать с зонами навигационного надзора, но зоны советского антиалкогольного контроля не могли простирались на финскую таможенную зону. В принципе это положение устраивало Москву. Однако, если в восточной части Финского залива и у островов Сескар и Лавенсаари финские таможенные зоны совпадали с границами территориальных вод (5 верст шириной), то у Гогланда, где в соответствии с Мирным договором ширина территориальных вод была установлена в 1 милю, а о зоне таможенного контроля вообще ничего не говорилось, таможенная зона выходила за пределы территориальных вод и перекрывала, хотя и на небольшом отрезке, международный морской путь.

Подобная ситуация побудила СССР обратиться с предложением к Финляндии и Эстонии провести переговоры о подписании соглашения о зонах свободного моря. Конференция о морских путях начала работу в Хельсинки 16 ноября 1925 г. До ее открытия, НКИД провел ряд межведомственных совещаний, в том числе и с участием представителей Штаба РККФ. В ходе них были выработаны принципиальные установки, осуществления которых следовало добиваться: морские пути слишком узки и в районе Родшера и Ревельстейна проходят по финским и эстонским территориальным водам, поскольку это должно быть неприемлемо не только для СССР, но и для Эстонии и Финляндии, нужно достичь согласия Таллинна и Хельсинки на расширение свободных морских путей; кроме уже установленных морских путей интересы обороны СССР требуют нового пути — через Нарвский залив. Поскольку границы морского пути между 22 и 27 меридианами не устраивали всех трех участников переговоров, стороны быстро пришли к взаимопониманию, хотя первоначально финская делегация настаивала на том, чтобы ширина морского пути к западу от Гогланда была не более 3 миль, т.е. менее установленной при подписании Конвенции о борьбе с алкогольной контрабандой. Однако препятствием для успешного завершения работ стал вопрос о новом — южном пути к востоку от 27-го меридиана.

Финляндия соглашалась пойти на уступки при условии, что Россия не будет возражать против задержания судов явно занимающихся контрабандой алкоголем во всей акватории Финского залива. Поскольку это предложение влекло на практике отказ от принципов «свободного моря», оно было категорически отклонено. В момент ведения переговоров вступила в силу конвенция по борьбе с алкогольной контрабандой, и Финляндия на законных основаниях (поскольку Тройственное соглашение не вступило в силу) заявила, что будет осуществлять антиалкогольный контроль в полосе шириной в 12 миль, т. о. международный морской путь в ряде мест оказался пересеченным зоной этого контроля.

Советская дипломатия, чтобы выйти из создавшегося положения, предложила правительствам Финляндии и Эстонии подписать два протокола: первый — о морских путях между 22 и 27-м меридианами, о ширине которых удалось достичь договоренности, и второй — о Нарвском морском пути (Эстония заняла сдержанную позицию, согласившись не подписать этот протокол, а присоединиться к советско-финскому документу). Но поскольку Штаб Рабоче-крестьянского Красного Флота настаивал на принятии всех требований Эстонией и Финляндией, советской делегации пришлось уклониться от подписания протоколов «под предлогом редакционных несогласий» и заявить о необходимости прервать работу конференции. Стоит отметить, что хотя Штаб флота довел до сведения делегации на переговорах, что он допускает возможность отказа от южного морского пути, делегация этим не воспользовалась⁵¹. Неуступчивость объяснялась не только давлением со стороны морских чинов, но и непониманием важности затрагиваемых проблем со стороны члена Коллегии НКВД С. И. Аралова, считавшего, что «нет больших оснований идти на уступки».

В принципе С. И. Аралов имел основания для выражения сомнений, как в отношении результатов достигнутых на переговорах о морских путях, так и в отношении Тройственного соглашения. Дело заключалось в том, что пункт 1-й соглашения являлся своего рода косвенным признанием финских таможенных зон в Заливе, границы которых формально не были определены. В силу этого создавалась предпосылка для одностороннего, на основании внутреннего законодательства, изменения границ этих зон. Однако у заместителя начальника Экономическо-правового отдела НКВД Н. П. Колчановского имелись основания для того, чтобы оценивать происшедшее, как ошибку: морской путь к западу от Гогланда не был в результате установлен и перекрывался финской противоалкогольной и эстонской таможенной зонами, морской путь к востоку от Гогланда, в свою очередь, оказался «перекрыт почти под Кронштадтом финской противоалкогольной зоной» (поскольку не всту-

⁵¹ Доклад И. Л. Лоренца С. И. Аралову, 13.12.1925 (АВП РФ).

пило в силу Тройственное соглашение), Нарвский коридор перекрывался финской противоалкогольной и эстонской таможенной зонами, небольшой участок пути непосредственно восточнее о. Гогланд перекрывался финской таможенной зоной. В результате Финский залив, по мнению Колчановского, фактически утрачивал статус открытого моря, что могло сказаться и на интересах советской обороны, и на торговом судоходстве СССР.

Долгие поиски компромисса оказались в то время безрезультатными. В принципе, для Финляндии подобный исход был вполне приемлем. Изданием декрета Президента Финляндской республики от 30 мая 1927 г. о таможенном управлении были созданы формальные предпосылки для одностороннего расширения зон таможенного контроля, в том числе, что было крайне неприятно для России, в районе острова Гогланд. Попытки советской дипломатии найти выход из затруднительного положения все же принесли свои плоды, хотя для этого потребовалось почти два года упорной борьбы: 13 апреля 1929 г. были подписаны советско-финляндская конвенция о таможенном надзоре в Финском заливе и дополнительный протокол⁵².

Незавершенность работ 1925 г. по «открытию» границы вынудила Москву и Хельсинки вернуться к обсуждению вопроса уже в январе 1926 г. При этом тема «перемычки» забыта не была⁵³. В беседе с главой МИД Э. Н. Сетяля в начале февраля 1926 г. И. Л. Лоренц заявил, что «уступок мы не сделаем, и что вряд ли согласимся продолжать работу по проведению границы до тех пор, пока не будет решен вопрос перемычки»⁵⁴. Однако и противная сторона проявила твердость, заявив, что пересмотра границы в Печенге не будет⁵⁵, иными словами отказалась устанавливать юнктим между проблемами плотины на р. Сестре и границей на Севере. Обе стороны своим нежеланием идти на компромисс фактически заблокировали продолжение начатых в 1925 г. работ. Если еще в конце февраля 1926 г. от Лоренца требовали поставить перед финским правительством вопрос о Сестрорецкой перемычке «ультимативно»⁵⁶, то в начале марта 1926 г. Коллегией НКВД было вынесено постановление, что без урегулирования вопроса о Сестрорецкой перемычке и проверки (читай: изменения) границы в Вайда-губе (где советские рыбаки фактически лишились свободного выхода в море) советская сторона не согласится на

⁵² См. подробнее: Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб., 2000. С. 133–140.

⁵³ Доклад И. Л. Лоренца А. С. Черныху, 16.1.1926 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 9. П. 116. Д. 1. Л. 23).

⁵⁴ Доклад И. Л. Лоренца А. С. Черныху, 8.2.1926 (Там же. Л. 53).

⁵⁵ Доклад И. Л. Лоренца С. И. Аралову, 19.2.1926 (Там же. Л. 81).

⁵⁶ Письмо С. И. Аралова И. Л. Лоренцу, 23.2.1926 (Там же. Ф. 04. Оп. 41. П. 256. Д. 53497. Л. 14).

проверку границы вообще. Помимо этого, Коллегия «постановила необходимым прекратить переговоры по поводу Сестрорецкого тупика в виду несогласия финнов взаимно разменяться территориями». «Этот вопрос, — писал С. И. Аралов, — мы считаем безнадежным и поэтому мы решили его совершенно прекратить»⁵⁷. Сделанное посланником Хакцелем в Москве предложение провести летом проверку границ двух юго-восточных финских приходов у Ладожского озера было отвергнуто⁵⁸. Не отвергая, тем не менее, самой возможности в более или менее отдаленном будущем продолжения работ на границе и, соответственно, вероятности просьб финской стороны о «выпрямлениях» ее в некоторых местах, Лоренц считал, что они допустимы лишь за компенсацию, но Сестрорецкая перемычка не может являться таковой. «Это вопрос, вообще, мелкий. Мы его несоразмерно раздули», — писал он в Москву. Если речь пойдет о компенсациях, то необходимо возобновить обсуждение вопроса об уступке Сестрорецкого тупика, на чем настаивает Реввоенсовет — т. е. вопрос о выпрямлении границы в районе Терийоки⁵⁹.

С весны 1926 г. проблематика «открытия» границы отошла для обеих сторон на второй план. Основное их внимание оказалось сосредоточенным на переговорах о заключении гарантийного пакта. Лишь в конце зимы следующего года руководство НКВД решило, что будет более выгодным в этом году заблаговременно в вопросе о границе взять инициативу в свои руки и потребовать у финнов постановки вопроса о перемычке⁶⁰. Однако внешнеполитическая ситуация 1927 г., особенно после разрыва советско-английских отношений, сложилась для СССР крайне неблагоприятной и лишила почвы любые «ультимативные» требования, о которых шла речь годом ранее. В начале весны следующего — 1928 г. — финская сторона зондировала вопрос о возобновлении работ по открытию границы к северу от Ладоги, однако, новому финляндскому посланнику Понтусу Артти пришлось довольствоваться уклончивым ответом члена Коллегии НКВД Б. С. Стомонякова⁶¹. Спустя несколько недель посланник воспользовался визитом в Москву профессора И. Бунсдорфа (речь шла о присоединении СССР к т. н. Балтийской геодезической комиссии, создателем которой был Бунсдорф), чтобы еще раз поставить вопрос. Ответ был достаточно категоричным: ряд советских ведомств нега-

⁵⁷ Письмо С. И. Аралова И. Л. Лоренцу. 2.3.1926 (Там же. Ф. 0135. Оп. 9. П. 116. Д. 5. Л. 71).

⁵⁸ Также не было принято и предложение А. Хакцеля отложить вопрос о «перемычке» до лучших времен.

⁵⁹ Доклад И. Л. Лоренца Б. С. Стомонякову, 18.6.1926 (Там же. Д. 2. Л. 114–116).

⁶⁰ Письмо Б. С. Стомонякова И. Л. Лоренцу, 8.2.1927 (Там же Ф. 04. Оп. 41. П. 257. Д. 53513. Л. 14).

⁶¹ Стомоняков Б. С. Краткая запись беседы с П. Артти. 7.3.1928 (Там же. Ф. 09. Оп. 3. П. 23. Д. 5. Л. 29).

тивно относится к возобновлению работ по демаркации без решения проблемы Сестрорецкой перемычки⁶².

В течение нескольких лет проблема «открытия границы» практически не ставилась в повестку дня, хотя обсуждение ее и поиск вариантов решения, как в Хельсинки, так и в Москве был продолжен. В 1928 – первой половине 1929 г. внимание сторон было привлечено к решению не менее важной проблемы: достижению договоренности о границах зон таможенного и контрабандного контроля в Финском заливе. А в конце 1929 г. произошло резкое изменение внутривнутриполитической ситуации в Финляндии, вызванное появлением на политической сцене такой новой и мощной силы, как массовое радикальное антикоммунистическое движение, по месту своего возникновения (г. Лапуа на западе Финляндии) получившего название лапуаского. Оно было вызвано к жизни рядом факторов. Одним из первых был глубокий экономический кризис, причину которого видели не только, а некоторые — и не столько, в проблемах всей капиталистической мировой системы, но и во внешнеторговой стратегии Москвы. Значительное усиление советского присутствия на мировом лесном рынке (во многом достигнутого за счет политики низких цен) действительно серьезно сказалось на экономике Финляндии. Падение цен на лес на мировых рынках, повлекшее сокращение вырубki и переработки леса в самой Финляндии и соответственно отразившееся на уровне занятости и уровне жизни значительных слоев населения, стало причиной резкого подъема антисоветских и антикоммунистических настроений⁶³. Меры, к которым прибегали сторонники лапуаского движения в борьбе со своими противниками включали т.н. «переброски» — насильственное выдворение на территорию СССР, принявшие опасные масштабы в 1930 г.⁶⁴ и вызвавшие серьезный дипломатический конфликт, частично улаженный в ходе трудных переговоров министра иностранных дел Я. Прокопе с полпредом И. М. Майским лишь в январе 1931 г. Однако достигнутое урегулирование взаимоотношений оказалось временным. Уже ранней весной 1931 г. возникла новая конфликтная ситуация, причиной которой стало проведение коллективизации в районах Ленинградской области, населенных ингерманландцами. Массовые

⁶² Стомяков Б. С. Краткая запись беседы с П. Артти, 31.3.1928 (Там же. Ф. 0135. Оп. 11. П. 122. Д. 4. Л. 43, 44).

⁶³ Финский посланник в Варшаве в одном из писем Я. Прокопе отмечал, что общая работа европейских государств против русского демпинга (составной части внешнеполитических планов Москвы) является единственным, что поможет соседним с СССР странам избежать в будущем мощного политического и экономического давления. (K. G. Idman H. Procopé, 7.3.1931 (UMArk. Fb7:92. 7E)).

⁶⁴ Одной из самых громких, правда, не удавшихся полностью для ее организаторов, попыток переброски стало похищение в годовщину подписания Юрьевского мирного договора бывшего президента Финляндии К. Столберга и его супруги.

выселения с исконных мест проживания родственных финнам ингерманландцев вызвали колоссальную по размаху антисоветскую кампанию в Финляндии; игнорировать мнение подавляющего числа населения страны не рискнуло бы ни одно из финских правительств. В такой ситуации поднимать вопрос о продолжении работ по демаркации границы, справедливость которой вновь стала открыто подвергаться сомнению в прессе, было политически нецелесообразно.

Только осенью 1931 г. Москва и Хельсинки смогли вернуться к вопросу о демаркации границы. Необходимость достижения для Финляндии компромисса по спорным проблемам иногда приводила к появлению интересных вариантов решений. Так, например, в отношении Вайда-губы рассматривалась даже возможность объявления ее общей советско-финляндской гаванью. Категорически против подобного решения выступило Таможенное управление Финляндии⁶⁵. Между тем, советские власти самостоятельно проводили на некоторых участках «не застолбленной» границы работы, которые в Хельсинки расценивались как одностороннее «открытие границы». Москва же утверждала, что эти мероприятия вызваны исключительно необходимостью обеспечить надлежащие условия для охраны границы⁶⁶.

После заключения в январе 1932 г. советско-финляндского договора о ненападении, неурегулированность пограничных проблем выглядела как своего рода косвенное подтверждение лицемерия сторон и не могла не усиливать атмосферы подозрительности в двусторонних отношениях. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что советская сторона ни разу не попыталась использовать завершение демаркации в качестве условия при решении других проблем двусторонних отношений или саму демаркацию для решения таких. Даже затягивание президентом П. Э. Свинхувудом ратификации подписанного в январе 1932 г. пакта, заинтересованность в котором у СССР была очень велика, также не послужило поводом для очередной постановки вопроса о демаркации; рассматривались какие угодно варианты оказания давления на Хельсинки, но не «открытие границы». Создается впечатление, что данная проблема в глазах советского политического руководства приобрела совершенно самостоятельное значение, и ценность ее возрастала пропорционально увеличению времени ее решения. В 1933 г. стороны вернулись к обсуждению всего комплекса проблем границы.

Инициативу первым проявило финское правительство. В середине января министр иностранных дел А. Хакцель в письме посланнику в Москве А. А. Юрье-Коскину подчеркивал, что целью МИД на ближайшее время будет обсуждение нерешенных пограничных вопросов (закрепление грани-

⁶⁵ Tullihallitus Ulkoasiainministeriölle, 12.1.1932 (UMArk. 12 G2:1).

⁶⁶ E. Hj. Palin. Ulkoasiainministeriön Poliittisen asiain jsastolle. 6.2.1933 (Ibid.).

цы на Перешейке, «утверждение» линии границы к северу от Ладоги, определение морской границы в Вайда-губе и восстановление разрушенного там пограничного знака № 367, установленного в 1921 г.)⁶⁷. В феврале Юрье-Коскинен передал в НКВД ноту с предложением приступить к установлению пограничных знаков в Вайда-губе. Не возражая в принципе против этого, поскольку момент считался благоприятным (отношения между странами установились хорошие), советская сторона снова увязала этот вопрос с проблемой Сестрорецкой перемычки⁶⁸. Вероятно, на готовность финского правительства пойти на уступку Сестрорецкой перемычки повлияло полученное из генштаба неофициальное заключение на меморандум, подготовленный в Политическом отделе МИД, смысл которого состоял в том, что поставленные в нем вопросы, в том числе, следовательно, и вопрос о перемычке, военного значения не имеют⁶⁹. Возможно, финский посланник не вполне понял ответ Стомонякова, поскольку сообщил в МИД, что тот ему, якобы, заявил о возможности предоставления компенсации на Рыбачьем полуострове за решение вопроса с плотиной на р. Сестре⁷⁰. Обстоятельные беседы по этим вопросам возобновились в НКВД полтора месяца спустя. Б. С. Стомоняков заявил тогда финскому посланнику, что СССР готов приступить к решению проблем, но только в их взаимосвязи. В результате беседы у Юрье-Коскинена сложилось впечатление, что Сестрорецкой перемычке придается столь большое значение, что Москва готова оставить открытыми все остальные вопросы, если эта проблема не будет решена в ее пользу. Сам посланник считал, что можно пойти на уступку; предложенное же Стомоняковым решение для Вайда-губы принять, по его мнению, было очень трудно⁷¹.

В начале лета финское правительство представило свой вариант компромиссного решения: за исправление границы в Вайда-губе в пользу Финляндии Советской России могла быть уступлена половина Сестрорецкой перемычки.

⁶⁷ A. Hackzell A. Yrjö-Koskiselle, 17.1.1933 (Ibid.).

⁶⁸ Дневник Б. С. Стомонякова. Прием А. Юрье-Коскинена, 8.2.1933 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 16. П. 133. Д. 3. Л. 21); Колчановский Н. Л. Запись беседы с А. Юрье-Коскиненем, 20.3.1933 (Там же. Л. 36).

⁶⁹ P.M. «Suomen ja Neuvostoliiton välillä järjestämättä olevat rajakysymykset», 6.2.1933; Yleisesikuntan Osasto 2 (Ulkomaantoimisto) (Majuri Kraemer) Ulkoasiainministeriölle, 15.2.1933.

⁷⁰ A. Yrjö-Koskinen A. Hackzelelle, 8.2.1933 (UMArk. 12 G2:1); Судя по позднему письму Н. П. Колчановского Н. Н. Крестинскому, Б. С. Стомоняков тогда отказал в рассмотрении вопроса о компенсации за перемычку, однако, дал понять, что эта уступчивость финской стороны в других спорных вопросах при проведении демаркации будет учтена. (Письмо Н. П. Колчановского Н. Н. Крестинскому, 17.6.1936 (АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 76. Д. 108. Л. 74 об.)).

⁷¹ A. Yrjö-Koskinen A. Hackzelelle, 20.3.1933, 12.4.1933 (UMArk. 12 G2:1).

Предложение было отвергнуто, поскольку в таком случае советская сторона утрачивала «населенный пункт и рыбацью гавань»; однако Москва выражала готовность пойти на уступки при демаркации границы в Восточной Карелии⁷².

В течение полугода шел трудный торг. Советская сторона согласилась на проведение летом следующего года работ на границе. 30 ноября президент П. Э. Свинхувуд утвердил новые инструкции посланнику в Москве, на основании которых Юрье-Коскинен 9 декабря сообщил в НКИД, что, не отвергая полностью советского предложения о проведении границы в Вайдагубе, которое очень трудно принять еще и в силу отсутствия договоренности о компенсациях, его правительство предлагает приступить к работам на Карельском перешейке, чтобы уже в ходе их был решен вопрос о компенсациях⁷³. Проявленное Москвой в конце 1933 – начале 1934 г. желание поставить точку в затянувшемся процессе урегулирования пограничных вопросов укладывалось в рамки той программы внешнеполитических акций, которая разрабатывалась в НКИД с осени 1933 г. Руководство Наркоминдела в своей оценке ситуации в Европе вообще и в Восточной Европе в частности исходило из того, что наступил благоприятный момент для быстрого усиления влияния СССР на востоке Балтики, в том числе и в Финляндии. Осенью 1933 – зимой 1934 г. Б. С. Стомоняков занимался выработкой соответствующей программы мероприятий. В значительной своей части она была утверждена Политбюро ЦК ВКП(б) 17 января 1934 г. Один из ее пунктов гласил: «Осуществить частично предложение о поездке по СССР группы лидеров финляндских политических партий. Не возражать против поездки их в Карельскую республику, если на этом будут настаивать»⁷⁴. Подобное изменение настроений в высшем политическом руководстве СССР в отношении Финляндии произошло впервые.

25 мая 1934 г. на заседании Государственного Совета президент Свинхувуд утвердил инструкции, касающиеся проведения работ на границе⁷⁵. Ими предписывалось создание трех комиссий⁷⁶, ответственных за эти работы (полная демаркация границы от Ладоги до Ледовитого океана, предусма-

⁷² Колчановский Н.П. К записи беседы Б. С. Стомонякова с А. Юрье-Коскиненом, 21.6.1933 (Там же. Д. 3. Л. 67).

⁷³ Дневник Б. С. Стомонякова. Прием А. Юрье-Коскинена, 9.12.1933 (Там же. Л. 114).

⁷⁴ Протокол № 152 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20.1.1934 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 166–167).

⁷⁵ Valtioneuvoston pöytäkirja joka laadittiin Ulkoasiainministerin esittelyssä Tasavallan Presidentille, 25.5.1934.

⁷⁶ Т.н. южный подкомитет (председатель финской делегации А. Маннер), центральный подкомитет (Й. Ахонен) и северный подкомитет (А. Юльях).

тривавшая установку пограничных знаков, вырубку леса на ширину в 4 метра по обе стороны границы, составление протоколов и карт). Инструкции советским представителям, судя по позднейшей справке замнаркома Н. Н. Крестинского М. М. Литвинову, были подготовлены замнаркома Б. С. Стомяковым, главой военного ведомства К. Е. Ворошиловым и заместителем председателя ОГПУ Г. Г. Ягодой⁷⁷. В течение августа–сентября 1934 г. сторонами был выполнен огромный объем работ. С обеих сторон в них было занято несколько сотен человек. Продолжавшийся в это время обмен мнениями о линии границы на Перешейке привел к тому, что финская сторона согласилась уступить свою часть Сестрорецкой перемычки, хотя и не забыла упомянуть о желательности в будущем получения за нее компенсации.

В начале сентября до сведения финского правительства было доведено, что если в течение осени не удастся полностью завершить дело, то работы будут продолжены зимой⁷⁸. 10 октября советская и финская делегации достигли договоренности, что для окончательного утверждения подготовленных комиссиями документов в Хельсинки 15 января 1935 г. будет созвано специальное заседание, однако, до этого финские и советские топографы и геодезисты должны собраться 12 ноября на вокзале в Раййоках для начала работы по сверке карт, а для решения иных вопросов несколько позднее на вокзалах в Белоострове и Раййоках⁷⁹. Однако советские делегаты не прибыли в согласованные сроки ни в Раййоки, ни в Хельсинки. Причиной была не только старая проблема — достигнуть договоренности о решении вопроса о Вайда-губе не удалось (судя по косвенным свидетельствам, НКВД оказался в затруднительном положении, так как ему не удалось согласовать позиции различных советских ведомств (Наркомата обороны, Наркомата пищевой промышленности и др.), а также выяснить мнение высшей инстанции — Политбюро ЦК ВКП(б)). Происшедшие в международной ситуации изменения, которые свели на нет большинство усилий, предпринимавшихся советской дипломатией в течение первой половины 1934 г. по реализации т.н. «прибалтийской программы», требовали времени для своей оценки.

Неопределенность с завершением работ по демаркации, с учетом внушавших опасения изменений в европейской политике, требовала от финского правительства поисков выхода. Уже в конце января 1935 г. глава МИД А. Хакцель поставил на заседании Государственного Совета, на котором присутствовал президент республики, вопрос об обмене территориями между СССР и Финляндией. Речь шла о том, чтобы финским представителям (А. Маннеру

⁷⁷ Н. Н. Крестинский М. М. Литвинову. Справка по 1 Западному отделу. 15.12.1936 (АВП РФ Ф. 0135. Оп. 19. П. 139. Д. 1. Л. 38).

⁷⁸ Suomen Moskovan lähetystön salasähkejäljennos, 10.9.1934.

⁷⁹ Insinööri Arvo Manner Ulkoasiainministeriölle, 15.1.1936 (UMArk. 12 G2:2).

и И. Бунддорфу) было поручено «переговорить о возможных обменах территориями»⁸⁰. Москва медлила с ответом. В апреле полпред Э. Асмус получил директивы, согласно которым он должен был обосновывать подобное промедление тем, что Наркоминделу еще не известно окончательное мнение своего правительства о предоставлении компенсаций Финляндии⁸¹. Такое объяснение неизбежно порождало вопрос о причинах, вынуждавших СНК (читай: Политбюро) не спешить с рассмотрением вопроса.

В связи с этим интерес представляет еще одно письмо замнаркома Н. Н. Крестинского, отправленное в один день с вышеупомянутым указанием Асмусу. Речь идет об его обращении к главе Наркомвнешторга А. П. Розенгольцу. Содержание этого письма позволяет предположить, что затягивание демаркации скорее всего имело исключительно внешнеполитические причины. В течение лета-осени предыдущего года в Москве нарастало раздражение в отношении Финляндии. Явное углубление германо-финляндских контактов, настойчивые усилия финского правительства направленные на сближение со Скандинавскими государствами, иными словами, «расставание с былым нейтралитетом» — все это было поставлено «в заслугу» главе финского МИД А. Хакцелю. Именно этим обуславливались колебания Москвы в вопросе о согласии на визит Хакцеля в Москву. Глава Наркоминдела М. М. Литвинов, сам пригласивший во время встречи в Женеве Хакцеля посетить СССР, в личном письме полпреду Э. Асмусу в начале июня подчеркивал, что такой визит «обесценил бы значение визитов Идена, Лаваля и Бенеша» (правда, нарком допускал все же возможность того, что «в известный момент и визит финляндского министра иностранных дел может быть использован, но вряд ли это будет раньше осени»)⁸². К концу лета приезд Хакцеля стал еще более проблематичным. В беседе с директором Банка Финляндии Ристо Рюти, состоявшейся в середине августа 1935 г., полпред Асмус дал понять, что в Москве готовы принять финского министра иностранных дел, но не Хакцеля⁸³. В конечном счете такой визит был сочтен нежелательным. Недовольство внешней политикой Финляндии привело к тому, что между НКВД и НКВТ осенью 1934 г. была достигнута устная договоренность о прекращении закупок и размещении заказов в Финляндии в течение октября 1934 – марта 1935 г. В своем письме главе НКВТ А. П. Розенгольцу в апреле 1935 г. Н. Н. Крестинский

⁸⁰ Esittely Tasavallan Presidentille Valtioneuvostossa, 31.1.1935 (UMArk. 12 G2:2).

⁸¹ Письмо Н. Н. Крестинского Э. А. Асмусу, 5.4.1935 (АВП РФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 147. Л. 11).

⁸² Письмо М. М. Литвинова Э. А. Асмусу, 4.6.1935 (Там же. Л. 1).

⁸³ Дневник Э. А. Асмуса. 19.8.1935. Беседа с Р. Рюти (Там же. Ф. 0135. Оп. 18. П. 137. Д. 7. Л. 37, 38). Полпреду, скорее всего, был известен результат рассмотрения вопроса «О Хакцеле» в Политбюро 13 августа. (Протокол № 32 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 31.8.1935 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 970. Л. 38)).

указывал, что поскольку данная мера не принесла желаемых результатов, то необходимо продолжить «эту линию до того момента, когда изменения политической ситуации в Финляндии сделают ее пересмотр целесообразным и желательным»⁸⁴.

В течение весны в Хельсинки не раз пытались выяснить, когда все же советская делегация будет готова приступить к работе. Так, в апреле МИД запрашивал миссию в Москве: «Поторопите советскую делегацию по проведению границы с прибытием в Хельсинки. Обещали прибыть в начале февраля»⁸⁵. В 1935 г. сторонам не удалось найти взаимоприемлемого решения спорных вопросов. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют делать какие-либо предположения в отношении принятого на совещании у замнаркома Б. С. Стомонякова 1 июня 1935 г. решения об ускорении «выезда делегации по проведению границы не дожидаясь разрешения вопроса о Вайда-губе в Инстанции»⁸⁶. Была ли подобная решительность продиктована тем, что Б. С. Стомоняков был убежден в принятии членами Политбюро вносимого Наркоминделом проекта решения вопроса, основанного на информации об эвентуальных уступках финского правительства в Вайда-губе и в чем состояло существо этого решения — неизвестно.

На протяжении 1935 г. политическим руководством СССР было принято ряд постановлений, которые были направлены на превращение приграничной полосы на советско-финляндской границе в закрытую зону. В частности, 15 марта Политбюро приняло развернутое постановление о «Мероприятиях по усилению охраны границ Ленинградской области и Карельской АССР»⁸⁷. 27 сентября Политбюро высказалось за прекращение осуществлявшегося на протяжении полутора десятилетий завоза товаров в пограничные районы Карелии (Ребольский район) через Финляндию⁸⁸.

Фактически Хельсинки и Москва в двусторонних отношениях вернулись к пограничной проблематике лишь в следующем 1936 г. Москва по-прежнему намеренно затягивала утверждение работ смешанной комиссии по демарка-

⁸⁴ Письмо Н. Н. Крестинского А. П. Розенгольцу, 5.4.1935 (АВП РФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 147. Л. 19). О том, что «торговые репрессии» были предприняты по инициативе НКВД в Хельсинки было известно, так как глава Наркомвнешторга сам рассказал об этом финскому посланнику. (Дневник Э. А. Асмуса, 19.2.1935 (Там же. Ф. 0135. Оп. 18. П. 137. Д. 7. Л. 4)).

⁸⁵ Ulkoasiainministeriön salasähkösanoma Moskovan lähetystölle, 10.4.1935 (UMark. 12 G2:2).

⁸⁶ Дневник финской референтуры. 1935 г. (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 18. П. 137. Д. 11. Л. 16).

⁸⁷ Подробнее см. главу 5.

⁸⁸ Протокол № 33 (Особый №) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1935 года, п. 313 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 154).

ции: отношения двух государств оставались довольно напряженными⁸⁹. Полпред Э.А. Асмус, оценивая отношения с Финляндией за 1935 г., писал главе Наркоминдела: «В течение 1935 г. Финляндия по-прежнему привлекала к себе внимание как страна неизменно склонная поддерживать любую антисоветскую авантюру <...> 1935 г. показал, что самое настороженное отношение к Финляндии с нашей стороны и принятие превентивных мер оправдано и диктуется необходимостью»⁹⁰. Правда, в начале года еще существовала возможность принятия политическим руководством положительного решения об утверждении работ комиссии по демаркации (вопрос готовился для Политбюро К.Е. Ворошиловым), однако, сделанные в конце января на сессии ВЦИК В.М. Молотовым и М.Н. Тухачевским заявления должны были уже послужить симптомом серьезного кризиса двусторонних отношений. В феврале в НКВД констатировали, что с правительством Кивимяки-Хакцеля улучшения отношений «не предвидится».

Результатом стало наращивание давления Москвы по широкому кругу политических вопросов. В марте финское правительство было вынуждено снять с должности финского погранкомиссара на Карельском перешейке И. Шредера, за полтора десятилетия немало крови испортившего советским пограничным властям, при этом полпреду Асмусу финской стороной была выражена благодарность за то, что советскими властями было «обращено внимание на ненормальное положение» на Перешейке⁹¹. В самой Финляндии тем временем нарастала антисоветская кампания в печати, не последнее место в которой отводилось как раз вопросу о демаркации границы. В мае министр иностранных дел А. Хакцель, всегда чутко воспринимавший перемены настроений общественного мнения на родине, намеренно уклонился от встречи с М.М. Литвиновым в Женеве. Любые, самые незначительные уступки Советскому Союзу в пограничных вопросах, когда настроения общества в целом этому не благоприятствовали, требовали от политиков особой осторожности.

Однако на фоне кризиса создававшейся под эгидой Лиги наций системы безопасности (ярким примером чему служил провал режима санкций против Италии) и декларировавшейся советской стороной приверженности принципу коллективной безопасности затягивание формального утверждения проведенных работ по демаркации границы, служившее для финской стороны одним из доказательств наличия у СССР экспансионистских целей в отношении Финляндии, становилось политически неуместным. Именно это, как представляется, было принято во внимание Политбюро ЦК ВКП(б), когда при-

⁸⁹ Письмо Б.С. Стомонякова Э.А. Асмусу, 15.4.1936 (Там же. Оп. 19. П. 139. Д. 1. Л. 29); Вопросник к письму т. Стомонякова в Гельсингфорс, 15.4.1936 (Там же. Л. 27 об.).

⁹⁰ Э.А. Асмус. Доклад за 1935 г., 20.1.1936 (Там же. Ф. 05. Оп. 16. П. 122. Д. 117. Л. 2).

⁹¹ Там же. Оп. 19. П. 139. Д. 1. Л. 18.

нимало 23 мая 1936 г. постановление «О советско-финляндской границе». Этим постановлением не только «утверждалось» «намеченное Разграничительной комиссией положение Советско-Финляндской границы», но и предлагалось НКВД «провести оформление границы с Финляндским правительством», а Наркомату обороны разрешалось издать топографические карты по материалам Разграничительной комиссии⁹².

В начале июня до сведения финского правительства было доведено, что СССР согласен на возобновление в Москве работы комиссии по демаркации. Позднее советский полпред Э. А. Асмус в беседе с премьером Т. М. Кивимяки заявил, что Советский Союз не направит своей делегации в Хельсинки, о чем ранее была достигнута договоренность, предложив при этом прислать финских представителей в Москву.

Между тем, ведение дискуссии по вопросам документального оформления демаркации сухопутной границы не препятствовало продолжению самих технических работ на Карельском перешейке: в них были заинтересованы обе стороны. Эти работы продолжались в течение всего лета под аккомпанемент резких публикаций финской печати о советской политике «очистки» приграничной полосы от финского и родственного им карельского и ингерманландского населения⁹³. Ответ финского правительства на предложение о возобновлении работы комиссии задерживался. Вместе с тем, уход с поста главы МИД Хакцеля, при котором отношения с СССР фактически оказались в тупике, был уже предрешен, а в феврале 1937 г. предстояли президентские выборы, шансы на победу в которых у Свинхувуда вызывали сомнения. Только 13 октября посланник Коскинен в беседе с Н. Н. Крестинским сообщил, что с финской стороны нет никаких препятствий к возобновлению переговоров, местом которых могут быть Ленинград или Хельсинки. Замнаркома ответил, что Советский Союз также готов к переговорам⁹⁴.

Произошедшая в советской позиции перемена объяснялась прежде всего уходом в отставку А. Хакцеля, внешнеполитическая линия которого в Москве вызывала нескрываемое раздражение, и приходом в МИД Рудольфа Холсти. Именно в связи с этим полпред Э. Асмус за два дня до беседы Коскинена с Крестинским указывал в своем докладе, что, сохраняя на некото-

⁹² Протокол № 40 (Особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 27.6.1936, п. 45 (опросом) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 183).

⁹³ Полпред Асмус в середине августа, направляя обзор финской прессы в Москву, отмечал, что «в июле и в начале августа финляндская пресса отказалась от недавней сдержанности в антисоветских делах. Изо дня в день ведется антисоветская кампания в связи с очисткой погранполосы на Карельском перешейке» (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 19. П. 139. Д. 14. Л. 26).

⁹⁴ A. Yrjö-Koskinen. Ulkoasiainministeriölle, 13.10.1936 (КА).

рое время «нашу выжидательную политику», возможно, следует пойти финнам навстречу в «более мелких вопросах», под которыми он понимал переговоры о консульской конвенции и «созыв конференции по оформлению границы»⁹⁵. В ноябре была согласована дата начала работы пограничной советско-финляндской комиссии. Ее заседания начались в Ленинграде 10 декабря. Советская делегация руководствовалась выработанными еще в 1934 г. инструкциями, а также утвержденной Н. Н. Крестинским и согласованной с Наркоматом обороны (маршалом А. И. Егоровым) «дополнительной краткой инструкцией». С НКВД к началу работ делегаций была достигнута только устная договоренность⁹⁶. В ходе переговоров выяснилось, что новый председатель советской делегации (Г. Вайнштейн) ничего не знает о достигнутом в 1934 г. «джентльменском соглашении» (не зафиксированном в протоколах), предусматривавшем компенсацию финской стороне (территорию примерно в 20 гектаров у Хюрюля) за уступку Сестрорецкой перемычки. Ответа финская делегация на этот вопрос не получила⁹⁷.

Пограничная комиссия всего за три дня работы («быстро и без длинных дискуссий», как писал Вайнштейн) — проверила и одобрила линию государственной границы, намеченную во время полевых работ 1934 г., в том числе и линию границы по судоходным рекам и озерам (этот вопрос в 1934 г. был оставлен открытым)⁹⁸. Вопрос о компенсации за перемычку был, между тем, оставлен без ответа; заседания самой пограничной комиссии были перенесены на март 1937 г., но и в марте советская делегация не привезла с собой ответа. Приехавшие на переговоры в Ленинград во главе финской делегации А. Маннер и И. Бунсдорф, не скрывавшие своего возмущения от поведения советской делегации, тем не менее, считали, что следует лучше подписать карты и прочие материалы, свидетельствующие об окончании работ по проведению границы, чем дожидаться разрешения крайне незначительных вопросов⁹⁹.

Бунсдорфу приходилось только сетовать на то, что давший обещание о предоставлении компенсации за Сестрорецкую перемычку Б. С. Стомоняков те-

⁹⁵ Доклад Э. А. Асмуса Н. Н. Крестинскому, 11.10.1936 (АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 76. Д. 109. Л. 31).

⁹⁶ Н. Н. Крестинский М. М. Литвинову. Справка по I Западному отделу. 15.12.1936.

⁹⁷ В первые дни работы делегаций Г. Вайнштейн был уверен, что финны вообще не станут выдвигать вопроса о компенсации за «Сестрорецкую перемычку». (Доклад Г. Вайнштейна Н. Н. Крестинскому, 11.12.1936 (АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 76. Д. 108. Л. 75)). «Джентльменское обещание» было действительно дано в 1934 г. Стомоняковым, что в 1936 г. признавал, в частности, Колчановский. (См.: Доклад Н. П. Колчановского Н. Н. Крестинскому, 17.6.1936 (Там же. Л. 74 об.)).

⁹⁸ Доклад Г. Вайнштейна Н. Н. Крестинскому, 12.12.1936 (АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 76. Д. 108. Л. 72).

⁹⁹ I. Bonsdorf R. Holstille, 11.3.1937 (UMArk. 12 G2:2).

перь уже не курировал в Наркоминделе отношения с Финляндией. Невыполнение советской стороной «джентльменской договоренности» 1934 г., с точки зрения финской стороны, могло быть основанием для того, чтобы отложить заключительное заседание пограничной комиссии до получения положительного ответа о компенсации. При этом, финская делегация в своем докладе главе МИД обращала внимание на то, что официальное подписание документов о полной демаркации границы и вопрос о компенсации неравнозначны по своей важности. К тому же, взаимные уступки незначительных территорий представляют как СССР, так и Финляндии определенные удобства для охраны границы, и в Москве это обстоятельство явно будут учитывать¹⁰⁰.

Посланник Юрье-Коскинен предложил тогда своему руководству отказаться от обещанной Москвой (но не предоставленной) уступки. Посланник сожалел о том, что ранее согласие советской стороны (которое, ему давал ранее Стомоняков) не было письменно зафиксировано. Он полагал, что, возможно, не следовало стремиться к получению безлюдной территории на восточной границе, а увязать уступку незначительной территории у плотины на Сестре-реке с вопросом о рыбных ловлях в восточной акватории Финского залива. Если бы в Москве согласились на подобное решение вопроса, то посланник рекомендовал своему руководству пойти на такое изменение морской границы в Вайда-губе, чтобы русским был обеспечен свободный выход в Ледовитый океан. По признанию посланника, он начал зондировать окольными путями этот вопрос не имея на то санкции своего МИД. Он, якобы, не поднимал его перед руководством НКИД, а лишь в беседах с Колчановским и Карским. Только в середине апреля 1937 г. он сообщил в МИД о своей инициативе и поинтересовался мнением руководства¹⁰¹. В действительности, данной проблемы Коскинен попытался коснуться, судя по всему, во время личной встречи с М. М. Литвиновым 8 апреля 1937 г., когда он передавал наркому подарок от главы МИД Финляндии Р. Холсти и его супруги. К своему сожалению, посланник был вынужден констатировать, что Литвинов очень мало осведомлен о практических вопросах двусторонних отношений (о рыбаках, возвращении перебежчиков, возможности организации автомобильного сообщения, возможном визите советских журналистов и пр.). Но, отмечал в своем докладе Коскинен, в НКИД просто не с кем говорить о делах — Крестинский отставлен, Потемкин не приехал из Парижа¹⁰².

Эта инициатива посланника была отчасти обусловлена тем, что вопрос о Вайда-губе в очередной раз был поднят в Москве. 21 марта 1937 г. Полит-

¹⁰⁰ Ilmari Bonsdorf (Suomalainen Rajavaltuuskuunta) Ulkoasiainministerille, 11.3.1937 (UMArk. 12 G 2:2).

¹⁰¹ A. A. Yrjö-Koskinen P. Pajulalle, 14.4.1937 (UMArk. 12 G 2:2).

¹⁰² A. A. Yrjö-Koskinen R. Holstille, 8.4.1937 (KA. Kallion kokoelma. Kansio 37).

бюро, рассмотрев вопрос «О Финляндии», поручило НКИД «добиться согласия финского правительства на исправление границы на водной части Вайда-Губа таким образом, чтобы был обеспечен свободный выход в море судов из советского поселка Вайда-Губа». В том случае, гласило постановление высшей инстанции, «если финны потребуют компенсацию за исправление границы в районе Вайда-Губа, можно уступить им “Нишкоозерский палец” в районе советского селения “Нишкоозеро”»¹⁰³.

Судя по обращению заместителя наркома В. П. Потемкина в НКВД, НКИД не возражал против частичного удовлетворения просьб финской стороны в отношении рыболовства в Финском заливе (речь не могла только идти «о линии Сестрорецк-Сескар»). Однако у Наркомата внутренних дел было иное мнение¹⁰⁴. Стоит отметить, что выписка из вышеуказанного решения Политбюро была направлена двум адресатам — Литвинову и главе НКВД Н. И. Ежову.

Несмотря на некоторое улучшение общей атмосферы в двусторонних отношениях, происходившее в начале 1937 г. (визит Р. Холсти в феврале в Москву, договоренность о возможной поездке Литвинова в Хельсинки¹⁰⁵ и др.), немедленных подвижек в окончательном решении вопроса о демаркации границы не произошло. Определенную роль в этом сыграли кадровые изменения в центральном аппарате НКИД. Заместитель наркома Н. Н. Крестинский, курировавший отношения с Финляндией, был в марте 1937 г. снят со своего поста и переведен на работу в Наркомюст, назначенный первым заместителем наркома НКИД полпред во Франции В. П. Потемкин приступил к своим новым обязанностям в конце апреля и еще не скоро вошел в курс дел.

Оттепель в двусторонних отношениях, наступившая с избранием нового президента — К. Каллио и назначением нового премьер-министра — А. К. Каяндера, закончилась уже к концу лета 1937 г. В конце июля полпред Э. Асмус в беседе с Р. Холсти прямо говорил главе МИДа, что правительство Каянде-

¹⁰³ Протокол № 47 (Особый) Политбюро ЦК ВКП(б) от 7.4.1937, п. 35 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 2).

¹⁰⁴ Письмо В. П. Потемкина М. П. Фриновскому, Б. М. Шапошникову, 8.6.1937 (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 107. Л. 4–8); письмо В. П. Потемкина Э. А. Асмусу, 1.7.1937 (Там же. Л. 17).

¹⁰⁵ Насколько нервно были восприняты наметившиеся изменения к лучшему в советско-финских отношениях в некоторых кругах финского общества свидетельствует один, отложившийся в фондах государственной полиции, документ. Информатор сообщал, что один из шюцкоровских деятелей заявил в беседе, что если Литвинов приедет в Хельсинки, то следует организовать в Пасила (узловая станция в пяти километрах от центрального железнодорожного вокзала финской столицы) боевые учения в то время, когда мимо будет проходить поезд комиссара и обстрелять его, «чтобы немного попугать еврея» (КА. EK-Valpo. I. Ryhmä XXIV. Kansio 2893. Ilmoitus, koskee Litvinovin saapumista Suomeen, 24.8.1937).

ра проводит политику, напоминающую политику Хакцеля, благодаря которой Финляндия постепенно превращается, в вассала Германии, следовательно, декларируемую ею ориентацию на Скандинавские страны нельзя считать ничем иным, как блефом¹⁰⁶. Однако помимо демаркации сухопутной границы в повестку дня в 1937 г. был официально, по инициативе финской стороны, поставлен вопрос о демаркации границы в восточной части Финского залива, не обсуждавшийся с 1930 г. Первоначально весной речь зашла, лишь о желательности созыва 1 сентября в Ленинграде двусторонней конференции, которая занялась бы рассмотрением проблем поддержания порядка в Финском заливе. Но в конце ноября 1937 г. финская сторона уже официально поставила вопрос о демаркации границы в заливе¹⁰⁷. Причинами и поводом к этому послужил не только рост числа пограничных конфликтов в этом районе залива, но и все еще не устраненные противоречия в прохождении линии границы, источником которых, как это ни странно, являлся текст мирного договора. Дело в том, что зафиксированные в нем географические координаты не совпадали с нанесенными на приложенных к договору морских картах линиями границы. «На местности», т.е. «на воде» эти линии в ряде мест могли проходить на расстоянии от нескольких сотен метров до 1 морской мили друг от друга¹⁰⁸. В подготовленном в середине февраля 1938 г. для Телеграфного бюро Финляндии сообщении министра внутренних дел У. К. Кекконена о демаркации границы в Финском заливе утверждалось, что для этого получено принципиальное согласие Советского Союза. Однако поскольку это согласие не равносильно немедленному началу работ по демаркации, которые, с финской точки зрения, являются спешными, то Москве было сообщено, что финские специалисты займутся проведением рядом с границей линии (что является внутренней полицейской мерой), в пределах которой должны оставаться финские рыбаки. В этих целях МВД 10 февраля обратилось за технической помощью к Межевому ведомству¹⁰⁹. Сообщение Кекконена свидетельствовало о том, что советская сторона предпочитала пока не спешить с демаркацией границы в заливе; у Москвы были вопросы, которые неизбежно привели бы к новым затяжным дискуссиям, и она предпочла сосредоточиться на проблеме демаркации сухопутной границы.

¹⁰⁶ *Timo Soikkanen. Kansallinen eheytyminen — myyti vai todellisuus? Ulko- ja sisäpoliittikan linjat ja vuorovaikutus Suomessa vuosina 1935–1939. Turku, 1983. S. 180–181.*

¹⁰⁷ Нота финской миссии в СССР наркому М. М. Литвинову, 27.11.1937 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 21. П. 41. Д. 21. Л. 154–155).

¹⁰⁸ См., например: Suomen ja SNTL: n merirajan yhteisen maarittelyn tarpellisuuden perustelu [28.8.1938] (UMArk. 12 G2:2).

¹⁰⁹ *Sisäministeri U. Kekkonen antannut Suomen Tietotoimistolle tietoja, 12.2.1938 (UMArk. 12 G1:1).*

После очередных длительных согласований начало работы конференции по определению границы было намечено на конец апреля 1938 г. в Москве. До приезда финской делегации правительством Финляндии в очередной раз был поднят вопрос о компенсации за Сестрорецкую перемычку. За нее предполагалось получить так называемый «Никшозерский палец». Не возражая в принципе против этого, советская сторона настаивала на уступках в Вайда-губе¹¹⁰. Скорее всего тема Вайда-губы была поднята исключительно из желания добиться снятия финской стороной вопроса об изменении линии границы у Никшозера. Однако достичь этого ей не удалось. В подписанном 28 апреля 1938 г. в Москве «Заключительном протоколе Смешанной Союза Советских Социалистических Республик и Финляндской Республики пограничной комиссии по определению государственной границы между СССР и Финляндией»¹¹¹ констатировалось, что «все документы, планы и карты, подробно определяющие линию государственной границы» «составлены, утверждены и подписаны», но при этом в ст. 4. указывалось, что Комиссией составлен отдельный протокол, который будет направлен на усмотрение правительств СССР и Финляндии, содержащий «предложения по вопросам изменения линии государственной границы между Союзом ССР и Финляндией в районе Нишкозеро и на заливе Вайда-губа». Финская делегация рассчитывала, что уже в сентябре-октябре 1938 г. протокол будет рассмотрен эдускунтой. Поскольку вопрос об обмене территориями, зафиксированный в протоколе от 28 апреля, требовал решения, финское правительство в середине сентября решило создать специальную комиссию во главе с И. Бунсдорфом для ведения об этом переговоров. Это предложение правительства было утверждено президентом К. Каллио 16 сентября. В него была внесена существенная поправка — инициатором начала переговоров финская сторона не будет¹¹². Нерешенность этого вопроса не помешала все же сторонам ратифицировать протокол от 28 апреля. Обмен нотами по этому поводу состоялся 17 декабря 1938 г.

Пока завершалась история с демаркацией сухопутной границы, внимание сторон было уже переключено на проблему границы в Финском заливе. 30 августа замещавший министра иностранных дел В. Войонмаа предложил посланнику Юрье-Коскинену вручить ноту, в которой извещалось о желательности проведения демаркационных работ в восточной части залива, поскольку граница там установлена не с надлежащей точностью. Москве пред-

¹¹⁰ Дневник секретаря полпредства Аустрина (за 11.4.1938), 24.4.1938 (АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 154. Л. 6).

¹¹¹ В состав советской делегации входили Г. Вайнштейн, Н. П. Колчановский, С. Дре-ев, И. Баталин, М. Смирнов; в состав финской — А. Маннер, И. Бунсдорф, А. Соланко.

¹¹² A. Pakaslahti. Suomen Moskovan lähetystölle, 3.10.1938 (UMArk. 12 G2:2).

лагалось назначить своих делегатов для проведения переговоров¹¹³. Ответной реакцией Москвы в Хельсинки ждать пришлось довольно долго. В начале декабря помощник заведующего 1 Западным отделом Смирнов сообщил секретарю финской миссии А. Соланко, что этим вопросом занимается Н. П. Колчановский, и после того, как тот подготовит заключение, переговоры можно будет начать¹¹⁴. Ответ был готов к концу января 1939 г. В подписанной заместителем наркома В. П. Потемкиным ноте от 25 января 1939 г. были сформулированы три положения, которые, с точки зрения советской стороны, были достаточными, чтобы отклонить предложение о проведении демаркации¹¹⁵. Во-первых, установка постоянных пограничных знаков дело крайне трудное и требующее значительных финансовых издержек; во-вторых, если довольствоваться установкой сезонных (летних и зимних) пограничных знаков, то придется подобными работами заниматься постоянно; в-третьих, возникающие время от времени конфликты в связи с нарушениями границы в заливе могут быть предотвращены совершенно иными способами (прежде всего, совершенствованием деятельности погранохраны, повышением ответственности соответствующих служб обеих сторон). «В виду изложенного я полагаю, — писал Потемкин, — что целесообразно ограничиться теми мерами, которые <...> уже проводятся с финляндской стороны, и воздержаться от демаркации границы территориальных вод, не принятой, в следствие ее сложности, в международной практике». Два дня спустя Правовой отдел НКВД направил Начальнику Главного морского штаба флагману 2-го ранга Галлеру сообщение: «Препровождается для сведения копия ноты тов. Потемкина на имя Финляндского посланника в Москве, от 25 января с.г., которой исчерпывается вопрос о демаркации линии стыка территориальных вод СССР и Финляндии на Финском заливе»¹¹⁶.

¹¹³ V.t. ulkoasiainministeri V. Voionmaa Moskovan lähetystölle, 30.8.1938 (Ibid.).

¹¹⁴ A. Solanko Ulkoasiainministeriölle, 9.12.1938 (Ibid.).

¹¹⁵ Ulkoasiainkomissariatoin nootti Suomen Erikoiislähettilälle, 25.1.1939 (Ibid.).

¹¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 1877. Оп. 1с. Д. 132. Л. 6.

МЕСТНЫЕ КОНТРОЛЬНЫЕ КОМИССИИ

События в Восточной Карелии 1921–1922 г. сделали для Москвы более актуальной проблему поддержания относительного спокойствия на прилегающих к границе территориях, чем завершение работ по демаркации границы. Однако у нее не было особых возможностей для «закрытия» границы усиленными отрядами погранохраны. Не только потому, что это требовало с учетом огромной протяженности самой границы соответствующей численности этой охраны, существенных финансовых затрат, связанных с их содержанием и обустройством, но и, что в условиях 1922 г. было особенно важным, — значительного времени. В отличие от Хельсинки Москва испытывала жесткий временной пресс. Скорейшая нормализация двусторонних отношений позволила бы избежать дальнейшего ухудшения общей внешнеполитической ситуации и решить проблему снабжения продовольствием населения Восточной Карелии, оказавшегося на грани голода, и тем самым устранить одну из причин, вызывавших недовольство населения. Еще до восстания в Карелии полпред в Хельсинки Я. Берзин подчеркивал в одном из докладов в НКВД что «самое главное — надо все-таки кормить Карелию и обе волости [Репола и Порвьярви]»¹. Налаживание снабжения было возможно только с помощью транзитных перевозок через территорию Финляндии. Впрочем, зимой 1921–1922 г. и для финской стороны стала очевидной желательность скорейшего устранения напряженности на границе с Россией. Сильную озабоченность у нее вызывало не только сосредоточение советских войск у границы, но и попытка организации восстания на севере Финляндии в начале марта 1922 г.²

Желание Москвы достичь в сжатые сроки дипломатического урегулирования отношений с Финляндией, крайне обострившихся в результате «белокарельской авантюры», натолкнулось на первых порах на серьезное противодействие советского представителя в Хельсинки А. С. Черныха. «Международная линия сейчас вполне благоприятна для доведения нашей линии до конца, — писал он Чичерину в середине января 1922 г. — <...> Время для переговоров о компромиссах еще не пришло. Оно придет только тогда, когда Финляндское правительство определено и ясно скажет, что оно готово идти нам навстречу <...> Успех Финляндии был бы нашим поражением на всем бал-

¹ Доклад Я. Берзина Г. В. Чичерину. 8.4.1921 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 3. П. 103. Д. 3. Л. 7).

² Подробнее см.: *Markku Kangaspuro. Läsikappina — SKP: n vallankumousyritys 1922 // Historiallinen aikakauskirja. 1998. N 4. S. 341–352.*

тийском фронте»³. Спустя месяц он продолжал упрекать главу Наркоминдела в спешке при урегулировании конфликта⁴. Позиция Черных претерпела изменения после вызова его в начале марта в Москву. В ходе совещаний в НКИД тогда была выработана линия поведения в отношении Финляндии, что было засвидетельствовано подписанием 21 марта в Москве членом коллегии НКИД Я. С. Ганецким и финским поверенным в делах *ad interim* А. Хакцелем⁵ «соглашения», предусматривавшего «в соответствии с п. 20 ст. 9 Наказа Центральной Смешанной Русско-Финляндской Комиссии, учрежденной на основании ст. 37 заключенного в Юрьеве Мирного договора» дачу поручения этой комиссии приступить к обсуждению мер, «признаваемых необходимыми для обеспечения и сохранения неприкосновенности границ»⁶. Можно предположить, что явное стремление советской дипломатии форсировать достижение договоренности по этому вопросу было обусловлено серьезными опасениями в отношении наметившегося углубления политического сотрудничества лимитрофов (Польши, Румынии, прибалтийских государств и Финляндии). Всего за несколько дней до подписания упомянутого выше соглашения в Варшаве завершилась конференция приграничных государств⁷. На этой конференции министрами иностранных дел Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии было подписано политическое соглашение, статья 7-я которого,

³ Черных признавал, что его поведение во время конфликта не могло не вызывать недовольства со стороны финских властей и допускал, поэтому, необходимость ухода с этого поста в последующем. (Доклад А. С. Черных Г. В. Чичерину. 18.1.1922 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 1. Л. 15–16)). Советского дипломата не устраивало то, что дипломатическая линия финского правительства окажется выигрышной (ведение бессодержательных переговоров с целью затягивания дела до полного окончания военных действий в Восточной Карелии, в результате чего двусторонний конфликт утратит свою остроту, и список советских требований будет существенной сокращен). (Доклад А. С. Черных Г. В. Чичерину, 5.2.1922 (Там же. Л. 42)). Роль, которую Черных играл в советско-финляндских отношениях, была в то время для финских политических кругов секретом полишинеля. Лидер социал-демократов В. Таннер 16 января 1922 г. даже опубликовал по этому поводу статью «Две дипломатии» в «Suomen Sosialdemokraatti». Позднее, в своих воспоминаниях, Таннер, вспоминая о завтраках в советском полпредстве, писал, что «Черных был по своему характеру из тех философствующих русских, которые сутками могли говорить о чем угодно. Он был доктринер, беседа с которым даже о простых делах не приносила никаких позитивных результатов». Коротко говоря, Черных не воспринимался его финскими собеседниками как дипломат. (См.: V. Tanner. Kahden maailmansodan välissä. Muistelmia 20- ja 30-luvuilta. Helsinki, 1966. S. 54, 55).

⁴ Доклад А. С. Черных Г. В. Чичерину. 12.2.1922 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 1. Л. 47–49).

⁵ В Москве Антти Хакцеля называли Андреем Матвеевичем.

⁶ УМАрк. 12 G1:1.

⁷ Проходила с 13 по 17 марта 1922 г.

хотя и сформулированная довольно туманно, могла быть истолкована как шаг в развитии военно-политического сотрудничества. В Москве не могли знать, что подписание Рудольфом Холсти этого документа вызовет в Финляндии резкую критику, и, в конечном счете, министр вынужден будет в мае уйти в отставку.

С начала переговоров о выработке соглашения о мероприятиях по обеспечению безопасности на границе, проходивших в Хельсинки, выявилась разница в целевых установках сторон. В Москве стремились в ближайшее время создать условия для устранения самой возможности проникновения на территорию РСФСР «нежелательных элементов», иными словами, для «удержания границы на замке», чтобы избежать повторения недавних событий в Восточной Карелии. Оборонительные аспекты фактически оказались отодвинутыми на задний план, поскольку сама возможность активных военных действий со стороны Финляндии представлялась маловероятной⁸. А. С. Черных⁹, был крайне раздосадован требованием Штаба РККА поставить на обсуждение делегаций вопрос о включении в соглашение положения о запрете строительства долговременных укреплений в пограничной полосе. Это не имело, по его мнению, прямого отношения к предотвращению бандитизма, однако выдвижение этого условия повлекло бы затягивание переговоров. «Я опасаясь, — писал он, — что в связи с этими пунктами у финнов возникнет подозрение о некоторых наших тайных намерениях»¹⁰. В Хельсинки, напротив, исключительное внимание уделялось именно проблемам обороны страны на восточной границе.

Первоначально советская сторона предлагала следующее: охрана границы возлагается исключительно на регулярные, равные по численности для обеих сторон воинские части, вдоль границы создается особый пояс (ширина его в советском проекте не оговаривалась), на всем протяжении которого было бы запрещено строительство долговременных укреплений и железных дорог, имеющих военное значение, а также пребывание военизированных (букв. — бандитских) отрядов, способных на подготовку и осуществление на-

⁸ Отголоском этого было сделанное в 1922 г. Я. С. Ганецким и одобренное Коллегией НКВД и Реввоенсоветом Республики предложение о ликвидации «на правах взаимности» института военных атташе в Балтийских странах (в том числе и в Финляндии) и Польше. От реализации этой задумки отказались только после того, как было решено созвать в том же году в Москве конференцию разоружению («соседи могли бы неправильно понять проект ликвидации военных атташе») (Телеграмма Я. С. Ганецкого А. С. Черныху. 29.7.1922 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 5. Л. 40)).

⁹ В момент начала переговоров Черных еще не получил даже агреман финских властей и его статус в Финляндии оставался неопределенным.

¹⁰ Доклад А. С. Черныха Я. С. Ганецкому. 30.3.1922 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 2. Л. 1, 3).

падения на территорию одной из договаривающихся сторон, если же подобное нападение стало бы фактом, оно рассматривалось бы как начало военных действий. Контроль за выполнением этих условий возлагался на особые местные комиссии. Предлагаемый институт — местные контрольные комиссии (МКК), уполномоченные на проведение ряда превентивных мероприятий — не был уникальным. МКК действовали, например, и на советско-эстонской и советско-латвийской границах. Более того, близкие по своим функциям комиссии были известны еще с имперских времен; они действовали, например, на границе России и Восточной Пруссии.

Механизм работы МКК был представлен советской делегацией 13 апреля 1922 г. в переданном финской стороне «Проекте положения о работе пограничной подкомиссии Центральной смешанной русско-финляндской комиссии и об организации и работе контрольно-исполнительных органов этой комиссии». Предлагалось создать 4 МКК (Северную — от Вайда-губы до Алакурти, Среднюю — от Алакурти до Лендер, Южную — от Лендер до Ладоги и Морскую). Создание МКК на Карельском перешейке не предполагалось. Советская делегация упорно добивалась включения в пограничную полосу, подлежащую контролю, таких финских населенных пунктов, как Лиекса, Салми, Кухмониemi, Нурмес, Лоймола, Куусамо, «являвшихся во время карельской авантюры опорными базами бандитского движения»¹¹. В конце апреля финская сторона предложила было компромиссное решение: она соглашалась на предоставление России права контролировать эти пункты, как отдельные районы, лежащие вне пограничной полосы. Однако через несколько дней эта уступка была аннулирована¹².

Финская делегация в начале апреля уже имела свои расчеты по численности пограничной охраны, сделанные на совещании в МВД с участием пограничных комендантов. Предлагалось для участков границы у Салми — максимально 300 чел./минимально — 200, у Йоенсуу соответственно — 150/60, Кайнуу — 250/120, в Лапи — 150/100, в Петсамо — 200/50, на Карельском перешейке — 300/200. Всего — 1350/730 человек. Это означало, что в случае принятия максимального варианта на 10 км границы на Перешейке (протяженность границы 128 км¹³) приходилось бы 23,4 чел., в Салми (344 км) на 10 км — 8,7 чел., соответственно в Йоенсуу (196 км) — 7,6 чел., в Кайнуу (452 км) — 5,5 чел., в Лапи (239 км) — 6,3 чел., в Петсамо (240 км) — 8,4 чел.

¹¹ Доклад А. С. Черных Я. С. Ганецкому, 20.4.1922 (Там же. Л. 17).

¹² Доклад А. С. Черных Я. С. Ганецкому, 29.4.1922 (Там же. Л. 30).

¹³ Авторами документа была допущена неточность. Протяженность пограничной линии на Перешейке, согласно подписанным 22 декабря 1925 г. советской и финской делегациями картам, составляла 178,75 км. (*Pekka Taitilä. Suomen Valtakunnanrajat ja rajakäynnit // Maan mittaus Suomessa 1633–1983. Helsinki, 1983. S. 681*).

Кроме того, считалось, что в резерве должно иметься около 880 солдат погранохраны в Салми, Йоенсуу, Кайнуу и Лапи¹⁴. Позднее зафиксированная в соглашении цифра численности погранохраны (2500) оказалась близка к приведенным расчетам ($1350+880=2230$).

Финская делегация в ЦСК руководствовалась в ведении переговоров мнением генерального штаба и министерства внутренних дел. Позиция генштаба была, в частности, выражена в письме начальника генштаба генерал-майора Оскара Энкеля от 29 марта 1922 г. Наибольшие возражения военных вызвали советские предложения о создании особого нейтрального приграничного пояса. Строительство в нем оборонительных укреплений, по их мнению, не несло в себе опасности для России: Финляндии, стране небольшой, просто необходимо компенсировать нехватку «живой силы» вспомогательными техническими средствами¹⁵.

Неделю спустя О. Энкель направил главе правительства Ю.Х. Венноле обстоятельный доклад, большая часть которого была посвящена именно вопросу создания вдоль границы нейтрального пояса. Генерал соглашался с тем, что максимальная ширина пояса должна быть около 20 км с каждой стороны границы, поскольку требование пояса шириной в 150 км с российской стороны границы (что, в принципе, отвечало бы интересам Финляндии, если учитывать соотношение площадей обоих государств) повлекло бы выдвижение Москвой аналогичного требования, и тогда в отдельных местах советский контроль стал бы доходить почти до середины страны. Согласие на 20-километровый пояс означало, что результатом соглашения с русскими стало бы только обеспечение неприкосновенности самой границы и не более, тогда как важнейшей целью переговоров должно было быть устранение для обоих государств возможности внезапного нападения. Нейтральный пояс в 20 км, по мнению О. Энкеля, такой гарантии не предоставлял, поскольку пехота противника может преодолеть его всего за 5 часов марша, а конница за 3 часа. За это время подготовить и успешно провести необходимые контрмеры просто невозможно. Генштаб предлагал отказаться от нейтрального пограничного пояса и вести переговоры о «пограничных территориях» и численности расквартированных в них войск. Считалось желательным добиться, чтобы в приграничных районах было разрешено иметь только такое количество солдат, которое необходимо для поддержания внутреннего порядка в мирное время. При этом следовало настаивать на учете

¹⁴ Pro memoria Suomalais-Venäläisen sekäkomitean rajajaoston suomalaisen osan kanssa maaliskuun 31 päivänä 1922 käydyin neuvottelun johdosta raja-alueen ja rajavartiostojen suuruuden määräämisestä Venäjän vastaisella rajalla, 1.4.1922 (UMArk. 12 G1:1).

¹⁵ O. Enckell. Suomalais-Venäläisen keskuskomitean Suomalaiselle Valtuuskunnalle, 29.3.1922 (Ibid.).

«естественного соотношения площадей территорий Финляндии и России». Исходя из этого принципа, генштаб считал желательным отнесение к «пограничной территории» Карельского перешейка вплоть до р. Невы (включая в эту «пограничную территорию» запад перешейка, где расположен г. Петроград с пригородами), а также перешеек между Онегой и Белым морем, Белое море, побережье Ледовитого океана. Мурманская железная дорога к северу от р. Свири также должна была бы войти в «пограничную территорию». В мирное время у Москвы не было никакой необходимости (и возможности) размещать здесь крупные воинские соединения. Генштаб считал, что на переговорах можно согласиться на то, чтобы к северу от Ладоги русские могли разместить 1 дивизию мирного времени (по финским оценкам — 18498 чел.) и 1 дивизию в Петрограде и на Карельском перешейке. Со своей стороны, финское правительство могло согласиться на включение своей части Карельского перешейка (ограниченной линией Выборг-Кексгольм) и ряда территорий к северу от Ладоги в подобную же «пограничную территорию». Если Москва стала бы настаивать на создании «нейтрального пояса», финская делегация, по мнению генштаба, могла согласиться на таковой к северу от Ладоги, но не на Карельском перешейке. На Перешейке опасность нападения русских очень велика, поэтому связывать себя обязательствами вывода батальонов самокатчиков нельзя¹⁶.

Это письмо О. Энкеля премьер-министру спустя две недели какими-то путями стало известно А. С. Черныху¹⁷, и было учтено советской делегацией при ведении дальнейших переговоров. Вместе с тем, финская делегация на переговорах еще до этого уже фактически согласилась с советским вариантом концепции неприкосновенности границы, в основу которой было положено создание подлежащего обоюдному контролю приграничного пояса. Выдвинутое ею предложение о включении Карельского перешейка в особую зону, а также об установлении особого режима в Южной Карелии в 100-верстной, а в Северной Карелии — в 150-верстной зоне было отклонено советской делегацией. Против подобного предложения выступил Штаб РККА¹⁸.

Отказ советских властей от обсуждения вопроса о распространении действия вырабатываемого соглашения на территорию Карельского перешейка едва ли следует рассматривать в качестве косвенного свидетельства того, что установленное мирным договором прохождение на Перешейке линии государственной границы не считалось в Москве окончательным (тем более,

¹⁶ О. *Enckell*. Päämimisterille J. H. Vennolalle, 7.4.1922 (UMArk. 12 G1:1).

¹⁷ Приложение к письму А. С. Черныха Я. С. Ганецкому, 25.4.1922 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 2. Л. 20–25).

¹⁸ Письмо начальника Штаба РККА П. П. Лебедева, военкома Штаба РККА Баранова Я. С. Ганецкому, 11.4.1922 (Там же. Д. 14. Л. 47).

как предпосылку для официальной постановки Москвой в 1925 г. вопроса об уступке так называемого Сестрорецкого тупика). Тем не менее, подозрения о возможности предъявления в будущем претензий в отношении некоторых территорий на Перешейке, основой для которых могло, в частности, послужить компактное проживание русского меньшинства и принадлежность советским гражданам земельных участков и прочей недвижимости (особенно вдоль отдельных участков восточной части побережья Финского залива) послужило причиной того, что эдускунта в марте 1922 г. поторопилась с проведением первого чтения закона об оставленной иностранцами без присмотра в Финляндии собственности¹⁹.

Хотя в Хельсинки и было известно о желании России возможно скорее достичь завершения переговоров²⁰, финской делегации пришлось столкнуться с жесткой позицией советской делегации и добиться ее изменения в вопросе о создании особого нейтрального пояса не удалось. Волей-неволей в центре дискуссий оказалось детальное обсуждение различных вариантов его границ. В середине апреля финская сторона передала свое предложение, согласно которому ширина нейтрального пояса могла составить 12 км по обе стороны границы на участке от Ладоги до широты 62° 30', 25 км от широты 62° 30' до 69° 15' и 10 км от широты 69° 15' до Вайда-губы²¹.

Не меньшую остроту на переговорах приобрел вопрос о собственно охране границы договаривающимися сторонами. В проекте соглашения, полученном финской делегацией от советской стороны, особо оговаривалось, что «охрана границы с помощью добровольческих отрядов, шюцкоров и т.п. формирований запрещается»²². В проекте финской делегации подобная формулировка отсутствовала; охрану границы предлагалось возложить на регулярные армейские части или особые правительственные части пограничной охраны. Вместе с тем, учитывая роль как шюцкоровских организаций в недавно разыгравшихся в Восточной Карелии событиях и негативное отношение к ним советских властей, так и деятельность финских коммунистов на территории РСФСР, финская сторона предлагала включить в один из пунктов соглашения положение, которым запрещалось нахождение в пределах пограничной зоны таких организаций или отрядов, которые могли подготовить

¹⁹ См. подробнее главу 6.

²⁰ А. Хакцель сообщал из Москвы, что Л. Д. Троцкий, проводивший 9 апреля в Кремле совещание с Ганецким» Гуллингом и Черныхом, обеспокоен появившимися сообщениями о переговорах между Хельсинки и Бухарестом о военном союзе (A. Hackzell Pääministerille. Shifferisähkösanoma Moskovasta, 10.3.1922 (UMArk. 12 G1:1)).

²¹ Suomalais valtuuskunta. Ehdotus Suomen ja Venäjän väliseksi sopimukseksi, joka koskee toimenpiteitä rajarauhan turvamiseksi, 14.4.1922 (Ibid.).

²² Venäläinen valtuuskunta. Ehdotus raja- jaoston työjärjestykseksi ja venäläis-suomalainen koskemattomutta koskevan sopimuksen perusteet, 8.4.1922 (Ibid.).

вооруженное нападение или проникнуть на территорию другой страны²³. Компромисс позднее был найден: постоянно проживающим в финляндской пограничной полосе членам организаций шюцкора было позволено иметь ручное оружие (кроме него — 15 пулеметов на всю пограничную полосу), им разрешалось не ближе чем на расстоянии в три километра от границы «производить обычное местное обучение военному делу» и оказывать содействие органам государственной власти в поддержании местного порядка.

Вопрос о шюцкорах в пограничной зоне²⁴ на протяжении всех 20-х гг. вызывал немало дискуссий. Финская сторона в конце 20-х гг. попыталась снять эту проблему, подняв вопрос о такой «военизированной организации», каковой, по ее мнению, являлся в Советском Союзе Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи, настаивая, что в качестве «добровольной военной силы» он может быть приравнен к шюцкору. Поднятая Хельсинки тема выходила за рамки исключительно советско-финляндских отношений: актуальной проблемой международной политики в то время была подготовка конференции по разоружению. В центральном аппарате НКВД признавали сложность опровержения утверждений финских дипломатов, поскольку «при том положении, какое существовало до сих пор, хотя бы отчетам нашей же печати, ВЛКСМ мог показаться одной из скрытых военных сил СССР». Начальник I Западного отдела НКВД М. М. Добраницкий вынужден был соглашаться, что даже в дискуссии по вопросу разоружения «нам могли бы противопоставить аргумент по поводу существования в СССР двухмиллионного «военизированного» комсомола»²⁵.

²³ Suomalais valtuuskunta. Ehdotus raja-jaoston työjärjestykseksi ja venäläis-suomalaisen rajan koskemattomuutta koskevan sopimuksen perusteet, 9.4.1922 (Ibid).

²⁴ По официальным данным по всей пограничной полосе в середине 20-х гг. было около 2000 членов шюцкоров, все они являлись исключительно местными жителями. Также официально давались заверения, что в пограничной полосе нет ни постоянных мест для проведения шюцкоровцами своих учений, ни военных складов.

²⁵ Письмо М. М. Добраницкого, Ильинского С. С. Александровскому, 13.11.1928. (АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 11. П. 122. Д. 3. Л. 145, 145 об.). Об интересе в Финляндии к «комсомольской» теме свидетельствует, в частности, письмо заместителя начальника эстонской полиции Й. Соомана в Центральную сыскную полицию Финляндии. Сооман сообщил о приезде в Эстонию редактора выходящей в Берлине газеты «Baltische Blätter» Гаральда фон Раутенфельда, который вместе с генералами рейхсвера Хассе, Крессом фон Крессенштейном, фон Ледебуром и Райнхардом являлся членом совета «Общества защиты германской культуры». Раутенфельд в своих беседах неоднократно говорил о том, что СССР интересуется постановкой работы союзов молодежи, и даже просил правительство Германии направить в Россию инструкторов с целью милитаризации комсомола наподобие германских организаций. Такие инструкторы, якобы, были отправлены в октябре 1926 г. под видом сотрудников фирмы Ланц из Мангейма. Кроме того, Раутенфельд

Переговоры продолжались более двух месяцев и завершились подписанием 1 июня 1922 г. соглашения и приложений к нему²⁶. В принципе это было серьезным успехом Москвы. Правительственный кризис в Финляндии заставил советскую дипломатию отказаться от стремления добиваться большего. У А. С. Черныха имелись основания для утверждения, что хотя соглашение и имело «внешний вид взаимности», т.е. являлось актом компромиссным, оно, по существу, «взятое в перспективе имевших недавно место карельских событий», являлось соглашением односторонним, «направленным против Финляндии». При этом он особо подчеркивал допущенный финской стороной промах и, соответственно, успех советской дипломатии, а именно: финская делегация, отказавшаяся дать свое согласие на включение в текст соглашения положения о том, что в случае вторжения на территорию РСФСР советское правительство будет считать себя в состоянии войны с Финляндией, согласилась, тем не менее, включить его в текст протокола, приложенного к соглашению.

Достигнутый в результате упорной дипломатической борьбы компромисс не вызвал восторга в определенных политических кругах Финляндии. Не удовлетворил он и Штаб РККА. В начале июля 1922 г., т.е. уже после подписания соглашения, начальник Штаба РККА П. П. Лебедев и временно исполняющий обязанности военного комиссара Штаба Иорданский направили в ВВСР письмо, в котором указывали, что в пограничных зонах, подлежащих контролю смешанных комиссий, «с финской стороны не оказалось ни одного пункта, непосредственно лежащего на финской пограничной железной дороге, особенно нас интересующей, а также местами эта граница нежелательно близко подошла к нашей мурманской железной дороге, и вообще нашей комиссии не удалось добиться права на осмотр более глубоких пунктов»²⁷. Скорее всего советское политическое руководство, как и Наркоминдел в тот период времени не столько не испытывали особой заинтересованности в постановке в ходе переговоров вопросов, решения которых стремилось добиться военное ведомство, сколько осознавало предел запросов.

просил местных немцев подобрать человек 10 с военным образованием для этой же цели (Politsei abidirektor J. Sooman Etsivän keskuspoliisin päälliköille, 8.12.1926 (КА. ЕК-Valpo 1. Ryhmä XXVII. Kansio 3089)).

²⁶ См.: СУ. 1922 г. Отдел I. Приложение II. Соглашение между Россией и Финляндией о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность границы; Протокол, подписанный в г. Гельсингфорсе 1 июня 1922 г. и приложенный к подписанному того же числа соглашению; Инструкция Пограничной подкомиссии и местным Контрольным Комиссиям Центральной Смешанной Русско-Финляндской Комиссии.

²⁷ Письмо Лебедева, Иорданского в ВВСР. 3.7.1922 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 14. Л. 15).

Стоит отметить, что данное соглашение стало актом, позволившим советской стороне в течение следующего года существенно стабилизировать политическую ситуацию на границе (финское правительство обязывалось удалить из приграничной зоны карельских беженцев, рассматривавшихся Москвой как питательная среда для организации антисоветских выступлений на территории Восточной Карелии²⁸), и послужившим дополнительной гарантией установленной мирным договором 1920 г. границы. Однако, поскольку речь шла, прежде всего, о восточном участке этой границы, такой исход дела более всего устраивал именно Москву. На протяжении последующих лет советская сторона категорически отказывалась от пересмотра или денонсации этого соглашения.

К 1925 г. былой скепсис полпреда Черныха в отношении МКК и соглашения 1922 г. вытеснила убежденность в том, что этот акт «сослужил и будет служить службу в установлении более спокойного положения на нашей карельской границе»²⁹. Разрабатывая тактику ведения в 1926 г. переговоров о заключении советско-финляндского гарантийного договора советская сторона решил поставить вопрос о необходимости включения в текст договора упоминания о Соглашении 1922 г. В свое обращение в Политбюро ЦК РКП(б) член Коллегии НКВД Б. С. Стомоняков включит предложенное А. С. Черныхом обоснование такого решения: это явилось бы значительным укреплением советской позиции в карельском вопросе, «ибо пограничное соглашение, несмотря на внешне взаимную формулировку, является по существу документом против финско-карельского активизма»³⁰. Необходимость упоминания Соглашения 1922 г. некоторое время спустя будет рассматриваться советской стороной в качестве необходимого условия для признания Советской Россией статуса Аландского архипелага, закрепленного международной конвенцией 1921 г.³¹. Когда в конце 1931 г. в Москве будет вестись подготовка

²⁸ Советское полпредство в Хельсинки проявляло исключительную настойчивость в этом вопросе. В начале октября 1922 г. МВД Финляндии было вынуждено подготовить для правительства обстоятельную промеморию по вопросу о причинах затягивания высылки карельских беженцев из приграничных территорий. См.: *Sisäasiainministeriön promemoria, koskeva toimenpiteitä karjalaisten miespakoilaisten poissiertämiseksi Venäjän vastaiselta rajavyöhykkeeltä*, 7.10.1922 (UMArk. 12G1:1).

²⁹ Доклад А. С. Черныха В. А. Коппу, 7.2.1925 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 7. П. 113. Д. 1. Л. 142).

³⁰ Доклад А. С. Черныха Б. С. Стомонякову, 22.6.1926 (Там же. Ф. 04. Оп. 41. П. 256. Д. 53500. Л. 134–135); Записка Б. С. Стомонякова в Политбюро ЦК РКП(б) 27.6.1926 (Там же. Л. 158–159).

³¹ Письмо Б. С. Стомонякова И. Л. Лоренцу, 16.11.1926 (Там же. Ф. 0135. Оп. 9. П. 116. Д. 6. Л. 15). См. также: письмо Б. С. Стомонякова И. Л. Лоренцу, 26.6.1926 (Там же. Л. 44). В данной работе мы не рассматриваем историю переговоров о гарантийном

к переговорам с Хельсинки о заключении пакта о ненападении, начальник I Западного отдела НКИД Н. Я. Райвид выскажется против включения в текст советского проекта пакта пункта о взаимной гарантии границ и соглашения от 1 июня 1922 г. считая это нецелесообразным: «Для нас выгодно вопроса об этом соглашении вообще не ставить, поскольку мы заинтересованы в нем гораздо больше, чем финны, которых мы в свое время заставляли пойти на это соглашение, и поскольку оно автоматически продолжает действовать до настоящего времени. Связывая это соглашение с пактом, мы ограничиваем срок его действия сроком действия самого пакта»³². Эта точка зрения не нашла возражений.

Пограничное соглашение 1922 г., заключенное сроком на 1 год, предусматривало возможность автоматической его пролонгации, если одна из сторон за три месяца до истечения очередного срока не заявит о желании денонсировать его. Годы шли, но ни Москва, ни Хельсинки этим правом не воспользовались, хотя отношение финской стороны к документу было сдержанным. Глава финской делегации в Русско-финляндском пограничном комитете советник А. Ахонен направил в конце зимы 1924 г. специальную записку в МИД. Исходя из практики осуществления предусмотренных соглашением мер контроля, он считал, что этот акт не принес пользы его государству. Советник доводил до сведения МИД мнение всех членов финской делегации в пограничном комитете о необходимости немедленной денонсации соглашения³³.

Практическое выполнение соглашения доставляло немало хлопот не только МИД Финляндии, но и НКИД. Далеко не все зависело от их воли. Инструментом выполнения соглашения должны были стать МКК, однако, для принятия решения, подлежащего исполнению, требовалось достижение консенсуса на заседании делегаций сторон — нейтральный председатель предусмотрен не был. Поскольку на Карельском перешейке особой пограничной полосы не создавалось, а разрешение пограничных конфликтов входило в компетенцию местных погранкомендатур, эти комиссии должны были отвечать за поддержание ситуации на советско-финской границе от Северного Ледовитого океана до Ладоги. Работу МКК должна была координировать Центральная Смешанная Русско-Финляндская Комиссия, руководство которой осуществлялось на паритетных началах двумя председателями Комиссии. При этом о создании особой Морской МКК речь более не шла: вопросы прохождения водной границы в Финском заливе, в Петсамо (в Вайда-губе) оставались да-

пакте. Заметим, однако, что едва ли в отсутствии у советской стороны особого желания согласиться на бессрочное действие ст. 1 этого пакта (включавшей положение о гарантии границ) можно видеть дополнительное свидетельство неизбежности событий 1939 г.

³² Н. Я. Райвид Б. С. Стомонаякову, 26.12.1931. Объяснительная записка к проекту пакта о ненападении с Финляндией (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 14. П. 129. Д. 8. Л. 140, 140 об.).

³³ А. Ahonen Ulkoasiainministeriölle, 25.2.1924 (UMArk. 12 G1:1).

леки от разрешения. Первым Председателем советской делегации в Комиссии в начале августа был назначен Сергей Миронович Франкфурт. После ликвидации ЦСК (по инициативе Москвы) уже в сентябре 1922 г., руководство местными контрольными комиссиями перешло к Русско-финляндскому пограничному комитету, в котором стороны имели равное представительство. Обязанности председателя российской делегации в Погранкомитете выполнял, как правило, первый секретарь советского полпредства в Финляндии.

В конце июня 1922 г. советская сторона довела до сведения финских властей данные о месте пребывания советских представителей во всех пяти МКК и их персональном составе. 1-я МКК — в Пораярви (председатель К. Райло), 2-я МКК — в Реболах (председатель Пусс), 3-я МКК — в Вуоккинеми (председатель Лавров), 4-я МКК — в Пистойярви (председатель Шкуренко), 5-я МКК — в Вайда-Губе (Семенов). Однако уже через несколько дней советская сторона внесла существенные изменения в персональный состав. Ни один из вышеупомянутых председателей МКК не сохранил своего поста. Председатели 1-й, 2-й, 3-й, 5-й МКК стали просто членами комиссий, их соответственно заменили на председательских постах Владимир Калинин, Владислав Берг, Эдвард Ройкс и Александр Степанов (состав 4-й МКК был изменен полностью: председатель Иван Ермилов, член — Хенрик Валк)³⁴. Все они являлись представителями Разведывательного управления Штаба РККА (в конце июня Разведывательным отделом Штаба Петроградского Военного Округа был получен приказ о ведении через МКК агентурной разведки). Эти кадровые изменения обуславливались желанием Разведупра возложить на МКК некоторые задачи по сбору информации (не только в пограничной полосе). По признанию секретаря полпредства Г. А. Залкинда, НКВД при создании МКК учитывал, что «работа этих органов невозможна для лиц, не прошедших практику разведупровской и ГеПеУской работы» и поэтому просил об «откомандировании соответствующих товарищей, однако, на том условии, чтобы организационно они были подчинены НКВД». Для Разведупра и для ГПУ, по его мнению, «открывалась возможность открыто и в официальном порядке получать такие жизненно-необходимые <...> для этих ведомств данные», но при условии, что они не станут заниматься агентурной работой, поскольку НКВД не может допустить даже теоретически какого-нибудь провала и сорвать соглашение³⁵. Уже несколько месяцев спустя полпред Черных обращал внимание своего руководства, что подобного рода деятельностью должны заниматься иные органы, а сами МКК в своей работе должны лишь использовать полученную от этих органов информацию для осуществления официальных проверок.

³⁴ Suomen Valtuuskunta Sisäasiainministeriölle, 27.6.1922, 3.7.1922 (UMArk. Da:1).

³⁵ Письмо Г. А. Залкинда Берзину, 6.3.1923 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 6. П. 107. Д. 6. Л. 171, 172).

Возможность законного получения сведений, носящих разведывательный характер, не осталась не использованной и финской стороной. Об этом свидетельствуют многочисленные доклады, которые финская делегация в Погранкомитете направляла в распоряжение начальника Центральной сысской полиции Эско Риекки³⁶.

Можно только догадываться, какие обстоятельства послужили поводом для того, чтобы в конце зимы 1923 г. российский председатель Пограничного комитета Г. А. Залкинд предписал председателям МКК «прекратить разведывательную работу по заданиям разведывательного отдела Штаба РККА». Было ли это обусловлено серьезными промахами при осуществлении разведывательной работы или нет — в нашем распоряжении нет документов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть такое предположение. В ответ на требование Горация Залкинда заместитель начальника разведотдела Штаба Петроградского Военного Округа пригрозил отозвать своего представителя из 1-й МКК³⁷. В отличие от разведотдела ПгВО, ГПУ отреагировало на пожелания НКВД более сдержанно. В декабре 1922 г. оно согласилось отменить прежние директивы своим сотрудникам в МКК³⁸. На время вопрос о подчиненности местных контрольных комиссий и акцентах в их работе был снят с повестки дня. Он снова возник на рубеже 1925–1926 гг., и причиной этого, как не странно это может показаться на первый взгляд, стала «почти спокойная обстановка» на карельской границе, что делало «содержание местных комиссий» для НКВД «как бы излишним бременем». Однако, исходя из того, что пограничное соглашение носило, по выражению А. С. Черныха, «ультрополитический [sic] характер», наблюдение за его выполнением должно было находиться «в руках политически вполне ответственных товарищей», тогда как в случае передачи МКК «соседям» (ОГПУ, военное ведомство), те «не смогут дать для карельских трущоб настолько ответственных работников»³⁹. Более осторожный полпред И. Л. Лоренц рекомендовал в этом вопросе проявить гибкость и, сохранив прежнюю структуру, предложить «соседям» ввести в каждую МКК по одному сотруднику⁴⁰.

³⁶ См., например: Suomalais-venäläisen rajakomitean valtuuskunnan raportit E. Riekille, 30.1., 16.4., 15.5.1924, etc. (UMArk. Ea:3).

³⁷ Письмо Военкома Радецкого Г. А. Залкинду, заместителю начальника Разведотдела Штаба РККА Берзину, члену РВС ПгВО Воронину, 5.3.1923 (АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 6. П. 107. Д. 6. Л. 174, 175).

³⁸ Письмо Г. А. Залкинда Берзину, 6.3.1923 (Там же. Л. 172).

³⁹ Письмо А. С. Черныха И. Л. Лоренцу, 2.2.1926 (Там же. Ф. 04. Оп. 41. П. 256. Д. 53497. Л. 6–7).

⁴⁰ Доклад И. Л. Лоренца А. С. Черныху, 6.2.1926 (Там же. Д. 63495. Л. 63). К сожалению, мы не располагаем конкретными документами о том, как в дальнейшем решался этот вопрос.

Следует сказать, что опасения А. С. Черныха в отношении возможных структурных изменений контрольных комиссий были вполне обоснованы. Не только в первые годы, когда Черных еще был полпредом в Хельсинки, но и на протяжении всех 20–30-х гг. работа комиссий доставляла немало хлопот дипломатическому ведомству. Как финскими, так и советскими членами контрольных комиссий порой выказывались такой силы взаимная неприязнь, «амбиции последнего слова» и пр., породившие целую систему формальных уловок для трепки нервов друг другу, что временами казалось — институт местных контрольных комиссий неработоспособен, и лучше его ликвидировать. В таких условиях со стороны полпредства и советской делегации в российско-финляндском Погранкомитете требовалось приложение всех дипломатических талантов, чтобы урегулировать очередную и нередко, по правде говоря, склочную ситуацию.

Наиболее безобидным способом выместить неприязнь «к своему иностранному коллеге» являлось направление запроса о немедленной поездке для осуществления контроля на том или ином участке границы. В соответствии с п. 5 Инструкции Пограничной подкомиссии и Местным контрольным комиссиям делегации обязаны были в течение 12 часов выехать к назначенному месту встречи. Но к этому месту дороги могли, например, подходить только с финской стороны, тогда как с советской приходилось пробираться через глушь. Опоздание советской делегации квалифицировалось в таком случае как нарушение соглашения. Так, в феврале 1928 г. возник конфликт в районе контроля 4-й МКК, когда советская делегация отказалась выехать к указанному финской делегацией пункту по предписанному маршруту. Отказ был вынужденным, так как даже в том случае, если бы она согласилась выполнить требование, то на дорогу пришлось бы затратить 8–9 дней⁴¹. Правда, в других случаях истинной причиной подобного отказа могло быть и нежелание допустить проверку, оттянуть ее осуществление на некоторый срок. Поскольку демаркация границы оказалась делом не скорым, а, учитывая сложный рельеф местности и быстрое зарастание ее лесом, даже служащим пограничной охраны любой из сторон легко было сбиться с пути и нечаянно забрести на чужую территорию, существовала устная договоренность о том, что заблудившиеся пограничники возвращаются без задержек. На практике дело обстояло иначе.

В марте 1927 г. финский патруль Салминской погранохраны случайно перешел на советскую территорию; советская сторона согласилась вернуть их только десять дней спустя, попытавшись при этом склонить солдат к решению остаться в СССР⁴². Трудно сказать, чем обуславливались почти ежегод-

⁴¹ И. Карташев Финской делегации в Погранкомитете, 8.2.1928 (УМАрк. Еа:5).

⁴² Sisäministeriön rajavartiostontarkastaja Suomalais-venäläisen rajakomitean suomalaisen valtuuskunnan puheenjohtajalle, 17.3.1927 (Ibid.).

ные изменения в составе советских делегаций в МКК и, напротив, поразительная на этом фоне стабильность кадров финских делегаций: необходимостью в стажировке дополнительных кадров у одних и нехваткой оных у вторых, или различной степенью выносимости «нервного аппарата»?

Свою работу МКК должны были начать 1 июля 1922 г. По ряду причин (в том числе и в силу того, что президент К. Столберг подписал декрет, введший соглашение в действие, только 20 июня (был опубликован 1 августа); в силу нежелания финских членов МКК под тем или иным предлогом приступить к работе; из-за отсутствия транспортных и финансовых средств для советских членов МКК⁴³ и т.д.) в начале августа работать начала только одна МКК. Создавшееся положение крайне озаботило полпредство и руководство НКИД, поскольку «карельский вопрос» стал снова «ставиться в порядок дня», и финское правительство не скрывало, что готовится поставить его в Лиге Наций⁴⁴. Первые претензии по поводу нарушений пограничного соглашения полпредство выразило финской стороне уже в середине августа 1922 г. Однако, по признанию А. С. Черныха, сведения, которыми приходилось довольствоваться полпредству и советской делегации в Погранкомитете, нередко были основаны на «всяких сплетнях», так как «в отношении разведки у нас дело поставлено очень плохо». Подчеркивая, что со сторо-

⁴³ В середине сентября 1922 г. глава советской делегации в ЦСК С. М. Франкфурт и помощник военного атташе Лиллимяги совершили поездку на границу, «чтобы сдвинуть с точки замерзания работу комиссий» и ознакомиться с вопросами охраны границы. Выяснилось, что несущие охрану красногвардейцы «находятся в самом ужаснейшем положении, какое можно только себе представить». У них не было даже белья, поскольку оно было обменено на хлеб у местных крестьян, «ввиду неполучения хлеба из центра»; солдаты ходят в «старых лохмотьях штатской одежды», а чтобы «пропитать себя... работают у местных крестьян», они «представляют собой совершенно заброшенных и забытых судьбой людей, которых может поголовно вырезать небольшая перешедшая через границу банда» (Лиллимяги. Доклад о результатах моей поездки на Русско-Финскую границу. 25.9.1922 // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 8. Л. 44г, 44г об.). Командование РККА было до крайности удивлено полученной информацией, поскольку, согласно донесениям штаба Петроградского военного округа, снабжение красноармейцев было нормальным (Письмо Главкома С. С. Каменева, члена РВСР Данилова и помощника начальника Штаба РККА Б. М. Шапошникова Г. В. Чичерину. 9.10.1922 (Там же. Д. 14. Л. 9)). Позднее отсутствие необходимых финансовых средств вынудило советскую сторону в течение длительного срока отказываться от назначения своих представителей в 5-ю МКК, в качестве объяснения этого предложив то, что с этими обязанностями справятся живущие рядом с границей члены 4-й МКК (Письмо Г. А. Залкинда А. А. Ахонену, 26.3.1925 (УМАрк. Еа:3)). Насколько было реально для трех человек осуществлять контроль вдоль границы протяженностью более полутысячи километров и при почти полном отсутствии транспортной инфраструктуры остается загадкой.

⁴⁴ Доклад А. С. Черныха Я. С. Ганецкому, 16.9.1922 (АВП РФ. Ф. 0135. П. 106. Д. 3. Л. 65).

ны Карельской Трудовой Коммуны «необходимо усилить разведывательную работу на финляндской территории» (МКК не должны были заниматься подобного рода деятельностью), он заверял свое руководство, что «расходы безусловно окупятся, если это даст нам возможность быть в курсе всяких приготовлений»⁴⁵. Чтобы «разморозить» работу контрольных комиссий председатель российской делегации в ЦСК С. М. Франкфурт настоял на совместной с финнами поездке на границу. Таковая была предпринята в середине сентября (13–18.9.), но особых результатов не принесла. Положение в охранявших границу советских отрядах в Восточной Карелии было ужасным (продовольствие не поступало в течение 2–3 месяцев, обмундирование износилось, дисциплина была на низком уровне, солдаты просто манкировали своими обязанностями и пр.).

Постоянные претензии советской делегации в Погранкомитете к работе финских членов в МКК в первые месяцы работы этих комиссий (особенно по крайне болезненному для Москвы вопросу об удалении из пограничной полосы карельских беженцев) побудили финские власти разобраться в происходящем. В ответ на сделанный МИД Финляндии запрос министерство внутренних дел, в подчинении которого находились части пограничной стражи, подготовило 23 сентября специальный меморандум⁴⁶. В нем до сведения МИД доводилось, что каких-либо официальных извещений о заключении соглашения и о вступлении его в силу МВД не получало ни от МИД, ни от ЦСК. Министерство было вынуждено, поэтому, довольствоваться по этому вопросу сведениями, полученными частным образом, но несмотря на это, МВД уже 15 июля на основании полученных неофициальных данных разослал губернаторам приграничных губерний распоряжение о сборе сведений о беженцах мужского пола, проживающих в приграничных районах и высылке тех, кто подпадает под определение постановлений соглашения. На сделанный МВД 9 сентября запрос о выполнении распоряжения, губернаторы губерний Куопио, Оулу и Выборгской губернии сообщили, что только в Куопио (приход Куусамо) осталось небольшое число не высланных беженцев (в Выборгской губернии беженцев, якобы, вообще не было).

В то же время слухи о сосредоточении в ряде мест финской приграничной полосы вооруженных отрядов, подготавливающих вторжение на советскую территорию, послужили причиной для вручения 3 октября МИД Финляндии советской ноты. Ответ на нее был дан 26 октября. Задержка едва ли была вызвана нежеланием официальных финских властей быстро разобраться с выдвинутыми полпредством обвинениями: внутривластная ситуация

⁴⁵ Доклад А. С. Черных Я. С. Ганецкому, 23.9.1922 (Там же. Л. 111, 112).

⁴⁶ [Esko Heilimo]. Sisäasiainministeriön promemoria Venäjän vastaiselta rajaväyhykkeeltä, 23.9.1922 (UMArk. 12 G1:1).

ция в самой Финляндии была сложной, а с учетом настроений, преобладавших в армии, полиции и особенно в шюцкорах, получение объективной информации правительством, как и контроль за точным выполнением его распоряжений были затруднены. В ответной ноте финского правительства указывалось, что выдвинутые обвинения не имеют под собой никакой почвы и явно противоречат истинному положению дел. Напротив, выполнение соглашения от 1 июня затруднено действиями самих советских представителей в МКК. Взаимные упреки сторон в намеренном невыполнении Соглашения 1922 г. референум звучали на протяжении всех 20-х гг. Только в 30-е гг. ситуация несколько изменилась.

Вместе с тем, сама по себе возможность осуществления контроля и доведения его результатов до сведения внешнеполитических ведомств обоих государств уже до некоторой степени способствовала стабилизации ситуации на границе. Можно предположить, что наличие в составе контрольных комиссий нейтрального председателя или договоренность о четких арбитражных процедурах при решении спорных вопросов стали бы гораздо более действенным способом достижения спокойствия на границе. Однако поскольку принципиальная позиция советской стороны заключалась в том, что найти непредубежденного председателя невозможно (в качестве обоснования этого тезиса выдвигались идеологические соображения), сторонам пришлось смириться с теми «неудобствами», которые доставлял им принцип консенсуса. Если спор не находил разрешения на заседании той или иной комиссии, он передавался на рассмотрение советско-финляндского Пограничного комитета, в котором принятие решения также обуславливалось обоюдным согласием. Если и в нем согласия не достигалось, разрешение проблемы искали «на обычных дипломатических путях» (по выражению Г. А. Залкинда). Подобная многоэтапность позволяла предотвратить ошибки членов делегаций в контрольных комиссиях. Вместе с тем, никчемность перенесения в Погранкомитет или в НКВД и финский МИД массы незначительных вопросов осознавалась делегациями в МКК: работавшие в них с полным основанием могли считать, что они вполне могут решать многие вопросы самостоятельно. Протоколы контрольных комиссий зафиксировали немалые дипломатические таланты как советских, так и финских представителей в них. Волей-неволей уже к 1926 г. практически все возникавшие на границе конфликтные ситуации стали рассматриваться на заседаниях МКК, что послужило поводом для постановки вопроса об официальном расширении их функций, иными словами, об оформлении сложившегося де-факто положения⁴⁷.

Как на практике осуществлялся контроль можно проследить, например, на серии протоколов 2-й МКК, составленных в ходе одной из проверок, про-

⁴⁷ Доклад И. Л. Лоренца А. С. Черныху, 6.2.1926 (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. П. 256. Д. 53495. Л. 53).

веденных на советской стороне границы в январе 1924 г. Прибывшая 4 января в с. Реболы финская делегация, поблагодарив хозяев за то, что наконец-то после многочисленных попыток ей позволено осуществить наблюдение за частями советской погранохраны, выразила пожелание начать проверку 5-го января (в самом селе она будет проведена уже 4-го). Проигнорировав намек на невыполнение Соглашения от 1.6.1922 г.⁴⁸, председатель советской делегации Боярович поинтересовался маршрутом финской делегации при проведении проверки⁴⁹. На следующий день этот маршрут был представлен финской стороной: после с. Реболы она хотела бы побывать в Колвасярви, Тууливаара, Лусма, Кипонкюля, Лентьера, а также во всех остальных местах, где, по данным делегации СССР, находятся пограничные части, а также в некоторых населенных пунктах. Это требование не нашло возражений, в отличие от второго: финская делегация потребовала предоставить ей сведения о проживающих в советской пограничной полосе финнах, деятельность которых является нарушением Соглашения (организация тайных переходов через границу — т.н. «этапов»). В предоставлении таких сведений было отказано, поскольку это не предусматривалось, по словам Бояровича, Соглашением. Советская делегация допускала возможность рассмотрения поставленного вопроса только в том случае, если ей будут предоставлены конкретные факты нарушений. После того как финская делегация изложила конкретные претензии, Боярович оценил полученную информацию, как «неконкретные доказательства»⁵⁰. Спустя два дня финская делегация попыталась еще раз получить запрашиваемые сведения, но с тем же успехом⁵¹. 8 января делегации прибыли в Колвасярви, где в течение часа была осуществлена проверка советской погранчасти⁵², а 9-го в Тууливаара. По результатам проверки в Тууливаара был составлен обычный в таких случаях протокол, в котором отмечалось, что в наличии было

⁴⁸ Хотя Соглашением и предусматривались жесткие временные рамки выполнения запроса на осуществление контроля, стороны нередко отказывали в его проведении, как под надуманными предлогами (отсутствие транспортных средств, плохая погода и пр.), так и откровенными признаниями в нежелании допустить проверку. К числу последних есть основание отнести, например, ссылки советских делегаций на отсутствие у них сведений о численности погранзастав, финских — на невозможность предоставить точные сведения о численности местных шюцкоров.

⁴⁹ Pöytäkirja N 23 tehty 2: sen paikallisen tarkastuskomissionin yhteisessä istunnossa Repolassa 1924 k: 10 4 1.p. (UMArk. Ea:3).

⁵⁰ Pöytäkirja tehty 2: sen paikallisen tarkastuskomissionin yhteisessä istunnossa Repolassa 5: n tammikuuta 1924 k: 10 3, 15 i.p.

⁵¹ Протокол № 25 совместного заседания 2-й местной контрольной комиссии в с. Реболо. 7.1.1924 (Ibid.).

⁵² Pöytäkirja N 26 tehty 2: sen paikallisen tarkastuskomissionin yhteisessä istunnossa Kolvasjarvella 8: n p: na tammikuuta 1924 (Ibid.).

10 красноармейцев (16 человек отсутствовали), вооруженных винтовками, каждый из них имел 120 патронов (всего 3120 патронов)⁵³. Осуществлять дальнейшую проверку финская делегация не пожелала. Схожей была процедура проведения проверок на финской стороне границы. В этих случаях советская делегация проявляла дополнительный интерес к таким вопросам, как численность полиции, шюцкоров (и их вооружению)⁵⁴.

Советские представители в МКК неизменно блокировали любые попытки финских делегатов поставить на обсуждение мероприятия, которые хотя бы косвенно затрагивали тему демаркации границы. Поводы для этого могли быть различными. Отправившийся осенью 1932 г. рубить лес на своем участке у ручья Вин, что у села Манссила (недалеко от побережья Ладоги, на участке 1-й МКК) Александр Рёппянен неожиданно для себя обнаружил, что русские пограничники, построившие вдоль течения ручья забор, отхватили часть его земли. Изготовленный в свое время землемерами чертеж участка подтверждал правоту финского гражданина. Однако финская делегация в 1-й МКК, подняв об этом вопрос, не встретила понимания со стороны своих российских коллег⁵⁵. Вопросы прохождения линии госграницы не входят в компетенцию МКК — таков был ответ.

В совершенно иной ситуации был дан аналогичный ответ. В июле 1930 г. на советской стороне границы в районе Салми был застрелен финский гражданин И. Бунда. Финские представители в местной контрольной комиссии для отведения обвинений в незаконности перехода границы (в чем была уверена советская сторона) подняли вопрос о спорности линии границы на этом участке местности. Суть полученного ими ответа сводилась к следующему: «до проведения государственной границы между СССР и Финляндией специальной разграничительной комиссией, обе стороны обязаны в качестве границы между их соответствующими территориями принимать те линии, которые фактически в течение многих лет признавались на месте в качестве линии фактической государственной границы»⁵⁶.

Бывали случаи, когда позиции сторон совпадали. Весной 1926 г. советская делегация во 2-й МКК выступила с инициативой приступить к очистке отдельных участков границы от зарослей, что должно было «дать полную гаран-

⁵³ Asiakirja tehty paikallisen tarkastuskomissionin rajavartioston sen lukumäärän ja aseituksen tarkastuksessa Tuulivaaran kylässä 9.1.1924 (Ibid.).

⁵⁴ См., например: Протокол 37 совместного заседания 2-й местной кон тральной комиссии в м. Лиекса 16.10.1925 (Ibid.).

⁵⁵ I: n paikallisen tarkastuskomissionin Suomakainen Valtuuskunta Suomen ja S.N.T.L:n välisen Rajakomitean Suomalaisen Valtakunnalle, Pitkäranta, 21.12.1932 (UMArk. Ea:4).

⁵⁶ Письмо И. Карташова секретарю Финляндской делегации Погранкомитета Инкинену, 27.4.1931 (Ibid.).

тию на невозможность не злоумышленных переходов Государственной границы». На этот раз ссылкой на то, что этот вопрос не входит в компетенцию комиссии воспользовалась финская сторона, разделившая, однако, озабоченность российской стороны и в принципе согласившаяся с ней⁵⁷.

Финские делегации в МКК (особенно с середины 20-х гг.) стремились избежать конфликтных ситуаций на границе, вызванных «не злоумышленными» переходами на «не расчищенных» участках. Так, делегация из 1-й МКК неоднократно обращалась в Выборгскому губернатору с просьбой запретить вблизи тех участков границы, которые четко не определены рубку леса, строительство заборов, сараев, косябу на лугах⁵⁸.

К началу 30-х гг. работа делегаций в контрольных комиссиях постепенно приобрела рутинный характер. Характерные для 20-х «рабочие» конфликты, требовавшие вмешательства полпредства в Хельсинки или финской миссии в Москве, почти полностью прекратились. Во многом сами инспекции стали приобретать характер некоего ритуала, старательно отработанного действия.

⁵⁷ Протокол заседания 2-й МКК в м. Лиекса [середина] апреля 1926 г. (УМАрк. Еа:3).

⁵⁸ 1:n paikallisen tarkastuskomisionin Suomalainen Valtuuskunta Viipurin läänin Maaherralle, 27.7.1931 (УМАрк. Еа:4).

VASTUM SILENTIUM?

Сотворенный послевоенными советскими кинематографом и публицистикой образ государственной границы, как некоего ирреального застывшего в напряженном покое мира, в котором изредка еле слышимые треск сухого сучка или чмокание болотной кочки просто не могли не быть результатом просчета шпиона, поставившего свою ногу не туда, куда нужно, воспринимается как неуместная гипербола при обращении к событиям 1920–1930-х гг.

Даже если не забывать о событиях в Средней Азии, о растянувшейся на десятилетие борьбе с басмачеством, о военных конфликтах в начале 1920-х гг. на границах с Польшей и Финляндией, жизнь в западном приграничье Советской России в межвоенный период не покажется спокойной. Брошенное в годы Первой мировой войны на произвол судьбы население приграничных территорий доказало справедливость народного наблюдения, заключенного в формуле о голи, на выдумки хитрой. И в более тихие — довоенные — времена его представители преподносили не мало поводов для восхищения собственной житейской сметкой. Однако фактическое устранение на довольно продолжительный период таких препятствий, какими являлись ответственные за «покой» государственные институты (политическая полиция, армия, погранохрана, таможня), и, соответственно, небывалое прежде расширение рамок свободы жизнедеятельности сказались не лучшим образом на народной фантазии. Трудно подобрать иное слово, кроме как полузабытое «опрощение», чтобы охарактеризовать тот процесс вымывания нарабатывавшихся десятилетиями приемов обведения властей вокруг пальца, который являют глазам историков документы тех лет (лишь к началу 30-х гг. положение стало постепенно меняться).

На ситуации в приграничных территориях не могло не сказаться то обстоятельство, что период создания системы государственных органов, в компетенцию которых входили те или иные аспекты обеспечения «режима границы», и выработки механизмов их взаимодействия оказался довольно продолжительным и противоречивым, как в Финляндии, так и России. Созданный 1 апреля 1918 г. Петроградский пограничный округ (в него входили Петроградский, Беломорский, Олонецкий, Финляндский и Чудской районы) в подчинении Главного управления пограничной охраны (двумя днями ранее появившегося в составе Наркомата финансов), но спустя всего три месяца он оказался передан в Наркомат торговли и промышленности. После принятия СНК 19 августа 1918 г. декрета «Об объединении всех вооруженных сил ре-

спублики в ведение Наркомата по военным делам», пограничная охрана оказалась в двойном подчинении. Процесс реформирования на этом завершен не был, поскольку в феврале следующего года было создано Главное управление пограничных войск, просуществовавшее до сентября. В результате этих преобразований в компетенции Наркомата торговли и промышленности остался лишь отдел пограничного надзора (он прекратил свое существование в начале 1920 г.)¹. Создание постановлением Совета Труда и Оборона от 24 ноября 1920 г. Особого отдела ВЧК по охране границы положило начало процессу полного установления контроля за всей приграничной территорией со стороны органов государственной безопасности. Процесс постоянных организационных преобразований, проблемы с финансированием и пополнением кадрового состава в первые годы советской власти имели своим результатом низкий уровень должностной дисциплины. Агитаторы финской компартии докладывали в Финскую секцию Петроградского губернского комитета РКП(б), что, по мнению приграничного населения, погранохрана «плохая и не отвечает своей цели», что «пограничники помогают контрабанде и спекуляции», к «финскому белогвардейскому шпионству относятся равнодушно», а то и помогают ему².

Вне контроля со стороны ВЧК–ГПУ некоторое время оставалось Главное таможенное управление (далее: ГТУ) и Отдел местных и заграничных агентур Наркомата внешней торговли РСФСР, на долю которых выпадала, в частности, борьба с «экономической контрабандой». Степень взаимодействия ВЧК с Управлением Военного Контроля, в обязанности которого входил сбор информации о незаконном вывозе и ввозе товаров и сообщение ее «соответствующим правительственным органам», в Петрограде в 1918–1919 гг. остается не ясной. Что же касается ГТУ, то, судя по всему, только глубокой осенью 1922 г. Контрразведывательный отдел ГПУ и его 8-й отдел (в начале 1923 г. в результате реорганизации получившего новый номер — 5-й) предприняли попытку установить такой контроль. Начальник КРО ГПУ А. Х. Артузов направил тогда письмо заместителю наркома внешней торговли М. И. Фрумкину, в котором потребовал дать распоряжение подведомственным НКВТ учреждениям о предоставлении сведений «как об объектах экономической охраны, так и об оперативных заданиях по этой охране» для разработки «соответствующих приказов»³.

¹ Подробнее см.: Филиппов Э. М. Северо-Западный пограничный округ: История и современность. СПб., 2000. С. 13–27.

² Описание деятельности агитационно-просветительного отдела КПФ за 10.9–31.12.1918. 20.2.1919 (ЦГА ИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 116. Л. 45).

³ Письмо А. Х. Артузова, Розанова М. И. Фрумкину, 16.11.1922 (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 14. Д. 173. Л. 4).

Следует, впрочем, признать, что в этом вопросе не обошлось без инициативы снизу. Инспектор Петрозаводского таможенного участка С. А. Деменчук⁴ не был первым из таможенных чинов, кто обратился с письмом к Начальнику Таможенного управления, в котором подчеркивал, что «в интересах общей пользы дела» было бы целесообразным работу по борьбе с контрабандой на границах Кар[ельской] коммуны проводить под председательством ГПУ»⁵. Наркомат внешней торговли и его представители на местах без воодушевления отнеслись к такому развитию событий. Попытки найти компромисс, который мог бы быть принят ОГПУ, привели к тому, что на заседании Петроградской окружной комиссии по борьбе с контрабандой в декабре того же года было принято решение предложить «ввести на должность помощника местного отделения ГПУ» заведующих таможенными постами (с учетом необходимости согласия ГПУ с предлагаемой кандидатурой), которые будут заниматься только вопросами экономической борьбы⁶.

Противоречия между ГТУ НКВТ и ОГПУ в начале 1920-х гг. проявлялись при решении самых разных вопросов, в частности, при создании особых, выдвинутых к границе постов по борьбе с контрабандой. Так, после принятого под давлением ОГПУ Центральной комиссией по борьбе с контрабандой решения о ликвидации районных комиссий в Сестрорецке, Шлиссельбурге, Кронштадте и Белоострове (декабрь 1922 г.), Петроградская окружная комиссия оставила «открытым вопрос» о сотрудничестве с «выдвинутыми ГПУ в Лемболово и Коркомайки [Коркеаеяйки]» постами по борьбе с контрабандой, согласившись только на образование такого поста в Лахте.

Противоречия сказались и в наиболее щепетильной сфере, а именно — в сфере агентурной работы. Борьба с «экономической контрабандой» предусматривала ряд методов с привлечением сотрудников Таможенного управ-

⁴ Сильвестр Львович Деменчук (род. в 1871 г.) был «специалистом таможенного дела с большим дореволюционным стажем (в отличие, например, от своего прямого начальника — председателя Петроградской окружной комиссии по борьбе с контрабандой латыша Адольфа Робертовича Миллера (род. в 1894 г.) — бывшего студента Санкт-Петербургского агрономического института). Присущий Деменчуку прагматизм, основой которого, определенно, являлся огромный житейский опыт, выделял его из среды многих сослуживцев по таможенному ведомству, предпринимавших безнадежные усилия по отстаиванию интересов ГТУ и его органов в борьбе за распределение ролей с ОГПУ. Сам Миллер проработал на высоком посту недолго — с конца 1923 г. по июнь 1924 г., когда в результате партийной «чистки» Бюро Ленинградского губкома РКП(б) приняло решение о замене Миллера его заместителем Разореновым. Официально поводом служило избрание Миллера членом правления Трудосоюза, действительной же причиной являлось его «непартийное поведение» (ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 115. Л. 61; Д. 116. Л. 4).

⁵ Доклад С. А. Деменчука А. И. Потяеву, 27.11.1922 (Там же. Д. 148. Л. 1).

⁶ Протокол № 2 от 6.12.1922 заседания Петроградской окружной комиссии по борьбе с контрабандой (Там же. Л. 16).

ления, в том числе предусматривалась и необходимость их «командирования за кордон» для выполнения специальных заданий «по выявлению каналов поступления незаконно ввозимых на территорию Советской Республики товаров». Со времен подчинения Комиссариату Торговли и Промышленности также предусматривалось выполнение сотрудниками пограничной охраны разведывательных функций. Для подобного рода целей в наркомате имелся штат «особо уполномоченных агентов, доносителей и т.п. лиц», услуги которых оплачивались из «особо назначаемых для сего средств», в том числе предусмотренных «для ведения местной агентуры». Иными словами, пересечения в работе с компетентными органами избежать было трудно. Первый из известных нам случаев недовольства ОГПУ наличием «конкурента» относится к январю 1923 г. Тогда помощник начальника КРО ГПУ Патаки довел до сведения Таможенного управления НКВТ, что Государственное политическое управление «находит нежелательным предоставление начальникам таможенных округов права выдачи, под личную их ответственность, сотрудникам Окружных таможенных управлений и таможен разрешений на кратковременные до 7 дней отлучки за границу» с целью выявления «организаторов притонов и шаек контрабандистов, а также их приемов и ухищрений», поскольку это «выясняется агентурным порядком органами ГПУ и Разведупра»⁷.

В это же время урезаны были, если так можно сказать, «территориальные права» НКВТ. Если ранее подчинявшиеся Наркомату торговли и промышленности «призываемые к охране границы» войсковые части имели право «останавливать для осмотра все подводы и экипажи, на коих провозятся товары или проезжают пассажиры в пределах 21-верстной пограничной полосы» (на Карельском перешейке это означало возможность осуществления контроля практически на всей территории от Белоострова до Петрограда)⁸, а, кроме того, в распоряжении наркомата имелась разветвленная сеть оперативных таможенных постов вблизи самой границы, то в 1923 г. в соответствии с новыми «директивами Центра» от 4 мая и 27 июня положение было существенно изменено. Наличие в пределах 7½ км приграничной полосы таможенных органов к борьбе с экономическими преступлениями не допускалось. Эта территория стала «зоной ответственности» исключительно органов ГПУ, и в ней прекращали свое существование (за редким исключением, например, в Шлиссельбурге) все т.н. оперативные таможенные посты. Вне пределов этой полосы борьба должна была осуществляться «в тесном кон-

⁷ Письмо Патаки, Розанова А. И. Потяеву, 4.1.1923 (Там же. Д. 173. Л. 8).

⁸ Инструкция войсковым частям, призываемым к охране границы. Б.м., 1920. Пунктом 5-й данной инструкции предписывал: «Преследовать прорвавшуюся контрабанду войска обязаны до тех пор, пока не достигнут ее». Эта формулировка ставила под сомнение необходимость в строжайшей фиксации каких-либо параметров приграничных зон.

такте» ГПУ и Таможенным управлением⁹. В том же 1923 г. ОГПУ было подготовлено новое «Положение об охране границы СССР»¹⁰.

Разграничение «территориальных прав» обуславливалось не только необходимостью лучшей организации борьбы с «политической контрабандой» со стороны ГПУ. Одна из причин была до удивления прозаической: у ГПУ имелись сложности с финансированием, в том числе и своих приграничных служб. В соответствии с установившимся правилом, при задержании контрабандиста полагалось отчисление определенного процента со стоимости его товара «выявившему врага» таможеннику. В начале 20-х гг. сумма, получаемая таможенником только от одного задержания, иногда могла превышать годовой оклад. Именно это стимулировало заинтересованность ГПУ в устранении с территории, на которой, как правило, происходило наибольшее число задержаний, своего конкурента. О результатах, достигнутых уже в 1923 г. благодаря «переделу», свидетельствуют следующие цифры¹¹:

	Задержания контрабанды	ГПУ	Таможенное ведомство
1	В Мурманске *	2564 руб. 61 к.	1454 руб. 64 к.
2	В Карелии	830 руб.	46 руб. 6 к.
3	На Карельском перешейке	28126 руб. 56 к.	728 руб. 17 к.
4	По Кронштадту	6753 руб. 13 к.	—

* Годом ранее председатель комиссии по внутренней торговле при Совете Труда и Обороне А. М. Лежава успокаивал ГТУ НКВТ, что контрабанда — «этот товарообмен», который на Мурмане «широко используется финскими колонистами, более энергичными и деятельными, чем население Мурмана; «особенно большого хозяйственного значения не имеет» (Письмо А. М. Лежавы в ГТУ НКВТ, 15.3.1923 (Там же. Д. 172. Л. 76)).

В последующие годы «рублевое» соотношение успехов двух конкурирующих ведомств сохранялось. В качестве примера можно привести зафиксированный контрольной комиссией НК РКИ в ЛВО весной 1925 г. факт: 92% полученных при задержании контрабандных товаров в 1924 г. приходилось на долю ОГПУ и только 8% — на таможенные органы¹². Самым «хлеб-

⁹ Протокол № 17 от 14.7.1923 заседания Петроградской окружной комиссии по борьбе с контрабандой (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 14. Д. 148. Л. 153).

¹⁰ Приказ ОГПУ от 24.9.1923, № 396/551/94 и приложение к нему «Положение об охране границ СССР» (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 80. Д. 198. Л. 1–5). В соответствии с «Положением» устанавливались особые пограничные полосы: на суше — 4-х метровая пограничная, 500-метровая, 7½, 16 и 22-ти километровые пограничные полосы, на море — 12-мильная.

¹¹ Журнал № 2 заседания фракции РКП(б) Конференции работников Ленинградского таможенного округа, созванной 4.7.1924 (Там же. Д. 285. Л. 81).

¹² Заключительный акт рабочей комиссии по обследованию борьбы с контрабандой в Ленинградском военном округе, 6.4.1925 (Там же. Д. 336. Л. 154 об.).

ным» участком советско-финляндской границы был Белоостровский (недолгое время в 1923–24 гг. именовавшийся Красноостровским). Именно здесь в то время ГПУ прибегло к т.н. «комбинированной» форме охраны границы, когда помимо собственно пограничной охраны действовал еще отдельный отряд ГПУ¹³. Результаты «реформы» оказались настолько эффектными, что Красноостровская таможня в ноябре–декабре 1923 и январе 1924 г. не смогла поймать ни одного контрабандиста, что было расценено таможенным руководством как «полное нерадение и халатное отношение к делу»¹⁴. Попытки местных таможенных властей доказать руководству в Москве, что предусмотренное «территориальным переделом» закрытие всех постов по борьбе с контрабандой, «силами которых, главным образом, и велась на границе борьба с контрабандой», иного результата дать и не могло, успехом не увенчались. Из переписки Ленинградского таможенного округа с «Центром» явствует, что к тому времени вся агентурная сеть на Карельском перешейке, использовавшаяся для борьбы с экономическими преступлениями, полностью перешла к ГПУ¹⁵. Однако ссыла на эти обстоятельства в Москве была признана несостоятельной, и ленинградские таможенные власти получили указание принять необходимые шаги для «создания полного контакта и дружной работы» с ОГПУ¹⁶.

¹³ Протокол № 25 заседания Ленинградской окружной комиссии по борьбе с контрабандой, 5.2.1924 (Там же. Д. 255. Л. 113).

¹⁴ Письмо Клеймана (помощник начальника Главного таможенного управления далее — ГТУ) в Управление Ленинградского таможенного округа, 31.1.1924 (Там же. Д. 285. Л. 6). Позднее было решено возбудить вопрос перед ГПУ о снятии выговора с начальника таможни, поскольку его вины в таком положении дел не было; причиной же «недозадержаний» (мы используем официальную терминологию), якобы, являлись «непролазные в то время снежные сугробы на границе, поросшей лесом». По неизвестным причинам не были упомянуты, как обычно, незамерзающие Мустоловские болота; также был опущен естественный вопрос о глубине сугробов годом ранее. Вместе с тем, стоит учитывать, что таможенные органы испытывали те же и не меньшие трудности, что и ГПУ: дефицит подготовленных для выполнения специфических задач кадров, «не надлежащее» исполнение сотрудниками своих должностных обязанностей и т.д. Особенно остро эти проблемы стояли перед таможенным руководством в Карелии. По признанию инспектора Петрозаводского таможенного участка на таможенные посты «в силу необходимости посылались люди совсем не подготовленные... в большинстве — финны, люди малограмотные и совсем не владеющие русской речью», «говорить о проявлении ими инициативы и продуктивности в работе» не приходилось (Рапорт С.А. Деменчука в Таможенное управление НКВТ, 12.2.1923 (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 14. Д. 148. Л. 76)).

¹⁵ Письмо А.Р. Миллера (начальник Ленинградского Таможенного округа) в ГТУ, 12.2.1924 (Там же. Д. 284. Л. 12–12 об.).

¹⁶ Письмо Долженко (заместитель начальника ГТУ) А.Р. Миллеру, 8.3.1924 (Там же. Л. 21).

Занятие контрабандой преследовалось по закону. Однако, если в соответствии с декретом СНК от 8 декабря 1921 г. «О борьбе с контрабандой» революционным трибуналам рекомендовалось при вынесении приговоров по этим делам «применять как общее правило, лишение свободы со строгой изоляцией на срок не менее 3 лет и высшую меру при отягчающих обстоятельствах», то в Уголовном кодексе 1922 г. выделившим два вида контрабанды — простую (ст. 97, ч. 1, предусматривавшая принудительные работы на срок до 3 месяцев или штраф в 300 рублей золотом) и квалифицированную (контрабанда в виде промысла, контрабанда определенных предметов, ст. 97, ч. 2, предусматривавшая лишение свободы на срок не менее трех лет со строгой изоляцией или высшую меру наказания). Жесткость в отношении «промысловиков» косвенно свидетельствовала о том, что результаты их «трудов» стали вызывать особое беспокойство.

В связи с переходом всей работы по борьбе с контрабандой к ГПУ, таможенники некоторое время довольствовались сбором информации о лицах, занимающихся на советской стороне границы этим видом «жизнеобеспечения». Речь идет о т.н. «регистрации лиц, занимающихся контрабандой». «Алфавиты контрабандистов» стали вестись с конца 1922 г. во всех таможенных учреждениях. Однако, единой системы учета не существовало. В 1924 г. ОГПУ подняло вопрос о введении такого единого учета в пределах округов. Когда же в 1925 г. в подготовленном Секцией внешней торговли Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции докладе было выдвинуто требование введения единой для страны системы, то в Наркомате внешней торговли встретили его в штыки, поскольку «в неизжитый до сих пор период массовой (и в не малой степени на многих участках — бытовой) контрабанды — вещь явно неслучайная», утверждая, что «такой учет будет иметь смысл и оправдывать затраты труда и времени лишь при более или менее твердой специализации контрабандного промысла, то есть когда контрабандистов будет задерживаться по округу примерно 80–100 человек в месяц, а не 1000–1500, как сейчас»¹⁷.

В нашем распоряжении имелись, к сожалению, лишь разрозненные сведения о ведении «алфавитов» в приграничных с Финляндией районах. Так, в районе той же Белоостровской таможни за октябрь месяц 1924 г. было зарегистрировано 9 лиц, а всего «с начала момента регистрации» — 137¹⁸ (когда точно были начаты мероприятия по «регистрации контрабандистов» в этой таможне не известно).

¹⁷ Замечания НКВТ по докладу Секции внешней торговли НКРКИ о результатах обследования дела по борьбе с контрабандой, 1925 г. (ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 983. Л. 12, 20–21).

¹⁸ Сведения о ходе борьбы с контрабандой в районе Белоостровской таможни за октябрь 1924 г. (Там же. Д. 283. Л. 6).

От «рублевой» оценки эффективности работы со временем (к началу 1925 г.) было решено отказаться. Первым шагом к отказу от невыгодного казне показателя работы стали все более частые задержки с выплатой комиссионных отличившимся сотрудникам, урезание размеров выплат, а иногда и отказ в них, что в ряде случаев влекло за собой обращение в суд ущемленных в правах работников. Сотрудники Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, не менее бдительные, чем сотрудники компетентных органов в блюденнии интересов Советской республики предложили свое обоснование неизбежности такого отказа: «Дальнейшая успешная работа по б/к [борьбе с контрабандой] требует чрезвычайно точной методичной и систематической постановки агентуры, осведомления, следствия и учета и в своей повседневной практике неизбежно переплетается и будет переплетаться с целым рядом других отраслей оперативной работы органов ОГПУ (главным образом с закордонным осведомлением и шпионажем). Поэтому в последующей работе правильным критерием для оценки борьбы с контрабандой должно служить не количество задержаний контрабанды, каковая с каждым месяцем будет неизбежно сокращаться, а число ликвидированных контрабандных организаций и лиц, систематически занимающихся водворением таковой в пределы СССР»¹⁹.

Доступные материалы не позволяют дать описание тому, как в ОГПУ отнеслись к выраженной инспекторами радужной надежде на неизбежное сокращение «с каждым месяцем» контрабанды. Возможно, внутреннее удовлетворение от косвенного признания авторитетным государственным институтом немалых возможностей ведомства и веры в успех несколько омрачалось более глубоким знанием истинного положения дел. Выдвинуть такое предположение позволяет сделанная пару месяцев спустя оценка ситуации уполномоченным ОГПУ и НКВД по борьбе с контрабандой при Ленинградском военном

¹⁹ Заключительный акт рабочей комиссии по обследованию борьбы с контрабандой в Ленинградском военном округе, 6.4.1925 (Там же. Д. 336. Л. 154–154 об.). Стоит отметить и особое заключение комиссии по вопросу о возможности существования «параллельного ОГПУ агентурно-осведомительного аппарата в каком-либо другом карательном или фискальном советском органе». Это было сочтено нежелательным. (Там же. Л. 155). Сам цитируемый документ интересен (в своем черновом варианте) еще несколькими оценками. Признание, что, например, контрабанда в Сестрорецком районе является "по существу чисто подсобной отраслью и маскировкой шпионской работы и самостоятельного значения, специально контрабандного не имеет», дополнялось утверждением, что «благодаря принятым мерам» «потребительская контрабанда по всему [Ленинградскому] округу почти совершенно прекратилась и в настоящее время резко выкристаллизовалась в промыслово-профессиональную». (Заключительный акт рабочей комиссии по обследованию борьбы с контрабандой в ЛВО, 6.4.1925 (черновой вариант) (ЦГА СПб. Ф. 8. Оп. 3. Д. 28. Л. 75)).

округе в отношении того же Сестрорецкого участка, состояние дел на котором послужило основой для выводов комиссии НК РКИ. «Благодаря скверным географическим условиям границы с Финляндией, контрабанда не носит здесь массового характера и указать с уверенностью пункты частых задержаний нет возможности, ибо на данном участке контрабанда проходит настолько организованным порядком, что контрабандисты принимают меры, дабы не создавать постоянных пунктов переходов»²⁰. Небезынтересно отметить, что на советско-латвийской и советско-эстонской границе провалы в работе по борьбе с контрабандой объяснялись именно массовым (правда, опять же организованным — обозами по сотне возов с пулеметным охранением) характером «незаконного товарообменного движения»²¹. На советско-финляндской границе контрабандисты довольствовались револьверами, иногда охотничьими ружьями, не сбивали большие обозы, предпочитая переходить границу небольшими группами. Так, в апреле 1923 г. Выездная сессия № 4 Военного трибунала Балтийского флота и Кронштадтской крепости рассмотрела в открытом судебном заседании дело Андрея Утту, Исаака Кауненена, Андрея Христиановича и Карла Христиановича Никонен и их товарищей, попытавшихся в конце января ввезти на трех санях 20 пудов сахара. Впрочем, финские контрабандисты порой отличались бесстрашием. В январе 1928 г. Соломон Утту и Ялмар Лемпийнен, одетые в белые маскировочные халаты и задрапировав сани, на которых везли шелковые платья, дамское шитье и пр., белой материей, не испугались, попав в районе одного из кронштадтских фортов под обстрел, но провалили кордон и, как сообщалось, «достигли тыла пограничников»²².

Справедливости ради не следует забывать, что географические условия границы с Финляндией действительно сильно отличались от латвийского и эстон-

²⁰ Отчет о деятельности объединенного отдела при уполномоченном ОГПУ и НКВД по борьбе с контрабандой в ЛВО в период с 1 апреля по 30 июня 1925 г. (Там же. Д. 283. Л. 90).

²¹ См.: «... Выявлены следующие базисные контрабандные склады». Публ. и комментарии А. И. Рупасова // История России: исследования и размышления. СПб.: Европейский дом, 2006. С. 430–440.

²² Лемпийнен не отсидел полностью отведенные ему 2 года со строгой изоляцией, он в месте с Павлом Утту и Карлом Нисси бежал из колонии в Волосово. Ему и Утту тогда удалось перебраться в Финляндию, а Нисси не повезло — он был задержан и повторно осужден. Однако, от занятия контрабандным промыслом Лемпийнен и Утту не отказались. После очередной ходки в советскую Россию были арестованы и 6 июня 1929 г. в открытом заседании Военного трибунала ЛВО были осуждены на 8 лет со строгой изоляцией с конфискацией имущества. Лемпийнену, помимо этого, добавили 5 месяцев и 20 дней — тот срок, который он «недоотбыл» в колонии в Волосово. Кроме того, трибунал вынес постановление о неприменении к подсудимым амнистии к 10-й годовщине Октябрьской революции. Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев 9 июля 1929 г. кассационную жалобу, оставила приговор трибунала в силе.

ского секторов российской границы: здесь бессмысленно было натягивать в кустах веревочки с колокольчиками, звеневшими, когда неосторожный контрабандист задевал «сигнальную систему» ногой. Необходимо также заметить, что сетования советских пограничных властей на активность контрабандистов на советско-финляндской границе подразумевали со второй половины 20-х гг. прежде всего «финский элемент», поскольку неоднократные чистки приграничных советских сел от вредных элементов все же дали результат, который был отмечен даже полицейскими властями Финляндии²³. Но в данном случае речь, конечно же, идет о сухопутной границе. Ситуация в секторе Финского залива складывалась иначе. По косвенным данным встречные потоки контрабанда здесь были равновелики. Именно этим путем, в частности, попадали в Финляндию наркотические средства. Занятие контрабандой было настолько выгодным делом, что им не брезговали и те, кто, по сути, должен был являться опорой общественного строя в Финляндии — шюцкоровцы. В 1920 г. из личного состава шюцкоров Терийоки и Кивеннапы были за участие в контрабандных операциях отчислены полтора десятка человек²⁴.

В рамках общего «улаживания» государственных отношений с Финляндией советское правительство осенью 1924 г. сочло желательным проведение переговоров о заключении двустороннего соглашения о совместной борьбе с контрабандой. На заседании СНК СССР 11 ноября был даже утвержден проект этого договора²⁵, в котором, в частности, предусматривалась обязанность сторон в целях борьбы с контрабандой «держат пограничную охрану на протяжении всей пограничной линии» и не допускать «оставления вдоль границы свободной для передвижения товаров пограничной зоны»; кроме того, считалось желательным, чтобы «в пределах пограничной полосы на 22 километра внутрь страны» обе договаривающиеся стороны приняли на себя обязательство не допускать устройства лавок и складов, в том числе и кооперативных всевозможных товаров, могущих быть предназначенными для вывоза в другое государство контрабандным путем»²⁶. Подобный масштаб

²³ Etsivän keskuspoliisin Terijoen alaosaston tilannekatsaus N 14, 30.8.1927 (КА. ЕК-Valpo I. Ryhmä XVI. Kansio 2763).

²⁴ *Markko Tikka*. Valkoisen hämärän maa? Suojeluskuntalaiset, virkavalta ja kanssa 1918–1921. Helsinki, 2006. S. 134.

²⁵ Выписка из протокола № 70 заседания СНК от 11.11.1924, п. 12; Проект соглашения о совместной борьбе с контрабандой между Союзом ССР и Финляндией (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 5. Д. 8. Л. 108–110).

²⁶ Данное пожелание было обусловлено той ситуацией в отношениях с Эстонией и Латвией, которую с большим трудом удалось частично устранить в 1923 г. Наркоминделу. Эстонские и латвийские власти допускали, а в ряде случаев и намеренно создавали в приграничной полосе т.н. «транзитные лавки», что в начале 20-х гг. способствовало всплеску массового контрабандного движения (иногда в месяц только задерживалось

мероприятий восторга у финской стороны вызвать не мог. Переговоры были начаты 26 января 1925 г. (тогда финской стороне был передан советский проект соглашения), но вскоре были прекращены. Некоторые договоренности были достигнуты в следующем году лишь в отношении борьбы с контрабандой (речь, прежде всего, шла о спирте) в Финском заливе, когда было подписано Тройственное советско-финско-эстонское соглашение (ратифицированное СССР лишь в августе 1929 г.).

Сдача позиций таможенным ведомством сопровождалась арьергардными боями. В 1924 г. им была предпринята безрезультатная попытка получить согласие Наркомата юстиции на создание при таможнях специальных судебных камер для разбора контрабандных дел. Получить право реализации, например, задержанного контрабандного спирта «без виз и разрешения органов Госспирта», галантерейных товаров и т.п. ГТУ также не удалось.

Задачи борьбы с «экономической контрабандой» на границе не относились к числу главных функций ОГПУ. Основными являлись борьба с «политической контрабандой» и разведка. И то, и другое подразумевало соответствующий уровень взаимодействия с Разведупром Штаба РККА, разведывательными отделами штабов ЛВО и Балтфлота²⁷, а также с финскими коммунистами. Сотрудничество с упомянутыми последними порождало, однако, немало проблем и забот для политического управления: от выдачи разрешений на переход границы, сбора сведений о прибывающих в СССР (для выявления агентов «финской охранки»²⁸) до предотвращения не санкционированных Москвой действий КПФ, поддержания в надлежащем порядке линий телефонной связи с «погранпунктами Росбюро ЦК КПФ»²⁹ и т.д. Стабили-

и штрафовалось до 4000 человек», количество же тех, кому удавалось беспрепятственно переходить границу, пограничная охрана и таможенные органы по борьбе с контрабандой не могли определить даже примерно).

²⁷ В нашем распоряжении было лишь ограниченное число материалов о работе перечисленных разведывательных служб. Возможно, относящийся к 1926 г. документ, озаглавленный «Работа Штаба Морских Сил Балтийского Моря» не является характерным, и ситуация в более поздний период изменилась к лучшему, однако в тот момент времени флотскому начальству приходилось констатировать, что получаемые им из Иностранного отдела Оперативного управления Штаба, ОГПУ и разведывательного отдела ЛВО сведения об иностранных флотах особой ценности для Балтфлота не представляют. «Сведений из центра за последнее время не получалось по интересующим Балтфлот вопросам <...> Отмечается поздняя информация о фортах ближайших соседей (обычно газета «Красный Балтийский флот» помещает эти сведения раньше)» (РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 480. Л. 43–44).

²⁸ Большое число ответов на подобные запросы содержится в фонде КПФ в РГА СПИ. См., напр.: РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2 (1935 г.). Д. 49. Л. 36, 44, 51, 52 и сл.

²⁹ Один из упомянутых пунктов находился на Карельском перешейке в Лемболово, его сотрудники поддерживали оперативную связь с 3-й погранкомендатурой (Записка

зация общей ситуации на границе в последовавшие за событиями зимы 1921–1922 гг. месяцы послужила поводом для ОГПУ к принятию на рубеже 1923–1924 гг. мер к разоружению «специализированных структур» финских коммунистов в приграничье. В январе 1924 г. ЦК КПФ извещал полномочного представителя ГПУ в Петрограде, что имеющееся оружие сохраняется «для особых надобностей партии», но ЦК готов отдать распоряжение об его сдаче российским органам³⁰. В последующие месяцы между ЦК КПФ и ОГПУ было достигнуто соглашение о сдаче имевшихся на погранпунктах финских коммунистов (в Лемболово и Белоострове) винтовок. ЦК КПФ просил оставить его сотрудникам короткоствольное оружие («Маузеры») ³¹.

Впрочем, хлопоты для ОГПУ, пускай частично, но окупались. Сотрудничество с КПФ было одним из источников получения информации, ценность которой была, правда, в подавляющей ее массе относительной. Центральный комитет КПФ ориентировал партийные структуры на территории Финляндии на сбор самых различных сведений. Например, одной из задач членов партии являлись «разведка, надзор и наблюдение за всей деятельностью шюцкоров», «ознакомление со всеми местными военно-техническими обстоятельствами», под которыми понималась «топография местности», точнее — ее «военно-географические особенности», и т. п. ³² Однако ведение подобного рода работы именно на приграничной территории, судя по всему, особых плодов не приносило ³³. Со временем выполнение задач в приграничной зоне становилось все более сложным и опасным. Так, в мае 1932 г. один из руководящих сотрудников КПФ признавался в своем отчете, что в «Выборгском округе очень тяжело работать, так как там 1) очень сильно работает охранка, 2) бегут наши члены в СССР» ³⁴. Особенно

А Вастена в ОКРО полномочного представителя ОГПУ в ЛВО 1926 г. (Там же. Оп. 2 (1926 г.). Д. 35. Л. 46)). Россбюро ЦК КПФ (секция Коминтерна) располагалось в середине 20-х гг. на Кронверкской ул., 59–29 (Ленинград).

³⁰ Письмо ЦК КПФ Мессингу, 19.1.1924 (РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2 (1924 г.). Д. 12. Л. 7).

³¹ Письмо К. Маннера, А. Вастена в ОКРО ПП ОГПУ в ЛВО (т. Салыню), 7.11.1924 (Там же. Д. 13. Л. 153).

³² Инструкция по организационному строению и ведению работы среди шюцкоров (Постановление ЦК КПФ, март 1924 г.) (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 1399. Л. 3–5).

³³ См. пункт «Kontrespionage in den Grenzgemeiden» in «Bericht über die Tätigkeit der Militar-sektion der Zentrale der Kommunistische Partei Finlands, Mai-Dezember 1924», 16.2.1925 (Там же. Л. 38, 39).

³⁴ Состояние парторганизации в Финляндии (данные т. Саари), 21.5.1932 (Там же. Д. 897. Л. 2). Работа разведывательных органов в Выборге на протяжении всего межвоенного периода особых плодов не приносила. Сотрудничество населения, как самого города, так и прилегающих территорий с властями по выявлению «красной заразы» приносило свои плоды. Когда НКВД в начале 30-х гг. предложил переуступить ОГПУ кон-

тяжелы для финских коммунистов были 30-е гг.: в ноябре 1932 г., в июле 1933 г., в феврале 1934 г. и т.д. осуществляемые Центральной сыскальной полицией аресты приводили к полному параличу работы «по военной линии». В периоды между арестами львиная доля усилий со стороны ЦК КПФ и его структур уходила на восстановление связей и подбор новых кадров «организаторов». В силу этого сбор требуемой информации в течение более или менее продолжительных периодов практически не осуществлялся. Военный отдел Политбюро КПФ в своем отчете за июнь 1933 г. констатировал, например: «Ни один из парторганизаторов не мог дать самых необходимых сведений о военных частях в их округах»³⁵. Спорадически получаемые материалы не отличались особой информативностью.

Исключительный прагматизм советских компетентных органов в вопросах сотрудничества с КПФ прослеживается и в таком деле, как направление руководству КПФ выписок из секретных заграничных сводок структурных подразделений ГПУ — политическому управлению требовалась перепроверка той или иной поступившей информации. В ряде случаев Контрразведывательный отдел полпреда ОГПУ в Ленинградском военном округе использовал каналы финских коммунистов для налаживания собственной агентурной сети. Так, мае 1926 г. исполняющий обязанности начальника этого отдела Шаров запрашивал в ЦК КПФ сведения на курсантов международной школы комсостава, которые были в Финляндию и состоят агентами в финохране»³⁶. Исчерпывающий ответ он получил в октябре того же года. Судя по запрашиваемым Политбюро ЦК КПФ у своих находящихся на нелегальной работе в Финляндии членов сведениям, советские компетентные органы (прежде всего в 20-е гг.) исходили из того, что финские коммунисты реально располагают возможностями получения секретной военной информации³⁷. Уровень взаимоотношений ОГПУ с КПФ находился в прямой зависимости от политической оценки международной ситуации политическим руководством СССР.

Принятое в феврале 1928 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановление об активной разведке, основой для которого послужило «установление более или менее нормальных дипломатических отношений с прилегающими к СССР странами» (иными словами, признавался отказ от прежней установки о воз-

сульство в Выборге (в НКВД сочли бессмысленными дальнейшие затраты на его содержание), последнее, дав первоначально согласие и даже подыскав кандидатуру на консульский пост из своих рядов, спустя некоторое время сочло за благо отказаться от дара внешнеполитического ведомства.

³⁵ О работе в армии. 1934 г. (Там же. Оп. 61. Д. 93. Л. 238).

³⁶ Письмо Шарова в Россбюро ЦК КПФ, 27.5.1926 (Там же. Ф. 516. Оп. 2. (1924 г.). Д. 13. Л. 52).

³⁷ Там же. Д. 17. Л. 746, 751, 752; Д. 27. Л. 27, 28, 28 об.

возможности новой войны через 3–4 года после окончания войны с Польшей и ликвидации врангелевской армии³⁸), было первым из шагов к свертыванию прежних масштабов военной подготовки финских коммунистов³⁹. Основой для обуздания излишней активности проживающих в СССР финских коммунистов послужила не только общая стабилизация межгосударственных отношений, но и настроения партийной массы. Как докладывал главе Коминтерна Г. Е. Зиновьеву Центральный Комитет КПФ, после проведенных в 1923 г. сысской полицией массовых арестов «руководящего кадра нашего движения», «товарищи, оставшиеся на местах» уверяли, что «без вооруженной помощи извне нечем заставить массу реагировать»⁴⁰. Потребность в оказании военной поддержки отпала не столько в силу неприятно поразившего ЦК КПФ факта апатии партийной массы, сколько, как выше уже отмечалось, из-за нежелания политического руководства СССР нарушить зыбкий покой. Поэтому, например, находившиеся в распоряжении представителя ЦК КПФ в Ухте т. Ю. Матеро оружие (винтовки, пулеметы, амуниция и пр.), которое «сохранялось для особых надобностей» финских коммунистов, в ход пущено не было.

Понятно, что взаимовыгодное сотрудничество ОГПУ и ЦК КПФ существовало прежде всего в таком вопросе, как установление новых линий нелегальных переходов границы, поскольку деятельность финских спецслужб не позволяла продолжительное время пользоваться одними и теми же маршрутами — «этапами». Однако подобное сотрудничество имело свои рамки. Поскольку довольно скудные условия существования в Советской России были известны членам КПФ, каждый переходящий границу финский коммунист, исходя из предстоящей житейской неустроенности, стремился захватить с собой некоторый минимум «товарных резервов/обменного фонда» под видом маскировки. Размеры этого «минимума» имели явную тенденцию к росту. Не устоявшее перед искушением задержать 60 логарифмических линейек, провозимых одним из сотрудников финской миссии в Москве, и перед конфискацией у членов советской делегации в одной из МКК купленных ими на собственную зарплату нескольких носильных вещей, ОГПУ решило проявить принципиальность и в отношении своих союзников, стремившихся пронести «лишний» фунт кофе, дюжину чулок, отрез материи и т. п. Летом 1924 г. председатель ЦК КПФ Куллерво Маннер был уведомлен о том, что «погранчасть

³⁸ Ворошилов К. Е. Будет ли война? М., 1930. С. 15.

³⁹ Протокол № 50 (особый № 37) заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 25.2.1925, п. 26 // И. И. Костюшко. Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944. М., 1997. С. 13–14.

⁴⁰ Отчет о деятельности КПФ председателю Коминтерна т. Г. Зиновьеву (август 1923–ноябрь 1924 г.) (РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2 (1924 г.). Д. 3. Л. 16, 17).

ПП ОГПУ в ЛВО» собирается провести следующую меру: все проносимые заграничными компартиями товары будут сдаваться в пограничные органы ОГПУ и оплачиваться по их действительной стоимости, а в последующем реализовываться через таможенно; вырученные же от продажи деньги будут поступать «в фонд по улучшению быта красноармейцев-пограничников»⁴¹. Судя по всему, ценовая разница между «действительной стоимостью» товара и выручкой от продажи должна была быть существенной, в противном случае не было необходимости прибегать к подобной мере. Установить, как был разрешен этот вопрос между КПФ и ОГПУ, нам не удалось⁴².

Количество людей, которые пользовались «этапами», колебалось год от года, завися как от международной политической ситуации, так и от обстановки в Финляндии⁴³ и экономической ситуации в России (колебания курса рубля, позднее — червонца, изменения в перечне дефицитных товаров широкого потребления и пр.)⁴⁴. Финским коммунистам постоянно приходилось «снова принимать меры к открытию новых линий»⁴⁵. Стоимость услуг проводников с финской стороны в середине 30-х гг. колебалась от 200 до 500 марок, «в зависимости от важности переходящей границу персоны»⁴⁶ (в середине 20-х подобного рода сервисная услуга обходилась дешевле). В документах Центральной сыскной полиции за май 1922 г. отложился интересный документ, характеризующий налаженность «транзитного бизнеса». Осведо-

⁴¹ Письмо заместителя начальника ЧПО ПП ОГПУ в ЛВО Хромова Маннеру. 13.6.1924. (РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. (1924 г.). Д. 13. Л. 135).

⁴² Для материальной поддержки членов компартии Финляндии финской секцией Коминтерна на территории СССР были организованы разного рода подсобные хозяйства. Только в феврале 1936 г. политическое руководство СССР сочло данную ситуацию «неправильной» и обязало «ИККИ в 3-х месячный срок ликвидировать все находящиеся на территории СССР подсобные хозяйственные организации секций Коминтерна, передав их соответствующим хозяйственным органам (Наркомлес, Наркомсовхозов, Промкооперации)» // Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922–декабрь 1936 / Сост. В. Н. Хаустов и др. М.: МФД, 2003. С. 738–741.

⁴³ Так, в 1933 г. в Финляндию, по данным КПФ, был отправлен нелегально 41 человек, а в СССР прибыло 50; в следующем году было послано 30 человек и 60 перешли на советскую территорию (Etsivän rajavartiolaitoksen selostus rajatoimi-nasta, 22.5.1935. Leningrad (РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2 (1931 г.). Д. 29. Л. 193)).

⁴⁴ См., например: Etsivän keskuspoliisin Terijoen alaosaston tilannekatsaus N24, 31.12.1926 (КА. ЕК-Valpo I. Ryhmä XVI. Kansio 2759).

⁴⁵ См., например: Мероприятия Загранбюро ЦК КПФ для улучшения связи и обеспечения конспиративности в ней. Проект. 1931 г. (РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. (1931 г.). Д. 29. Л. 3, 3 об.).

⁴⁶ Etsivän keskuspoliisin Terijoen alaosaston tilannekatsaus N 4, 5.5.1934 (КА. ЕК-Valpo I. Terijoen osasto. Kansio 123. Tilannekatsaukset 1929–1939).

митель сообщал, что баронесса Гротуус занята поисками желающих нелегально перебраться из Петрограда в Финляндию. Баронесса гарантировала безопасность переправки: из Петрограда до Белоострова пассажира проводил бы некий комиссар Соколов, далее от этой железнодорожной станции предстояла поездка на лошадях до границы, где пассажир передавался таможенникам⁴⁷.

Иногда советским властям приходилось иметь дело с несколько необычными людьми, незаконно пересекавшими границу. Особое совещание при Коллегии ОГПУ 21 января 1927 г. приняло решение о пересмотре принятого 4 января 1924 г. Постоянной комиссией НКВД по административным высылкам постановления в отношении финляндского гражданина Карла Петровича Ровио/Райло (в ОГПУ так и не удалось установить подлинную фамилию этого человека, иногда он именовался и Равио). Карла Райло, отбывающего трехлетний срок высылки на Урале, решено было под конвоем выслать из пределов СССР. Военнослужащий финской армии Карл Райло нелегально перешел на советскую сторону в июне 1923 г. в районе 1 пограничного отряда ПП ОГПУ в Петроградском военном округе. О себе Ровио-Райло на допросе поведал, что во время мировой войны «по личному желанию был послан финской буржуазной организацией в Германию, в школу «егерей», откуда в феврале месяце 1918 г. вернулся вместе с корпусом егерей в Финляндию по вызову финских белогвардейцев, т.е. правительства Маннергейма, для борьбы с финской рабочей красной гвардией, участвовал в боях против таковой в районе Рауту, Выборга и т.д., служба в Саво-Карельском егерском батальоне в чине фельдфебеля вплоть до октября месяца 1918 г.; после чего добровольно перешел на службу в егерский гвардейский батальон, в каковом прослужил до конца 1920 г., откуда был демобилизован и вновь добровольно перешел на службу в 1 батальон самокатчиков и в каковом пробыл в чине фельдфебеля до своего перехода в Россию». Причиной перехода границы он назвал то обстоятельство, что в Финляндии был приговорен военным судом к 1 году и 10 дням тюремного заключения по случаю его появления в пьяном виде на улице, бросания двух бомб-гранат и поломки стекол в одном из домов, ему представилась возможность скрыться из зала заседания суда до вынесения приговора, так как в зале суда он не находился под стражей, после чего он и бежал в Россию. Целью своего прихода в СССР он назвал желание проживать здесь и быть чем-нибудь полезным рабоче-крестьянской власти, в подтверждение чего предложил проекты собственного изобретения: 1) проект снаряда бризантного действия с дистанционным приспособлением к бомбомету, 2) проект приспособления для ручного метания гранат, 3) проекты мелкокалиберного оружия автоматического действия (пушка-пулемет) на постоянной установке,

⁴⁷ KA. EK-Valpo I. Ryhmä XXIA. Kansio 2823.

каковые проекты он изложил в чертежах, находясь под стражей. Однако, задержанный примерно в то же время при переходе границы гражданин Финляндии Капонен на допросе сообщил о слухах, что суд над Райло и его побег из зала суда были инспирированы финской контрразведкой⁴⁸.

Представленные КРО ОГПУ в Артиллерийский комитет Штаба РККА на рассмотрение вышеуказанные чертежи по проектам Равио-Райло (было получено заключение Артиллерийского комитета, устанавливающее, что идея снаряда, выбрасывающего сегменты, не представляет новизны, так как подобное устройство принято в РККА для зажигательных снарядов, и что проект снарядов не содержит в себе ничего секретного, ввиду чего снаряд предложенный изобретателем не представляет для нас ничего интересного). Сосланный в г. Щадринск фельдфебель-изобретатель добрался до места назначения ссылки, потребовал в направленной в Москву жалобе возвращения всех отобранных у него при аресте вещей, но когда дело дошло до рассмотрения этого вопроса, выяснилось, что тот в июле 1924 г. сбежал и попытки найти его не увенчались успехом. В силу этого, январское, 1927 г., решение Особого совещания при Коллегии ОГПУ осталось невыполненным.

Явный спад хождений через «кордон» финских коммунистов, по данным Центральной сысской полиции Финляндии, наметился именно в середине 30-х гг. В частности, Терийокский отдел Центральной сысской полиции осенью 1937 г. доносил в Хельсинки, что «на основании сообщений тайных осведомителей можно прийти к выводу, что использование приграничного населения в этапных целях со стороны КПФ» значительно снизилось по сравнению с 1935 г., хотя «шпионаж и продолжается»⁴⁹. Полиция полагала, что многочисленные провалы послужили усилению недоверия со стороны коммунистов к местному населению, и делала вывод, что «теперь жителей пограничной территории на Перешейке больше используют для шпионских задач, чем в качестве помощников КПФ»⁵⁰. О большинстве «этапов» компетент-

⁴⁸ В конце августа 1923 г. от заграничного осведомителя ОГПУ поступила следующая информация: «Карл Ровио Петрович был по какой-то причине зол на фельдфебеля Пенттиля. Пенттиля был в то время в Келломяках в военном складе, и Ровио бросил ручную гранату через окно склада с целью убить Пенттиля. Последний высочил вон через окно, выстрелом убил бывшего часовым у склада солдата, по ошибке думая, что часовой был в одной компании по бросанию гранаты вместе с Ровио... Ровио за умышленное намерение убить получил 12 лет каторги. После приговора, который был обжалован в высшем суде, Ровио скрылся в Россию... Ровио был на свободе под поручительством каких-то господ, почему он и воспользовался случаем в свою пользу». Сведения были получены от поручика Пюехкена «за вознаграждение».

⁴⁹ Etsivän keskuspoliisin Terijoen alaosaston tilannekatsaus N 11, syyskuulta 1937 (Ibid. Ryhmä XXVII. Kansio 2914).

⁵⁰ Etsivän keskuspoliisin Terijoen alaosaston tilannekatsaus N 1, tammikuulta 1937 (Ibid.).

ные финские органы узнавали *post factum* (в 1934 г., например, только на Карельском перешейке было отмечено 17 новых этапных линий), поэтому количество осужденных за преступную «этапную» деятельность жителей приграничья — 109 человек за 1929–1933 гг. — не может свидетельствовать о подлинном масштабе деятельности финских коммунистов и советской разведки⁵¹. Сортавальский подотдел сыскной полиции осенью 1933 г. был вынужден с прискорбием констатировать, что с границы потоком, но с большим опозданием поступают сведения о встречах агентов ГПУ, о переходах через границу, противодействовать чему невозможно, так как силы полиции невелики⁵². Однако отрывочные сведения не позволяют делать какие-либо предположения о количестве собственно агентов ГПУ, которые пользовались этими этапами. Анализируя политическую ситуацию на границе несколькими годами ранее, тот же самый Терийокский отдел, констатировал существующую в Сыскной полиции озабоченность тем, что, если об этапной деятельности финских коммунистов удавалось получать достаточно подробную информацию, то в очень незначительной степени удавалось воспрепятствовать работе этапов, которыми пользовались ГПУ, Штаб РККА и разведотделы Ленинградского военного округа и Балтийского флота. Вывод делался довольно безотрадный: «Понятно, что границу никогда не удастся закрыть настолько герметично, чтобы в ней вовсе не оставалось дыр и чтобы наши противники не находили все новых и новых средств для засылки сюда своих людей». Единственным способом ограничить размах деятельности разведки противника виделся автору документа в том, чтобы очистить приграничную территорию от политически опасных элементов⁵³.

Помимо вышеперечисленного в функции пограничной охраны входило и предотвращение незаконных переходов границы в Финляндию. Реальных возможностей (в силу малочисленности самой охраны и природно-географических условий) для создания непроницаемой границы не существовало. Урон престижу советской власти приносили далеко не единичные случаи удачных побегов в Финляндию заключенных с Соловецких островов, с лесозаготовок в Карелии и со строительства Беломорско-Балтийского канала. Именно подобные факты использовал в своей ноте исполнявший обязанности министра иностранных дел Аксель Солитандер, отводя обвинения совет-

⁵¹ Etsivän keskuspoliisin Terijoen osaston Pro Memoria, 4.10.1934 (Ibid. Ryhmä XVI. Kansio 2758).

⁵² Sortavalan alaosaston tilannekatsaus N 8, lokakuulta 1933 (Ibid. Ryhmä XXXIV. Kansio 3059).

⁵³ Terijoen osaston Pro Memoria, 4.10.1934 (Ibid. Ryhmä XXVII. Kansio 2914. 48). См. комментарий к решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 20.9.1930 «О ноте Финляндии» (Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 185–189).

ской стороны в пособничестве финских властей т.н. «переброскам» неугодных активистам людей через советско-финляндскую границу⁵⁴. Постепенное усиление в течение 30-х гг. «непроницаемости» границы с советской стороны (путем высылки населения из приграничных районов, строительства заграждений из колючей проволоки и т.п.), повлекшее значительное сокращение вообще переходов границы с советской стороны, послужило основой для вывода финских компетентных органов: на границе никого, кроме представителей КПФ и ОГПУ–НКВД, появиться не может. Поэтому, когда, например, 22 августа 1936 г. границу перешел офицер запаса РККА, «выпускник института физической культуры» В. П. Матросов, заявивший, что он представляет созданную в Москве национал-социалистическую организацию (из 6 доверенных лиц), целью которой является свержение советской власти с использованием террористических актов, а переход в Финляндию предпринят для установления связи с руководством германских нацистов и поддерживающими их русскими эмигрантскими кругами, представителей которых хотели бы видеть в Москве, то к нему в сыскальной полиции, памятуя о «Тресте», отнеслись как к провокатору⁵⁵.

С финской стороны охрана большей части границы первоначально оказалась доверенной шюцкорам и отрядам добровольцев. Только на Карельском перешейке выполнение этой задачи было возложено на регулярные войсковые части. Генеральный штаб уже летом 1918 г. стал добиваться того, чтобы выполнение этой задачи было поручено другому ведомству. В качестве причины была названа недостаточность отпускаемых финансовых средств для выполнения не только чисто военных, но и полицейских задач. В итоге охрана границы была отнесена к компетенции министерства внутренних дел, которое и приступило к организации пограничной охраны. Однако складывавшаяся внешнеполитическая и военная ситуация вынудила армейское руководство изменить свой взгляд на этот вопрос. Хотя с 1 сентября 1918 г. пограничная охрана находилась в подчинении военного ведомства, процесс формирования частей затянулся. Только в октябре на Карельском перешейке приступил к охране границы сформированный из состава 2-й дивизии батальон со штабом в Терийоках. Однако по прошествии всего нескольких месяцев стало очевидным, что наиболее актуальными становятся исключительно полицейские аспекты охраны границы. Поэтому военное командование, поддержанное губернаторами приграничных губерний, снова выступило с инициативой передачи пограничной стражи в МВД. Положительное решение по

⁵⁴ См. комментарий к решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 20.9.1930 «О ноте Финляндии» (Кен О. Н., Рунатов А. И. Указ. соч. С. 185–189).

⁵⁵ Etsivän keskuspoliisin Terijoen osaston tilannekatsaus N 8, elokuulta 1936 (КА. ЕК-Valpo I. Ryhmä XXXIV. Kansio 3059).

этому вопросу было принято Государственным советом Финляндии 1 апреля 1919 г.⁵⁶

Ряд приграничных общин Выборгской губернии были выделены в особую пограничную территорию, управление которой было возложено на пограничного коменданта (во время событий лета 1919 г. он был подчинен военному командованию). С января 1920 г. по апрель 1921 г. охрану границы от Койвисто до Ладоги (т.е. на Карельском перешейке) нес уже не батальон, а полк. Отношения его личного состава с местным населением складывались непросто. Полковой пастор с горечью говорил о постоянных проделках местных жителей (имелась в виду контрабанда) в приграничных селах, где не найти дома, из обитателей которого хотя бы один человек не сидел бы в тюрьме, о том, что стоило стражнику чуть-чуть либеральнее отнестись к своим обязанностям — и у него не меряно денег и вина. Командование полка, как и выборгский губернатор, было раздосадовано тем, что Верховный военный суд отказывался квалифицировать контрабанду как измену родине⁵⁷.

Погранкомендант неоднократно издавал распоряжения, ограничивающие свободу передвижения в приграничном районе (Rajamaa)⁵⁸. С особым тщанием контролировалось передвижение проживающих в пограничном районе русских. Так, например, с конца июня 1920 г. им для этого требовалось, помимо документа синего цвета за подписью выборгского губернатора, разрешающего проживание в этой зоне, получить у погранкоменданта специальное разрешение на поездку (документ красного цвета). Те же «русские и другие иностранцы», которые являлись обладателями выданного комендантом «временного свидетельства на жительство» (документ зеленого цвета) вообще были лишены права покидать место своего проживания. Всем остальным не проживавшим в приграничной зоне постоянно (в том числе и финнам) также требовалось для поездки в зоне разрешение погранкоменданта (документ белого цвета)⁵⁹. Для получения разрешения на поездку за линию Витикала – село Уусикиркко – железнодорожная станция Уусикиркко – Лиикола – Лехтокюля – Валкъярви – Нурмиярви – железнодорожная станция Рау-

⁵⁶ Suomen puolustuslaitos 1918–1939. Puolustusvoimien rauhan ajan historia. Porvoo, Helsinki, Juva. 1988. S. 126–127.

⁵⁷ Martti Turtolla. Erik Heinrichs — Mannerheimin ja Paasikiven kenraali. Helsinki, 1988. S. 74–76.

⁵⁸ Пограничный район охватывал территории следующих приходов: Терийоки, Кивеннапа, Метсъяпиртти, Уусикиркко, Муола, Валкъярви, Саккола, Койвисто, Куолемяярви, Пюхьярви, т.е. тех приходов, которые были объявлены 17 декабря 1920 г. на военном положении.

⁵⁹ Kuulutus ulkomaalaisten matkustamisesta Rajamaan alueen sisäpuolella, 20.6.1920 (ЛОГАВ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

ту – Тайпале – Ладога следовало подавать письменное заявление, к которому прилагалось согласие местного полицейского начальства⁶⁰. В августе 1920 г. последовали ограничения на плавание судов вдоль части побережья Перешейка. С 8 часов вечера до 4 часов утра запрещалось плавание судов вдоль побережья на участке Ино – Раййоки⁶¹. Кроме того, вблизи границы с Россией запрещалось любое передвижение гражданских лиц с 11 часов вечера до 5 часов утра (в Терийоках — с 12 часов ночи). За нарушение мог быть наложен штраф до 1000 марок⁶².

Заключение Тартуского мирного договора в очередной раз изменило подчиненность погранкоменданта на Перешейке — из военного ведомства в МВД. В начале следующего года управление погранкоменданта было объединено с органами таможенной полиции⁶³. Данный симбиоз подчеркивался введением новой служебной формы — армейская униформа и кокарда таможенника⁶⁴. Организация пограничной охраны на восточной границе Финляндии также находилась в состоянии перманентных преобразований, причиной которых была не только общая военно-политическая ситуация, но и недостаточное бюджетное финансирование и трудности с пополнением кадров. В силу этих причин осенью 1921 г. правительство было вынуждено не только значительно сократить личный состав пограничной стражи, но и перейти к такому методу, как вербовка.

Вдоль восточной границы до 1925 г. было пять финских погранотрядов. После передачи задач по охране границы в Петсамо Лапландскому погранотряду их осталось четыре (помимо упомянутого — отряды со штабами в Кайнуу, Салми и Йозенсуу). Принятый эдускунтой 17 апреля 1931 г. закон и декрет президента от 22 января 1932 г. определяли функции и структуру пограничной охраны именно на восточной границе и не касались Карельского перешейка (соответствующие законодательные акты в отношении погранотряда на Перешейке были приняты в 1936 г.)⁶⁵.

Помимо погранохраны и таможенных служб свои интересы на границе имели военное ведомство и Центральная сыскающая полиция. Каждое из этих ве-

⁶⁰ Kuulutus matkaluvista Rajamaan eteläosaan, 14.6.1920 (Там же. Л. 1 об.).

⁶¹ Kuulutus merellä liikkumisesta rantaosalla Ino-Rajajoki, 17.8.1920 (Там же. Л. 7).

⁶² Kuulutus liikkumiskiellosta yöllä määrättyllä alueella lähinnä rajaa (Там же. Л. 8).

⁶³ Ранее — в 1918–1920 гг. — таможенные службы (на Карельском перешейке и на Ладоге имелось 15 таможенных постов, на которых работало около 100 человек персонала) сохраняли свою самостоятельность.

⁶⁴ Лишь в 1933 г. МВД поставило вопрос о том, чтобы таможенные функции были изъяты из компетенции погранотряда на Перешейке в связи с тем, что с этим вполне справлялась Раййоокская таможня. Однако принятие решения затянулось до 1936 г.

⁶⁵ *Reino Arimo. Suomen puolustus suunnitelmat 1918–1939. III osa. Jääkärien ajka. 1925–1939.* Helsinki, 1987. S. 160.

домств создавало собственные разведывательные сети. Отношения между Генштабом и ЦСК складывались непросто. Дилетантизм, неоднократно демонстрировавшийся военными в таком деле, как разведка, и принципы работы с агентурой вызывали порой у начальника Центральной сысшной полиции Эско Риекки почти не скрываемое злорадство. Одним из поводов послужили, например, события весны–лета 1927 г., когда военная разведка слишком далеко зашла в своем сотрудничестве с русскими эмигрантами. Террористические акты в Ленинграде в июне 1927 г. вызвали серьезный дипломатический скандал, поскольку в Москве стало известно, что непосредственное содействие группам террористов (1-й — Шульц, Опперпут, Петерс, 2-й — Ларионов, Мономахов и Соловьев) оказывал представитель финского генштаба на границе майор Розенстрем, предоставивший им т.н. дачу Фролова на Перешейке и лично сопровождавший диверсантов до границы⁶⁶. Глава сысшной полиции был доволен, что его «фирма» не была задета, но, тем не менее, хотя и пророчествовал для военных путь в Каноссу (служба у военных такова, что «неудача является частью их профессии»), признавался, что это не оправдывает его злорадства, что он испытывает горечь от случившегося⁶⁷. Риекки был одним из тех влиятельных лиц, кто настоял на отзыве Розенстрема с границы. «Его [Розенстрема] способностям мы уже много лет не можем доверять, к тому же его знают слишком многие из ОГПУ <...> Кроме того, этот офицер, по нашему мнению, слишком наивен и легковверен»⁶⁸.

Бессилие властей по обе стороны границы (как в сфере контроля, так и жизнеобеспечения местного населения) стало одной из причин небывалого роста числа тех, кто видел в проникновении на сопредельные территории единственную возможность для выживания себя и своих семей⁶⁹. Масовость «хождений за кордон» сводила к нулю все потуги официальных властей, имевших в своем арсенале лишь довоенные методы борьбы с контрабандой, пригодные для совершенно иной ситуации. Трудно сказать, имели ли хоть какой-то эффект распространяемые среди приграничного населения Ленинградской комиссией по борьбе с контрабандой листовки на финском языке с такими призывами: «Товарищи-Крестьяне! Долой контрабанду! Долой

⁶⁶ A. Yrjö-Koskinen P. Artille, 26.9.1927 (КА. P. Artin kokoelma. Kansio 7).

⁶⁷ E. Rieikki P. Artille, 26.5.1927 (Ibid. Kansio 5).

⁶⁸ E. Rieikki P. Artille, 25.8.1927 (Ibid.); Jalmari Finne P. Artille, 6.9.1927 (Ibid. Kansio 1).

⁶⁹ В начале 1920-х гг. Петроградская окружная комиссия по борьбе с контрабандой на своих заседаниях неоднократно констатировала, что «контрабанда приобрела вид массового движения». Даже когда погранохрана или сотрудники оперативных таможенных постов обнаруживали контрабандистов, им нередко приходилось оставаться лишь зрителями, поскольку ни задержать, ни отобрать «товар» сил не хватало. Помимо того, что контрабандисты имели налаженную сеть разведки, они были неплохо вооружены (в том числе и пулеметами).

спекулянтов и переносчиков спирта. Честный работающий крестьянин не станет защищать контрабандиста и не предоставит ему ночлега в своем доме. Передавайте их в руки властей, чтобы они понесли заслуженное наказание» или «Контрабандист — то же, что и вор! Он убийца и отравитель!»⁷⁰. Самыми «пораженными» контрабандой приграничными территориями с советской стороны считались: по Белоостровской таможне — Термоллово, Охта, Лемболово, Керро и Мустолово Куйвозовской волости, по Петрозаводскому таможенному участку — села Спасская Губа (в 100 верстах севернее Петрозаводска), Сопоха (в 15 верстах от Спасской Губы), Сянгозеро (в 20 верстах к северу от деревни Конгозеро), деревни Мерандукса и Вальгуселькя⁷¹. Наиболее «спокойной» была ситуация на Мурмане; там, «в силу природных и климатических условий» сухопутная граница с Финляндией «не представляла серьезной опасности в смысле проникновения через границу контрабанды»⁷².

Стоит отметить, что сами причины расцвета контрабандной деятельности властям были вполне понятны. В докладной записке, подготовленной для руководства Наркомата внешней торговли помощник начальника ГТУ Клейман вполне справедливо указывал что «сжатие импорта и централизация экспортной торговли в период общего хозяйственного подъема страны неизбежно должны вызывать стихийный, массовый напор контрабанды». Среди мер, необходимых для «снижения напора», им назывались вполне понятные, но трудновыполнимые: смягчение лицензионной системы для ввоза из-за границы товаров, вовсе не производящихся в СССР или вырабатываемых в недостаточном количестве, организация внутреннего производства тех из предметов массовой контрабанды, выработка которых в СССР не сопряжена с большими трудностями, максимальная интенсификация производства, качественное улучшение и удешевление предметов потребления, широкая организация кооперативов в приграничной полосе и снабжение их полным ассортиментом необходимых товаров⁷³. При чтении записки Клеймана создает-

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 14. Д. 284. Л. 28, 31, 34 и сл.

⁷¹ Там же. Д. 283. Л. 59. 59 об.

⁷² Протокол заседания Мурманской окружной комиссии по борьбе с контрабандой от 4.4.1924 (Там же. Д. 255. Л. 12); Письмо А.М. Лежавы (председатель Комиссии по внутренней торговле СТО) в Отдел по борьбе с контрабандой ГТУ, 15.3.1923 (Там же. Д. 172. А. 76).

⁷³ О задачах и методах работы по борьбе с контрабандой в условиях монополии внешней торговли 1924 г. (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 14. Д. 257. Л. 49). Стоит признать, что положение населения на приграничной территории вызывало в Москве достаточно серьезные опасения, которые и послужили причиной принятия Политбюро ЦК ВКП(б) 17.9.1925. Постановления по докладу комиссии по обследованию пограничной полосы. Среди широкого перечня мер, в частности, упоминалось смягчение пограничного режима для крестьян, смягчение системы штрафов мелкую контрабанду и некоторые другие. (Прото-

ся впечатление, что имеешь дело с рассуждениями советского варианта Ганса Сакса, с тем только различием, что таможенный деятель, прекрасно понимая невозможность осуществления предлагаемого, тем не менее, заморожено рисуя будущую «Шлаураффию», явно не испытывал потребности в здоровом сарказме законодателя немецкого майстерзинга.

Для Советской России безрезультатность попыток (в силу хронической нехватки финансовых и материальных ресурсов) «наладить быт» населения приграничья, развивая кооперативную торговлю и дорожное строительство, создавая дополнительные рабочие места и т. п., до определенной степени стимулировала и оправдывала в глазах политического руководства страны принятие предлагавшихся ОГПУ мер по «высвобождению» погранполосы от «излишков населения». Подобный путь решения проблем не был свойствен исключительно Советской республике. В 20–30-х гг. власти Эстонии проводили мероприятия, направленные на т. н. колонизацию Изборского края, целью которой было изменение национального состава этой территории. Предполагалось даже переселение русских рыбаков с Псковского озера на Балтийское побережье. «Очистка» приграничных территорий от политически опасных элементов рассматривалась и в Финляндии как необходимая мера, поскольку считалось, что граница излишне проницаема⁷⁴. Однако принимаемые в этом направлении шаги никогда не приобретали советских масштабов⁷⁵.

15 марта 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о «мероприятиях по усилению охраны границ Ленинградской области и Карельской АССР», которым предписывалось (помимо создания на Карельском перешейке «Куйвозовского особого района, поставив во главе его людей с опытом военной и чекистской работы» и создания в Сестрорецке городского отделения НКВД) считать весь «перешеек от Сестрорецка (считая по прямой линии) до линии Ленинград–Шлиссельбург за исключением г. Ленинграда, считать районом пограничной полосы, введя там особый режим (очистка от неблагонадежного элемента, установление особых правил въезда и выезда и проживания в этой полосе, обязательность фотокарточек на паспортах)». Кроме этого, «что касается границы Карелии и Мурманского округа с Финляндией», то районом погранполосы должна была считаться 50-километровая зона. Особое внимание рекомендовалось обратить на районы Кандалакши

кол № 79 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 17.9.1925, Приложение к п. 5 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 519. Л. 3, 12–14)).

⁷⁴ Etsivän keskuspoliisin Terijoen alaosaston päällikön Pro Memoria, 4.10.1934. S. 10–11 (КА. ЕК-Valpo I. Ryhmä XVI. Kansio 2758).

⁷⁵ Продекларированные еще в самом начале гражданской войны в Финляндии Аарне Сихво требования полного выселения русского населения (безотносительно его лояльности к сенату Свинхувуда) с Перешейка и конфискации принадлежащей ему собственности также никогда не были реализованы.

и Мурманска. Численность погранохраны по Ленинградской области и Карельской АССР увеличивалась на 1 тыс. человек. Местные власти должны были «выселить весь неблагонадежный элемент из пограничных районов Ленинградской области и Карельской АССР в районы Казахстана и Западной Сибири», «издать постановление о наложении взысканий в административном порядке на лиц, въехавших в режимную пограничную полосу без установленных на то пропусков в виде принудительных работ сроком от 1-го до 3-х лет», а кроме этого «перевести в тыл населенные пункты, расположенные в 500-метровой пограничной полосе». Ленинградский Областной Исполнительный Комитет обязывался «издать постановление о пограничном режиме, включающем следующие основные пункты:

а) установление вдоль границ финских территориальных вод 2-мильной дозорной полосы, доступ в которую разрешить по специальным пропускам;

б) запрещение входа и выхода из Невской губы помимо фарватера и установление контроля для всех судов в пунктах входа и выхода;

в) запрещение подхода к фарватеру ближе 1 кабельтова (около 200 метров) до траверза Шепелевского маяка и установление 2–3-х переходных пунктов для пересечения фарватера;

г) установление охраняемых и контролируемых пунктов для плавучих средств и запрещение стоянки судов в неуказанных пунктах;

д) установление специальных пропусков на выход в море с отметками о разрешении на каждый отдельный выход;

е) установление к югу от Гаковских островов и до границы с Эстонией запретной зоны, в которой воспретить плавание судов и содержание их на берегу;

ж) установление на побережье Финского залива определенных мест для купания и наблюдения за ними как на берегу, так и с моря силами водной милиции, наряды которой подчинить начальникам соответствующих контрольных постов погранохраны»⁷⁶.

Очевидно, что осуществление подобных мероприятий диктовалось отнюдь не стремлением пресечь полностью деятельность контрабандистов. На советско-финляндской границе масштабы «движения контрабандистов» были значительно скромнее, чем на других участках западной границы СССР. Попытки финских властей свести к минимуму деятельность контрабандистов особого успеха не приносили. Особо дурной славой у пограничной стражи и агентов сыскной полиции пользовались на Карельском перешейке рыбаки волости Метсяпирти. Наиболее подверженными «хлебному коммунизму» (читай: имели склонность к контрабандной деятельности) (идейных сторонников

⁷⁶ Протокол № 23 (Особый №) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 3.4.1935 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 149–151).

большевизма, как полагали в сысской полиции, было немного) считались жители нескольких пограничных деревень — Йоутселькя, Таммиселькя, Куркела, Карвала, Соппикюля, Сиркиянсаари и Хухтикюля⁷⁷. Нередко были известны имена людей, стоимость их услуг, «специализация», даже маршруты, но поймать кого-либо на месте преступления удавалось далеко не всегда. При этом властями констатировалось, что хотя контрабандистов нередко используют для доставки в Финляндию коммунистической литературы, но сами «перевозчики» не подвержены «большевистской заразе». Так, один из агентов сысской полиции, командированный в Райволу для сбора информации, сообщал о некоем Йохане Лунделле, которому хотя и было уже под 60, но он часто совершал ходки в Ленинград, привезя в последний раз оттуда 40 килограммов золота и серебра. За 200 марок он был готов провести группу желающих (с одного человека брал 40 марок). Другой колоритной фигурой в Райволе был бывший народный учитель Рудольф Руоконен. Большая торговля, которую он вел через границу, позволила стать ему богатым купцом⁷⁸. На масштабы контрабандной деятельности, по крайней мере, в 20-е гг., большее, чем специальные мероприятия на границе, воздействие оказывали два фактора: экономическая ситуация в Советской России и «очистка» приграничных деревень с советской стороны от «контрабандного элемента», иными словами, разрыв отлаженных «интернациональных» связей (последнее обстоятельство впервые было отмечено сысской полицией Финляндии в 1927 г.)⁷⁹.

Использование ингерманландского населения для сбора разведывательных данных на протяжении 20-х-начала 30-х гг. не было секретом. В фондах Центральной сысской полиции Финляндии отложилось немало материалов, свидетельствующих о том, что сведения, сообщаемые тайно перешедшими границу ингерманландцами, представляли несомненный интерес для военной разведки⁸⁰. Именно подозрения, что ингерманландцы «сотрудничают с финскими властями и сообщают им военные сведения о расквартировании частей, строящихся у границы военных складах» и пр., по мнению самих сотрудников сысской полиции, являлись причиной проводимых ГПУ групповых арестов⁸¹. Деятельность финских спецслужб доставляла немало забот и огорчений советским властям. Военная прокуратура ЛВО в начале 1925 г., сообщая Воен-

⁷⁷ *Eero Eskola*. Tutkimus kommunismin esiintymisestä Karjalan kannaksella sekä mietteiä asiantilan korjaamiseksi, 20.10.1935 (Ibid.).

⁷⁸ Т. 218. Ilmoitus N 387, 22.10.1925 (КА. ЕК-Valpo I. Ryhmä XXIII. Kansio 2878).

⁷⁹ *Etsivän keskuspoliisin Terijoen alaosaston päällikön Tilannekatsaus N 14*, 30.8.1927 (КА. ЕК-Valpo I. Ryhmä XVI. Kansio 2763).

⁸⁰ См. напр.: *Etsivän keskuspoliisin Terijoen alaosaston päällikön Tilannekatsaus N 5*, 31.5.1929 (КА. ЕК-Valpo I. Kansio 123).

⁸¹ *Etsivän keskuspoliisin Terijoen alaosaston päällikön Tilannekatsaus N 12*, 3.1.1930. (Ibid.).

ному прокурору Верховного Суда СССР о фактах проникновения на территорию округа «шпионов эстонских, финских и польских», констатировала, что «к несчастью приходится констатировать, что шпионы в своей работе достигали известных результатов»⁸². Ограниченные кадровые ресурсы военной прокуратуры ЛВО, под контролем которой находились, в частности, расположенные на советско-финляндской границе Шлиссельбургский, Сестрорецкий, Петрозаводский, Ругозерский, Ухтинский погранотряды, и большое количество дел, которые приходилось расследовать, побудили ее руководство попытаться переложить ответственность за происходящее в секторах последних трех погранотрядов на плечи гражданской прокуратуры (в качестве причины выдвигалась удаленность этих территорий от Ленинграда)⁸³.

В отличие от населения советской приграничной территории, население финских приграничных сел оказалось на редкость инициативным не только в сфере контрабанды. Уже в январе 1919 г. благодаря инициативе частных лиц на Карельском перешейке был создан особый отряд, названный летучим отрядом шюцкоров пограничного района. В его задачи входила не только охрана границы, но и борьба с контрабандистами. Именно этот отряд послужил костяком для создания спустя два месяца шюцкоровского батальона для охраны границы (был расформирован осенью того же года). Добровольное служение идее борьбы с большевистской угрозой, за создание Великой Финляндии, за воссоединение родственных племен порождало порой удивительные планы. Так, некий судья Осмонсало в 1925 г. предложил осуществить диверсионный акт против Балтийского флота. Предполагалось, что этот акт осуществил бы скрытно подошедший к стоянке флота в Кронштадте отряд из 100 лыжников, каждый из которых взял бы с собой 50 килограмм взрывчатки⁸⁴. Сведения об этом деятельном слуге правосудия отложились среди копий документов т.н. Добровольной разведывательной организации (ВРО)⁸⁵, которые неизвестными нам путями поступали в 1925–1927 гг. в центральные органы КПФ.

О существовании этой организации общественности стало известно еще в 1927 г., когда стокгольмская газета «Politiken» опубликовала материал о существовании в Финляндии помимо государственных полицейских структур

⁸² Доклад о деятельности военной прокуратуры ЛВО за время с 1 января 1924 г. по 1 января 1925 г. (ЦГА СПб. Ф. 8912. Оп. 3. Д. 4. Л. 50 об., 51).

⁸³ Доклад военного прокурора ЛВО Перфильева Военному прокурору Верховного Суда СССР, 16.11.1925 (Там же. Д. 16. Л. 138).

⁸⁴ Сообщение от 17.11.1925 (РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2 (1925 г.). Д. 36. Л. 176). Автор «Сообщения» подчеркивал, что хотя судья в настоящее время совершенно спившийся человек, но в то время, когда он предлагал этот план, он был полностью дееспособен, а предлагаемое им было разработано до тончайших деталей.

⁸⁵ *Vapaehtoisen tiedustelujärjestö* (иногда в документах она фигурирует под именем *Vapaaehtoisen tiedusteluosasto* — сокращенно ВТО).

еще и добровольной шпионской организации, находящейся под руководством фашистов. Затем эта информация попала на страницы финской печати. Когда и по чьей инициативе была создана ВТО, сведений обнаружить не удалось. Можно лишь утверждать, что уже осенью 1925 г. его деятели занимались вербовкой информаторов в Ленинграде (среди студентов, преподавателей университета и т.д.), осуществляли наблюдение за советским полпредством в Хельсинки, подготавливали «новую» «Ленинградскую этапную линию» – Хельсинки – Таллинн – Западная Ингрия – Ленинград, разрабатывали мероприятия по организации шпионажа на приграничной территории, собирали сведения о ситуации на побережье восточной части Финского залива (кто и с какой целью нелегально переходит границу). Вместе с тем, ВТО пришлось, судя по всему, столкнуться в процессе развертывания своей деятельности с «политическим безразличием», если «не просто с неблагонадежностью» «редкого приграничного населения», доставлявшего немалые трудности его работе. Иными словами, «недостаточность осведомительной сети» ВТО в приграничных районах Финляндии объясняла то обстоятельство, что «исчезали из видимости» следы «коммунистических агентов», за которыми наблюдали еще на территории СССР⁸⁶.

Хорошая, судя по всему, информированность Москвы о деятельности ВТО сама по себе не может служить свидетельством в пользу того, что эта организация могла быть создана по общему с небезызвестным «Трестом» проекту ОГПУ. Возможно, советским органам просто удавалось получать информацию за плату. В апреле 1932 г. начальник Центральной сыскной полиции Эско Риекки направил в Выборг одному из своих коллег и друзей Хагелю⁸⁷ приватное письмо, в котором возвращался к вопросу о ВТО и некоем Харри Гаммелине. Повод для обращения, к сожалению, нам не известен. Адресат ответил оперативно. Из его письма следует, что упомянутый Гаммелин был завербован на службу сыскной полицией осенью 1925 г., позднее (время автор письма не указал) был задержан и допрошен. Результаты допроса показали, что Гаммелин «большая свинья и преступник». Делу, однако, хода не дали, поскольку существовала секретная договоренность с Суло Салоненом (еще один сотрудник сыскной полиции) не трогать Гаммелина, чтобы не вмешивать в историю его «бабу» (сестру Салонена)⁸⁸. Имелась ли связь между преданием гласности «левой рабочей газетой» «*Politiken*» факта существования ВТО и арестом Гаммелина — неизвестно. По крайней мере, описи фонда

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2 (1925 г.). Д. 36. Л. 136, 145, 279, 284, 285, 295, 328 и др. Как правило, отложившиеся в коминтерновских материалах копии документов были подписаны неким Х. Стрёмом (H. Ström).

⁸⁷ Если нам правильно удалось разобрать подпись на ответном письме.

⁸⁸ Hagel E. Riekille, 14.4.1932 (КА. ЕК-Valpo I. Ryhmä XXXIII. Kansio 3021).

КПФ в РГА СПИ не зафиксировали тематического дела об этой организации с более поздней, чем 1927 г. датировкой. Возможно, что совпадение разоблачения деятельности ВТО левой шведской газетой не случайно совпало с известным скандалом в советско-английских отношениях, повлекшим разрыв отношений — делом Аркоса. Можно также предположить, что принятое 1 сентября того же года Политбюро ЦК ВКП(б) по докладу В.Р. Менжинского решение о направлении директивы Военной Коллегии Верховного Суда СССР «о строжайшем подходе к подсудимым по делу англо-финской шпионской организации (выделено нами. — Авт.) <...> считая возможным применение высшей меры наказания не только к шпионам (10 чел.), но и к наиболее злостным пособникам»⁸⁹, своим появлением обязано майским обыскам в Лондоне и разоблачению/«разоблачению» ВТО.

Однако по настоящему уникальная ситуация для пограничных служб и компетентных органов обоих государств сложилась в начале 30-х гг. Административное рвение, проявленное советскими властями при проведении коллективизации на территории Ленинградской области, вызвало поток беженцев-ингерманландцев, устремившихся через границу в Финляндию. Навстречу ему в СССР хлынул поток финнов, мечтавших найти работу в СССР⁹⁰. В охваченной серьезным экономическим кризисом Финляндии было известно, что советские власти, стремясь сократить дефицит рабочей силы, в течение продолжительного времени стимулировали эмиграцию финнов из Северной Америки в СССР для работы на лесозаготовках в Карелии и «Северолеса». Едва ли отправившиеся тайком через границу в СССР финны осознавали призрачность своих надежд на хорошие заработки. В 1930 г. нелегально перешли границу как минимум 1174 человека. В следующем их число возросло уже до 2488 человек, а в 1932 г. составило 7207 (следует учитывать, что значительное число «нарушителей» задерживалось финской погранохраной, в 1932 г. их было, например, 2212 человек).

Эта тенденция вызвала серьезное беспокойство у политического руководства СССР (подобные переходы в 1931 г. стали обычным явлением и для советско-польской границы). 30 августа 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) было вынуждено рассмотреть на своем заседании тему перебежчиков. Формальным поводом для этого послужила озабоченность Исполкома Коминтерна тем, что редели ряды коммунистических, молодежных (комсомоль-

⁸⁹ Протокол № 122 (Особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 1.9.1927. п. 33 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 93).

⁹⁰ В Советской России с разрешения властей еще с середины 20-х гг. работали финны, например, в Карелии на лесозаготовках концессии Repola Wood OY. Правительством Финляндии руководству концессии было дано разрешение для найма на лесозаготовки в советской Карелии 900 человек (Kainuun rajavartiosto. Rajalla 1919–2005. Kainuun rajavartioston julkaisu. Kainuu, 2006. S. 80).

ских), спортивных («спортинтерновских») организаций, некому было вести революционную пропаганду. Политбюро предписало партийным организациям вести «агитационно-разъяснительную работу» среди перебежчиков, чтобы побудить их к возвращению на родину. Поскольку разъяснительная работа (ее составными частями являлись «проверочные пункты (карантины)», отсутствие элементарных условий жизни, заработка, скверная организация «трудового процесса» и пр.) оказалась поставленной достаточно эффективно, а сведениям о методах ее проведения намеренно позволяли распространяться за рубежом, то в 1933 г. в НКВД с удовлетворением констатировали: у многих в Финляндии отбита охота нелегально переходить через границу⁹¹. Подобное отношение к стремившимся попасть в первое социалистическое государство еще раз наглядно подтвердило давно происшедшее расставание Москвы с Идеей мировой революции. Если в 1930 г., только 161 человек поспешил тайком вернуться в Финляндию из СССР, то в 1931 г. таковых было уже 434, в 1932 г. — 409, в 1933 — 452⁹².

Историкам известно об особом интересе, который к перебежчикам проявлялся со стороны как ОГПУ, так и Центральной сысской полиции Финляндии. Однако ответ на вопрос о том, насколько удалось воспользоваться «компетентным органам» сложившейся на границе в первой половине 30-х гг. ситуацией, еще предстоит дать. Доступные сведения крайне отрывочны, не всегда подлежат истолкованию. Так, в подготовленной сысской полицией справке за 1931 г. о фактах перехода границы на Карельском перешейке приводятся следующие цифры. Всего в обоих направлениях государственную границу пересекли 489 человек, из них ушло в Россию 54, пришло в Финляндию 135, контрабандистов — 26, без паспорта — 68, по просьбе сысской полиции — 8 и т.д. Вместе с тем упоминались двое, имевших «связь с Россией без разрешения»⁹³. Невольно возникает вопрос — имели ли остальные 487 человек такое разрешение, или же за вычетом еще 8-ми агентов сысской полиции, остальные являлись представителями иных специальных служб?

С середины 1930-х гг. ситуация в Европе постепенно накалялась. Предчувствия надвигающейся войны оборачивались повышенной подозрительностью всех и вся. 15 марта 1935 г. опросом членов Политбюро было принято решение о «Мероприятиях по усилению охраны границ Ленинградской области и Карельской АССР». Этим решением предусматривалось создание на Карельском перешейке Куйвозовского особого района, во главе

⁹¹ См. комментарии к Решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 30.8.1931 // *Кен О., Рунасов А.* Указ. соч. С. 528–529.

⁹² В данном случае цифры отражают только количество зарегистрированных Центральной сысской полицией (*Tilastoa rajaloikkaariliikenteesta v. 1930–1935* (КА. ЕК-Valpo I. Ryhmä XVI. Kansio 2759).

⁹³ *Rajavartiosto Kannaksella, 1931* (ЕК-Valpo I. Ryhmä XVI. Kansio 2758).

которого следовало поставить «людей с опытом военной и чекистской работы с тем, чтобы к Куйвозовскому району присоединить уголок между западной границей нынешнего Куйвозовского района и гор. Сестрорецком», а в самом Сестрорецке «создать городское отделение НКВД». Было сочтено необходимым «весь перешеек от Сестрорецка (считая по прямой линии) до линии Ленинград—Шлиссельбург за исключением г. Ленинграда, считать районом пограничной полосы, введя там особый режим (очистка от неблагонадежного элемента, установление особых правил въезда и выезда и проживания в этой полосе, обязательность фотокарточек на паспортах). Точные границы полосы по южной стороне определить т.т. Жданову, Заковскому, Белову и Фриновскому». «Что касается границы Карелии и Мурманского округа с Финляндией, здесь считать районом погранполосы 50-километровую зону. При этом обратить особое внимание на районы: Кандалакши и Мурманска». Помимо увеличения численности погранохраны в Ленинградской области и Карельской АССР предусматривались расходы «на капитальное строительство в связи с развертыванием частей погранохраны... и увеличением судов погранохраны» в размере 7 млн. руб. Весь «неблагонадежный элемент» подлежал выселению из погранполосы в Казахстан и Западную Сибирь. За проникновение в режимную пограничную полосу без установленных пропусков предусматривались принудительные работы на срок от 1 до 3 лет. Наркомат внутренних дел поручалось дополнительно усилить морскую пограничную охрану Ленинградского округа 16 катерами к 1 мая 1935 г., 12 катерами к 15 июля и 16 катерами к 15 мая 1936 г. Более того, ленинградские власти обязывались «перевести в тыл населенные пункты, расположенные в 500-метровой пограничной полосе». Они также должны были Комитет издать постановление о пограничном режиме, включающем следующие основные пункты:

«а) установление вдоль границ финских территориальных вод 2-мильной дозорной полосы, доступ в которую разрешить по специальным пропускам;

б) запрещение входа и выхода из Невской губы помимо фарватера и установление контроля для всех судов в пунктах входа и выхода;

в) запрещение подхода к фарватеру ближе 1 кабельтова (около 200 метров) до траверза Шепелевского маяка и установление 2–3-х переходных пунктов для пересечения фарватера;

г) установление охраняемых и контролируемых пунктов для плавучих средств и запрещение стоянки судов в неуказанных пунктах;

д) установление специальных пропусков на выход в море с отметками о разрешении на каждый отдельный выход;

е) установление к югу от Гаковских островов и до границы с Эстонией запретной зоны, в которой воспретить плавание судов и содержание их на берегу;

ж) установление на побережье Финского залива определенных мест для купания и наблюдения за ними как на берегу, так и с моря силами водной ми-

лиции, наряды которой подчинить начальникам соответствующих контрольных постов погранохраны».

Благонадежность некоторых национальных воинских частей явно вызывала у политического руководства подозрения, поэтому отдельным пунктом решения Политбюро предусматривалась ликвидация «существующей Карельской егерской (sic) бригады в Петрозаводске. Ввести в Карелию русскую кадровую дивизию с тем, чтобы в состав ее влить карел и русских из егерской бригады, предварительно очистив их от неблагонадежных элементов. Финский командный состав егерской бригады не включать в состав дивизии»⁹⁴.

Атмосфера подозрительности охватило все пограничье. Так, относительно спокойное отношение к финским рыбакам, имевшим разрешение на лов рыбы в советских водах, к 1937 г. буквально испарилось. Еще 15 марта 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, согласно которому признавалось «необходимым предоставить финским рыбакам, живущим на островах Сескар и Лавансаари в Финском заливе, возможность сношения зимой с финским и эстонским побережьями по льду тервод СССР», а ГУПВО НКВД было предложено «установить для этого необходимые маршруты и правила пользования ими»⁹⁵. Однако, судя по всему, в жизни финских рыбаков мало что изменилось, поскольку в состоявшейся 30 сентября 1937 г. беседе наркома Литвинова с Р. Холсти в Женеве, министр иностранных дел Финляндии поднял вопрос о трудном положении финских рыбаков, проживавших на побережье Карельского перешейка, хотя Тартуским мирным договором было предусмотрено заключение особого соглашения, гарантирующего защиту их жизненных интересов. Литвинов предложил, чтобы этот вопрос, а также ряд других посланник Юрье-Коскинен обсудил в Москве со Стомоняковым⁹⁶.

Имелись ли действительно реальные основания для череды задержаний финских лодок на Ладоге и в Финском заливе, в нашем распоряжении документов не было. Можно только говорить о том, что весны 1938 г. у финских рыбаков, занимавшихся ловлей на Ладоге, возникли сложности с получением разрешений советской стороны. Прежде они получали такие разрешения на основании советско-финляндской конвенции от 25 мая 1934 г. о рыбном и тюленьем промысле на Ладожском озере. Советские пограничники не стали довольствоваться только регистрацией судов и разрешительных билетов, но стали регистрировать удостоверения личности, расспрашивать рыбаков о делах никак не связанных с рыбной ловлей, особо придирчиво относиться к фотографиям на удостове-

⁹⁴ Протокол № 23 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 апреля 1935 года (Особый) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 149–151).

⁹⁵ Протокол № 46 (Особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 17 марта 1937 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 20. Д. 20. Л. 212).

⁹⁶ R. Holsti. Keskustelu M. Litvinovin kanssa, 30.9.1937 (KA. R. Holstin kokoelma. Kansio 67).

рениях личности, а также затягивать регистрацию. Подполковник К. А. Инкала, командовавший финской пограничной охраной на Карельском перешейке, сообщил в МИД Финляндии, что он предложил командиру советского погранотряда майору П. П. Орлову встретиться 31 мая для выяснения того, как советская погранохрана истолковывает межгосударственное соглашение. Однако он услышал от советских коллег, что они действуют именно в соответствии с упомянутым соглашением. Финской стороне в течение лета 1938 г. пришлось лишь наблюдать ужесточение действий советских пограничников — финские рыболовные суда постоянно задерживались, в лучшем случае на час, иногда на сутки. Одной из причин задержания было то, что не всегда на судне были только те рыбаки, имена которых были упомянуты владельцем судна при его регистрации. С финской точки зрения, это не всегда можно было выполнить (кто-то, например, мог заболеть, и владельцу судна приходилось срочно подыскивать помощника).

19 августа 1938 г. посланник Финляндии А. Юрье-Коскинен передал заместителю наркома Потемкину ноту, в которой поднимался вопрос о нарушении советскими пограничными властями соглашения от 25 мая 1938 г. Сославшись на незнакомство с этим вопросом, Потемкин обещал разобраться с этим делом. Две недели спустя посланник в очередной раз задал Потемкину тот же вопрос. Связавшись по телефону в присутствии Юрье-Коскинена с неким сотрудником, заместитель наркома сообщил, что ответ советских пограничных властей на запрос из НКВД еще не получен. Только 27 октября барону Коскинену была передана нота, в которой был дан следующий ответ: «Согласно действующих в Ленинградской области правил, все лица, занимающиеся рыболовством в пограничных водах, должны быть зарегистрированы в органах пограничной охраны, независимо от регистрации судов, которыми пользуются такие лица. Это правило применяется и к финляндским гражданам, занимающимся рыболовством в советских пограничных водах указанного озера, поскольку в вышеупомянутой конвенции не установлено в данной области какое-либо изъятие». В ноте опровергались заявления финских рыбаков, что советские пограничные власти требуют регистрации каждого рейса в советские воды и наличия на судне всех предметов, предусмотренных в соответствующей статье конвенции. «... что касается опросов финляндских рыбаков, — утверждалось в ноте, — то последним задаются лишь вопросы, относящиеся в обстоятельствам... задержания».

25 апреля 1939 г. посольство Финляндии в СССР сообщило по телеграфу в Хельсинки, что советская сторона решила денонсировать конвенцию о рыболовстве на Ладоге. Соответствующая нота за подписью М. М. Литвинова была вручена. Два дня спустя Юрье-Коскинен в своем письме в МИД добавил, что начальник Западного отдела НКВД Бежанов по собственной инициативе заявил, что, скорее всего, о денонсации конвенции не будет сообщено в прессе. 15 июля советские пограничные власти известили финские пограничные власти на Карельском перешейке, о том, что с 25 июля прекращает-

ся регистрация финских судов. Со своей стороны, командование финской погранохраны известило МИД Финляндии, что основным периодом рыбной ловли на Ладоге для финских рыбаков является конец лета—осень, когда в район, расположенный в советских водах устремляются многочисленные финские рыбаки. Подполковник Инкала обращался с просьбой к советской погранохране принять во внимание неожиданность решения и рассмотреть возможность регистрации судов и после 25 июля. Судя по содержанию письма Инкала, зарегистрировавшие свои суда ранее финские рыбаки не лишались права ведения рыбной ловли.

Не только на Ладоге, но и в Финском заливе проблемы финских рыбаков вызывали озабоченность финских властей. В феврале 1937 г. МВД Финляндии сообщало в МИД о невозможности принятия каких-либо мер для предотвращения перехода рыбаками зимой границы территориальных вод и, исходя из сложившейся в отношениях с СССР ситуации, рекомендовало предпринять переговоры.

Объем работы у хранителей покоя на границе резко сократился во второй половине 30-х гг. Этому периоду уже не была характерна та бурная жизнь Приграничья, которую можно было наблюдать в самом начале 20-х или первой половине 30-х гг.

Нельзя не согласиться с точкой зрения Олега Кена, что любая попытка реконструировать политику советского руководства в отношении приграничья «натакаивается на трудности, более существенные, нежели неполнота документальных свидетельств», что эта политика «вряд ли объяснима на основе общих представлений большевиков об интересах социалистического государства и несводима к реакции на реальные проблемы»⁹⁷. Политическому руководству СССР к концу 1920-х гг. пришлось столкнуться с дилеммой — или аккумулировать ресурсы для последующего постепенного развития приграничья (повышение уровня жизни населения через создание новой транспортной и хозяйственной инфраструктуры и обеспечение этим политической лояльности населения) или перевод этой территории на особый режим, обеспечивающий государственную безопасность через особые формы контроля, но не только требующий отказа от активного осуществления социально-экономических мероприятий, но фактически предполагающий превращение этой территории в зону мертвого покоя. В силу ряда объективных обстоятельств выбор постоянно откладывался, хотя тенденция к предпочтению выявилась вполне определенно: социально-экономические мероприятия сворачивались, контроль усиливался, приграничье пустело.

⁹⁷ Олег Кен. Формирование дискурса приграничья и его проецирование вовнутрь: СССР 1920–30-х гг. (Мы благодарны О. Кену за предоставление рукописи доклада. — Авт.).

«ЗИМФИН»

О существовавшем в середине 1920-х гг. в Ленинграде Обществе защиты имущественных интересов советских граждан в Финляндии, сокращенно именуемом «Зимфин», историки уже писали¹. Возникновение общества имело долгую предысторию и было связано с т.н. «дачными территориями» — землями, на которых находились дачи российских граждан в Финляндии. На мирных переговорах в Тарту в 1920 г. советская делегация требовала компенсаций за потерю «дачных территорий». В ответ финны пожелали получить возмещение за национализированную и конфискованную собственность своих граждан в России. В результате советская сторона сняла претензии, и член делегации П. М. Керженцев заявил, что у Советской России нет никаких требований в отношении находящейся в Финляндии собственности российских граждан.

Однако через полтора года, 28 июля 1922 г., в «Петроградской правде» неожиданно появилась заметка под броским названием «Покушение буржуазной Финляндии на имущество русских граждан». Суть ее заключалась в следующих словах: «Наркоминдел предвеляет российских граждан, оставивших имущество в Финляндии, поспешить как назначением уполномоченных на управление этим имуществом, так и возобновлением доверенностей, если они своевременно не были даны. К услугам российских граждан в этом деле будут предоставлены адвокаты которые приглашаются представительством РСФСР в Финляндии для укрепления и защиты прав российских граждан».

Это сообщение стало несколько запоздалой реакцией на одобрение 2 мая того же года эдускунтой Финляндии законопроекта об оставленной без присмотра в стране собственности иностранцев (закон № 211 вступил в силу 6 сентября 1922 г.). Принятие закона было обусловлено рядом причин. Об одной из них весьма пространно говорилось в представлении Государственного совета эдускунте: «во время революции в России и последовавшего за ней периода хаоса многие русские по происхождению, обладавшие на Карельском перешейке недвижимостью, бесследно исчезли. В результате

¹ *Hämäläinen V.* Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutuskysymys maamme itsenäisyyden kaudella // *Tampereen yliopisto. Historiallinen laitoksen julkaisuja.* 6.1983; *Tjistikov A. N.* Zimfin — Forening för sovjetmedborgare med ekonomiska intressen i Finland // *Historisk tidsskrift för Finland.* 3. 1993, arg. 78. S. 446–454; *Чистиков А. Н.* «Зимфин» помогал, как мог (О судьбе русских дач в Финляндии в двадцатые годы) // *Выборг.* 1993. 29 декабря.

этого к концу 1920 г. в волостях Терийоки, Кивеннапа, Уусикиркко, Куоле-маярви и Хейнйоки имелось 2 209 нежилых дач, из которых без какого-либо присмотра 1 025, тех же, за которыми присматривали имеющие доверенности лица или не имеющие таковых, было 1 138 и 46 тех, за которыми присматривали лица, назначенные уездными судами. Понятно, что таковая недвижимость <...> не может оставаться в удовлетворительном состоянии и неизбежно приходит в упадок. Чем дольше подобное положение будет сохраняться, тем большим будет причиняемый строениям вред. Кроме того, поскольку неясно, кто из прежних владельцев жив, и неизвестно, имеются ли наследники <...> то долг государства заключается в том, чтобы спешно взяться за устройство нынешних обязательств»². По утвержденному закону, государство принимало в собственное управление оставшуюся без присмотра недвижимость (как выморочное имущество). При этом отсутствующим считался иностранец, который не проживал в стране более трех месяцев. Правда, в течение 5 лет собственник мог урегулировать все связанные со своей недвижимостью проблемы на основе финляндского законодательства. Принятием закона № 211 дело не ограничилось», и 20 октября 1922 г. появилось постановление о создании специального органа по заведыванию собственностью иностранцев. В мае 1923 г. его глава К. Алопеус, обрисовав мрачную картину брошенной недвижимости, предложил приступить к быстрой ее распродаже — еще до истечения срока явки прежних владельцев с последующей передачей доходов вероятным наследникам. Осенью правительство подготовило проект нового закона. Принятие его затянулось на довольно длительный срок. Только 5 сентября 1924 г. закон № 224 вступил в силу. По нему государство получало возможность в срочном порядке выставлять на продажу не только пришедшие в ветхость строения и подвергавшиеся опасности разграбления имущество, но и те участки земли, на которых были расположены эти строения. Если учесть, что нередко именно земельный участок, а не груда полусгнивших досок и бревен, только издали напоминая дом, представлял основную ценность, то становится очевидной направленность этой законодательной меры. Изъятие на приграничной территории земельной собственности, значительная часть которой принадлежала советским гражданам, определено было продиктовано военно-политическими соображениями, но вместе с тем оно служило решению и другой проблемы — проблемы нехватки земель, пригодных для сельскохозяйственного производства.

Вернемся, однако, к упомянутому выше сообщению «Петроградской правды». Даже с учетом того, что времена нэпа уже настали, появление подобной публикации было все же случаем исключительным. Граждане социалистического государства ставились в известность, что государственные

² Valtiöpäivät. 1921. Asiakirjat. Kolmas osa. Hallituksen esitys N 7.

органы будут стоять на защите их имущественных интересов даже за рубежом. В публикации не было и тени намека на то, что позиция властей в отношении национализированной, муниципализированной, конфискованной собственности иностранцев в России может претерпеть какие-либо изменения. А, следовательно, о соблюдении принципа взаимности в межгосударственных отношениях пока речи не заходило. Казалось, такой немаловажный аспект должен был наводить на мысль, что обещанная защита имущественных интересов вряд ли окажется эффективной. Тем не менее, нашлось немало людей, решивших использовать представившийся шанс. Причем, пока эта потрясающая новость расходилась по стране, она успела обрасти дополнительными слухами о возможности распространения защиты имущества российских граждан и на эстонской, литовской, латвийской и польской территориях.

Не успевшие забыть о своей брошенной в Финляндии собственности граждане РСФСР развили бурную активность. Однако направленность этой деятельности вызвала на первых порах явное раздражение представительства НКВД в Петрограде. Дело в том, что Наркоминдел, как об этом свидетельствовало опубликованное в «Вестнике Петросвета» 5 августа 1922 г. оповещение «об организации НКВД содействия русским гражданам к охране их имущественных интересов в Финляндии», желал оставить все в своей исключительной компетенции. А наученные первыми годами строительства советского государства граждане, твердо верили, что благополучного решения проблемы можно добиться, только сплотив свои ряды, то есть самоорганизоваться и выработать идеологически устраивающую власти формулировку целей.

Самоорганизация началась с появления очередей для составления списков владельцев недвижимости в Финляндии. Возникшая тут же инициативная группа во главе с бывшим юристом, а в описываемое время кадровиком из Наркомата путей сообщения К. А. Прорвичем, уже 11 августа провела организационное заседание для создания специального общества защиты интересов русских граждан. Цель общества организаторами была сформулирована исключительно политически грамотно: она заключалась в «оказании активной помощи нашему правительству в стремлении его помочь русским гражданам». Но помимо этого общество готово было взять на себя охрану имуществ, подыскание соответствующих управляющих и адвокатов, сбор сведений в Финляндии и т.д.³ Подобная деятельность вряд ли могла вызвать восторг у ОГПУ–НКВД.

Менее чем через полмесяца проект устава общества поступил на утверждение в отдел управления Петрогубисполкома. Согласно российскому зако-

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 1001. Оп. 6. Д. 180. Л. 13.

нодательству⁴, устав общества, деятельность которого выходила за пределы одной губернии или области, должен был представляться в НКВД через губернский отдел управления. Поскольку в данном случае речь шла о территории другого государства, вполне обоснованным было обращение отдела управления в НКВД. 1 сентября поступил ответ петроградского представительства Наркоминдела. Он гласил, что НКВД «не усматривает никакой реальной надобности в регистрации общества охраны имущественных интересов русских граждан в Финляндии, поскольку таковая охрана будет осуществляться правительственными постановлениями <...> таковое общество по сущности своей мыслимо лишь при условии предоставления ему особых льгот по сношениям с Финляндией, каковые по условиям политического момента совершенно недопустимы. Между тем отсутствие этих льгот окончательно лишает общество всякого смысла. Наконец, социальный состав предполагаемых членов общества представляется довольно сомнительным с точки зрения желательности образования подобных группировок»⁵. Для последнего утверждения у автора документа были веские основания, ибо некоторые из членов будущего общества не только не принадлежали до революции к трудящимся, но и имели судимости за свои деяния в экономической сфере.

До конца года инициативная группа получила три отказа различных инстанций. Казалось, что в деле поставлена точка. Однако новый, 1923 год принес с собой изменение позиции НКВД и положил начало длительной двухлетней борьбе дипломатического ведомства с наркоматами внутренних дел, внешней торговли и юстиции за утверждение устава общества. Чем была вызвана такая перемена? Чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала выяснить: что заставило российскую сторону отступить от позиции, заявленной на переговорах в Юрьеве?

События зимы 1921–1922 гг. в Восточной Карелии привели к резкому обострению советско-финляндских отношений. Но уже летом 1922 г. был подписан ряд двусторонних соглашений, в том числе соглашение о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность границы. В Хельсинки вынуждены были признать, что возможности для достижения желанных целей в отношении Восточной Карелии на данном этапе практически нет. В свою очередь в Москве также пришли к неутешительному выводу о том, что реальных рычагов давления на северную соседку в их распоряжении не имеется. Отношения Финляндии с Западом покоились на более прочной основе, чем у РСФСР, а зависимость ее экспортных отраслей экономики от российских рынков уже к этому времени была

⁴ 12 августа 1922 г. был опубликован новый декрет ВЦИК и СНК о порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними (СУ РСФСР. 1922. № 622).

⁵ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 180. Л. 16.

сведена к минимуму. Попытки Москвы оказать нажим на финляндское правительство, отказавшись от приобретения финской бумаги, ни к чему не привели.

Достигнутый летом 1922 г. компромисс не ликвидировал противоречий в двусторонних отношениях. Однако он сузил до начала 30-х гг. возможности одного государства в оказании влияния на позицию другого. Не удивительно, что при наличии вполне естественного желания у каждого из государств в решении отдельных спорных вопросов добиваться того, чтобы чаша весов наклонялась в нужную сторону — любая «мелочь» приобретала исключительное значение. Подобной «мелочью» вполне могла оказаться защита имущественных интересов российских граждан. Нарушение этих интересов могло служить аргументом при обсуждении неоднократно поднимавшейся финскими дипломатами темы несоблюдения прав финских граждан в России.

Заметим, что сами тексты законов 1922 и 1924 гг. не вызвали у НКВД возражений. Тем самым негласно подчеркивалось желание соблюдать прежние договоренности в отношении собственности на Перешейке. В Наркоминделе, видимо, помнили о том, что еще в июле 1920 г. советская сторона официально заявила: «Мы совершенно не претендуем на то, чтобы к российским гражданам в Финляндии принимали не финские законы об имущественных отношениях, а русские советские декреты»⁶. Поэтому, как представляется, дважды ошибался советский полпред в Хельсинки С. С. Александровский, когда писал в 1926 г., что более правильным было бы поставить вопрос защиты собственности напрямую в плоскость возражений против закона в целом, но что успеха при этом можно было бы добиться лишь путем экономического давления на Финляндию»⁷. Говоря о защите собственности российских граждан, полпред определенно принимал за цель то, что являлось для Москвы лишь средством достижения тех или иных целей. Насколько неправ был Александровский, настолько же лукавил член коллегии НКВД С. И. Аралов, утверждая в переданной в марте 1926 г. временному поверенному в делах Финляндии в СССР Р. Теслефу ноте, что только теперь стала ясна цель закона 1924 г. экспроприация решительно всех имуществу оставленных советскими гражданами в соседней стране.

Можно предположить, кроме того, что поддержка Наркоминделом инициаторов создания общества была в значительной мере продиктована необходимостью придать всему делу защиты интересов теперь уже советских граждан более организованный характер и желанием снять с ведомства бремя розыска необходимых сведений и подготовки документов по огромному количеству владений.

⁶ Мирные переговоры между Финляндией и Россией. Девятое заседание экономической комиссии. Протокол от 8 июля 1920 г. (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 374. Л. 278).

⁷ АВП РФ. Ф. 09. Оп. 3. П. 31. Д. 51. Л. 38.

Вряд ли можно разделить мнение финского историка В. Хямяляйнена, что организация в 1925 г. общества (о том, что история создания тянулась уже три года, он не знал) была обусловлена недоверием советских властей к эмигрантским органам, взявшим еще в 1918 г. на себя защиту частных русских имущественных интересов. В данном случае речь может идти не о доверии или недоверии, а о принципиальной отрицательной позиции в отношении русской белой эмиграции вообще. Хямяляйнен считал, что имелась определенная взаимосвязь между стремлением Москвы сохранить земельные участки на Карельском перешейке за своими гражданами и сделанным летом 1925 г. финляндскому правительству предложением об обмене так называемого «Сестрорецкого тупика» на другую территорию в Карелии⁸. Хотя в 1925 г. Реввоенсовет СССР возбудил этот вопрос, «считая нежелательным, чтобы граница делала поворот к востоку и приближалась к Ленинграду, охватывая территорию с русским населением», однако, в НКВД отнеслись к этому предложению скептически. Правда, уступив нажиму военного ведомства, НКВД сделал это предложение финской стороне в августе того же года, получив в октябре ожидавшийся негативный ответ.

Следует обратить внимание также на следующее. НКВД включился в борьбу за создание общества в 1923 г. В сентябре того года финское правительство предложило Москве приступить к конкретным шагам по реализации июньского соглашения 1922 г. о мерах, обеспечивающих неприкосновенность границы, а более конкретно — начать демаркацию границы на Карельском перешейке. Инициатива финской стороны была предсказуема, ее в Москве явно ждали, но, вместе с тем, определенно, не считали необходимым проявлять спешку в этом деле. Заметим, что так называемый Заключительный протокол по определению государственной границы между СССР и Финляндией был подготовлен к подписанию лишь в апреле 1938 г., то есть спустя почти 15 лет. Трудно представить, чтобы решение столь деликатной проблемы, как демаркация границы, да еще сторонами, в принципе не имевшими ничего против того, чтобы при случае внести существенные коррективы в *status quo*, не повлекло бы за собой сложной дипломатической игры. Согласование действий как НКВД СССР, так и МИД Финляндии с другими государственными институтами, в том числе и с военным ведомством, было неизбежным. В Наркоминделе без особого восторга воспринимали некоторые излишне прямолинейные пожелания военных, попытка реализации которых означала на практике сужение возможностей использования демаркации границы, как инструмента внешней политики.

Ответ Москвы на упомянутое выше предложение финского правительства поступил не скоро — 14 февраля 1924 г. Советская сторона в принципе

⁸ *Hämäläinen V. Op. cit. S. 95–98.*

не возражала, но отмечала, что в бюджете 1924 г. выделение средств на это не предусмотрено. Едва ли в НКВД верили в возможность сколько-нибудь существенного изменения линии прохождения границы на Перешейке. Можно предположить, что интерес советского внешнеполитического ведомства к проблеме собственности советских граждан на Карельском перешейке находился в прямой связи с другим, гораздо более серьезным по своим возможным последствиям вопросом, неоднократно и с «большой охотой» (судя по донесениям Центральной сысской полиции — Etsivkeskuspoliisi (ЕК) поднимавшимся советским консульством в Выборге. Речь идет о так называемых «паспортных облегчениях» для проезда граждан СССР в курортную зону на побережье Финского залива, в которой как раз и находилась подавляющая часть «брошенной недвижимости». Судя по письму бывшего коменданта границы на Карельском перешейке полковника И. Шредера полковнику Ф. Эрнстрему, явно с большим интересом прочитанному начальником Центральной сысской полиции Эско Риекки, под «паспортными облегчениями» понимался такой паспортный режим, который существовал у Финляндии на границе с Норвегией и Швецией для жителей приграничья. Шредер сетовал на то, что в глубине своей души житель перешейка, несмотря на удачно идущий процесс финнизации этого края, желал бы вернуть те недалекие времена, когда без каких-то особых хлопот, почти беззаботно, можно было получать средства к существованию. На советской части Карельского перешейка, писал полковник, огромное количество желающих покинуть летом пыльный и душный Петроград приводит к резкому росту цен на жилье и продовольствие, а дешевизна проживания в финской курортной зоне, где нет такого наплыва дачников, очень прельщает советских граждан. Шредер отмечал огромную значимость для Советской России дачной зоны на Перешейке, ради которой русские могут пойти на значительные уступки в других вопросах⁹.

Судя по всему, начавшиеся все же в 1925 г. работы по демаркации границы на Перешейке, а также лавина газетных публикаций о распродаже русской брошенной недвижимости повлекли появление таких слухов, которые не могли не вызывать опасений в Финляндии. О некоторых из них доносил начальнику сысской полиции один из агентов Сортавальского отдела ЕК в сентябре 1925 г.: «я слышал удивительные слухи о том, что пограничная линия на Перешейке должна будет пройти так, чтобы между прочим Куоккала, Келломяки и, возможно, часть Терийок оказались бы на такой новой пограничной территории, на которой Советская Россия имела бы право распоряжаться. Этот слух ходил также и в другой форме, а именно, что между Финляндией и Советской Россией возник договор, по которому Олила, Куоккала, Келломяки и часть Терийок отойдут в какой-то нейтральный пограничный пояс, в кото-

⁹ Kansallisarkisto. ЕК — Valpo I. Ryhmä XXIII. Kansio 2878.

ром, помимо финляндских представителей, правосвободного передвижения было бы как у советско-российских чиновников, так и у граждан обоих государств. У Советской России было бы право контроля за всеми, кто по своему гражданству или рождению является русским»¹⁰.

Маловероятно, чтобы советское консульство в Выборге по собственной инициативе, без санкции НКВД, поднимало бы, хотя бы и в частном порядке, вопрос об облегчении паспортного режима. В таком случае, вопросы сохранения недвижимости советскими гражданами в дачной зоне финской части Перешейка (имевшей, безусловно, большое значение в военном отношении) и относительно свободное передвижение в ней дачников из Ленинграда приобретали политическое значение.

Вернемся, однако, к проблеме создания общества защиты в Финляндии интересов советских граждан. Если в Наркоминделе с начала 1923 г. точка зрения на существование общества изменилась кардинально, то в Наркомюсте продолжали отстаивать старую позицию. По мнению последнего, соответствующими статьями мирного договора между РСФСР и Финляндской Республикой предусматривалось учреждение смешанной комиссии «для разрешения вопросов публично-правового и частноправового характера». Кроме того, работа общественной организации могла бы «оказаться в противоречии с общим направлением деятельности торгпреда и миссии РСФСР в Финляндии»¹¹. В силу данных причин НКЮ по-прежнему считал затею ненужной.

Солидарным с ним оказался Наркомат внешней торговли, может быть, не в последнюю очередь из-за постоянно плохих отношений с Наркоминделом (Нарком последнего Г.В. Чичерин недаром называл НКВД «внутренним врагом» своего ведомства¹²)¹³. Прежнего мнения придерживались и в НКВД, позицию которого изложила заведующая административно-организационным управлением комиссариата С. Н. Равич¹⁴.

Спустя несколько месяцев НКВД добился изменения позиции НКЮ. Последний признал создание общества «в принципе целесообразным». Воодушевленный победой, Наркоминдел еще раз обратился в НКВД. Однако дело застопорилось. К этому времени многие из инициаторов формирования общества, по

¹⁰ Ibid. Etsivän Keskuspoliisin Sortavalan alaosasto Etsivän Keskuspoliisin Päällikölle. 21.9.1925.

¹¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 5. Д. 1259. Л. 70.

¹² Найти иные объяснения пока не представляется возможным. Декрет ВЦИК о внешней торговле от 13 марта 1922 г. не дает оснований для выдвижения других предположений (См.: СУ РСФСР. 1922. 266).

¹³ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 5. Д. 1259. Л. 69.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 180. Л. 26.

всей видимости, разуверились в конечном успехе и решили свои имущественные проблемы частным порядком, получив визы и посетив Финляндию. По крайней мере, среди членов созданного все-таки в 1925 г. общества многих имен мы не встречаем, в том числе и Прорвича. Летом 1924 г. свыше 300 советских граждан выезжали по делам собственности в соседнюю страну. Правда, именно в это время они стали сталкиваться с некоторыми дополнительными «техническими трудностями». В частности, финская сторона начала выдавать визы на более короткие сроки, что влекло за собой необходимость срочных распродаж собственности. Вместе с тем полпред А. С. Черных констатировал: «У меня нет данных, чтобы утверждать, что мы имеем дело с сознательной политикой ухудшения условий ликвидации имущества наших граждан. Хотя общая линия финского правительства явственно заключается в том, чтобы форсировать ликвидацию с максимальной выгодой для Финляндии»¹⁵. Однако довольно большое число выезжавших в соседнюю страну по имущественным делам косвенно свидетельствовало о более или менее успешном процессе ликвидации собственности. Следовательно, особой надобности в появлении специального общества, кажется, не было. Зимой–весной 1924 г. НКВД продолжил борьбу за организацию общества защиты имущественных интересов советских граждан в Финляндии (в переписке называвшегося сокращенно «Зимфин» или Обществом бывших дачевладельцев в Финляндии). Первый крупный успех был достигнут, когда 9 апреля президиум ВЦИК согласился с целесообразностью создания общества и предложил представить в СНК его устав¹⁶. Распоряжением Г. В. Чичерина выработка устава возлагалась на агентство НКВД в Ленинграде. При этом было выдвинуто очень существенное условие: «устав общества должен будет предоставить полную возможность контроля за деятельностью общества», для чего предлагалось ввести в правление «тем или иным способом» представителя компетентного органа¹⁷. На межведомственном совещании в агентстве НКВД в Ленинграде 27 мая 1924 г. создание общества было признано необходимым и своевременным. Проект устава отослали в Москву, где он дважды, 22 и 29 июля, рассматривался на заседаниях Малого Совнаркома¹⁸. В итоге СНК 11 августа 1924 г. согласился с необходимостью образования общества и предложил НКВД зарегистрировать его. Центральное административное управление НКВД готово было одобрить текст устава после внесения в него ряда поправок: уточнение целей общества, направлений расходования средств, перечня платных услуг¹⁹.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 7. П. 109. Д. 3. Л. 169.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 83. Д. 3. Л. 106.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 140. Д. 161. Л. 59.

¹⁸ Там же. Л. 58.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 180. Л. 40.

Изменение устава и проведение его через ряд инстанций затянулось на несколько месяцев. Окончательная редакция документа 20 октября была направлена агентством НКВД в Ленинграде в губисполком, а 26 ноября Центральное административное управление НКВД зарегистрировало устав²⁰. В Ленгубисполкоме общество «Зимфин» было зарегистрировано 7 марта 1925 г.²¹.

Первое заседание временного правления общества состоялось через неделю на квартире юриста М. Л. Розенштейна, полгода как вернувшегося из Финляндии. Он же стал председателем правления, в которое с правом решающего голоса и контроля за всей деятельностью «Зимфина» вошли два представителя Ленгубисполкома. В течение двух недель в общество обратились 187 человек, из которых, правда, «около половины не желали называть своих фамилий и адресов или же назывались ложными фамилиями». Такие посетители, по их собственному признанию, опасались «ловушки в смысле выявления (их) состоятельности»²². Недоверие скоро прошло, и приток новых членов начал стремительно возрастать. Если всего в обществе с марта 1925 г. по май 1927 г. состоял 451 человек, то половина из них вступила в «Зимфин» в первые три с половиной месяца работы общества²³. Социальный состав их был довольно пестрым: от рабочих и крестьян до учащихся и торговцев. Членами «Зимфина» были, например, безработный А. Н. Шипов и крестьянин С. И. Смирнов, киноактриса Н. Ф. Максимова и рабочий В. Н. Шмыров, «служащий культа» Н. Ф. Преображенский и «этнограф-совслужащий» Л. Л. Капица²⁴. Большинство клиентов, судя по документам, желали либо продать свою недвижимость, либо утвердить свое право на владение ею. Гораздо меньшая часть стремилась оставить имущество в своем владении или предъявляла иски конкретным лицам, присвоившим деньги за проданное без согласия собственников имущество.

Бюджет общества складывался из членских взносов клиентов, являющихся одновременно членами «Зимфина», и отчислений в размере 15% от суммы, полученной клиентом после завершения дела. Эти средства шли не только на аренду помещения в Ленинграде и содержание пусть и малочисленного, но постоянного штата сотрудников, а главным образом на вознаграждение за работу финских адвокатов, оплату поиска соответствующих документов и имуществ, и связанных с этим командировок. Деньги требовались уже на начальной стадии деятельности «Зимфина», почему еще в декабре 1924 г. агент

²⁰ Там же. Л. 47, 57.

²¹ Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 2. Л. 89.

²² Там же. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 180. Л. 112.

²³ Там же. Ф. 219. Оп. 2. Д. 18. Л. 32; Д. 41. Л. 14; Д. 69. Л. 3 об.

²⁴ Там же. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 180. Л. 237–239.

НКВД в Ленинграде выехал в Москву, чтобы добиться «в соответствующих органах» субсидии в 5000 рублей²⁵.

Пока одни чиновники дипломатического ведомства «выбивали» деньги, другим советскому консульству в Выборге из Москвы поступило указание «оказывать всякое содействие» «Зимфину». Выполняя распоряжение, консульство помогло обществу открыть в Выборге отделение, предложило кандидатуры финских юристов Х. Куннаса и О. Орасмаа для ведения дел клиентов и подобрало агентов, занимавшихся обследованием состояния имущества. По просьбе правления общества консул Г. А. Даберт неоднократно просил финские власти отменить аукционы по продаже имущества тех российских граждан, которые по разным причинам не могли участвовать в торгах. Иногда финны шли навстречу, иногда нет. Действия представителей Зимфина в Финляндии оказались под довольно жестким контролем Центральной сысской полиции, в частности, прослушивавшей телефонные переговоры, перлюстрировавшей переписку (впрочем, особых «находок» при этом сделано, кажется, не было; за исключением информации о некоторых финансовых странностях в деятельности общества). В начавшуюся кампанию гонения на финских юристов «Зимфина» пришлось вмешиваться министру иностранных дел Финляндии, который пообещал заверить О. Орасмаа, что его выступления в суде от имени советских собственников не будут рассматриваться как антигосударственные.

Не удалось «Зимфину» наладить сотрудничество с финляндским комитетом по охране имущества иностранцев в Выборгской губернии (Финкомитетом), занимавшимся, по существу, теми же проблемами. Консул Даберт в секретном письме в сентябре 1925 г. порекомендовал Розенштейну, в случае очередного отказа Финкомитета от контактов, начать против него кампанию в прессе и не жалеть «красок для изображения так называемого Комитета во весь рост»²⁶.

Однако дело тормозилось не только из-за финской стороны. «Для того, чтобы иметь наибольший успех в Вашем деле, мало дипломатического вмешательства, так как прежде всего необходимо, чтобы все ваши требования были юридически обоснованы. До сего времени юридическая сторона очень хромает, писал секретарь консульства В. М. Мясников в ноябре 1925 г. членам правления «Зимфина». — Всего у нас здесь дел 270, в порядке из них только 51 дело»²⁷. Одновременно полпред СССР в Финляндии И. А. Лоренц извещал свое начальство о весьма слабой работе общества и о необходимости принятия мер для ее улучшения²⁸.

²⁵ Там же. Л. 60.

²⁶ Там же. Л. 172.

²⁷ Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.

²⁸ АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 8. П. 113. Д. 4. Л. 31.

Частичным оправданием не вполне эффективной деятельности «Зимфина» можно, пожалуй, считать то, что подготовить юридически совершенный документальный материал было трудно. Порой в распоряжении владельцев не было требуемых бумаг, порой они назначали завышенную цену на продаваемое имущество, не учитывая реального положения дел и состояния своей собственности. Да и в Финляндии, как только появилась возможность для приобретения за довольно низкую цену недвижимости и земельных участков, так сразу нашлись люди, которые были не прочь погреть на этом руки. Советские дипломаты подозревали, что ко всем этим спекуляциям имеет непосредственное отношение финляндский посланник А. Хакцель, который ранее работал в Петрограде адвокатом и вел практически все дела горожан, имевших собственность в Финляндии. В его руках, поэтому, оказался богатый материал, в том числе и подлинники документов, позднее переданные им для хранения в финляндское консульство²⁹. Полпред Лоренц утверждал, например, что «Зимфину» приходится получать документы своих клиентов за взятки из этого консульства через какого-то чинушу.

Стремясь оправдать важность своей работы, правление иногда, видимо, не останавливалось и перед передергиванием фактов. В докладе выборгского консульства, подготовленном в сентябре 1926 г., отмечалось, что правление, всякий раз как оно попадало в затруднительное материальное положение, «не жалело красок для изображения ужасов, чинимых финвластями», и «не церемонилось в материалах для подкрепления своих выводов»³⁰.

Зато в наследственных делах «красок» не требовалось. Ссылаясь на принятый Советской Россией в апреле 1918 г. декрет «Об отмене наследования», финская сторона отказывалась их рассматривать. Напрасно «Зимфин» указывал на наличие в Гражданском Кодексе статьи 416, свидетельствующей не об отмене, а об ограничении права наследования суммой в 10 000 золотых рублей. «Мы согласны не считать землю (этого права наследования нет), но финны не соглашаются и с движимым имуществом», — писали члены правления 9 февраля 1926 г. в экономическо-правовой отдел НКВД³¹.

Тогда же И. Лоренц выдвинул идею увязывания «зимфиновских» проблем с решением вопросов, в которых была заинтересована финская сторона. В качестве своеобразного эквивалента он предложил использовать вопрос о передаче спорной части архива статс-секретаря по делам Великого Княжества Финляндского. Спустя три месяца Лоренц высказался за желательность разработки экономическо-правовым отделом НКВД контрмер в отношении финского имущества. Каков был бы характер этих мер, сказать за-

²⁹ Там же. Оп. 9. П. 116. Д. 1. Л. 91, 114.

³⁰ Там же. Ф. 09. Оп. 3. П. 31. Д. 51. Л. 51–52.

³¹ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 180. Л. 314.

труднительно. Однако, к концу 1926 г. выяснилось, что особых возможностей для оказания нажима не только в этом вопросе, но и в других, у Москвы практически не было. Член коллегии НКВД С. И. Аралов выступил категорически против использования единственного рычага давления — изменения режима пропуска финских судов по Неве — ради решения «зимфинских» проблем.

Само же общество стало вызывать разочарование в дипломатическом ведомстве. Слишком настойчиво и часто оно выпрашивало деньги, а результаты его деятельности не впечатляли. Через год вдруг (!) обнаружилось, что М. А. Розенштейн не имеет никаких собственных имущественных интересов в Финляндии и по уставу не может быть не то, что председателем правления, а даже членом «Зимфина». Агенты «Зимфина» в Финляндии порой выходили за рамки дозволенного. Агент Маковский, проявив излишнее служебное рвение, проник даже на дачу депутата финляндского парламента³², что вызвало возмущение финских властей.

Впрочем, уже само существование «Зимфина» раздражало Хельсинки. В начале 1926 г. финляндский посланник в СССР А. Хакцель, следуя инструкциям своего МИДа, не раз поднимал вопрос об обществе и предлагал провести в Хельсинки соответствующие переговоры³³.

Можно предположить, что обе стороны пришли к выводу о желательности решения проблем, связанных с собственностью советских граждан, путем подписания межправительственного протокола или обменом нот, при котором было бы зафиксировано обязательство финской стороны четко определить процедуру проведения аукционов. Во всяком случае летом и осенью 1926 г. переговоры шли о «необходимости установления сроков и порядка ликвидации дел «Зимфина». Новый финляндский посланник А. Юрье-Коскинен в беседе с начальником экономическо-правового отдела НКВД Колчановским выразил надежду на то, что советская и финляндская стороны найдут «такие модусы ликвидации этого дела, которые будут приемлемы для собственников и не будут нарушать финских законов». Финская сторона не забыла при этом намекнуть, что Москве следует, исходя из принципа взаимности, «пойти навстречу в вопросах демунципализации имущества финских граждан»³⁴.

К осени 1926 г. в самом обществе стали также ощущать тупиковую ситуацию. Расчет на государственные субсидии не оправдывался, приток новых клиентов фактически прекратился, в решении 222 наследственных дел, составлявших половину всех дел «Зимфина», никакого движения не наблю-

³² АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 8. П. 113. Д. 3. Л. 18.

³³ Там же. Ф. 04. Оп. 41. П. 256. Д. 53497. Л. 26.

³⁴ Там же. Ф. 09. Оп. 1. П. 10. Д. 110. Л. 13.

далось. Правление поставило перед Наркоминделом вопрос о закрытии общества, но комиссариат счел его несвоевременным. Видимо, несмотря на переговоры с финнами, у чиновников оставалась еще надежда использовать «Зимфин» при решении наследственных дел в случае положительного ответа Финляндии на ноту правительства СССР от 26 марта 1926 г. В январе 1927 г. ответ пришел; финны свою позицию не изменили.

Судьба «Зимфина» была окончательно решена. 15 февраля 1927 г. член коллегии НКВД Б. С. Стомоняков известил Лоренца о том, что «в ближайшем будущем предполагается ликвидировать «Зимфин» ввиду его крайне тяжелого материального положения». При этом Стомоняков специально подчеркивал в письме: «Указанная ликвидация будет иметь исключительно экономический характер»³⁵. 28 февраля коллегия НКВД действительно постановила закрыть общество. Созданная правлением ликвидационная комиссия завершила свою работу осенью, и 18 сентября общее собрание «Зимфина» приняло решение о роспуске общества вследствие его дефицитности³⁶.

Процессу ликвидации «Зимфина» НКВД пытался придать пристойный характер. В марте 1928 г. Полпред С. С. Александровский совершил специально остановку в Ленинграде, чтобы провести переговоры с руководством местной прокуратуры. По его словам, помощник прокурора товарищ Першин «обнаружил приемлемую для нас тенденцию усмотреть причину неудач деятельности «Зимфина» в практике применения финскими властями закона 1924 г.». «Однако тут же выяснилось, — продолжал посол, — что есть ряд больших затруднений, потому что правление «Зимфина» все-таки проделало ряд фокусов, которые никак не объяснить злостностью финляндской конфискационной практики. Таковы, например, истории с дважды оплаченными векселями»³⁷. В целом НКВД удалось добиться свертывания публичного судебного разбирательства. Бывшего председателя правления Розенштейна заставили по суду уплатить 249 рублей.

Стратегическую задачу — стать одним из рычагов давления на Финляндию — «дита Наркоминдела» не выполнило. Пожалуй, единственная польза, которую извлек НКВД, заключалась в собранных обществом документах советских граждан, еще не решивших свои имущественные проблемы в Финляндии. Обладание этими материалами облегчило дальнейшую работу дипломатов уже без участия общества. Не стоит, естественно, забывать и тех, кому «Зимфин», все-таки, помог. По неполным данным 108 человек продали свои дачи и земли или получили деньги за свое имущество, проданное Финкомитетом, на общую сумму в 1 млн. 651 тыс. финских марок, 28 чело-

³⁵ Там же. Ф. 04. Оп. 41. П. 257. Д. 53513. Л. 18.

³⁶ ЦГА СПб. Ф. 219. Оп. 1. Д. 3. Л. 4, 17.

³⁷ АВП РФ. Ф. 09. Оп. 3. П. 31. Д. 51. Л. 47.

век продали, кроме того, движимое имущество. 16 собственников пожелали оставить за собой свои дачи. Конечно, это была капля в море, ведь по данным «Зимфина», до революции в Финляндии насчитывалось до 10 000 русских дач.

История с «Зимфином» послужила уроком для советских дипломатов. По крайней мере, после принятия Эстонией в 1927 г. закона, аналогичного финскому, в Москве не пошли этим путем. Постепенно проходившая ликвидация наследственных дел в этой стране обошлась без создания «общества наследников» и в результате почти не создала проблем. Этому способствовало и то, что сам процесс не использовался как способ оказания дипломатического нажима. Поэтому эстонские адвокаты в отличие от финских коллег охотно брались за ведение наследственных дел советских граждан, за сам поиск наследства и не испытывали при этом давления ни со стороны органов государственной власти, ни со стороны политических партий, хотя, в основном, речь шла об имуществах и недвижимости на таких территориях, как районы Печоры и Нарвы.

Послесловие

В 1920 г. придерживавшийся левых взглядов немецкий журналист Альфонс Гольдшмидт решил предпринять поездку в советскую Россию. Результатом его путешествия стала небольшая книжка, одна из глав которой была посвящена приезду в Гельсингфорс, переезду в Ревель (Таллин) и пересечению границы РСФСР. Уместным будет привести довольно обширную цитату из этой главы.

«Раньше, перед войной, границы тоже были границами. Раньше тоже были таможенники, взятки, шипики и тому подобные неприятности. Были националистические размежевания, щекотливые отношения между государствами. Но не было такого недоверия, как теперь. На границах была радость, а досмотр носил поверхностный характер. Была радость туриста, шумные рукопожатия, искренняя сердечность встреч. Обычно все проходило гладко, как по маслу. Сейчас по другому. Сейчас граница — больше чем прежде — кордон против контрабанды и подкупа. Многоэтажное недоверие и провоцируемая националистическая мания величия. Особенно граница нового малого государства, граница так называемого народного самоопределения. Здесь действительно процветает безумие; дисциплинированность полностью подорвана бедственным положением. Не замечаешь ни рукопожатий, ни гордого чувства собственного достоинства, ни гордости новым происхождением, которую провозглашает Лига наций. Когда корабль подходит к набережной Гельсингфорса, видишь застывших таможенников и финских полицейских, причесанных на английский манер, с английскими дубинками. Порт выглядит полумертвым. Его перекрывают. Если хочешь покинуть корабль, то натыкаешься на смешное пруссачество, совершенно неподходящее для этих ворот дремучих лесов, морозов и водных пространств. Смешное пруссачество с новыми почтовыми марками, флагами, с «собственным» цветом везде и всюду, но с чужой валютой. Смешное пруссачество с безумным страхом занесения политической заразы, с преданной букве закона тупостью, которую можно смягчить только валютой. Страх политической заразы и валюта царят на финской и эстонской границах. <... > Я никогда не видел столько косых взглядов, как в Гельсингфорсе взглядов финских агентов на наш корабль. Глаза охраны. Наш корабль привез меня по возвращении снова в Гельсингфорс. И я увидел тогда еще больше глаз охраны, нацеленных на корабль и на меня. Я побывал в Советской России, а тот, кто побывал в Советской России — бродячая

инфекция для финской политической полиции <... > Русские границы как ленточные черви. Если ты хочешь поехать туда вполне законно, тебя нужно проверить по всем статьям. Потому что у Советской России горький опыт. В Москву приезжали и приезжают невероятные люди. С орденами на фасаде, с предрассудками в голове, с ядовитой пеной у рта, они промывают мозги всем. Другие изворотливее, они вредят молча. Они даже не думают быть беспристрастными и объективными. Они приезжают в Москву высокомерные, как олимпийцы. Но они ничего не видят, хотя и смотрят много. Их глаза замутнены, а замутненными глазами ничего не видно. Советское правительство правильно делает, когда проверяет. Телеграф <... > передает туда-сюда потоки проволочной информации, а подвергающийся проверке зачастую сидит недели или месяцы перед дверью, пока Чичерин ее не откроет»¹.

Отношения двух соседних стран складывались с трудом. События 1918 г., восстания в советской Карелии 1921–1922 гг., нашедшие широкую поддержку в Финляндии, насильственные переброски через границу в СССР сторонниками лапуаского движения заподозренных в симпатиях к коммунистам и вообще придерживающихся левых взглядов финнов в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (даже первый президент Финляндии Карл Юхан Столберг едва не подвергся этой участи в 1930 г.)², выселения советскими властями из приграничных территорий ингерманландцев и финнов — симпатий друг к другу не порождали. Но стимулировали повышенный интерес, утоление которого, правда, наткнулось нередко на непреодолимые препятствия.

Вместе с тем, в 1920-е гг. отношения финских и советских пограничников характеризовались относительным доверием (за исключением состава по-

¹ *Alfons Goldschmidt*. Moskau 1920. Tagebuchblätter. Berlin: Ernst Rowohlt Verlag, 1920.

² Преемник лапуаского движения — Патриотическое народное движение, созданное в июне 1932 г., следующим образом формулировало свои задачи в «Основах деятельности местных организаций Патриотического народного движения»: «4. Организация борется против международной социал-демократии, ставя главной целью то, чтобы социал-демократическая партия как противная духу наших основных законов и подтачивающая унаследованные от предков основы общественного устройства должна быть объявлена незаконной и как абсурдная уничтожена <... > 15. Организация борется с материализмом, эгоизмом, равнодушием и безволием и своей главной нравственной целью ставит всестороннее оздоровление нашего народа». Цит. по: *H. Ekberg*. Führerns trogna följeslagare. Den finländska nazismen 1932–1944. Ekenäs, 1991. S. 347. Сторонники движения готовы были к самым решительным действиям даже в отношении тех лиц, у которых нельзя было обнаружить и малейших симпатий к социалистическим идеям. Так, министру юстиции, например, они предназначали концлагерь в Хейнясаари (Петсамо), где тот «вместе с другими рептилиями» должен был бы провести остаток дней своих, собирая птичий помет и с содроганием прислушиваясь к мерным шагам солдат возле сторожевых коств. — *T. Kivimäki*. Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo, 1965. S. 87.

граничной охраны на Карельском перешейке). Нередко и тем, и другим доводилось пользоваться общими лыжнями и тропами — в силу рельефа местности. Само патрулирование осуществлялось открыто. При встрече просто уступали друг другу путь, но нередко останавливались на перекур, могли коротко поговорить на бытовые неурядицы, поделиться сведениями о ценах на товары — табак, водку. Резкое неприятие соседней страны, характерное для властей граничащей Ленинградской области в начале следующего десятилетия, в значительной степени ушло в прошлое, поэтому, когда в 1933 г. по инициативе Наркомата по иностранным делам в 1933 г. было закрыто советское консульство в Выборге, то это не было ими воспринято с одобрением. 1 июля 1935 г. Ленинградский областной комитет ВКП(б) даже принял специальное постановление, в котором обращалось внимание на желательность возобновления работы консульства в Выборге. Реакция НКВД была негативной. В письме на имя А. А. Жданова заместитель наркома НКВД Б. С. Стомоняков подчеркивал: «НКВД не имеет средств в своем бюджете на 1935 г. на открытие консульства в Выборге и ... не имеет также оснований для постановки вопроса о включении в смету 1935 года средств на открытие и содержание Выборгского консульства. Поэтому, если Вы считаете все же необходимым открытие этого консульства, то прошу Вас поставить вопрос непосредственно перед Правительством»³.

Ситуация на собственно приграничных территориях в начале 1930-х годов уже разительно отличалась от ситуации 1920-х гг. Ужесточение контроля с обеих сторон стало приносить свои плоды. В августе 1937 г. финская погранохрана на Перешейке отмечала, что «в последнее время приход сюда беженцев из России стал довольно редок. Причина этого — повышение эффективности пограничной охраны Советской России, устройство заграждений из колючей проволоки и небезопасность передвижения в краях, в которых нет гражданского жилья»⁴.

Ужесточение приграничного режима на советской территории шло параллельно с введением новых положений о несении пограничной службы на финской стороне. Былое патрулирование линии границы финскими патрулями из одного пограничника, к тому же осуществляемое не скрытно — осталось в прошлом. Командующий пограничными войсками Финляндии полковник Фр. Ернстрём после серии конфликтных ситуаций на границе своим приказом от 22 декабря 1933 г. предписал подчиненным осуществлять патрулирование по возможности скрытно. Правда, на практике выполнение при-

³ Письмо Б. С. Стомонякова А. А. Жданову, 10.8.1935 // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 147. Л. 44.

⁴ Etsivän keskuspoliisin Terijoen osasto 7.9.1937. Tilannekatsaus N 8 elokuulta 1937. — KA. EK-Valpo I. Ryhmä XVI. Kansio 2759.

каза столкнулось с трудностями. Однако в одиночку патрулировать линию границы финские пограничники перестали. Личные контакты пограничников двух государств стали жестко пресекаться, особенно политорганами советских пограничных частей. Лишь на краткий период относительного потепления двусторонних отношений, которое произошло после визита в Москву в начале 1937 г. министра иностранных дел Рудольфа Холсти, советским пограничникам было позволено при встрече на границе со своими финскими коллегами демонстрировать доброжелательность. Так, из Терийокского отдела Центральной сыскной полиции сообщали: «... в последнее время отмечено, что советские пограничники, которые никогда прежде не осмеливались заговаривать с нашими пограничниками, в последнее время вступают в краткие разговоры с финскими пограничниками, даже на железнодорожном мосту»⁵. Спустя несколько месяцев в полиции констатировали: «В июне чаще прежнего наблюдалось, что входящие в состав пограничных патрулей офицеры и солдаты охотно пытаются воспользоваться случаем вступить в беседу как с финскими пограничниками, так и с жителями пограничной территории»⁶.

Одновременно финская погранохрана отметила еще одно — значительное сокращение нелегальных переходов границы. Если еще в январе 1937 г. тот же Терийокский отдел сообщал в Хельсинки: «Хотя до отдела доходили в январе отдельные сообщения о подозрительных ходах пограничных жителей на Перешейке и об использовании ими крупных денежных сумм, но пока не получили доказательств их этапов — или шпионской деятельности, чтобы можно было провести аресты. Так как в январе не было замечено переходов границы или следов, можно считать, что этапная деятельность в указанное время была очень незначительной. Из этого можно сделать вывод, что теперь жителей на пограничной территории Перешейка больше используют для шпионских задач, чем в качестве помощников ФКП»⁷, то два месяца спустя им констатировалось: «Никаких переходов границы в марте месяце в районе округа замечено не было... Также нет сведений о том, что у приграничных жителей были контакты с советскими пограничными властями»⁸. Вместе с тем, в Финляндии обратили внимание на почти полное прекращение частной переписки с советскими гражданами.

Общая атмосфера в советско-финляндских отношениях, особенно в предвоенное десятилетие, создавала предпосылки для нарастания тревожных настроений. Выселение советскими властями из широкой приграничной поло-

⁵ Etsivän keskuspoliisin Terijoen osasto. Tilannekatsaus N 4, huhtikuulta 1937. — КА. ЕК-Valpo I. Ryhmä XVI. Kansio 2758.

⁶ Etsivän keskuspoliisin Terijoen osasto. Tilannekatsaus N 6 kesäkuulta 1937. — Ibid.

⁷ Etsivän keskuspoliisin Terijoen osasto. Tilannekatsaus N 1 tammikuulta 1937. — Ibid.

⁸ Etsivän keskuspoliisin Terijoen osasto. Tilannekatsaus N 3 maaliskuulta 1937. — Ibid.

сы населения воспринимались в Финляндии не только как репрессии против соплеменников⁹. Эти мероприятия способствовали как усилению русофобских настроений, так и росту сомнений в том, что у восточного соседа отсутствуют далеко идущие намерения в отношении Финляндии. В середине 1930-х гг. в Финляндии поднялась волна слухов, связанных с появлением самолетов-призраков. Впервые информация об этом появилась в финской прессе в конце зимы 1934 г. Тогда четыре жительницы села Суомуссалми (губерния Оулу) увидели вечером 7 февраля в небе неподалеку от окружной больницы низко летевший биплан. Выбежавший на их крики окружной врач Хегстрем довольствовался только видом напоминающего летательный аппарат облачка. Двумя днями ранее на заставе Хосса около полуночи смогли заметить летящий километрах в двух с запада на восток биплан. После того как постовой выпустил зеленую ракету, самолет стал снижаться, но затем набрал высоту и, якобы, упал за линией границы. День спустя двое очевидцев (они в то время, когда третий пограничник, находившийся на посту, видел самолет, находившись в сторожке) от своих показаний отказались¹⁰.

Время от времени появлялись новые свидетельства обладавших удивительными зрительными способностями (видевших в кромешной тьме и на огромных расстояниях) людей. По заданию начальника II отдела Главного Штаба польской армии военный атташе Польши в Финляндии дипломированный подполковник Владислав Лощ предпринял по заданию начальства попытки выяснить истинное положение дел. Перечислив в своем итоговом рапорте все ставшие ему известными факты (начиная с обнаружения в окрестностях Кеми зимой 1934 г. в снегу бочки с бензином и следов от самолета и кончая «таинственными огнями над Каяни в декабре 1936 г.), подполковник, ссылаясь на проводившего специальное расследование полковника Ялмара Сииласвуо, сообщал 9 июля 1937 г. в Варшаву следующее. «На основе богатого материала установлено, что свидетели, которые видели иностранные самолеты, состоят преимущественно из женщин и лиц старшего возраста, которые, вероятно, оказались под влиянием массового гипноза. Из 57 световых явлений в 37 случаях удалось отыскать причины этого феномена, в 10 случаях выяснено, что это явление имело место, но причины не удалось обнаружить, в 10 случаях отсутствовали достаточные подтверждения того, что это явление действительно имело место. Из 54 слуховых феноменов в 16 случаях удалось установить их причины, в 5 случаях дело выглядит загадочно, в 11 случаях не-

⁹ По разным оценкам в начале 1930-х гг. было выселено с территории Ингерманландии около 18000 человек, но во второй половине этого десятилетия выселение коснулось уже примерно 50000 человек.

¹⁰ Kainuun rajavartiosto. Rajalla 1919–2005. Kainuu: Kainuun rajavartioston julkaisu, 2006. S. 85–86.

доставало материалов для утверждения, что это явление действительно имело место, в 13 случаях слышали самолеты собственной армии, в 6 случаях самолеты шведской армии, а в 3 случаях — автомобильные моторы. Руководитель метеорологической службы в Иммола доктор Вильхо Вьяйсяля одновременно выступил с сообщением о световых природных явлениях на севере, которые могли быть приняты за огни иностранных самолетов <...> Как явствует из сообщения полковника Свенсона¹¹, финский Генеральный Штаб верит в возможность существования самолетов-призраков, утверждая, что они пролетают над территорией Финляндии на очень большой высоте, однако, время от времени вынуждены спускаться ниже для ориентации в своем местоположении. Вероятно, однако, речь идет здесь о пропаганде, имеющей целью способствовать финско-шведскому военному союзу. Эта пропаганда основана на предпосылке, что советские самолеты могут с легкостью наносить бомбовые удары по Швеции, следовательно, противовоздушная оборона Швеции находится не на границе Швеции, а на границе Финляндии». Лощ, анализируя изложенные факты, приходил к выводу: «В заключение можно высказать предположение, что появление самолетов-призраков над Скандинавией основано на массовом гипнозе, поскольку до настоящего времени отсутствуют какие бы то ни было реальные доказательства. Сообщения об этих самолетах используются, однако, для военно-политических целей»¹².

Однако «самолеты-призраки» появлялись не только над территорией Скандинавии и Финляндии. Летом 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело обращение Наркомата обороны по вопросу о «предотвращении самовольного и безнаказанного проникновения на территорию Союза ССР иностранных самолетов». Наркомату было предписано в срочном порядке: «а) установить особо охраняемые зоны на территории СССР — на западе — полосу от государственной границы до линии мыс Черный (Кольский полуостров) – Онега – Вологда – Москва – Бежица – Полтава – Севастополь (все пункты включительно) <...> б) объявить запретной зоной для всех видов полетов полосу шириною 40 км. (в районе Ленинграда — 25 км.) вдоль государственной границы в особо охраняемых зонах. В запретной зоне запретить все виды полетов, кроме полетов истребителей и только для перехвата иностранных самолетов, в случае нарушения ими границы»¹³.

¹¹ Имелся в виду Антеро Свенссон (1892–1946).

¹² Centralne Archiwum Wojskowy. 1775/89/1012.

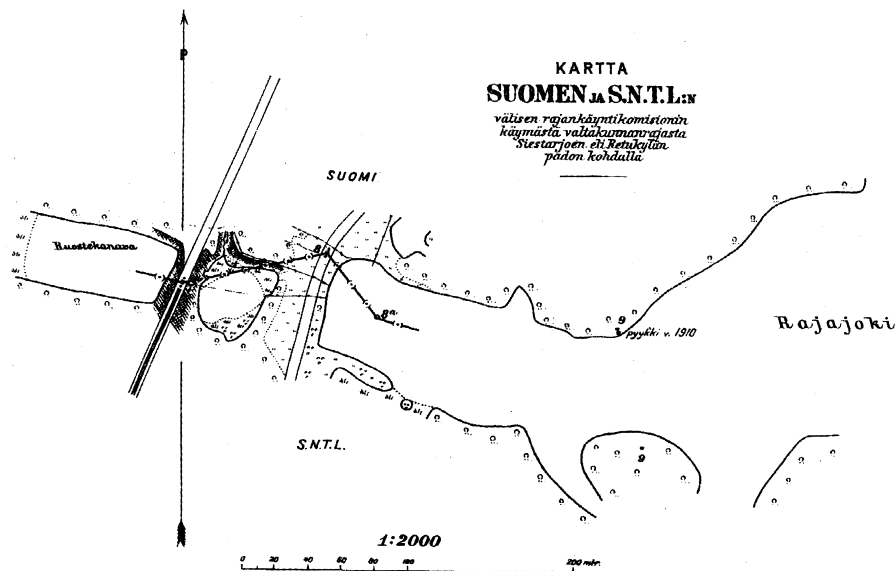
¹³ Протокол № 50 (Особый №) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 19.06.1937 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 83.

Что касается полетов финских самолетов над советской территорией, то известно, что летом 1939 г. (т.е. до т.н. Зимней войны) на самолетах типа Bristol Blenheim такие полеты совершались с целью проведения аэрофотосъемки территории Карельского пере-

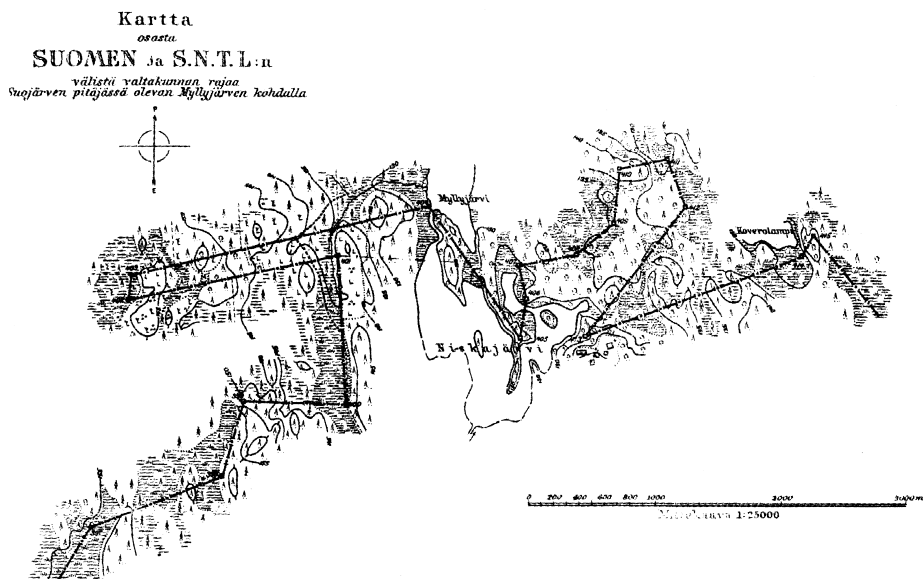
Исключительная подозрительность друг к другу Советской России и Финляндии просто не могла не превратить со временем приграничье в край нестроенности и нестабильности, в котором каждый попавший в него человек с неизбежностью ощущал свою крайнюю уязвимость. При этом восприятие границы как некоей линии на карте или череды пограничных столбов у него размывалось: человек оказывался в некоем межмирье, в котором единственным способом выживания становился отказ от упований на покой. В этом межмирье исчезали друзья, так как предпочтительнее было считать, что у каждого есть камень за пазухой, призрак становился реальностью, поскольку страх превращался едва ли не в единственный критерий истины. Но этот же страх побуждал не затаиваться, он побуждал к движению, так как только оно представлялось спасением. В силу этого жизнь приграничья, несмотря на малочисленность населявших его и «охранявших» его, оказывалась сотканной из непрерывного движения, лишь отчасти напоминавшего организованную жизнь пчелиного роя. Отчасти, поскольку целью движения был прежде всего обман. В силу ряда причин советская власть фактически отказалась от попыток превращения своего приграничья с Финляндией в своеобразную витрину достижений нового социального строя, тем самым создав дополнительные условия для самоорганизации жизни в этом крае, вычленив его из «государственного тела».

Сама непрерывность движения в приграничье притупляла осознание текучести времени. Ожидание бури затягивалось настолько, что ее предсказание превращалось в лжепророчество. И только 1939 год показал, что за «было» и «есть» нет вечного «будет». Историкам всегда был интересен именно этот трагический 1939-й. Довольно легко выстроить цепочку логических рассуждений, чтобы объяснить его неизбежность итогами Первой мировой войны. Не составит труда сделать то же самое, если отправной точкой избрать, например, отказ австрийского императора от титула императора Священной Римской империи германской нации. В основе всех этих построений неизбежно — «мудрость задним числом», не слишком жалующая мелочи. Однако без этих мелочей написанное крупными мазками историческое полотно в какой-то мере утрачивает свою доказательность, воспринимается как изобретательная игра в правдоподобие.

Приложение. Карты. Документы. Фотографии

Карта прохождения советско-финляндской границы на р. Сестре в районе Сестрорецкой плотины

Прохождение советско-финляндской границы в районе Суоярвенской волости на участке Мюллярви

KARJALAN KANNAKSEN RAJAKOMENDANTIN TIEDONANTOLEHTI

N:o 2

Terijoki

20. 6. 20

Sisältää: Kuulutus ulkomaalaisten matkustamisesta Rajamaan alueen sisäpuolella.

Kuulutus

ulkomaalaisten matkustamisesta Rajamaan alueen sisäpuolella.

1) Maaherran antamalla sinisellä ololipulla Rajamaassa oleskelevat **venäläiset** eivät ole oikeutettuja ilman erikoista matkalupaa liikkumaan Rajamaan sisäpuolella ololipussa mainitusta **nimismiespiiristä toiseen**, vaan vaaditaan heiltä tätä tarkoitusta varten, Rajakomendantin antama erikoinen **(punainen) matkalupatodistus**.

2) Ololipussa mainitun **nimismiespiirin sisäpuolella** saavat täällä Maaherran sinisellä ololipulla oleskelevat venäläiset vapaasti liikkua, myös rautateillä, lukuunottamatta Rajajoen rautatieasemaa, jonne matkustamista varten vaaditaan 1 kohdassa mainittu punainen matkalupatodistus.

Rautateltse matkustettaessa on sininen ololippu tahi sen vastikkeena nimismiehen antama **(keltainen) „Todiste ololipusta“** pidettävä mukana ja vaadittaessa esitettävä.

3) **Venäläinen**, ja muu ulkomaalainen, joka ololipun puutteessa on varustettu Rajakomendantin antamalla **(vihreällä) „Tilapäisellä asiatodistuksella“** ei saa matkustaa paikkakunnalta toiselle ja on hänet tavattaessa junaassa heti pidätettävä.

4) Henkilöt, (myös suomalaiset) joilla ei ole vakinainen asuntopaikkansa Rajamaassa, vaan ovat saapuneet sen eteläosaan Rajamaan Komendanttilaitoksen matkaluvalla (valkoinen

*Распоряжение пограничного коменданта Карельского перешейка подполковника Хейнрикса
о передвижении иностранных граждан по территории Перешейка*

KARJALAN KANNAKSEN

RAJAKOMENDANTIN TIEDONANTOLEHTI

N:o 5

Terijoki

1. 8. 20

Sisältää: Kuulutus henkilötodistuksista ja matkaluvista Karjalan Kannaksen Rajamaassa.

Kuulutus

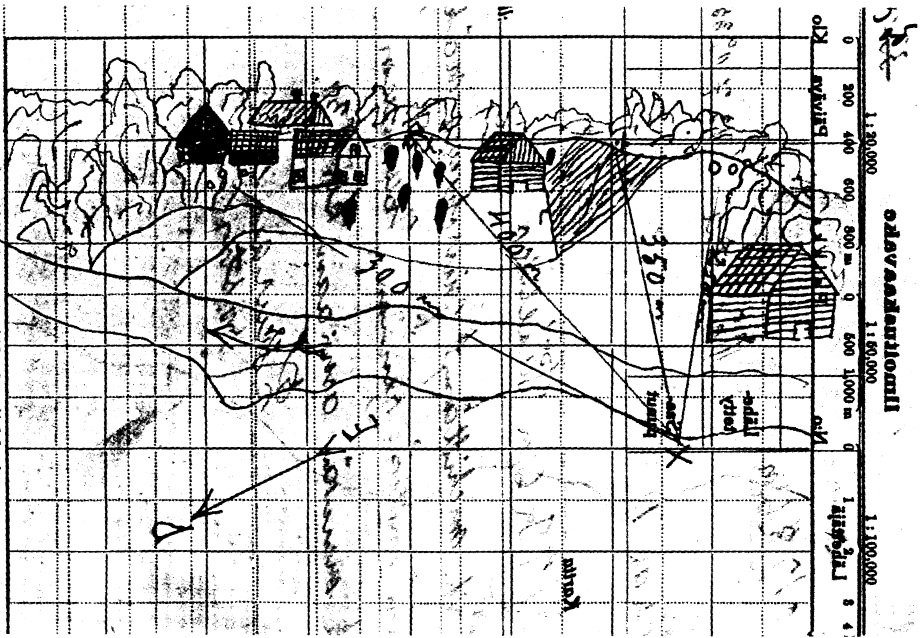
henkilötodistuksista ja matkaluvista Karjalan Kannaksen Rajamaassa.

Koska koko Suomessa käytössä olleiden henkilötodistusten lopettaminen äskettäin on antanut aihetta harhaan johtaviin tietoihin Rajamaahan nähden, tiedoitan täten, että Tasavallan Presidentin vahvistama Karjalan Kannaksen Rajakomendantin johtosääntö on jatkuvasti kokonaisuudessaan voimassa.

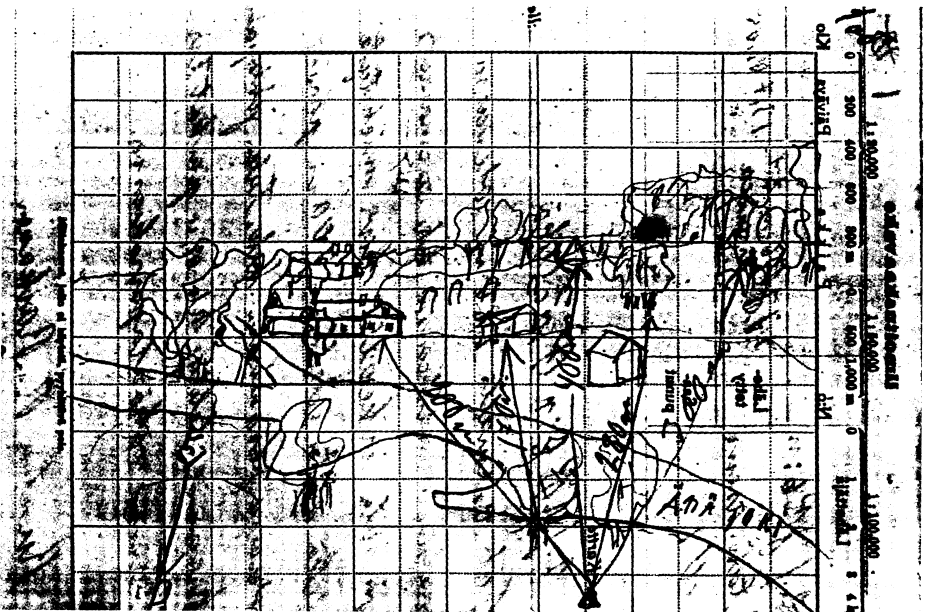
Tämän johtosäännön 5 § säättää:

- 1) Että kaikki henkilöt, joilla on vakinainen asuinpaikkansa Vitikkalan, Uudenkirkon, Lehtokylän, Valkjärven, Raudun ja Taipaleen kautta menevän passirajan eteläpuolella ovat varustettavat asianomaisen nimismiehen antamilla henkilötodistuksilla, jotka oikeuttavat vapaasti liikkumaan kaikkialla Rajamaassa paitsi evakuoidulla (500 metrin) rajavyöhykkeellä;
- 2) Että sotatilaan julistetussa Rajamaassa sanotun passirajan pohjoispuolella asuvat paikalliset asukkaat tarvitsevat samanlaisia henkilötodistuksia pääsyä varten Rajamaan eteläosaan, s. t. s. sille alueelle, joka sijaitsee mainitun passirajan eteläpuolella.
- 3) Että kaikilta henkilöiltä, joilla ei ole vakinainen asuinpaikkansa Rajamaassa, edelleen vaaditaan Rajakomendantin tai hänen valtuuttamansa antama erikoinen Matkalupa-todistus pääsyä varten Rajamaan eteläosaan.

Распоряжение пограничного коменданта Карельского перешейка подполковника Хейнрикса об удостоверениях личности и разрешениях на передвижение в пограничной территории

Оборот бланка (калька) с чертежом о замеченных финскими пограничниками мест перехода границы

Оборот бланка (калька) с чертежом о замеченных финскими пограничниками мест перехода границы

KARJALAN KANNAKSEN RAJAKOMENDANTIN TIEDONANTOLEHTI

N:o 8

Terijoki

20. 9. 20

Sisältö: Kuulutus liikkumiskiellosta yöllä määrättyllä alueella lähinnä rajaa.

Kuulutus

liikkumiskiellosta yöllä määrättyllä alueella lähinnä rajaa.

Yöllikenteen vilkastuminen Kannaksen Rajapitäjissä pakottaa kieltämään kaikenlaisen siviiliväestön ulkona liikkumisen asuinpaikkojensa ulkopuolella klo 11 i.p. --- klo 5 a.p. seudulla lähinnä Venäjän rajaa.

Kielto koskee koko sitä aluetta, joka on maantien Terijoki — Kivennavan kirkonkylä — Lipola — Rautu — Metsäpirtin kirkonkylä — Taipale eteläpuolella, maantie mukaan luettuna.

Terijoella on yöllä liikkuminen kielletty klo 12 yöllä --- klo 5 a.p.

Poikkeuslupia voivat pakoittavissa yksityisissä tapauksissa myöntää asianomaiset nimismiehet (kirjoitetaan Rajamaan Komendanttilaitokselta saataville lomakkeille) ja on tällainen lupatodistus pätevä ainoastaan nimismiehen allekirjoituksella ja leimalla varustettuna.

Rajakomendantin aikaisempi laajempaa aluetta koskeva samankaltainen kielto (16 piltä elokuuta 1919) kumotaan tämän kautta.

Rikkomukset yllä olevia määräyksiä vastaan käsitellään sota-oikeudessa ja rangaistaan ne sakolla Smk. 1000: - asti.

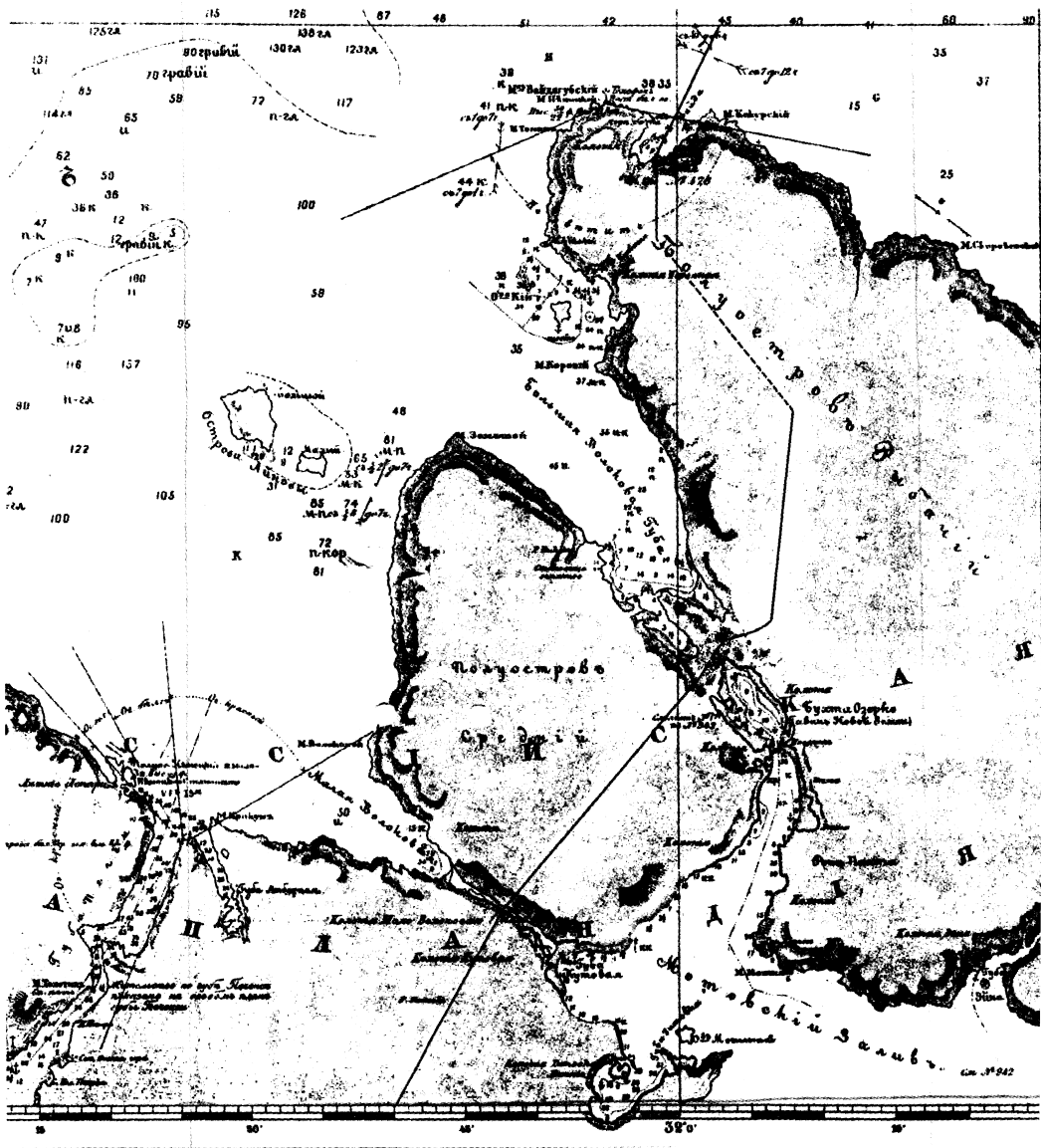
Karjalan Kannaksen Rajakomendantti

HEINRICHS.

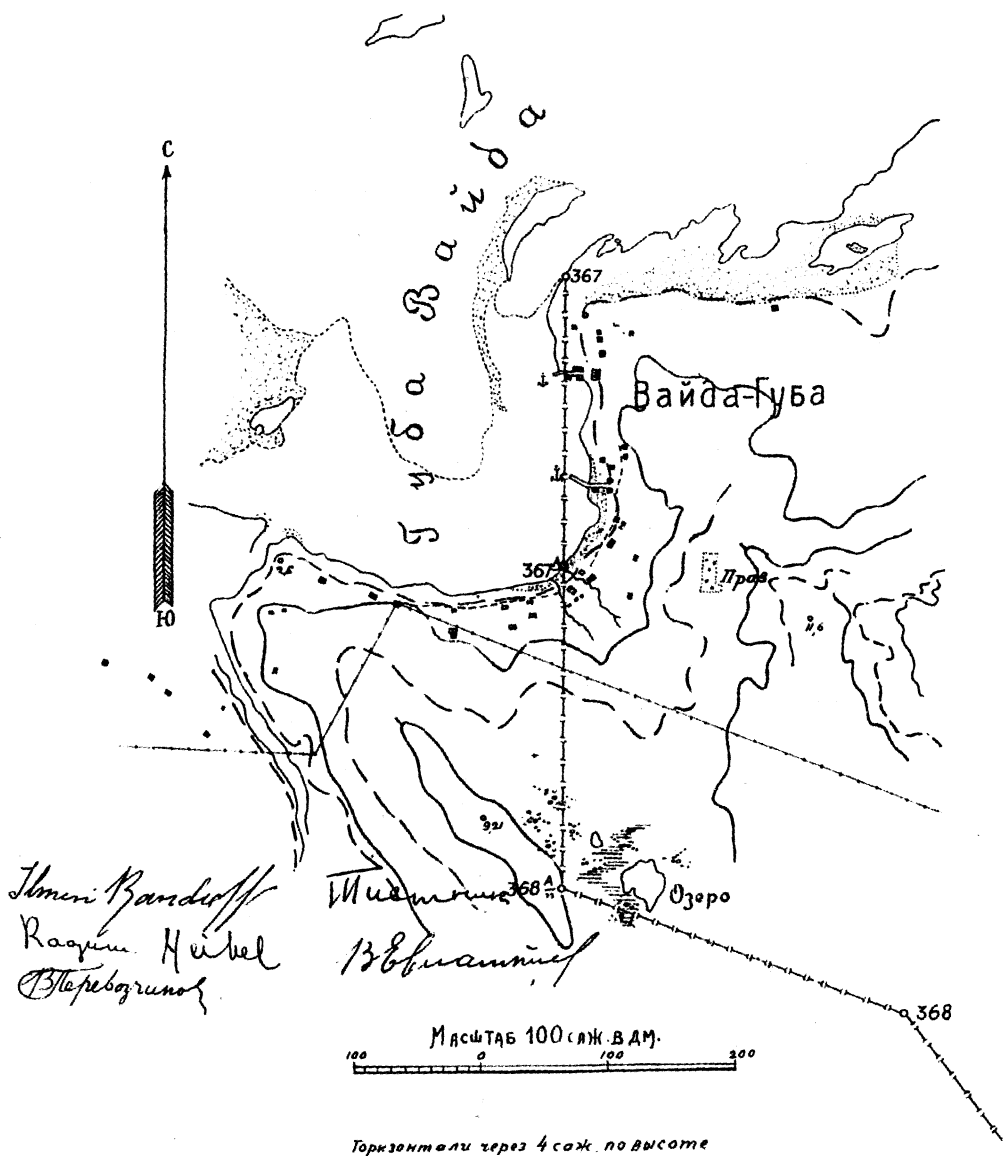
Everstiluutnantti.

*Распоряжение пограничного коменданта Карельского перешейка подполковника Хейнрикса
о запрете передвижения ночью южнее линии Терийоки — Кивеннапа — Липола — Рауту —
Метсепирти — Тайпале*

VENÄLÄINEN MERIKARTTA N:1279 (VALOKOPIO)

Русская морская карта с нанесенной разграничительной линией на полуостровах Рыбачий и Средний

Подписанная советскими и финскими делегатами в пограничной комиссии карта прохождения границы в Вайда-губе

Kuulutus

matkaluvista Rajamaan eteläosaan.

Nojautuen Tasavallan Presidentin Karjalan Kannaksen Rajakomendantille vahvista-
maan johtosääntöön tiedoitetaan, että pääsy Rajamaan eteläosaan on riippuvainen Raja-
komendantin luvasta.

Tämän johdosta vaaditaan kaikilta henkilöiltä, joilla ei ole vakinainen asunto-
paikkansa Rajamaassa, erikoinen matkalupatodistus sille alueelle, joka sijaitsee kaakkois-
puolella linjaa Vitikkala (Suomenlahden rannalla)—Uudenkirkon kirkonkylä—Uudenkirkon
rautatleasema — Liikola — Lehtokylä — Valkjärvi—Nurmijärvi — Raudun rautatleasema—
Taipale-joki — Laatokka.

Matkalupia annetaan ainoastaan kirjallisesta anomuksesta ja seuraavissa virka-
paikoissa:

- 1) Komendanttilaitoksen Päävirasto, Terijoki.
- 2) Komendanttilaitoksen Raudun paikallisvirasto.
- 3) Rajamaan Komendanttilaitoksen passivirasto, Viipuri.

Anomus on jätettävä sisään viimeistään päivää ennen suunniteltua matkaa ja on
siihen liitettävä paikallisten poliisiviranomaisten suositus. Rajakomendantin matkatodis-
tukset annetaan lunastuksetta.

Rajamaan Komendanttilaitoksen Passivirasto Viipurissa sijaitsee Vanhassa Linnassa.

2. Divisionan Esikunta ei tästä lähtien myönnä mitään matkalupia.

Terijoella, 14 päivänä Kesäkuuta 1920.

Karjalan Kannaksen v. a. Rajakomendantti

HEINRICHS

Everstiluutnantti.

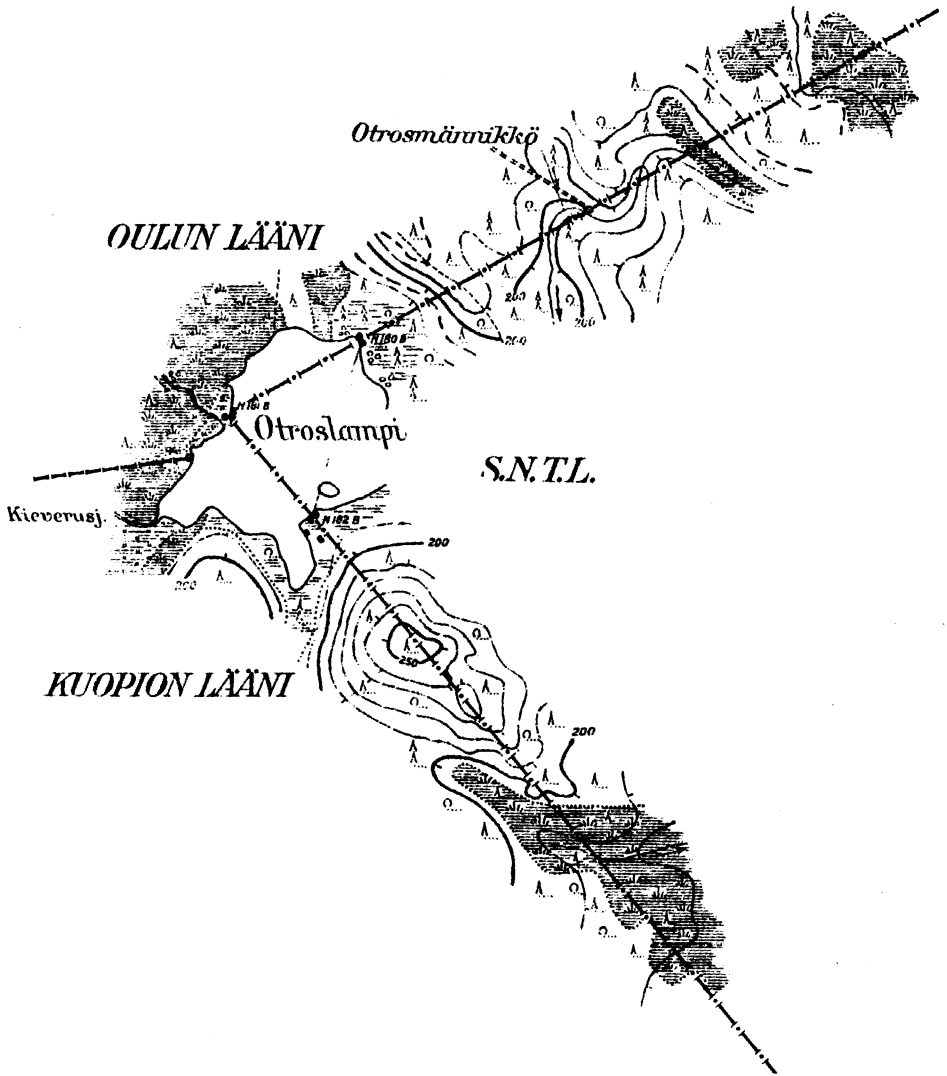
*Распоряжение пограничного коменданта Карельского перешейка подполковника Хейнрикса
о разрешениях на передвижение в южной части пограничной территории*

ETUVARTIOSSA.

- Ollaan lähellä.
- Mistä tiedät?
- Haisee — —.

KARTTA
osasta
SUOMEN ja S.N.T.L:n
välisistä valtakunnarajaa
Oulun ja Kuopion läänien
välisen lääninrajan kohdalla

Прохождение линии границы в районе смыкания границ губерний Оулу и Куопио

Выборг. Фотография конца 1930-х годов

Выборг. Фотография конца 1930-х годов

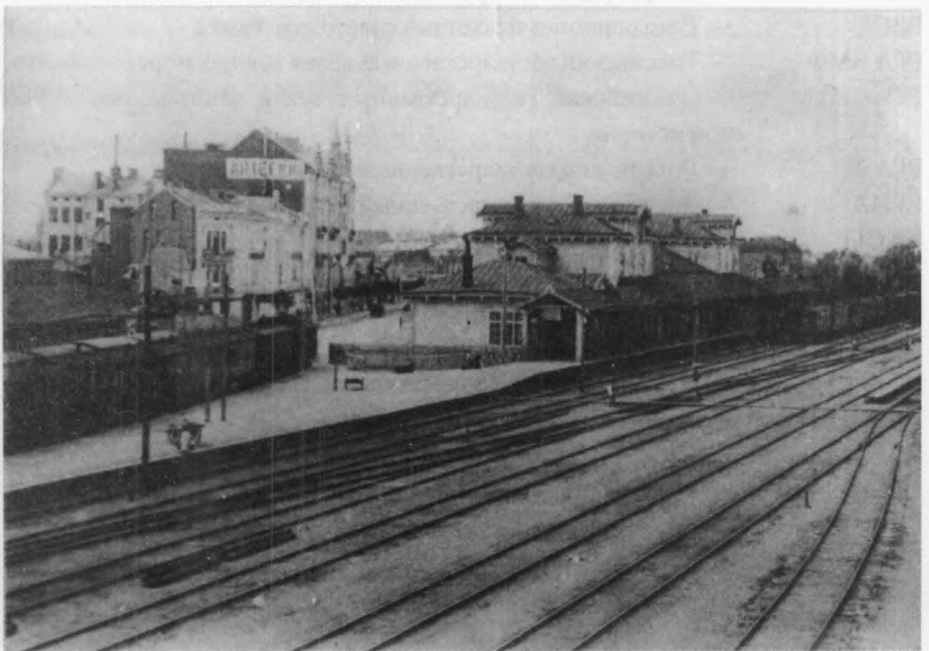
Вид Выборга с башни Олафа в конце 1930-х годов

Вид железнодорожного вокзала в Выборге в конце 1930-х годов

Участки для выращивания овощей близ Выборга. Фотография конца 1930-х годов

Железнодорожные пути в Выборге. Фотография конца 1930-х годов

Список сокращений

АВП РФ	— Архив внешней политики Российской Федерации Историко-документального департамента МИД РФ
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ЛВО	— Ленинградский военный округ
ЛОГАВ	— Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге
Наркомвоенмор	— Народный комиссар по военным и морским делам
Наркомфин	— Народный комиссариат финансов
НКВТ	— Народный комиссариат внешней торговли
НКИД	— Народный комиссариат по иностранным делам
ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление
ПгВО, ПВО	— Петроградский военный округ
ПОПС	— Петроградский округ путей сообщения
РВСР	— Революционный военный совет Республики
РГА ВМФ	— Российский государственный архив военно-морского флота
РГА СПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	— Российский государственный архив экономики
РГИА	— Российский государственный исторический архив
СКСО	— Союз коммун Северной области
СНК	— Совет народных комиссаров
СНУ	— Совет народных уполномоченных
ЦГА СПб	— Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАИПД	— Центральный государственный архив историко-политических документов (Санкт-Петербург)
КА	— Kansallisarkisto (Helsinki)
УМАрк	— Ulkoasiainministeriön arkisto (Helsinki)

Содержание

Предисловие.....	3
Граница: год 1918-й.....	13
Трудная дорога к Тарту	78
После Тарту	116
Местные контрольные комиссии	150
Vastum silentium?	170
«Зимфин».....	204
Послесловие	219
Приложение. Карты. Документы. Фотографии	226
Список сокращений.....	238

Александр Рупасов
Александр Чистиков

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ГРАНИЦА

1918–1938 гг.

Очерки истории

Ответственный редактор — Э. Л. Коршунов
Технический редактор — А. Л. Афанасьев
Художественный редактор — Ю. Ю. Черемская

Издательство «АВРОРА»
194044, г. Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, 32
e-mail: aurora_russia@list.ru
Тел. в СПб.: (812) 719-60-89
www.aurora.com.ru

Все книги Издательства «АВРОРА»
в интернет-магазине исторической литературы «МИТРА»
www.mitra-books.com

Только качественная литература
по истории, культуре и искусству России

Подписано в печать 01.03.2016
Формат 64x100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Объем 15 усл. п. л.
Бумага офсетная. Заказ № 27
Отпечатано в типографии ООО «ИПК Бионт»
199026 Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 86

ISBN 978-5-7300-924-0